Новая сага в лучших традициях классической фэнтези!

Элисон Бэрд

Век Дракона

Архоны Звезд

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Камень Звезд…

Таинственное сокровище, обладающее великой магической силой.

Согласно древнему пророчеству, тот, кто обладает Камнем Звезд, держит в своих руках судьбу мира…

Пророчество — это всего лишь красивая легенда?

Но в мрачные времена, когда безумный тиран-завоеватель и его союзник — принц драконов-оборотней, владеющий могущественной драконьей магией, — собирают огромную армию, готовую вторгнуться в мирные земли, — времени на поиски истины в легенде остается все меньше.

Наступает предсказанный час.

Час, когда Избранной — принцессе Эйлии — предстоит лицом к лицу встретиться с древним ужасом — богом Зла Валдуром.

Час, когда миллионы судеб решатся в поединке не на жизнь, а на смерть…

- Элисон Бэрд
  - Пролог
  - Часть первая
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
  - Часть вторая
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19

        - 20
        - 21
    - Приложение
        - Примечание переводчика
        - Документ 1
        - Документ 2
        - Документ 3
        - Глоссарий внеземных терминов
        - Глоссарий земных терминов
- notes
    - 1
    - 2

Элисон Бэрд
«Архоны Звёзд»

Пролог

(Выдержки из «Истории Арайниш» Мауриана)

Нам, изучающим эти анналы, трудно представить себе описанные в них события и персонажи — настолько фантастичны для нас эти события, настолько далеки и даже богоподобны действующие в них лица. Однако мы не должны упускать из виду, что эти существа были такими же людьми, как мы, — по крайней мере, внешне. Эйлия и Дамион, Морлин и Ана жили и дышали, знали слабости, сомнения и страхи, присущие нам, смертным. А потому главная задача любого хрониста той странной и чудесной эпохи — облечь эти имена плотью.

Их история приведена полностью в других источниках, нам же для наших целей достаточно будет краткого изложения.

Когда королева Эларайния, почитаемая на планете Арайния как воплощение богини этого мира, родила дочь, народ возрадовался, увидев в том осуществление пророчества: Трина Лиа, принцесса Звезд, родилась в смертном обличье, дабы избавить вселенную от козней темного бога Модриана-Валдура. Когда принцесса Элмирия была еще совсем крошкой, мать увезла ее с родной планеты и волшебством перенесла на соседнюю планету Мера, чтобы укрыть от опасности, ибо Морлин, воплощение Валдура, знал, что когда-нибудь она бросит вызов его владычеству. Кроме того, именно на Мере лежал Камень Звезд. Только этот волшебный самоцвет мог дать Трине Лиа силу победить предвечного ее врага. Но во время прибытия на Меру королева Эларайния пропала, и маленькая принцесса осталась не на попечении благочестивых монахов острова Яна, как полагали впоследствии и друзья, и враги, но куда севернее — на берегах Большого острова, где ее нашла бедная семья — корабельщик и его жена. Они приняли найденыша и воспитали как свою дочь. Выросши, девочка не стала доискиваться до своего происхождения, потому что приемные родители не мешали ей верить, что они ее истинные отец и мать.

На семнадцатом году Эйлия (как назвали девушку)

со многими другими островитянами пустилась в путь, спасаясь от вторжения армий царя Халазара — зимбурийского тирана. Вместе со своей семьей Эйлия обрела убежище в стране Маурайнии, и в Королевской Академии Раймара она впервые встретила Дамиона Атариэля — священника Веры Орендиловой. Девушка тайно влюбилась в него, хотя такая любовь была запретной, но она не гадала тогда, что их жизни переплетутся судьбой.

И многих еще связал с ней рок. Среди них была пожилая женщина, известная только под именем старая Ана, жившая в прибрежных горах и слывшая ведьмой. Ковен, который возглавляла Ана, на самом деле был группой немереев — чародеев и ясновидцев, хранивших магию прежних дней. Это Ана рассказала отцу Дамиону об обычаях немереев и о предназначенной правительнице, которая когда-нибудь снизойдет со звезд. В то время Триной Лиа считали девушку по имени Лорелин, успевшую вместе с Дамионом покинуть остров Яна, когда туда вторглись орды зимбурийцев. Дамион впоследствии снова пришел на помощь Лорелин, когда принц-чародей Морлин, называвший себя тогда именем Мандрагор, похитил ее и заточил в глубине развалин старейшей крепости Маурайнии.

После этого зимбурийский царь, веривший, что судьба предназначила ему владеть Камнем Звезд и победить Трину Лиа, захватил в плен Лорелин, а с нею Дамиона, Ану и Эйлию. Со своими пленниками он пустился в дальний путь к забытому далекому острову Тринисия, ибо там лежал священный самоцвет, ждущий, чтобы им завладели либо Трина Лиа, либо поборник темного бога Валдура. Но Ана своим волшебством освободила пленников после высадки на остров, и они сбежали в дикие поля Тринисии. С ними ушел Йомар, раб-полукровка, ненавидевший своих зимбурийских хозяев и обрадовавшийся возможности лишить их добычи. Камень лежал среди руин священного города Лиамара, высоко на вершине священной горы Элендор, и Лорелин с ее отрядом были решительно настроены найти его, опередив зимбурийцев.

Но путь их был полон опасностей. Им угрожали не только мстительный царь и его солдаты, но и уродливые злобные зверолюди, жившие на острове, и драконы, устроившие себе логово на вершине Элендора. Морлин,

волшебством принявший облик громадного дракона, впоследствии возглавил нападение на отряд Аны. Ибо желание его было в том, чтобы никто никогда не приблизился к Камню, не пробудил его чудодейственной силы.

Но, хотя ему удалось отделить Ану от ее подопечных и хотя он сражался с Йомаром и Дамионом в пещере, где хранил он Камень, и сумел снова похитить юную Лорелин, планы его были разрушены Эйлией. Девушка, которую он считал безобидной дочерью корабельщика, сумела одна пробраться в пещеру и взять оттуда священный Камень. Ей помогал в бегстве с Элендора огромный золотистый дракон, слуга Небесного Царства, освобожденный ею от цепи, которой связал его Морлин. Полубожественные Стражи, чьим священным долгом было хранить Камень, пока не придет владеть им Трина Лиа, спасли ее оставшихся спутников. Все они пронеслись через небеса и встретились на далекой Арайнии — в мире, который для них был до того всего лишь мифом.

Морлин встретил их там и еще раз попытался бросить им вызов, не давая войти в королевский дворец Халмирион. Но тут, под удивленными взглядами своих спутников, Эйлия вытащила Камень Звезд и освободила его силу, которая обратила в бегство мага-дракона. Так открылась ее истинная суть, и на глазах народа Арайнии она вернулась на свой трон.

Но впереди ждали бесчисленные опасности, потому что Эйлия не уничтожила своего предвечного врага, и на других мирах много было жестоких и сильных созданий, которых мог он призвать себе на помощь в битве с нею. Зимбурийский бог-царь Халазар обратился к некромантии за помощью, и как-то в ответ на его заклинание перед ним явился Морлин. Принц-дракон открыл ему, что он — сын древнего короля Андариона, и притворился духом умершего. Предполагаемый «дух» явил Халазару видение Арайнии и поклялся способствовать ему в завоевании Трины Лиа и ее мира, и всего-то для этого зимбурийскому царю надо было принять титул Аватара Валдура. Это Халазар сделал с радостью, не подозревая, что его обманули и что будет он лишь наживкой, чтобы выманить Эйлию из ее мира и подвигнуть ее завоевать Меру до того, как сила ее созреет для этой задачи.

Эйлия, не подозревая об угрозе себе и своему народу, пировала во всенародный праздник, когда материализовался перед ней эфирный образ Халазара и заявил, что готов захватить Арайнию. А тем временем Мандрагор продолжал набирать союзников против Эйлии. Он нашел народ драконов — происходящих, как и он, от лоананов, и сразил их предводителя на дуэли, заняв его место. Потом Мандрагор свел вместе Халазара и царя гоблинов в пакте для завоевания Арайнии.

Арайнийские правители собрали военный совет. Йомар предупреждал, что молодых чародеев и рыцарей надо обучить для предстоящей войны. В тот же вечер на глазах сотен человек Эйлия впала в пророческий транс, предсказывая несчастье, а на город налетела буря неестественной силы. По настоянию придворного чародея Ву Эйлию послали в академию немереев в Мелнемероне — учиться искусству волшебства, готовиться к грядущей битве. Синдра, арайнийская немерейка, оказалась предательницей. Она шпионила за Триной Лиа и докладывала Морлину. По ее приказу огнедраконы совершили покушение на жизнь Эйлии, но им помешал мастер Ву, который оказался небесным драконом в образе человека. Его настоящее имя было Аурон, и он был тем самым лоананом, который спас Эйлию на Мере. Он объяснил, что считает ее именно той предсказанной предводительницей, которая объединит все миры Небесной Империи. С этой минуты Эйлию охраняли два небесных стража — Аурон и огненная птица по имени Талира, которая также поклялась защищать принцессу.

Новые союзники-драконы объявили, что будут помогать арайнийской армии, собирающейся открыть драконовы врата Эфирной плоскости и вторгнуться в мир Халазара. Ана также отправилась на Меру, но в Маурайнию, а не в Зимбуру, где снова нашла свой немерейский ковен. Дамион, к ужасу Эйлии, решил вступить в армию, отправляющуюся в пустыни Зимбуры. Она сделала последнюю отчаянную попытку предотвратить войну, воззвав к Халазару в волшебном обращении, но он презрительно отверг предложение мира. Армия отбыла, и лишь потом выяснилось, что Лорелин переоделась рыцарем и тоже прошла во врата.

Страж-дракон вместе с Эйлией полетел через Эфир в мир небесных драконов, где ей ничего не должно было

угрожать, и Эйлия была поражена чудесами легендарного города — построенного давно исчезнувшей расой архонов, которых арайнийцы считали богами, — и его необычайными обитателями: драконами, херувимами, сфинксами, дриадами и многими другими существами, которых считают мифическими. На Мере сошлись в смертной битве армии Халазара и арайнийцев. Йомар, Дамион и Лорелин отстали от основных сил и бежали в далекий оазис, где вступили в маленький отряд мятежных воинов-мохарцев. Шаман племени объявил, что Йомару судьбой предназначено вести их к победе, и вместе они стали совершать набеги на врага. Но их было слишком мало, чтобы низвергнуть тирана Халазара и его армии.

В мире драконов Эйлия была удостоена аудиенции у Орбиона, небесного императора, чтобы просить его помощи в войне против Халазара. Стареющий дракон сказал Эйлии, что не может ей помочь, поскольку он — слуга многочисленных народов Империи, но не их владыка. И важно, чтобы она это поняла, ибо должна будет править Талмиреннией после его смерти. В любом случае, Мандрагор уже внес раскол в ряды лоананов, и они сами оказались на грани гражданской войны. Эйлия, удрученная перспективой космической войны, рядом с которой конфликт на Мере был мелочью, тайно решила одна отправиться на переговоры к Мандрагору. Она села на летучий корабль и одна пролетела через Эфир в мир Мандрагора — на планету Немора. Но при посадке на нее напали огнедраконы, и крылатый корабль, подбитый, упал с неба. Эйлия безнадежно заблудилась в незнакомых джунглях, пока не встретила и не спасла местное создание, называемое амфисбена. В благодарность это создание предложило ей показать, где живут люди — такие же, как она. Амфисбена привела принцессу в город, населенный людьми, чьи предки были рабами прежней империи лоанеев. Ее приютила местная пророчица, рассказавшая, что в этом мире Мандрагора считают богом. Хотя его уже не было несколько сот лет и новый правитель-человек ниспроверг его культ, все же его многие почитают и боятся.

Халазар на Мере заманил друзей Трины Лиа в ловушку, объявив, что принесет в жертву пленную принцессу. Он отлично знал, что они не смогут пройти мимо мольбы невинной жертвы. Шаман Вакунга

предупредил, что прежде всего враг ищет Дамиона. Лорелин посоветовала Дамиону остаться и не участвовать в попытке спасения. Он неохотно согласился и остался в лагере мохарцев. Йомар и Лорелин поехали выручать принцессу — и были схвачены.

Эйлия встретилась с Мандрагором в его замке на Неморе, но он утверждал, что совершенно не собирается с ней сражаться и хочет только убедить ее, что воюет на стороне правого дела. Эйлию приняли не как врага, а как почетную гостью, и она согласилась остаться у Мандрагора ненадолго и выслушать его аргументы. Мандрагор посоветовал ей отвлечься от заботы о своем народе — люди, сказал он, всегда будут угнетать и порабощать друг друга — и думать о себе. Вскоре Эйлия начала верить, что союз между ней и принцем-драконом может принести народом долгий мир. Она рассталась с мечтой завоевать привязанность Дамиона и решила принять предложение Мандрагора. Но он втайне от нее влил ей зелье в вино — любовный напиток, который привязал ее к нему как беспомощную рабыню.

Халазар с возмущением и презрением воспринял приказ сохранить жизнь Йомару и Дамиону, которых Мандрагор хотел использовать как заложников. Поняв наконец, что он под властью Мандрагора, а не наоборот, Халазар решил проявить свою независимость, подвергнув друзей Эйлии пытке. Он объявил, что Лорелин и Йомар будут казнены, если Дамион не сдастся. Когда священник услышал о грядущей казни друзей, он пришел к Халазару и отдал себя в его руки. Тиран решил ослушаться приказа Мандрагора и убить Дамиона в храме Валдура. При известии о грядущей жертве недовольство зимбурийцев перешло в открытый бунт против Халазара. Царь был убит, повстанцы освободили Йомара и Лорелин и пошли на штурм храма. Но спасать Дамиона было уже слишком поздно.

Эйлия, не в силах освободиться от преданности Мандрагору, была спасена против ее воли ее же Стражами, узнавшими о любовном напитке. На Арайнии Эйлию вылечили от его действия, но тут дошли страшные новости с Меры о смерти Дамиона. Мандрагор понял, что Эйлия, на пике своих сил вылеченная от слепой привязанности, может стать смертельным противником, а смерть Дамиона лишь сделает ее еще мстительнее. В безвыходном положении он заключил

договор с гоблинами Омбара; он станет их правителем и Аватаром Валдура — в обмен на их защиту.

Тем временем охваченная горем Эйлия изучала сведения о гибели Дамиона. Было сказано, что он телесно покинул землю и был превращен в ангела. Увидев Дамиона во сне, она тоже уверовала, что он все-таки не мертв, но как-то был перенесен в Эфир. Не обращая внимания на возражения советников, она решила предпринять поиски и попросила своих друзей следовать за ней на Меру.

Часть первая
Осада

1
Остров

Буря ревела в небе и в море — зимний ураган, по ярости превосходящий все, что случались даже в этих бурных широтах. Сплошные грозовые тучи громоздились лиги за лигами, черные на фоне звезд, и в тени их светонепроницаемого навеса дыбились гигантские волны, поднимаясь почти на уровень гор. С гребней сдувало пену, смешанную с хлещущим ливнем. Будто сами стихии воды и воздуха растворялись и сливались друг с другом, возвращаясь в первичное единство. Перемешивались тучи и море, нахлестываемые яростным, не ослабевающим ветром.

Одинокий альбатрос, захваченный средоточием этой бури, уже не пытался лететь, но парил, не сопротивляясь, куда нес ветер. Но, если бы не ветры, поддерживающие огромные белые крылья, он бы давно уже упал, обессиленный, в жадный прибой. Один раз у птицы дрогнуло крыло, и она понеслась вниз, но выправилась над самой водой, отчаянно колотя маховыми перьями, и скользнула над пеной вздымавшегося гребня. Вокруг усталые глаза птицы видели лишь волны и волны грифельно-черной воды, увенчанные белыми шапками: вспышки молний выхватывали из темноты только холодно-белое свечение пены. Альбатрос отчаялся было, решив, что совсем сбился с курса, но буря подняла его выше в воздух, и ослепительная вспышка высветила береговую линию всего в одной лиге: крутой и скалистый обрыв, грозный, как стена крепости, но все же это была земля. Надежда вернула птице мужество, альбатрос ударил крыльями в последнем отчаянном усилии. На северной стороне обрыв сменился длинными разрушенными склонами валунов и торчащих камней, обломанных силой морского прибоя и выброшенных им в беспорядке на берег. Потом альбатрос увидел низкую гранитную полку, и из последних сил сумел на нее сесть. Бился вокруг о высокие скалы прибой, скрывая их от взгляда, потом опадал струящимися каскадами, обнажая зазубренные бока валунов, и налетал снова. Одна волна, выше других, хлестнула по каменной полке, накрыв и ее, и ту неподвижную белую тень, что сидела на ней. Когда же шипящая пена отступила в море, вместо птицы на скале лежала девушка.

Она была одета в белый плащ, и его широкий и глубокий капюшон надвинут был на голову, и лежала она лицом вниз, неподвижно. На миг показалось, будто жадный прибой засосет ее обратно в море, заявив свои права. Но она слабо зашевелилась и

полуползком, полухромая, отошла от полки, куда волны уже не доставали. Когда женщина вышла к вершине склона, сила ветра уже несколько ослабла, и женщина смогла встать прямо, хотя плечи у нее сгибались от усталости. Серовато-фиалковые, глубоко запавшие глаза блеснули из-под укрытия капюшона, осматривая каменистый мрачный ландшафт.

К этому негостеприимному берегу уже прибывала она однажды, в раннем детстве. Мать ее, чародейка, построила и повела летучий корабль, чтобы перелететь вместе с дочерью в безопасное место, подальше от родного дворца. Но упавший корабль выбросило сюда, к берегам Большого острова, мать постигла неизвестная судьба, а девочку подобрала бездетная пара — корабельщик с женой, и восемнадцать лет воспитывали как свою дочь.

«Когда-то это был мой дом», — подумала Эйлия.

Сейчас это невозможно было себе представить.

Перед девушкой тянулись темные поля, оголенные, если не считать жесткой травы, жилистых высоких стеблей, сплавленных воедино инеем. Мокрая крупа уходящей бури хлестала по прихваченной льдом грунтовой дороге, уходившей, петляя, вдаль. Под налетевшим порывом ветра плащ на девушке захлопал, натянувшись, охватывая тонкую фигуру. Но воздух обжигал даже и без ветра. За долгие годы пребывания в теплом климате Эйлия забыла, как зверски холодно было здесь зимой. Как это вообще можно было выносить? И как это выносят островитяне? Зачем они остаются здесь? Будто суровый климат и непреклонный остров действуют как молот и наковальня, закаляя тело и дух тех, кто здесь живет, и заодно делятся с ними суровой стойкостью, силой выдерживать враждебную среду.

Остров не переменился — он не переменится никогда, пусть хоть тысячи лет пройдут. Неустанные атаки ветра и волн мало что значат для этих упрямых гранитных берегов, и каждое поколение островитян набирается силы от камней, по которым ступали их предки и будут ступать потомки в грядущие столетия. Изменилась Эйлия, полностью и необратимо. Когда она наконец уезжала с Большого острова, глядя с кормы корабля, как расплываются и уходят в море серые обрывы, ей думалось тогда, вернется ли она когда-нибудь. Ей казалось, что остров действительно погружается в волны, как зачарованная земля в волшебной сказке, и никогда больше не увидят его глаза смертных. За прошедшие годы он еще дальше ушел в прошлое, и даже желание когда-нибудь еще его увидеть покинуло Эйлию.

И вот она снова стоит на этой каменистой земле.

Чтобы добраться сюда, ей пришлось принять облик птицы,

как ни противен был ей этот недавно возникший дар превращений. Он достался ей в наследство от лоананов, драконов-магов, которые умеют менять облик по собственной воле и когда-то принимали человеческий вид, сходясь с ее предками. И к этому дару Эйлия не прибегала никогда до тех пор, пока ее величайший противник, воспользовавшийся ее неведением, не пробудил скрытый талант — только чтобы привить ей любовь к власти. Именно поэтому она боялась своего дара и не доверяла ему, но не было корабля, чтобы переплыть море, и не осталось иного выхода, как воспользоваться им. Летуном она была неопытным и не рассчитывала на бурю — если это была естественная буря, а не чародейское нападение врагов. Много этих врагов еще существовало в этом мире, и погодная ворожба была вполне им подвластна. Кутаясь в мокрый холодный плащ, Эйлия медленно продвигалась по дороге, где не было других путников. Разумные островитяне не станут выходить в такую ночь, и только мелкие мохнатые пони и немногочисленные овцы попадались на пути, пасующиеся на побитой морозом траве в скудных полях. Неподалеку стоял храм, скромный, без колокольни, и стены его сложены были из плитняка — единственное на острове строение не из дерева. Храм этот Эйлия хорошо знала, хотя ее семья нечасто посещала его. Он был единственным для всех ближайших рыбацких деревень. И порт в бухте тоже был недалеко — еще до полуночи Эйлия туда доберется.

Пройдя, по своим ощущениям, около часа, она наконец увидела низкий каменистый холм, отмечающий западную границу территории ее детства. Всегда Эйлия подходила к нему с востока, теплыми вечерами выходя наверх провожать солнце, уходящее в море, — она тогда думала, что туда оно и уходит. Мир в те дни был не шаром, бешено вращающимся в бездонной пустоте, но широким и плоским диском воды и суши. Устойчивый и постоянный, недвижный, вокруг которого вращались солнце и луна; планеты и звезды были всего лишь огнями в небе, а не равноправными солнцами и мирами. Как ей не хватало этого маленького и безопасного космоса ее детства! И центром этого космоса был родной остров — родная деревня — родной дом. Сейчас она подходила к этому холму с запада, и даже простая смена направления будто подчеркивала необратимую перемену в восприятии вещей и отчуждение от всего, что она когда-то знала.

«Зачем я вернулась? — подумала она, останавливаясь. — Действительно ли, чтобы найти свою приемную семью? Или это попытка обратить время — вернуться к безопасному и невинному прошлому? Неужто я питаю такие глупые надежды?»

Она заставила себя заглушить этот внутренний голос и идти дальше. Дорога петляла, и с каждым извивом становилась все более и более знакомой. Вот ледяной валун, вот карликовая яблоня с извитыми паучьими ветками — старая дорожная веха, знакомая с детства. Впереди горел в черной ночи огонь, желтый и ровный, как звезда. Сердце чуть подпрыгнуло при виде всего этого — как будто действительно можно было вернуться в прежнюю жизнь, восстановить ее обыденность. Это же было другое существование до возвращения на Арайнию и пробуждения сил. И даже до Дамиона…

Слеза скатилась по щеке, и ее смыло дождем.

Вскоре Эйлия подошла к голому холму, где решительно стояла невысокая башня из гранитных валунов, и взлетающая высоко пена разбивалась о ее западную стену. Сквозь толстые стекла наверху пробивался ровный желтый свет — это был древний маяк, горящий день и ночь ради безопасности моряков. Эйлии стало жаль корабли, которые сейчас были среди этих ураганных волн. Подойдя к маяку ближе, она увидела в его западной стене резную фигуру в каменной нише, одна рука поднята в предостерегающем жесте. Это была статуя Эларайнии, покровительницы кораблей и тех, кто плавает на них: Звезда Морей, королева Небес, богиня планеты, которую некоторые называли Утренней звездой.

И мать Трины Лиа, предсказанной спасительницы мира.

Эйлия отвела глаза от статуи и зашагала вновь, пока сквозь мрак не стали различимы и другие огни: дома и гавань деревни Бухта, совсем рядом. Ноги Эйлии пошли быстрее, и сердце забилось чаще. Вдруг она снова стала на миг той наивной девочкой, поспешающей к дому и очагу, в знакомый гостеприимный уют…

И остановилась как вкопанная, не зная, верить ли своим усталым глазам. Серый гранитный бугор на краю деревни был на месте, стоял, как стоял с незапамятных времен, поднимаясь твердо и непоколебимо из середины луга. Но на нем не было дома. Родного дома Эйлии.

Она пошла медленнее, оглушенная усталостью и не в силах поверить, туда, где раньше был дом. Там лежали только угли прогоревших бревен, размокшие от дождя, черные и осыпающиеся на краях. В земле и пепле кое-где блестели осколки стекла.

Эйлия рухнула на колени.

«Мандрагор говорил, — подумала она в оцепенении, — что мне никогда не вернуться к прежней жизни. Он это сделал — сделал нарочно. Хотел показать мне, что возврата нет».

Ей самой стало ясно, что, хотя ее мнимой целью было найти

приемных родителей и убедиться, что они в безопасности, на самом деле ей не хватало рассудительного голоса Даннора и надежной расторопности Нелл, Где же они сейчас, эти двое, рисковавшие своею жизнью — и, наверное, сознательно, — чтобы спасти жизнь ей? Она должна их найти. Если, конечно, они живы.

По крайней мере здесь их точно нет. Если они погибли при пожаре, то соседи бы их похоронили на продуваемом ветрами кладбище в глубине острова.

Эйлия встала, оглядела деревню. Деревянный дом дяди Недмана стоял на месте, и дом двоюродной сестры Джеммы тоже, ближе к берегу, но там было темно, хотя в других домах горел свет. И еще рано было ложиться спать.

Подойдя к дому дяди, Эйлия постучала в дверь. Звук отдался в глубине дома и затих, не сменившись ни голосами, ни шумом шагов. Эйлия толкнула дверь — на острове никто никогда их не запирал — и заглянула. Она ожидала увидеть разбитую мебель и беспорядок — но дом просто был брошен. На кухонном столе ничего, в очаге ни дров, ни пепла.

Эйлия зажгла свечу и быстро осмотрела дом. Во всех комнатах одно и то же — в спальне родителей, в комнате двоюродной сестры Джеммы, покинутой, когда она вышла замуж за Аррана, и превращенной в швейную, в комнате двоюродного брата Джеймона (оставленной за ним, потому что у надолго уходящего в плавание моряка своего дома не было). Все было аккуратно унесено: одежда (немногочисленная), инструменты, посуда. В кухне никакой еды, ни даже сухаря или куска соленой рыбы.

Эйлия вышла из безмолвного дома и подошла к дому Джеммы и Аррана на берегу. И здесь все то же самое: комнаты пустые, но прибранные. Старая деревянная колыбель, которая Джемме досталась от матери, стояла в детской пустая и заброшенная, и несколько игрушек ее сына тоже оказались там. В глубине кладовой лежали рыболовные сети Аррана и прочее снаряжение, его зеленая лодка стояла в бухте на якоре. Но от владельцев всего этого не было и следа.

Эйлия вернулась в главную спальню, сняла промокший плащ и поставила свечу на ночной столик. Потом села на кровать, положила голову на руки, и минуту ее сотрясали безмолвные рыдания. Где они все? Что с ними сталось?

Снаружи послышались тихие шаги, и она подняла глаза, потом вскочила.

— Джемма, это ты? — позвал снаружи женский голос.

Эйлия подошла к двери:

— Кто это? Кто там?

В дверях стоял кто-то с фонарем.

— Это я, Элен. Увидела свет и подумала, что Джемма вернулась. А ты кто такая?

— Элен? Элен Моряк? Я Эйлия. Ты меня не помнишь? Элен, где мои родные?

— Эйлия? — Женщина подошла к ней, взяла за руку. Эйлия узнала веснушчатое лицо и рыжеватые волосы, собранные в узел на затылке. — Я теперь Элен Рыбак, я замужем. А как ты сюда попала, да еще в такую ночь?

Ну да, Элен теперь около семнадцати — сколько было Эйлии, когда она уехала. Здесь замуж выходят рано. В поведении, голосе молодой женщины сквозила уверенность — вынужденная ранняя зрелость.

— Элли, скажи мне, где они? — взмолилась Эйлия.

— А я думала, ты знаешь. Когда все женщины поехали отсюда на континент из-за зимбурийцев, мой отец нас не отпустил, ты помнишь. А когда зимбурийцы все же не пришли, почти все женщины вернулись, но не твои мама и тетя, и Джемма тоже осталась. Своим мужчинам они написали письмо, что произошло недоразумение, и тебя задержали власти или что-то в этом роде, ну и, конечно, мужчины сразу поехали. Сперва Даннор и Недман, а потом Арран. И никто из них не вернулся. Да Нелле и Даннору особо не к чему возвращаться было. Твой дом сгорел, ты видела? Как-то ночью откуда ни возьмись разразилась буря, и молния подожгла у дома крышу. Больше ни в один дом в деревне не ударило — наверное, ваш был в самом опасном месте, на бугре. Мы пытались потушить огонь, да поздно было. Удача, что никого в доме не было. Так что твоим, наверное, лучше там, где они сейчас, хотя вещей, конечно, жаль.

— Если они на континенте, значит, мне тоже туда надо.

При одной мысли об этом руки и ноги налились усталостью.

— Туда не попасть. Говорят, что Армада рыщет вокруг, и ни один корабль не рискнет туда пойти. У зимбурийцев теперь новый тиран и гражданская война. А как ты сюда попала, Эйлия?

— Нашла способ. Прости, Элли, больше сейчас ничего сказать не могу. Я невероятно устала.

— Тогда пошли со мной. У меня свой дом теперь.

Эйлии представился горячий огонь в очаге, еда и уют, приятное присутствие людей. Но будут и вопросы, непрерывный ливень вопросов, на которые она не может отвечать честно, и сил отбиваться не хватит. Как объяснить полное отсутствие при ней вещей — а ведь она переплыла море? — и где она была все эти годы?

— Спасибо, но я сейчас шагу ступить не могу. Так что сегодня

здесь переночую. Есть топливо для очага и свечей хватит.

Элен неохотно встала.

— Ладно, если ты так решила. Не стану тебя отговаривать. Но утром приду, принесу тебе хлеба и молока, может, пару яиц. Доброй ночи.

Элен ушла. Эйлия легла на кровать Джеммы, уставилась в небольшое окошко. Небо расчищалось, и в темных звездных пятнах среди расходящихся облаков виднелись кометы — не менее полудюжины даже в этом окошке, и за ними тянулись длинные белые хвосты. Появляться эти кометы начали вскоре после прилета Эйлии в Зимбуру. Вестники зла, говорили о них многие, но она знала, что на самом деле все куда хуже; это оружие, направленное злой волей беспощадного врага. Многие эпохи назад их сорвало с орбит блуждающей звездой, и они все еще летят заданными им траекториями: извечный враг нацелил их на Меру и мирные соседние планеты.

Не в силах успокоиться, Эйлия встала и подошла к окну. Вечерняя звезда видна была сегодня, и Эйлия долго на нее глядела. Арайния. Планета, в древних писаниях отведенная богине Эларайнии. Эти легенды гласили, что там она жила в зачарованном саду наслаждений, далеко-далеко за краем света. Кто-то считал, что эта страна Элдимия лежит на западе, где иногда сияет эта звезда вечерней порой, но другая традиция утверждала, что найти ее можно лишь в некотором мистическом царстве «к востоку от солнца и к западу от луны». Почти все мнения сходились в том, что никогда не могут попасть туда смертные: корабль, идущий к концу света, может лишь свалиться за его край в бездонную пропасть небес. Но королева Западных Небес наверняка благословила немногих избранных привилегией путешествия в Элдимию и возврата, ибо в старых преданиях содержится множество описаний этой волшебной страны: ее красот и чудес, ее ручных зверей и изобильных самоцветов, ее хрустальных и золотых городов. В детстве Эйлия смотрела на Вечернюю звезду, плавно погружающуюся в море, и рвалась вместе с нею попасть в Элдимию. Потом, когда девочка подросла, ей пришлось смириться с тем, что другой мир — всего лишь легенда, и хотя она все так же смотрела вечернею порою на запад, но тянуло ее уже в земли смертных, что лежали там: в Маурайнию, Риалан и Маракор.

И теперь оказалось, что все это правда. Меранские путешественники действительно побывали в этой прекраснейшей из земель и дали достоверные описания того, что там нашли. Но люди сегодняшнего времени давно забыли, где лежит Элдимия — не в какой-то сказочной стране, куда на пути заходит звезда

Вечерняя и Утренняя, но на самой планете. Легенды были не досужим вымыслом, а отблеском воспоминаний о прежних веках, когда Мера и Арайния были связаны волшебным порталом. И только народ фей все это помнил — те немногие, кто еще остались на этой стороне портала, когда он закрылся, и тосковали по своей истинной родине. Сейчас Эйлии вспомнились слова их гимна в честь Эларайнии, который был не только гимном, но и плачем:

> Несем тяжелый жребий свой:
> Трудясь, попасть в твои чертоги, —
> Как унесённые волной
> И не обретшие дороги.
>
> Владычица страны без битвы,
> Не знавшей горе и слезу!
> О Цвет Ночей, услышь молитвы
> Детей, потерянных внизу![1]

Каково это — быть как эти «не обретшие дороги», не способные вернуться на любимую Арайнию, глядящие на далекое недостижимое сияние родного мира в вечернем небе, пока их род редеет и вымирает в этом? Она сама, глядя на далекую планету, ощущала, как тянет ее туда все сильнее. Планета сияла, как маяк, как окно в теплом и освещенном доме, мелькнувшем путнику в дождливую ночь. Эйлия вспоминала ее теплые и обильные моря, экзотические цветы и деревья, ее близость к жизнетворному солнцу. И даже ее небольшая луна была полна растительности, как небесный сад. Ей вспомнились ее покои во дворце, в Халмирионе, и ее настоящий отец и родственники, гадающие, куда она могла деваться, и тревожащиеся за нее, и душа ее потянулась к этой далекой точке света, как было много лет назад на этом же острове, когда она не понимала еще причин этого мучительного желания. Откуда она тогда знала?

Эйлия прислонилась лбом к холодному стеклу и глядела на планету, пока ее не закрыло наплывшее облако. Потом она вздохнула и вернулась к кровати.

Наконец-то она заснула неглубоким тревожным сном, полным беспокойных сновидений. Темные, как тени, проходили перед глазами силуэты. Появилось лицо — молодой мужчина, светловолосый, с ласковыми небесно-голубыми глазами, но он исчез, когда Эйлия с тоской к нему потянулась. Его сменило лицо другого человека, и бледная кожа странно контрастировала с глазами и длинными волосами, яркими, как пламя… Он

наполнил ее страхом, и все же руки ее тянулись к нему. Но она отдернула их и застонала, заметалась во сне. Появилась женщина, золотоволосая, с фиалковыми глазами, глядящая на нее нежно и прогнавшая то, другое лицо. Потом замелькала череда изображений — сцены битвы и сумятицы, армии орущих воинов. С полного звезд черного неба камнем падали драконы. И появилось еще одно лицо, сияя сквозь неразбериху и хаос, — лицо старой женщины с белыми волосами, собранными в узел. Глаза ее были непрозрачного серовато-белого цвета, и все же наполнены сочувствием и мудростью, не знающей возраста.

— Ана, — всхлипнула Эйлия, мечась из стороны в сторону. — Ана…

Но и это лицо исчезло, и появился вместо него обширный пылающий иссиня-белый свет: звезда, искаженная до каплевидной формы. С конца ее стекала длинная струя синего дыма, завивающаяся спиралью, сворачивающаяся в круг с черной дырой в центре. Темнота зияла на Эйлию огромной пастью, затягивая в себя. Она не могла противиться, ее сейчас всосет в эту умирающую спираль звездного огня и переварит…

Из середины черной пасти раздался голос, который звучал только в сознании Эйлии.

Воззри на Пасть Червя, в темноту, которую не может проникнуть свет Небес. Из этой пустоты нет выхода. Кто войдет туда, никогда не выйдет назад.

При виде этой страшной звезды Эйлия проснулась и села, трясясь от ужаса, испугавшись, что окружающая темнота — это тьма бездонной ямы. Она всегда боялась темноты, с самого раннего детства, но в этой обволакивающей тьме было нечто иное — манящее зло. Неверными руками Эйлия зажгла свечу, разогнав тени по углам. Потом она легла снова, но не могла заснуть, пока небо не стало бледнеть на рассвете.

Аурон вылетел из приглушенного сияния Эфира прямо в гущу битвы.

Его окружали сверкающие звезды и бесконечные черные глубины небес. Слева за ним пылало свирепое солнце, и планета Мера огромным голубым самоцветом возвращала его свет. Но прямо впереди лежало ослепительное сияние, круглое, белое, окруженное туманным ореолом, а вокруг мелькали мотыльками возле лампы контуры поменьше. Он бросился вперед, сложив крылья, летя сквозь безвоздушную ночь на одном только заклинании, и увидел, что гало представляет собой конус светящихся паров, устремляющихся длинными прядями волос на ветру прочь от яркого шара. Они тянулись на миллионы лиг.

Светящийся предмет был кометой, целившейся прямо на него и сбрасывающей свою мантию по мере приближения к огням солнца. Темнокрылые тени защищали ее, а лоананы и херувимы с орлиными крыльями нападали со всех сторон.

Одна из черных теней, почти невидимая на фоне пустоты, бросилась на него, и Аурон уклонился от атаки, вильнув в сторону. Раздосадованный огнедракон щелкнул челюстями и полыхнул холодным красным глазом — дикий, как зверь, преисполненный злобной хитрости. Но его пылающее дыхание было бессильно в пустоте, потому что поддерживающий жизнь создания воздух кончался слишком близко к его собственному телу. Когда огнедракон развернулся на второй заход, Аурон оказался к нему лицом к лицу и нырнул под тело атакующего. Плиты брони на брюхе чудовища были не столь мощны, как чешуя на спине, и быстрый смертоносный удар всех четырех лап оставил на ней глубокие раны.

В другой раз Аурон продолжал бы схватку до конца, но сейчас небесный император Орбион послал его только наблюдать за ходом битвы и докладывать ему. Он оставил огнедракона на добивание двум другим лоананам и полетел ближе к голове кометы. Она светилась лишь отраженным сиянием солнца: поверхность ядра не была горячей — она состояла из серовато-белого льда, изрытого трещинами и ямами, как поверхность ледника. Это была, в сущности, гигантская градина, создавшаяся далеко отсюда в вечном холоде межзвездного пространства. Когда Аурон пролетал над темной пещерой на солнечной стороне, из ее глубин показались новые силуэты огнедраконов. Сразу же им наперехват бросились лоананы и херувимы. Крики их были беззвучны, не могли вырваться за пределы воздушных коконов, но Аурон мысленно ощущал взрывы боли и гнева сражающихся. Битва шла вокруг него повсюду, когда он полетел к поверхности кометы. И это была не гладкая поверхность, а ландшафт — серо-белая равнина, зияющая черными трещинами и окруженная стенами намерзшего льда. В небе полярным сиянием переливался хвост кометы. Аурон опустился на льдину и остановился на миг, созерцая пейзаж. В прежние дни немерейские маги катались на кометах для удовольствия, и даже он ощутил, насколько это чудесно — летать на таком быстром небесном теле.

Орлиноголовый херувим спланировал с неба и сел на лед рядом с ним.

Привет, лоанан! — позвал он безмолвно, разум к разуму.

Как жизнь, Фалаар? — спросил Аурон.

Этой мы смогли переменить курс. Огнедраконы пытались нам помешать, но у них не вышло! Эта полетит прямо в солнце без

всякого вреда.

Но мы сможем все их отвернуть вовремя? — спросил Аурон, оглядывая черноту над собой.

Еще десятки комет с туманными хвостами сияли над головой. И нацелены они были на Меру, как туча пылающих стрел, пущенных в цель. Давным-давно лоананы и херувимы пытались отвратить такую же кометную бомбежку, и отвернули все кометы, кроме одной, породившей на Мере Великую Катастрофу.

Мой народ больше не подведет эти планеты. Огнедраконы научились нас бояться и бегут перед нами.

Фалаар размял львиные когтистые лапы, снова рвясь в бой.

Рад это слышать! Не зря вас, херувимов, называют Гончими Богов, — ответил Аурон с драконьим салютом.

А как там небесный император? — спросил Фалаар. — *Слыхал я, что силы Орбиона угасают.*

Сын Неба очень стар и очень устал. Боюсь, коней, его близок. — Скорбь охватила Аурона при этих словах. Дракон расправил крылья и снова взмыл в пустоту, в гущу других комет, херувим следом. — *Сейчас он не покидает своего дома. Да, он действительно не правит с Трона Дракона. Он свернулся там и будет защищать Трон всей жизнью, что у него еще осталась, и лежит там день за днем. Часто спит, а когда бодрствует, глаза его смотрят в никуда и полны страха и печали. Не приближения смерти он боится — ни один лоанан не боится смерти. Мы верим в Силу, которая создала нас и снова нас в себя примет. Но Орбиона мучает сознание, что Империю потрясают раздоры, и разделился наш народ. Он не хочет увидеть Талмиреннию лишенной руководства. Но хотя он просил Эйлию явиться к нему и взять его Трон, чтобы обеспечить наследование, она не ответила на его призыв. Она никогда не желала править, а сейчас ее ум полон других забот.*

Ты заговорил о другом важном деле, — сказал херувим, когда они пролетали сквозь хвост кометы, в яркий клубящийся туман, в подсвеченные ледяные хлопья, которые наблюдателю с земли казались пылающим огнем. Здесь пряталось множество огнедраконов, брызнувших прочь с дороги лоанана и херувима. — *Когда говорил ты с Триной Лиа?*

Не говорил с тех пор, как мы расстались на Мере. Я ее оставил на земле Зимбуры. Почему ты спрашиваешь? — с тревогой спросил он.

Она покинула то место, пока ты был на Темендри Альфаране у императора, и мы не знаем, куда направилась. Она не взяла с собой Камень Звезд. Одни говорят, что она снова хотела увидеть королеву Элиану и услышать ее совета, другие думают, что она

ищет своих меранских родичей — проверить, не грозит ли им опасность. Но в Зимбуре ее нет.

Они вырвались из хвоста кометы, покрывшего им чешую алмазным инеем, и Аурон повернулся к нему, обезумевший.

Тогда я должен немедленно лететь на Меру искать ее! Возьмет она Трон или нет, но время движется к предназначенной ей битве.

Пусть так, — сказал Фалаар. — *Принц Морлин — главная опасность. У детей Тьмы множество сильных сторонников, но все они планируют использовать принца-дракона. Он наследник сил и лоананов, и архонов, и он — средоточие всех планов валеев. Устранить его — и главной опасности не будет. Но для этого нам нужна Трина Лиа.*

Я полечу, — ответил Аурон. — *Сведения Орбиону может доставить кто-нибудь другой. Сражайся, Гончий Атариэля! Я же лечу на Меру.*

2
Совет царей

В сокровищнице Запретного дворца на Неморе сидели вместе четверо очень непохожих друг на друга существ и тихо разговаривали. Один был Роглаг, царь гоблинов: лысый и с гротескными чертами, как все его соплеменники, больше похожий на обезьяну, чем на человека, если не считать хитрого блеска в маленьких темных глазках. Рядом с ним сидел в черной мантии регент Омбара, властелин Наугра, с морщинистым лицом, где перемешались человеческие и гоблинские черты. С ними сидел молодой человек, чья юная надменная красота казалась живым укором уродству первых двух. Лоаней Эррон Комора, высокий и гордый, в вышитых одеждах, с прямыми черными волосами, свободно и роскошно падавшими на спину. Колдунья Синдра сидела отдельно от этих троих, в алом платье, и темные волосы завязаны короной заплетенных кос. По всей комнате расставлены были легендарные сокровища принца-дракона Морлина, собранные им за многосотлетнюю жизнь: украшенные кубки, огромные сияющие хрустальные шары, бронзовый бюст. В углу комнаты стояли смонтированные доспехи — одни из многих, которые бывали на принце в битвах пятьсот лет назад, когда он был рыцарем на службе своего отца, короля Андариона, на Мере. Эти были у принца Морлина любимыми: каанской работы, подаренные ему правителем архипелагов на Мере, сделанные в своеобразном стиле островов. Забралом служила стальная маска, повторяющая черты лица принца — чтобы его узнавали на поле боя, — а шлем венчал свирепо торчащий рог. Нагрудник составляли перекрывающиеся листы, чем-то напоминающие чешуйки на брюхе змеи. Броня была черной, как оникс, и сверкала, как новая, — только несколько небольших зазубрин и царапин указывали на долгие годы службы. Рядом с ними висел на стене меч с рукоятью в виде дракона и с иззубренным лезвием.

Было ясно, что сейчас доспехи — всего лишь любопытная диковинка, реликт прежней жизни принца до овладения магией. Морлин (или Мандрагор, как он предпочитал, чтобы его называли) мог теперь, приняв облик дракона, похвастаться броней в двадцать раз крепче этой, броней, которую никогда не снимают, даже на сон. И действительно, он сейчас старался как можно больше времени проводить в обличье дракона — именно по этой причине. Человеческие доспехи с темными пустыми глазницами, бесполезными теперь рукавицами из железа,

наголенниками и нагрудником, содержали только забытый и ненужный воздух. Это было немое свидетельство о существе более слабом, которому когда-то такая защита была нужна — пустая и сброшенная человеческая оболочка.

— Это так, как я сказал, — повторил Науграа. — Планы, созданные нашим Господином тысячи лет назад, развиваются именно так, как он предвидел. Империя, основанная врагами Валдура, слабеет и распадается, а наши силы растут. Морлин наконец принял роль Аватара…

— И что ты будешь теперь делать, Науграа? — насмешливо спросил Роглаг.

— О чем ты? — с холодным презрением поинтересовался Науграа.

— О том, что больше ты себя регентом называть не можешь. Потому что у нас наш новый правитель.

— Ты ничего не понимаешь, как тебе и свойственно. Морлин еще не стал Аватаром полностью. Он должен побывать на Омбаре, чтобы принять трон Валдура и исполниться там духа нашего Господина. До тех пор он уязвим, как любой смертный. Мы должны всеми нашими силами защищать избранного Господином.

— По крайней мере в драконьем виде ему безопаснее, — сказал Эррон, — а мы, лоанеи, защищаем его днем и ночью — как и служащие ему драконы. Но мы не можем отбивать силы Трины Лиа в одиночку. Омбар должен послать новых стражей: лоанеев и моругеев.

— Если мы сделаем, как ты просишь, Морлину незачем будет вообще ехать на Омбар, — возразил регент. — Он будет чувствовать себя в безопасности на Неморе. А наше желание — чтобы он *ощущал* страх и искал безопасности в нашем мире. Оказавшись там, он будет вынужден сдаться Господину. И Трина Лиа будет перед Валдуром бессильна.

Синдра слушала, но ничего не говорила. У нее были свои причины хранить Мандрагора невредимым. Если ему предназначено победить Трину Лиа и стать правителем Талмиреннии, то ему нужна будет спутница — править вместе с ним и подарить ему наследников, — и почему бы этой спутницей не стать самой Синдре? Ее встревожило, когда его потянуло к Эйлии, и хотя не было ни малейшего шанса на их примирение, она все еще ощущала уколы злобы, презрения и ревности. Чтобы завоевать Мандрагора для себя, думала она, ей необходимо увеличить собственную силу: призыв Эйлии к нему имел, несомненно, чародейную природу, что сделало ее подругой, его достойной. Принц-дракон был, в конце концов, созданием, для

которого власть и сила — высшая цель, по крайней мере, так она считала, потому что всегда стремилась именно к этому, и это ее больше всего восхищало в нем. Она свою конкуренцию с Триной Лиа считала соревнованием силы против силы. Когда, наблюдала она, два зверя в джунглях схватываются за самку или за пищу, побеждает всегда тот, кто сильнее. А так как сверхъестественный мир — всего лишь продолжение естественного, развитие и продление его тем, то в нем должны наверняка соблюдаться те же правила. Синдра поглядела на заброшенные доспехи в углу и подумала, как бы ей осуществить свое желание. В библиотеке у Мандрагора было много томов, которые он никогда не открывал, потому что владел магией в совершенстве, и научить его они ничему не могли. Но все же в этих томах могло что-нибудь найтись: какое-то скрытое знание или заклинание, которое помогло бы ей усилиться в чародействе.

— Настало время Аватару снова показался валеям, — продолжал Наугра. — Они начинают беспокоиться, и им нужно напомнить, что правитель их скоро явится. Пойди, Роглаг, и скажи это ему.

— Я? А почему я? Он стал так подозрителен, так опасен…

— Тебе ничего не грозит. Дураков никто не боится.

Царь гоблинов поднялся с недовольной гримасой и вышел из комнаты.

На нижнем этаже дворца была дверь, открывающаяся в длинный наклонный подземный ход, который вывел Роглага в высокую пещеру, наполовину заполненную горячим источником. Там он подошел к краю дымящейся воды.

— Ваше высочество! — низко поклонился он.

Заклубился пар, и черная поверхность воды покрылась рябью. Высунулась красная чешуйчатая спина, блестя в тусклом свете, а потом поднялась двурогая голова, с которой стекала вода. Веки драконьих глаз были подняты, и он смотрел на гоблина с высоты башни своей шеи.

— Мы ждем твоего приказа, господин наш принц, — сказал Роглаг. — Враг накапливает силы, и валеи хотят увидеть своего предводителя!

Ответ дракона прогремел в пещере, будто внизу проснулся вулкан:

— Им нечего бояться, ибо победа будет за мною. Я уже сейчас владею такой силой, какой никогда раньше у меня не было. И она нарастает.

Гоблин снова поклонился.

— Победа вашего высочества сомнению не подлежит. Но…

Золотые глаза дракона остановились на нем:

— Когда-то я был, как ты. Слабый, вялый, беспомощный. Быть человеком — значит быть слабым, а я должен быть сильным, чтобы встретить свою судьбу. Теперь иди, не нарушай мой отдых.

Вдруг рядом с Роглагом появились две эфирные переливающиеся фигуры, заметно напугавшие гоблина, хотя дракон почти не обратил на них внимания. Это были Элазар и Эломбар — по крайней мере так называли себя оригиналы этих изображений, утверждавшие, что были древними архонами Азара и Омбара. И Мандрагор, и Роглаг подозревали, что на самом деле это гоблинские чародеи, связанные с Наугрой, ибо они во всем соглашались с регентом.

Эломбар с демонским лицом хрипло заговорил:

— Ты был прав, оставив человеческую ничтожность, принц. Пусть твое тело осталось человеческим, но душа всегда была душой лоанана — полной силы, Ты победишь Эйлию.

Дракон беспокойно закружил в пруду, держа голову над водой, как змея.

— Когда я был человеком, я жалел ее, ибо подобное взывает к подобному. Но сейчас я не ощущаю родства с нею.

— Это хорошо, — сказало высокое мрачное изображение Элазара, — но ты еще не в безопасности. Ты должен уничтожить ее, или потеряешь все. Такова воля Валдура.

— Я и есть Валдур.

— Нет еще, — возразил Эломбар. — Просто сказать это — мало. Ты знаешь, что должен попасть на Омбар и принять корону, а с нею — мощь Валдура, До тех пор ты Аватар лишь по имени.

— Но я ваш правитель — да, и твой тоже, пусть ты и архон. Сам Валдур не может похвастаться большей силой, нежели у меня сейчас.

С этими словами дракон снова закрыл глаза и скрылся в воде. Монаршая аудиенция была окончена.

Погрузившись так, чтобы не видеть своих непрошенных гостей, дракон свернулся в клубок и стал ждать, положив голову на передние лапы. Дыхание он мог задержать на час, и приготовился это сделать, давая Роглагу и прочим время покинуть свое святилище. Мало кто мог сюда войти в эти дни, ибо он не доверял никому. Да, облик человека остался в прошлом. Ему теперь нужна надежность этого хорошо защищенного тела, природная броня и оружие чешуи и когтей, крылья — чтобы спастись от опасности. Он вздрогнул, вспоминая хрупкость человеческого тела, его уязвимость для нападения, и слегка пожалел об утрате человеческого «я». Конечно, были наряду со слабостью и приятные моменты. Но сейчас он — создание стихий, стихийных потребностей и страстей. Новая

природа защищает его от человеческой подверженности искушению, как чешуйчатое тело защищает от почти любого оружия — кроме алмазных клинков паладинов и мечей холодного железа. Этого оружия он все еще боится. Но в этой форме он — живая крепость, смертоносная, как целая армия. Если добавить магическую силу, ни один враг не сможет даже надеяться противостоять ему — кроме Трины Лиа.

Эйлия! Где она сейчас? Он не рисковал мысленно прощупать Эфир в ее поисках. Говорят, она набрала большую силу. Архоны, назначившие ему эту роль, дали ему силы ее сыграть? Как бы там ни было, а сейчас он у них в капкане. Страх преследует его даже во сне. И часто во сне на него пикировал дракон — дракон с глазами Эйлии.

Она теперь научилась менять облик — трудное искусство. Ее лоананские силы растут. Пройдет немного времени — и она научится управлять погодой и перемещаться между мирами по своей воле. И это будет только начало, охотное освоение силы, которая без контроля когда-нибудь попытается взять власть в Небесной Империи. Но моругеи, в особенности, гоблины, никогда не примут правления Эйлии. Слишком сильно вбиты в них заповеди Валдура. Нужен иной правитель, который сможет держать моругеев и все же не дать лоананам и другим расам начать с ними войну, правитель, который сможет внушить страх обеим сторонам. И только он может это сделать — и только тогда будет в Талмиреннии истинный мир.

Так говорил он себе, отдыхая в глубинах теплого темного пруда в своем убежище, и в мыслях о будущем даже на миг не задумался о том, что происходит во внешнем мире.

* * *

Йомар стоял на бастионе крепости Йанувана, оглядывая раскинувшуюся внизу площадь. Она была полна народу, как всегда, но толпа была более упорядочена, чем в прежние дни. Мохарцы и представители других народов Меры перемешались с природными зимбурийцами — такое было бы неслыханным во дни правления Халазара. Все рабы после свержения тирана получили свободу, и даже львы, тигры и прочие звери с царской арены были отпущены в степи. Засуха кончилась, дожди шли сильные и постоянные, и посевы расцветали. Все древние пророчества этой земли будто стремились стать явью после прибытия Эйлии.

Принцесса приезжала в Зимбуру несколько месяцев тому

назад и много дней провела одна, сидя в развалинах храма Валдура. Это было мрачное место. Шахта жертвоприношения в его внутреннем святилище была не рукотворной, а природной, и уходила неведомо куда: если бросить в ее темные глубины камень, звука его падения слышно не было. Мохарцы прежних дней боялись этой пропасти и избегали оказываться к ней близко, считая, что это вход в Нижний Мир теней, и оттуда могут выходить злые духи. Пришедшие через несколько столетий зимбурийцы сделали ее центром своего культа и сбрасывали в зияющую пасть убитых жертв, а еще через сотни лет построили над ней храм. Толпа в ярости растерзала Фаролу — жреца, который убил Дамиона Атариэля, и бросила тело старика в шахту храма. То же сделали бы с пойманным верховным жрецом Беренгази и прочими служителями Валдура, вплоть до полоумного послушника, который прислуживал Фароле, если бы не вмешалась Эйлия. Однако все поверили свидетельству Фаролы: тело Дамиона не было сброшено в шахту, молодой священник преобразился в момент жертвоприношения и стал существом из света, которое вознеслось на небеса. Многие утверждали, что он являлся им в этом храме — теперь уже святилище своем, а не Валдура.

Эйлия же терпеливо ждала в этом святилище собственного видения. Потом она утратила веру, что Дамион все еще жив, и ее глубокое горе в сочетании с чародейской ее силой действовало даже на атмосферу, вызывая дожди. Вода сочилась в песок, находила оболочку спящих семян, ожидающих конца засухи, и пустыня расцвела, как бывало в прежние дни, когда переливалась она зеленью и цветами всех оттенков. Так исполнилось мохарское пророчество о богине неба и ее возлюбленном. Как Найа рыдала над павшим богом земли Аккаром, взятом от нее в Нижнее Царство, так Эйлия оплакивала Дамиона — и с тем же результатом. Сила снизошла с Небес и вдохнула жизнь в землю.

Потом Эйлия встречалась и говорила с Вакунгой, мохарским шаманом, ночью, перед тайным отъездом из Зимбуры. Куда она направилась — Вакунга не знал.

— Я сказал только, что она не может просто ждать явления Дамиона, а должна, как богиня, искать своего возлюбленного. Она сама знает где, — объяснил он.

Ответом Йомара на это было цветистое сквернословие, но толку от него было мало: в отсутствии принцессы ему пришлось взять бразды правления в Зимбуре — в качестве временной меры. Ему еще приходилось и самому сидеть на троне: украшенный золотом и каменьями трон Солнца, который почитатели Валдура построили сотни лет назад как соперничающий с Лунным троном

Трины Лиа на Арайнии. Халазар и его предшественники представляли себе, что завоюют царство принцессы, как солнце затмит луну. Йомар в этом большом золоченом кресле видел символ всего, чего терпеть не мог: тирании, привилегий и надменной гордости. Но ради ответственности за родную землю он принял эту мантию почета.

Его прославляли героем Великого Восстания, и он был признан обеими расами, поскольку была в нем и мохарская, и зимбурийская кровь. И пока что все шло гладко. Зимбура оправлялась от ран, и королева Марьяна сообщала, что у них в Шуркане тоже все в порядке и что она сейчас может восстановить трон Лотоса. Но на севере оставшиеся приверженцы Халазара признали своим вождем нового Аватара, Мандрагора. У них была своя армия, и они распоряжались Армадой Зимбуры, которая все еще бороздила моря вне досягаемости Йомара. И еще были кометы — остатки кометного дождя от возмущения далекого ледяного облака в пустоте, вызванного Азарахом. Все население Меры считало кометы вестниками зла — поверье, несомненно, вызванное воспоминаниями о первой Катастрофе. Никакие слова Йомара не могли унять растущий ужас населения перед этими «знаками» в небесах. Он знал, что их страхи, пусть питаемые суевериями, основаны на факте.

Он ощущал себя очень одиноким. Дамион погиб, Талира, страж Эйлии, вернулась на свою далекую планету, Кира-кия, чтобы посоветоваться со старейшинами своего народа, дракон Аурон с другими лоананами вел битву где-то далеко в космосе, а Лорелин, устав от отсутствия сколько-нибудь важного дела, решила в конце концов примкнуть к лоананам.

— Ты здесь нужен, Йо, — сказала она ему, серьезно глядя голубыми глазами. — И Эйлия здесь нужна. А я нет.

Мне ты нужна, хотел он ей сказать. Но, как всегда, не смог найти слов, и она улетела в небо на спине дракона.

Он вышел из бастиона и спустился по каменной лестнице в свою личную приемную. Там его ждали Киран Йарисс и Йегоси — главный евнух. Последний низко поклонился, но Киран только лениво махнул рукой:

— Приветствую тебя, сын Йемозы, царь зимбурийский!

— Я вам не царь, — буркнул Йомар, падая на диван. — Сколько раз тебе говорить? Пусть народ выберет себе правителя.

— Народ выбирает тебя. Люди хотят, чтобы ты занял трон, Йомар.

— А я не хочу. Налей себе вина.

Последние слова он произнес холодно: Киран уже приканчивал стоящую на столе бутылку. Но Йомар был

благодарен молодому зимбурийцу за фамильярность. Это было приятное разнообразие после благоговения и почестей, которые он получал от всех в замке. А Киран сам сыграл важную роль в свержении Халазара, с серьезным риском для себя. Это он нашел в пустыне Йомара, Лорелин и их друзей-повстанцев; он был у них разведчиком, а в последние дни правления Халазара помог поднять население на открытый бунт. Он привел разгневанную толпу на арену, где Йомар бился за свою жизнь, освободил его и потом вместе с ним штурмовал Йануван.

— Раз мы заговорили о тронах, как там Йари? — спросил Йомар, желая сменить тему.

Киран взял к себе сына тирана, когда мать мальчика сбежала к своей родне, оставив ребенка, которого боялась не меньше, чем своего венценосного мужа. Поскольку Киран участвовал в свержении царя, он считал себя обязанным в компенсацию предложить мальчику новый дом.

— Приспосабливается, скажем так, — ответил молодой зимбуриец, прикладываясь к бокалу. — На самом деле отца он видел очень мало, и оплакивает его не слишком усердно. Йари знает, что никому не должен говорить, что он сын Халазара, и дома на это тоже не особо напирать. Мои собственные дети на него насядут — в буквальном смысле, — если он попробует.

Йегоси, терпеливо гадавший своей очереди заговорить, вышел вперед:

— Если тебе будет угодно, Заим, то в город прибыл эмиссар из Маурайнии и просит о встрече с тобой…

— Мне не угодно, — буркнул Йомар. — Но передай, что я его скоро приму.

Йегоси поклонился и повернулся, будто собираясь уходить, но остановился.

— Народ спрашивает, когда Найа вернется к ним, Заим.

— Ее зовут не Найа, а Эйлия. Она не богиня, и никогда себя богиней не называла. А насчет когда вернется — скажи им, что я не знаю.

Йегоси неловко переступил с ноги на ногу.

— Мне не поверят. Скажут, что я не говорил с тобой, что я их обманываю. Ты — пророк, которому верят, и они скажут: «Он должен знать, когда она вернется». — Он снова замялся. — Я не молод, господин Заим, и видел, как свергнуты были три царя в этой земле. Последним был Халазар. Сегодня люди поклоняются властителю, завтра они его ненавидят. Я не угрожаю, господин, я только хочу остеречь тебя. Я еще много лет буду видеть твое правление.

— Но я должен играть с толпой и угождать ей? Вот именно

поэтому не хочу я быть вашим царем.

Йомар со значением поглядел на Кирана Йарисса.

— Йегоси, ты зря себя тревожишь, — сказал Киран и потрепал евнуха по плечу. — Я заранее знаю, что ты скажешь. Но наш Заим — никакой не тиран, и ничего не сделает такого, чтобы народ против него восстал. На самом деле ты за свое благоденствие беспокоишься. Ты знаешь, что Йомар лучше всех правителей, что у нас до сих пор были, и что ты будешь наслаждаться уютом и спокойствием в этих стенах столько, сколько он будет править. И он будет, вот увидишь. Под его правлением ты доживешь до почтенной старости.

Йегоси снова поклонился:

— Ты более чем добр. Знал бы я больше о Заиме и его Трине Лиа, я не боялся бы их. Но я не понимаю… ты слышал, что однажды Эйлия появилась перед нашим двором, как призрак, и обратилась к Халазару?

— Да, хотя и сомневался в верности описания, потому что сам там не был и этого не видел, — ответил Киран.

— Я тоже там не был, господин, но я был в соседней комнате. Я ее не видел, пророчества ее не слышал: крики придворных заглушили почти все, что она говорила, а сам я бежал и спрятался под столом и не смел шевельнуться, пока не стихло смятение. Но я слышал, как она говорила о смерти и разрушениях…

Йомар потер висок и застонал:

— Она только говорила, что *Халазар* навлечет их на свой и ее народы, если начнет войну.

— Теперь я понимаю. И большинство зимбурийцев тоже поняли. Но есть еще другие, действующие в ложном убеждении, что она желает нам вреда, и эти обратились к принцу Морлину. Мне бы не хотелось увидеть, как за ними пойдут другие. Ее быстрое возвращение могло бы дать уверенность, что этого не будет.

Он поклонился в последний раз, ниже обычного, чуть не коснувшись лысиной пола, и вышел.

Снаружи донесся крик толпы, и Йомар встал и снова вышел на балкон. Он глянул вверх, закрыв глаза ладонью от солнца, наполовину ожидая, что какая-то комета устремилась к земле. Но увидел вместо того дракона, сверкающего золотой чешуей, на спуске к крепости. Он успокоился: это был имперский дракон, а эти создания на стороне Эйлии и императора. Не мародер, а эмиссар добра. Приглядевшись, Йомар разглядел на его спине всадника, облаченного в доспехи, сверкающие серебром. Паладин.

В вихре, поднятом крыльями, огромный зверь опустился на

бастион. Йомар шагнул вперед поприветствовать всадника. Короткий его плащ развевало ветром. Человек в доспехах легко спрыгнул с дракона, сорвал с себя шлем, обнажив вихрь белокурых волос. Сердце Йомара радостно забилось, он бросился вперед и заключил паладина в медвежьи объятия со всеми его доспехами.

— Лорелин, это ты! Я все гадал, когда ты вернешься.

Она улыбнулась в ответ.

— Ох, Йомар, как хорошо тебя видеть! Столько о тебе ходит рассказов… но что это за история, будто Эйлия уехала отсюда?

— Зайди, — сказал Йомар, снова переставая улыбаться. — Я тебе все расскажу. Он тоже к нам? — Йомар показал на золотую громаду дракона.

— Это она, — поправила его Лорелин. — Нет, она сказала, что возвращается в бой. Спасибо тебе, Галлада.

Золотой дракон кивнул, расправил сияющие крылья и взмыл в воздух. Йомар ввел Лорелин в комнату. Сурового вида мохарские стражи с копьями в руках вытягивались, когда эта пара проходила мимо них по коридорам. Темные лица светились гордостью: когда-то они были в Зимбуре рабами, а теперь чернокожие свободно ходят в стенах Йанувана.

Йомар подтолкнул Лорелин в приемную. При виде их Киран поднялся, широко улыбаясь.

— Привет, Киран! — сказала Лорелин.

— Как хорошо снова тебя видеть, госпожа Лорелин. Теперь я оставлю вас вдвоем, — добавил он таким тоном, что Йомару захотелось его стукнуть.

— Я прежде всего хочу снять доспехи, а потом вымыться, — сказала Лорелин.

— Тогда я тебя провожу в комнату для гостей, — предложил Киран.

В кресле черного дерева, поставив обутые в сандалии ноги на шкуру льва, Йомар ждал возвращения Лорелин. Наконец она появилась в свободном зеленом платье, с чистыми мягкими короткими волосами. Она красива, подумал он, хотя и не обычной красотой, и она свежа, как цветок, как высокая лилия на зеленом стебле с золотыми лепестками. Странно, что он, который не боится ни опасности, ни смерти, не может высказать этой женщине свою растущую любовь. Она никаких аналогичных чувств к нему не проявляет, и Лорелин не стала бы цепляться за традиционную чушь «пусть мужчина скажет первым». Она была откровенна и честна в своих эмоциях, всегда была. Для нее они все были воинами, товарищами по оружию, пережившими вместе несчетно опасностей, и ее вроде бы устраивала их дружба. Нет

сомнения, что объяснение в любви — это если он когда-нибудь найдет нужные слова — она воспримет как нежелательное осложнение. Если он хочет от нее большего, то нужно выждать подходящее время и надеяться, что она когда-нибудь увидит его в ином свете.

Но хорошо хотя бы, что вернулся такой друг. Он пододвинул ей кувшин лимонада и чашу с фруктами.

— Давай, голодна небось.

— Как волк, — ответила она жизнерадостно. — Я видела, как драконы поворачивают кометы, и помогала им, когда могла. К нам примкнули существа из других миров — никогда не видела столько странных созданий за всю мою жизнь! Как в рассказах Эйлии. Йомар, где она? На каком-то тайном задании?

— Эйлия сбежала, — сказал Йомар ровным голосом. — Она была в тяжелом настроении с той минуты, как мы сюда прибыли. Я никогда не видел у нее улыбки, ни разу. Это потому что не удалось найти…

— Дамиона, — тихо сказала Лорелин. — Да, она мне говорила, что опасается, не снится ли ей это все. Насчет того, что он жив.

Йомар кивнул с мрачным видом.

— Хотелось бы мне, чтобы… я бы все отдал, чтобы Дамион действительно как-то выбрался… — Голос его зазвучал хрипло. — Мне его не хватает.

Лорелин тоже опустила глаза, короткие волосы рассыпалась вокруг лица. Что-то в этой печальной позе еще сильнее заставило сжаться горло Йомара. Он с трудом прокашлялся и заговорил дальше:

— Люди просто льнули к ней, когда она появилась. А она ведь появилась не просто так, а верхом на драконе. Киран мне об этом рассказал. Он говорил, что люди так испугались, что боялась к ней подойти из-за Аурона, но площадь была забита народом, и от шума оглохнуть можно было. Понимаешь, она для них была вроде богини.

— Не думаю, что ей это понравилось, — ответила Лорелин. — Ей такого обращения на Арайнии с лихвой хватило.

— Нет, ей не понравилось, но сделать она ничего не могла. Как сказал Вакунга, Дамион отдал жизнь, чтобы дать ей этот титул, и она не могла лишить его жертву смысла. Она мне так сказала. Но все время, что она здесь была, это ее грызло. И наконец она удрала. Камень Звезд она не взяла с собой, даже не сказала, что уезжает — записку передала через Йегоси.

Он вытащил клочок пергамента из кармана и дал Лорелин. У нее расширились глаза, когда она прочитала:

Дорогой Йомар!

Пожалуйста, не сердись. Я чувствую, что надвигается огромная опасность, и я должна быть к ней готова. Я решила отправиться в Маурайнию и поискать там Ану. Я чувствую, что она еще жива, хотя мы о ней ничего не слышали, и очень о многом я хочу спросить у нее совета.

Я обещаю, что вернусь, и надеюсь, что буду тогда сильнее.

Эйлия

— Давно она уехала? — спросила Лорелин.

— Уже недели две. Народ беспокоится, люди хотят знать, где их богиня, особенно теперь, когда бунтовщики зашевелились на севере. Они теряют веру. Лори, нам нужна Эйлия.

— Дело еще хуже, чем ты думаешь, — сказала она. — Я знаю, что ты чувствуешь, Йомар, но эта страна — весь этот мир — только пылинка в Талмиреннии. Там, в небе, воюют целые миры, хотя отсюда все это выглядит так мирно. Послы этих миров нам об этом рассказали. Империя лоананов расколота и занята своей войной. Гоблины и огнедраконы нападают на другие планеты. Все это так огромно, что я едва могу в голове удержать. Но звезд в небе больше, чем песчинок в пустыне, и они все могут оказаться втянутыми в войну.

— Я догадываюсь, кто находится в центре всего этого, — сказал Йомар с мрачным видом.

— Да, Мандрагор. Или принц Морлин, или как хочешь его назови — у него, похоже, в каждом мире свое имя. Он затевает беспорядки по всей Империи, надеясь выкроить империю поменьше для себя. Говорят, он захватывает мир за миром, убивая всех валеев, которые пытаются ему противостоять, а теперь посылает огнедраконов жечь и убивать на планетах Империи. Йомар, его надо остановить.

— Буду рад послужить, — ответил он, играя кинжалом на бедре. — Как тебе ожерелье из драконьих зубов?

— Не говори глупостей! — вспыхнула Лорелин, вскакивая. — Тебе его не убить! Никто из нас этого не может — кроме Эйлии. И мы должны ее найти! Мне это не нравится — то, что она сбежала. Как будто… как будто сбежала она от него. Что-то с ней случилось, когда он держал ее в своем замке. Я пыталась ее разговорить, но она об этом говорить не хочет. Она должна победить принца-дракона, или все так и будет идти вкривь и вкось!

— Мы вполне можем заняться Мандрагором. Помнишь наш обет?

— Наш обет — чушь, — ответила она. — И мы все время это знали, только слишком неприятно было нам это признать. Никто из нас Мандрагору не повредит. Только Эйлия может его одолеть.

— Тогда поехали в Маурайнию, — предложил Йомар. Облегчением была возможность наконец действовать после этих недель бессильного ожидания. — Может, Ана действительно жива. Мы считали, что старуха мертва, потому что от нее ничего не было слышно. Но это может быть простая осторожность. Эфирные передачи может перехватить враг, правда ведь? Если они с Эйлией там, мы должны попытаться привезти обеих сюда. Но на корабле сейчас не проплыть, пока там блуждает Армада. Эйлия перенеслась через океан какой-то магией.

— Я позову дракона, как только ты будешь готов, — сказала Лорелин.

Йегоси вошел в комнату с наинижайшим поклоном:

— Мой господин, посол Маурайнии почтительнейше просит аудиенции, — объявил главный евнух.

— Ой, черт побери, забыл совсем о нем. Лучше принять его сейчас. Давай его сюда, Йегоси.

Вошел коренастый мужчина с седеющей бородой, одетый в золотой с пурпуром мундир королевского Дома Маурайнии. Он тоже поклонился, но не столь низко, и, выпрямившись, оглядел всех высокомерным взглядом. Потом заговорил на эленсийском. Хотя этот язык на Мере был мертв и сколько-нибудь регулярно употреблялся только в литургии западной веры, иногда на языке элеев говорили послы и некоторые племена Мохары — в ситуациях, когда нужен был *lingua franca*. Народы этого мира были когда-то едины в Содружестве, где доминировали элеи, и следы культуры и влияния народа фей сохранились.

— Посол Йевон, слуга короля Лиана Первого и королевы Паисии Мауранийских, — представился дипломат официальным тоном.

Йомар помахал рукой.

— Можете говорить по-маурийски, — сказал он на этом языке. — Я когда-то выучил этот язык.

Йевон изумленно моргнул, но взял себя в руки.

— Я не ошибаюсь, что обращаюсь сейчас к новому властителю Зимбуры?

— Властителя нет, — ответил Йомар. — Я тут присматриваю за ходом дел, пока зимбурийцы не выберут себе настоящего предводителя.

Посол Йевон приподнял брови.

— Вот как? Мне дали понять, что вы захватили трон для себя. Вы говорите, что это на самом деле не так? Мне нелегко это

понять, и… как я должен обращаться к вам, сударь?

— Я — Йомар, а это, — он ткнул пальцем через плечо, — Лорелин.

Острые серые глаза глянули на высокую девушку.

— Она ваш… консорт?

— Мой друг и советник, — ощетинился Йомар. — Все, что вы хотите мне сказать, может быть сказано при ней.

— Ну, хорошо… Йомар. Маурайния, как я уже сказал, обеспокоена сведениями, что положение здесь столь нестабильно. Самое лучшее — когда монарх коронуется немедленно после гибели или низложения предыдущего. Народу как-то надежнее. Кроме того, Маурайния интересуется вашими намерениями. — Он снова глянул на Лорелин. — Я вижу, что вы не принадлежите к антиподам, сударыня, — заметил посол. — Вы ведь с запада?

Было ясно, что ее присутствие он рассматривает как потенциальное преимущество.

— Меня воспитали монахи архипелага, и это долгая история, — объяснила Лорелин. — Но вернемся к текущим делам, господин посол.

— Да-да. До нас постоянно доходят сведения об этом конфликте у антиподов. Я понимаю так, что после низложения прежнего царя возникла борьба между двумя соперничающими религиями. Культ вашей богини и другой — основанный на почитании Валдура.

— Это пророчество, господин посол, — объяснила Лорелин. — Трина Лиа, принцесса Звезд, против принца-дракона. Мы на стороне принцессы, а они почитают принца. Он, видите ли, для них бог — Валдур в земном воплощении.

— Значит, так и есть — старые ереси и предрассудки сошлись здесь! И антиподы верят, что это апокалипсис?

— Это так и есть, — настаивала Лорелин. — Принц-дракон — реальный человек. И принцесса тоже реальное лицо. Я ее отлично знаю, и она именно та, кем себя объявляет. Честно!

— При всем уважении, мы воздержимся от суждений по этому поводу. Чтобы считать такие вещи пророчеством, моему сюзерену потребуется что-нибудь убеждающее.

— Тогда пусть его убедит вот что, — ответил Йомар. — Мы будем воевать на стороне принцессы, с его помощью или без.

— Хорошо, тогда мог бы я хотя бы увидеть эту вашу принцессу?

Лорелин переглянулась с Йомаром.

— Она… ее сейчас здесь нет.

— Понимаю.

Он даже не попытался скрыть свой скептицизм.

— Послушайте, господин посол, — сказала Лорелин. — Вы просто должны решить, на чьей вы стороне. На карту поставлена судьба всего этого мира. Мы со своей стороны сделаем все, что должны сделать. Но вы тоже можете сделать кое-что: выслать ваш флот против Армады, например, и освободить архипелаги. А это освободит руки нам для других вещей.

— Каких именно? Вы хотите подавить оставшихся фанатиков здесь, в Зимбуре?

— Нет, не их, — ответил Йомар. — Это просто слепые обманутые глупцы, а некоторые вообще запуганы. Мы не будем выступать против них. Нет, — повторил он, выпрямляясь во весь рост. — Мы собираемся убить их бога.

3
Книга Судьбы

Растущие страхи правителя проявлялись на улицах столицы Маурайнии все заметнее. Хотя на памяти живущих ни одной войны не было, многие в Раймаре помнили рассказы о давних нападениях зимбурийцев на город — корабли их непобедимого флота, вооруженные катапультами и горящей смолой, свирепые воины, опустошавшие побережье. Прошедшие столетия не убавили ужаса этих повествований, и оборонные сооружения города поддерживались в рабочем состоянии. Все так же высились мрачные морские стены на побережье Раймара, сторожевые башни поднимались над восточным краем города головами настороженного зверя. Враг все еще был там, за изогнутым морским горизонтом, и теперь он овладел промежуточными островами архипелагов: ничто не препятствовало ужасу прежних времен повториться вновь. Доходили до Маурайнии слухи о войне на востоке — их привозили моряки, знающие, о чем говорят. Кое-кто из горожан в телегах и фургонах двинулся к Западным горам — укрыться за их естественным валом. У тех же, кто остался, жизнь была полна страшных ожиданий. Каждый день приносил новые знаки неизбежной судьбы: вести приходили с верфей, с прибрежной дороги, ведущей с юга, с рынка, где продуктов становилось все меньше, а цены все возрастали — и не только из-за конца зимы.

И вот теперь пришли новые рассказы, которым едва ли можно было верить: неизвестный ужас явился не с моря, но с воздуха.

Лица людей стали мрачными, в каждом голосе слышалась тревога, каждый рассвет был суров и холоден. Но солнце поднималось выше, и возвращались нормальные ритмы городской жизни. Может, война будет завтра утром, а то и сегодня вечером или днем, но сейчас надо выполнять работу, искать еду, покупать или выменивать предметы первой необходимости. И никто не заметил старуху, явившуюся в город со стороны моря. На ней был ничем не примечательный измазанный белый плащ и простое платье, нечесаные седые волосы обрамляли бледное лицо с запавшими глазами и глубокими морщинами. Много было таких бедных женщин, одиноких вдов и старых дев, живущих тяжелым трудом при складах или верфях. Она смешалась с толпой, медленно шла, согнувшись, будто от усталости. Когда она добралась до широких главных улиц центра города, над головами толпы раздался крик, и старуха застыла, ошеломленная.

— Разойдись, сброд! Дорогу их величествам!

Она не могла двигаться быстро, и напор толпы чуть не сбил ее с ног. В результате она оказалась в передних рядах, когда с грохотом вылетела открытая карета, запряженная одинаковыми белыми лошадьми и управляемая кучером в лиловой ливрее. Сидели в ней молодой мужчина с темными волосами и бородой, с оливковой кожей, а рядом с ним — светловолосая молодая женщина, одетая в белое с серебром. Одежды их были сшиты из тонкого бархата и парчи, а головы венчали золотые короны. Это были король Маурайнии и его королева, Паисия, дочь покойного короля Стефона.

— Сдай назад! — рявкнул вооруженный телохранитель, толкнув старуху в ряды зевак. — Дорогу тем, кто получше тебя!

Она отступила, пошатнувшись, и мужской голос позади нее буркнул:

— Ну и наглец!

— А они все такие, маракиты эти. Вот что получается, если принцессу за иностранца выдать, — отозвалась какая-то женщина.

— Да ладно тебе! А что, за простолюдина принцессу выдавать, что ли? — возразила другая. — У нее иного выхода не было, как идти за принца Лиана.

Снова заговорил мрачный мужчина:

— Просто не повезло нам, что у Стефона наследника не было. От королевы-иностранки вреда было бы куда меньше — муж бы ее держал в руках. А Паисия должна слушаться этого своего маракитского мужа и мириться с тем, что он решает. Это же он подписал с Халазаром перемирие…

— Не его вина. Его святой отец уговорил, — возразил другой мужчина. — Я вообще не в восторге от Норвина Зимы как верховного патриарха, но уж его зимбурийские неофиты! Шпионы Халазара, все это знают, только не он…

— Ну, Халазара больше нет, и скатертью им дорога! — отозвалась первая женщина.

— Ага, зато там теперь гражданская война. Нам худо придется, кто бы у них ни победил, помяните мое слово. Что те, что эти — язычники, мы для них враги. И говорят, что Армада уже в пути.

— Да что там Армада! — вмешался новый голос. — А те другие корабли — что по воздуху летают? Что против них наши морские стены?

— Летучие корабли? — настороженно спросила старуха.

Говоривший повернулся к ней:

— Не слыхали? Какое-то колдовство зимбурийцы придумали: строят корабли с машущими крыльями вместо мачт и парусов. Их

уже видели повсюду, как они в небе плавают. Мудрецы из Академии говорят, что это просто машины, ничего больше, что они сами могут такое построить — но ведь не построили же?

Человек покачал головой.

Эйлия не ответила. Он был прав: строителям древних каменных укреплений в гавани и во сне не снилось нападение с воздуха. Но, как ни хотелось ей задать еще вопросы, она знала, что нужно уходить. Ее переполняла тревога, а от усталости, голода и недосыпания сменить облик она бы сейчас не могла — даже иллюзию было трудно поддерживать: сохранение облика седой старухи в глазах окружающих требовало сосредоточенности и напряжения всех оставшихся сил. Показать же свое истинное лицо она не решалась из страха перед вражескими шпионами.

Эйлия шла по крутым улицам, и чувствовала себя так, будто действительно стала старухой. Кружилась голова, бросало в жар, несмотря на влажную прохладу. Легким было трудно дышать, икры ныли, но глаза смотрели туда, куда она направлялась: к обрыву, где стояло каменное здание со множеством башен. Это была Королевская Академия, где когда-то Эйлия была студенткой. Ее потянуло вновь пройтись по знакомым коридорам и залам, отдохнуть в тихой церкви.

Добравшись, она была вынуждена присесть на каменных ступенях порога и перевести дыхание. Над ней нависал фасад здания, скалились на крышах горгульи и другие мифические каменные звери. Эйлия заметила среди резных зверей единорога — невежественный меранский художник изобразил его в виде рогатой лошади. Конечно, здесь никто веками уже не видел необычайное изящество и тонкость линий тарнавина, не знал, что он так же отличается от лошади, как лебедь от гуся. Изображены были еще фигуры херувимов — художник назвал бы их грифонами — и чешуйчатых огнедраконов. Здешние жители давно считали этих иномирных созданий мифическими. Мало кто знал, что древние грезы — и кошмары — скоро снова появятся на Мере. И никак она не может их предупредить, потому что никто ей не поверит.

Когда Эйлия почувствовала, что немного отдохнула, она поднялась по ступеням, вошла в передний зал — и остановилась, как пораженная стрелой. На каменной стене перед ней висел темный и постаревший портрет маслом — портрет бывшего покровителя школы, дворянина прежних времен с суровыми тонкими чертами лица и пронзительными глазами. Студенткой она много раз пробегала мимо, но только сейчас узнала оригинал. Изящная бородка, подстриженная острием копья, скрывала нижнюю часть лица, и глаза были серо-голубыми, а не

золотыми, и все же портрет передавал больше черт Мандрагора, чем последний наверняка хотел бы. Иллюзия изменила цвет его глаз и, быть может, другие мелкие детали под кистью художника, и все же проявлялось что-то от него в уверенной позе, гордой постановке головы и решительном развороте плеч под черным бархатным кафтаном.

С некоторым трудом отведя глаза от портрета, Эйлия пошла дальше.

Когда-то Королевская Академия была ее домом, где она жила, спала и ела, где бродила в свое удовольствие по огромной библиотеке. Никто не взглянул на нее, когда она вошла, все лица были чужими. Эйлия шла среди этих людей, как призрак среди живых. Один раз она заметила светловолосого человека, стоявшего к ней спиной, и, не успев подумать, вскрикнула: «Дамион!» — и тут он повернулся, удивленный, а она в смущении отступила при виде незнакомого лица. Эйлия заставила себя пойти дальше, и другое лицо, темнокожее, с морщинами, всплыло перед ее мысленным взором. Вакунга. И вспомнились его слова:

«Ты ищешь Дамиона не там, — сказал ей шаман. — Небесная богиня Найа знала, что должна искать возлюбленного в Нижнем Мире, и снова вызвать его к жизни. А твоя история во многом повторяет ее».

Суеверие, просто суеверие. Вакунга был мудр, но не прошел обучение арайнийских немереев. Дамион Атариэль не вернется никогда. И здесь, как и в Зимбуре, он присутствует лишь в памяти тех, кто его знал.

Она подумала смутно, есть ли в Маурайнии кто-нибудь, кому надо сообщить о судьбе Дамиона. Он был сиротой, родственники неизвестны, его воспитали в Академии монахи ордена Святого Атариэля. Быть может, следует сообщить аббату и приору. И был у него друг детства, теперь рукоположенный священник в городе — как же его звали? Она не могла вспомнить. Мысли текли вяло и медленно — наверняка от усталости и угнетенного настроения. Несколько человек, мимо которых она прошла в коридорах, бросили на ее оборванную фигуру неодобрительный взгляд, и она все время ждала, что ей прикажут покинуть помещение. Но ее хотя бы не смогут вышвырнуть из часовни, открытой для всех верующих, и Эйлия ускорила шаг, направляясь к этой безопасной гавани. Придя, она опустилась на колени в молитвенной позе, пристально глядя на святилище. И снова от знакомого окружения кольнуло сердце. Высокий сводчатый потолок с каменными резными фигурами, ряды мигающих свечей, алтарь со Священным Пламенем — все это напоминало о безопасном и счастливом прошлом. За алтарем стояла каменная ширма, закрывающая

святая святых, украшенная крылатыми фигурами из бронзы. Ангелы — так их тут называли. Но, как каменные горгульи, эти статуи были вдохновлены истинными рассказами о созданиях прежних времен: чародейных, меняющих облик архонах, правивших когда-то Небесной Империей.

И здесь, в этой часовне, в ее озаренном пламенем святилище увидела она впервые…

Нет. Не будет она опять вспоминать Дамиона.

Эйлия снова стала рассматривать резных ангелов и демонов на ширме алтаря. Они навели на мысль о древних меранских писаниях, где говорилось о войне Неба и Ада. Взяв со скамьи иллюстрированный молитвенник, Эйлия открыла первую его часть, Книгу Начал. Здесь с соответствующими гравюрами рассказывалось о войне крылатых ангелов в мантиях со страшными злыми духами, обладателями рогов, хвостов и прочих атрибутов зверя. Модриан-Валдур появился сперва как архангел в венце, потом как демон в облике человека, только с крыльями и хвостом дракона, и наконец — как страшный коронованный дракон, выдыхающий пламя в битве с Атариэлем, предводителем небесного воинства. На последней иллюстрации он был изображен падающим в Пропасть Погибели, которая была символически представлена как дымящаяся разинутая пасть, готовая его поглотить.

Эйлия какое-то время смотрела на эту картину, потом перелистнула к Книге Бытия, где содержалось более детальное описание Пропасти, составленное Орендилом.

«И узрел я глазами своими царство вечной тьмы, — писал он, *— где царили демоны омерзительной ипостаси, не зверя и не человека. И есть в месте том крепость могучих башен и стен, Цитадель Гибели, где обитает Великий Обманщик и все демоны его. И поставлена она на краю ямы пламени вечного. В ту Пропасть Погибели направляются проклятые, дабы вечно терпеть муки, изобретенные демонами для них».*

На прилагаемой иллюстрации изображена была крепостная башня, поднимающаяся над зияющим провалом, откуда шел дым, а коронованный дракон в окружении бесчисленных уродливых демонов гнал испуганных людей прямо в бездну.

Эйлия отложила книгу. Это был всего лишь кошмар? Или Орендилу действительно было дано видение царства Валдура? Его описание Неба было очень похоже на описание Велессана Странника, хотя и менее детальное, а Велессаново видение планетных сфер оказалось на удивление точным. И Погибель тогда тоже реальна — не воображаемое место вечного проклятия, а определенное место в материальном мире, которое сумел

увидеть Орендил? А если так, где оно может быть? В одном предании черная звезда в созвездии Валдура стала порталом ада, но это может быть просто фантазия. Однако сцена, описанная Орендилом, могла иметь место в реальном мире в пределах Энтара — Звездной Империи Валдура. Быть может, пророк увидел далекое прошлое прежнего столичного мира империи — Омбара, планеты возле красной звезды Утара? Как говорил Мандрагор, одна сторона этого мира всегда повернута прочь от солнца. Место «вечной тьмы». Демоны-чародеи могли воспользоваться превращением или иллюзией, чтобы явиться отвратительными чудовищами, а уж чародеями архоны были несравненными.

Она пролистала истрепанные загнутые страницы и остановилась на одной иллюстрации: женщина, сражающаяся с коронованным драконом. Иллюстратор этого тома почему-то решил включить в каноническую Книгу Судьбы апокрифический образ. Эйлия в смятении уставилась на страницу. Иконография была традиционной: Трина Лиа в короне из звезд стояла на перевернутом полумесяце, потрясая Камнем Звезд, а дракон вставал на дыбы, расправив крылья, изрыгая пламя из пасти. И Аурон, и старая Ана говорили, что будущее переменчиво, что ничто не определено необратимо — и все же вот оно перед ней, неизбежное. Ни один ангел-воин не придет воевать с врагом. Битва эта в прошлом, и никогда не повторится. Ей теперь выпало взять на себя роль бойца, а не ждать, чтобы ее спасли другие.

Эйлия сглотнула, и пересохшее горло отозвалось болью. Волнами накатывали холод и жар. Она отложила книгу и прижалась лбом к стоящей впереди скамье, в обмороке от изнеможения, а сидящие вокруг решили, что она молится. С потерей сознания пропала иллюзия внешности: кто заглянул бы сейчас под капюшон, увидел бы молодое лицо. Но она спала, не чувствуя опасности. Во сне — или все же наяву? — она видела эту же часовню в давние-давние дни, с коленопреклоненными монахами и рыцарями на скамьях. Среди них был молодой мужчина ангельской красоты с серьезным лицом, с рыжевато-золотыми волосами до плеч и чудесными глазами почти того же цвета. Рыцарем и принцем был он тогда, освобожденный от кошмаров прежнего своего детства для жизни в чести и гордости на почетной службе, еще не тронутый тенями своего темного будущего.

Нет, это уже слишком, и она, не выдержав, вскрикнула от душевной муки.

Чьи-то руки трясли ее, пытались разбудить, и это было в горячечном сне, из которого не удавалось вырваться.

Ее подняли, ощутила она смутно, понесли, долго шли в

темноте. Кто-то застонал где-то вдали, потом ближе, потом она поняла, что это ее голос. И издалека, непонятно откуда, донесся еще голос, будто знакомый, хотя трудно было сопоставить его с лицом:

— Это она, она. Эйлия! Наконец мы ее нашли.

Город как-то странно затих и замер с наступлением вечера. Люди, добыв, чего хотели, на рыночной площади и в магазинах, не задерживались на улице, а спешили домой. Днем трудно было сказать, сколько горожан покинули свои дома, но вечером убыль населения Раймара становилась очевидной. Когда-то весь город был озарен теплым желтым светом ламп из каждого окна, но сейчас было видно много темных прямоугольников — не меньше трети народу уехало. И вскоре за ними последуют еще, если не придет хороших вестей. Весь Раймар будто сжался в ожидании смертельного удара.

Джеймон Моряк выглядывал из открытой двери заброшенного дома, который заняли он и его родственники. Сегодня он ходил в гавань узнать новости от команд торговых судов. Сейчас в Зимбуре сражались за власть две соперничающих силы: человек, который называл себя новым богом-царем, и его противник, что-то вроде пророка из пустыни по имени Заим, который почитал какую-то богиню. В Зимбуру направили послов к обеим сторонам, но никто не знал, приняла ли их хоть одна. Неизвестно было, удовлетворятся оба тирана дракой между собой или кто-нибудь из них в борьбе с соперником позовет в союзники западные страны. Тогда может быть мир. Но голоса моряков звучали неуверенно, в глазах проглядывал страх. Некоторые корабли подвергались в море нападению, их грабили и жгли. Кто бы ни командовал сейчас Армадой, Содружества он не боялся.

Джеймон повернулся и вошел в дом, раздумывая, делиться ли услышанным с родственниками. Такое чувство, что он судьбой обречен всегда приносить печальные известия: несколько лет назад именно он посоветовал им покинуть Большой остров и искать на континенте убежища от флота Халазара. Он решил сейчас ничего не говорить, вообще не поднимая эту тему. Сестра его, Джемма, была на кухне и замачивала в тазу какую-то тряпку. Джеймон встал рядом с ней.

— Все еще не очнулась? — спросил он.

Джемма покачала головой.

Расправляя тряпку, она пошла в комнату больной, и Джеймон за нею. Тетя сидела рядом с постелью, не отрывая глаз от лежащей. На миг Джемма и Джеймон остановились, глядя на лежащую без сознания девушку. Ее глаза были крепко зажмурены,

вокруг них лежала тень, лицо приобрело восковую бледность. Время от времени больная беспокойно шевелилась, дергая руками по одеялу, но не просыпалась.

Джемма села рядом с Неллой и подала ей тряпку.

— Вот так, Эйлия, доченька, — сказала вполголоса Нелла, кладя мокрую ткань девушке на лоб. — Так прохладнее немножко будет.

Она говорила, зная, что дочь не ответит, скорее себя успокаивая этими словами. Джемма озабоченно смотрела на это служение.

Джеймон остался стоять, глядя на заболевшую двоюродную сестру. В детстве они были очень близки, даже ближе, чем с родной сестрой, потому что у Эйлии была та же тяга к приключениям. Они вместе играли, воображая себя героями волшебных сказок и старых легенд, говорили о дальних землях за раскинувшемся со всех сторон морем. Он иногда ловил себя на мысли, не эта ли духовная близость, выходящая далеко за рамки родственных связей, была причиной, что он не женился. Никогда не удавалось найти женщину, которая понимала бы его так же глубоко, как Эйлия.

Глядя в ее лицо, лишенное не только цвета, но и живости, он вспоминал свет энтузиазма и рвения, заполнявший эти глаза, легкий румянец жадного интереса, когда она говорила о своей жажде знаний и опыта. Он вспоминал ее детский восторг, когда она оказалась в Маурайнии — мечта стала явью, вопреки тревожным обстоятельствам, которые сделали это возможным. А потом, всего через несколько месяцев, она исчезла из Королевской Академии, оставив его и всю семью терзаться тревогой. Никто не верил в объяснение, предложенное властями: что Эйлия вступила в тайный ковен ведьм и сбежала, когда ее единомышленники были арестованы. Само обвинение в ведьмовстве было абсурдом, но будь оно даже истинным, она бы прибежала к своим родным, а не исчезла бы бесследно. Они свою Эйлию знали. Если она покинула Раймар, думал Джеймон, то не по своей воле. Ему трудно было поверить, когда Джемма и Бетт прибежали к нему сообщить, что Эйлия нашлась. Они все время обыскивали гостиницы, обходя их каждую неделю в надежде, что Эйлия где-то появилась, но шли годы, и надежды стали гаснуть. И как же они все радовались, когда их бдительность наконец дала свои плоды! Сейчас они снова страдали, видя, как усиливается ее болезнь: лихорадка, горячечный бред, который заставлял ее что-то бормотать о неизвестных местах и людях, которых они совсем не знали. Слишком это было бы жестоко — вновь обрести Эйлию, чтобы тут же снова ее утратить — и она даже не очнется и не

узнает их. Но лихорадка стала спадать, болезнь будто прошла перелом. У Джеймона ноги подкосились от чувства облегчения. «Теперь, — подумалось ему, — мы узнаем наконец, что же с ней случилось».

— Она переменилась, — сказала Джемма, помолчав.

— Да, бедняжка. Она так исхудала…

Нелла сняла тряпку и потрогала лоб девушки.

— Я не про это. У нее волосы стали длиннее — просто сидеть на них можно. Я полагаю, что они отросли за это время, но в них прибавилось золота. Они были более — мышиные, что ли. И я клянусь, что она выросла. Если бы она встала, оказалась бы выше меня, а мы были одного роста.

Нелла ничего не сказала, и племянница ее снова встала.

— Я должна пойти покормить кур, — сказала она. — И посмотреть, не снеслись ли они. Поможешь, Джейм?

Она хотела поговорить с братом наедине, откровенно, как бывало, когда они были моложе.

Они вышли в заднюю дверь, в небольшой дворик, где стояла в стойле лошадь и копались лениво в земле несколько тощих кур.

Открывая амбар, Джемма вздохнула.

— Повезло нам, что хоть это есть. Птица сегодня просто бесценна. Но я не знаю, сколько еще мы сможем их кормить, Джейм. Зерно страшно дорожает, а нам оно нужно для лошади — что если придется бежать из города?

Он кивнул.

— Я знаю, очень подмывает съесть всю птицу, но дядя Даннор прав — лучше несколько яиц каждый день, чем один раз мясо. Посмотрю, не удастся ли раздобыть для них корм, — Он наклонился, подобрал два бурых яйца. — Хотя, если они перестанут нестись, придется их зарезать.

Джемма заговорила снова:

— Я так рада, что Эйлия снова с нами и что ей лучше. И все равно — все как-то неправильно! Я боюсь, Джейм. Не в войне дело, не в разговорах о вторжении — войны всегда где-то есть, но ведь еще и это. — Она подняла руку, показывая вверх. Они оба посмотрели в ночное небо, чудесное и страшное, с дождем длиннохвостых комет. — Говорят, что это означает конец света.

— Я в знамения и пророчества не верю, — сказал Джеймон, когда они вернулись и положили яйца на кухонный стол. — Не думаю, что эти кометы вообще что-нибудь значат. Явление природы, — объявил он, входя за сестрой в комнату.

— Это вы про что? — спросила Нелла.

— Мы говорили про кометы, — ответила Джемма. — Но что будет, Джейм, если одна такая упадет на землю? Снова как

Великая Катастрофа. — Она содрогнулась. — Целые страны выгорели. Кометы состоят из огня…

— Из льда, — пробормотала Эйлия, мотая головой на подушке.

— Что она сказала? — спросил Джеймон.

Нелла поспешила к девушке:

— Что-то про лед — может, лихорадка вернулась? — Она потрогала лоб Эйлии. — Нет, жара нет, но приложи ей еще раз мокрую тряпку, Джемма.

Эйлия заворочалась и сказала:

— Кометы состоят не из огня, а из льда.

— Снова бредит, — сказала Джемма.

Увидев слезы на глазах племянницы, Нелла посуровела:

— Ты мне просто дай тряпку, будь добра.

— Прости, тетя, я просто очень взволновалась. Бедная Эйлия так больна, а тут еще и разговоры о конце света… — Она подавила всхлипывание. — Хорошо бы на самом деле это был Конец Времен. Тогда надо было бы только ждать, пока за нами ангелы явятся. Хотелось бы, что кто-то пришел и за нас стал драться.

В этот момент веки у Эйлии затрепетали и открылись. Все замолчали. Взгляд девушки перешел с потолка на лица, и в глазах забрезжило узнавание.

— Мама? Джейм, Джемма — это в самом деле вы? Или я еще сплю?

Нелла крепко взяла ее за руку.

— Это мы, дорогая, мы. Ты снова к нам вернулась. Мы так волновались, Эйлия!

— Почему я в постели? Я болела?

Голова ее качнулась из стороны в сторону, на щеках появился румянец.

— Да, дорогая. Но сейчас тебе лучше, — ответила Нелла. — На, попей.

Она поднесла девушке чашку с водой.

Эйлия попыталась отпить, но поперхнулась и закашлялась.

— Где я? — спросила она, когда дыхание к ней вернулось. — Это не наш дом. Где мы?

— Это дом, где мы сейчас живем — ну, можно сказать, мы его одолжили, поскольку владельцы его бросили. В Раймаре сейчас много пустых домов. Но это неважно.

— Раймар, — сказала Эйлия. — Я забыла. Я думала, мы на Большом острове.

— Мы тебя нашли в гостинице, в городе. У тебя была лихорадка, и ты спала или бредила почти двое суток. Как ты

теперь себя чувствуешь, милая?

Нелла закутала плечи Эйлии шерстяной шалью.

Глядя на приемную мать, Эйлия смогла изобразить слабую улыбку. Она была все еще бледна после болезни, если не считать двух пятен румянца на щеках, но глаза у нее прояснились.

— Чувствую… очень усталой, очень слабой, будто долго бежала, но не знаю, от чего.

Она снова закашлялась и плотнее закуталась в шаль.

— Но где ты была все это время? — выпалил Джеймон, не в силах больше сдерживаться.

— Была? — Эйлия посмотрела на него пустыми встревоженными глазами. Потом медленно опустилась на подушку. — Не могу вспомнить, — шепнула она.

4
Огонь в небе

АВАТАР! УСЛЫШЬ НАС!

Голоса вторглись в разум Мандрагора, тревожа его, полуспящего. Когда глаза его медленно открылись, он на миг подумал, что лежит в собственном водном гроте в Запретном дворце, в своем собственном мире, но тут же заметил проникающий сверху бледный свет, озаряющий бассейн, и понял, что дно и стены бассейна гладкие, а не каменистые. Тогда он вспомнил: он лежит в нагретом бассейне в саду удовольствий Темендри Альфарана, Его армии завоевали этот мир без борьбы — или так они доложили, потому что он сам при штурме не присутствовал, и, когда он прибыл, этот лунный мир был завоеван, а император сбежал. Поднявшись и оглядевшись, он увидел три знакомые фигуры, будто висящие в воде, — до каждого можно лапой дотянуться. Элазар, Эломбар и регент Наугра. Он разинул пасть и хлестнул хвостом в знак неудовольствия — поверхность бассейна заколыхалась и вспенилась.

Нарушать мое уединение непростительно! — буркнул он, оскалив огромные зубы.

Трое гостей, будучи внетелесными образами, страха не проявили. Образ Наугры сказал:

Но, господин мои принц, мы принесли тебе важные известия. Мы отправили множество летучих кораблей и огнедраконов твоим именем покорять Меру. Мы знаем, что сейчас Эйлия находится в этой сфере. Сейчас твой шанс победить ее, пока она не на Арайнии и отрезана от той силы, что дает ей эта планета. Это была цель твоей кампании на Мере — заманить ее в мир, где уменьшатся ее силы! Ты упустил величайшую возможность, пока она была в твоей власти на Неморе. Не упусти же ее теперь.

Дракон оттолкнулся когтистой лапой от дна бассейна и вынырнул, пустив струю, как кит. Наверху пылала ночь Темендри Альфарана, светлая, почти как день. Ее освещали рои звезд, сплетенные с голубыми и бледно-лиловыми туманностями, и огромный диск планеты Альфаран, заполняющий почти все восточное небо. Мандрагор вышел из бассейна, стряхнул воду с крыльев и гривы.

— Я сделал то, что вы желали. Я прибыл на Темендри Альфаран забрать Трон у императора Орбиона, но он уже сбежал. Мое путешествие оказалось бесполезным, даже если вы захватили

для нас этот мир. И вы все равно хотите, чтобы я посетил теперь Омбар?

Он зарычал при этих словах и шагнул из бассейна в рощу деревьев-цветов. Лепестки их отцветали, падали на землю, потому что этот регион мира драконов входил в осень. Многие эфемеры, растения и животные, летающие, как птицы, тоже падали на землю и отдавали свои коротенькие крылатые жизни, чтобы стать семенами. Их беспомощный полет навевал грусть.

Три эфирных образа пошли за Мандрагором, плывя в воздухе подобно призракам.

— Мы хотели бы, чтобы ты направился первым делом на Омбар, а Темендри Альфаран отложил до следующего раза, — сказал Эломбар, плывущий сбоку. — Орбион стар и болен и не представляет для тебя такой угрозы, как Трина Лиа. В моей сфере есть сила, которая может сделать тебя более чем равным Эйлии, если ты захочешь от этой силы черпать. Суверенная сила, не прикованная к сфере Омбара, как та, что на Арайнии, она может войти в тебя где бы ты ни был в Талмиреннии — пусть даже на самой Арайнии. Но ты должен сперва прибыть туда и принять ее. Я буду ждать тебя в старом городе архонов, который лежит возле области теней, и со мной будет Элазар. Ты давно желал встретить нас во плоти, как ты говоришь, и мы удовлетворим твое желание. Но только если ты прибудешь на Омбар.

— Вы не архоны, — пророкотал дракон. — Древние давно мертвы.

— Тогда тебе нечего нас бояться. Когда ты будешь?

— Я не боюсь вас! — взревел он, наполовину развернув крылья.

Но это была ложь.

— Рад это слышать, но чем дольше ты будешь откладывать нашу встречу, тем заметнее будет твой страх. Армии Омбара ждут твоего приказа. Мы сразили в нашем мире тех, кто не подчинялся нам или не признал бы тебя господином — никто более не осмелится ослушаться. Но моругеи хотят увидеть предводителя воочию, и твои сторонники на Мере тоже тебя ждут: и те, кто открыто восстали против Эйлии, и те, кто пока таится. Мы веками готовили твое пришествие. Иди и возьми то, что принадлежит тебе!

А видели ли его моругеи? Он, кажется, припоминал проход по улицам одного из их миров, когда он прибыл предъявить права на свой титул, в человеческом облике. Его приветствовали грохочущие орды — но было ли это на самом деле? Теперь, когда он привык все время носить драконий облик, человеческую память начало как-то странно размывать. Иногда возникало

ощущение, что драконий облик не только накладывает свои странные чувства и желания, но буквально лишает его собственной воли, заставляя отстраняться от себя более обычного. Может быть, придет день, когда он перестанет быть Мандрагором, а станет существом с совершенно иными умом и телом? Мысль беспокоила, но ужас перед хрупкостью человеческого тела сейчас пересиливал все иные страхи.

Итак, наконец-то он встретится с «демонами» лицом к лицу, а не будет общаться с их эфирными фантомами. Это не был блеф: они не стали бы приглашать, если бы не могли принять те материальные формы, которые сюда проецировали. Ему только надо полететь на Омбар, встретиться с ними лицом к лицу и понять, кто они. И это будет решением всех его трудностей? Он их обвинил в попытке обмана, в том, что они прячут от него свой истинный облик, но если не принять их приглашение — это будет выглядеть так, будто он их боится. Они ничего не теряют, отказавшись с ним встретиться, ибо для них нет стыда в страхе перед ним — Аватаром, воплощением взбунтовавшегося бога, повелителя демонов. Это он потеряет лицо, если будет казаться, что он избегает их. Значит, угрозой стыда его заставляют явиться на Омбар — а что тогда? Они верят, быть может, что их физическое присутствие его запугает? Или у них на уме что-то посерьезнее? Проекция вреда причинить не может — чтобы чародейство на кого-то подействовало, чародей должен явиться во плоти… но нет, это чепуха. Они не станут на него нападать и убивать его, даже если бы могли, потому что он — их драгоценный Аватар, средоточие их давно лелеемых планов. Нет, это так они пытаются прибрать его к рукам. Одно несомненно; они не просто иллюзии, как он надеялся, и не слуги-гоблины у Наугры. Гоблины владеют многими волшебными умениями, но в основном это иллюзии внешности и прочие иллюзии. А эти двое — оборотни, судя по странному их виду, а только величайшие из немереев владеют этим умением. И ясно также, что они не боятся его всерьез, несмотря на силу, которой он владеет. Уже одно это было для него причиной бояться их.

— Я сперва слетаю на Меру, — ответил он наконец. — Валеи меня увидят, но только когда я докажу, что я Аватар — завоеватель, пришедший взять свое царство.

Фигуры поклонились и исчезли, оставив Мандрагора думать обо всем, что было сказано. Теперь у них и у него была общая цель, но что случится, когда Эйлия и ее силы будут разбиты, и он начнет преследовать свою личную цель? Их необходимо будет уничтожить, какой бы природы созданиями они ни были.

Он еще не слишком далеко зашел, чтобы не ощущать

некоторой неловкости от быстроты, с которой пришло на ум это решение. Воином он был уже много веков, но безжалостно и легко идти на убийство — эту черту он считал примитивной и презирал в других. Нет, он убивал всегда только по необходимости, ради собственной защиты. Сейчас у него не было другого выхода, кроме как принять помощь загадочных союзников, хотя на Омбар он не полетит — по крайней мере сейчас. Он воспользуется армиями и летающими эскадрами, которыми они его снабдят, гоблинами и огнедраконами, как и своими защитниками-лоанеями, и направится к Мере. Этого хватит, чтобы гарантировать себе победу, не прибегая к неизвестной и наверняка опасной силе из мира древнего трона Валдура. Когда Эйлия перестанет быть для него угрозой, он разыщет бежавшего императора и отберет у него трон Талмиреннии. Но до того, как взяться за задачу наведения порядка в Звездном Царстве, он все-таки совершит путешествие на Омбар — избавиться от этих союзников, которые слишком легко после гибели общего врага могут стать соперниками.

— Наконец-то наша армия прибыла с Арайнии. Немереи прислали ее через портал в пустыне, — сказала Лорелин, спускаясь вместе с Йомаром по широким каменным ступеням Йанувана. — Они защитят народ, когда явятся сторонники Мандрагора. На этот раз их больше, и у некоторых есть боевой опыт. И в этом будет необходимая разница, я думаю.

— Отлично. Я оставлю здесь арайниского военачальника за главного, а мы с тобой поедем искать Эйлию.

— Надо будет взять с собой Камень Звезд. Он у тебя?

— Да, конечно. Я его таскаю с собой повсюду. Иначе кто-нибудь его бы уже свистнул: для зимбурийцев это всего лишь драгоценный камень.

Он полез во внутренний карман красной шелковой куртки и достал матерчатую сумочку.

— Он здесь? — благоговейно поразилась Лорелин. — Ты просто расхаживаешь с ним вот так?

— А что? Я его не трогал — мне не хочется никаких видений, или чего там этот Камень с людьми делает.

Он развязал тесьму, и они оба уставились на Камень Звезд. Лучистый свет, наполнявший его в присутствии Эйлии, погас: с виду это был всего лишь большой ограненный алмаз, хотя исключительно чистой воды и без дефектов.

— Ей не надо было его оставлять, — сказала Лорелин. — Для Эйлии все оборачивается очень плохо, когда Камень далеко от нее.

С чувством неловкости Йомар завязал мешок и вернул его в карман.

— Не говори так! Она, наверное, не хотела рисковать, что его потеряет или что он попадет не в те руки. Найдется свободный дракон, чтобы отвезти нас в Маурайнию, или они все в бою? — поинтересовался он, меняя тему.

— Я просила их послать нам на помощь кого-нибудь. Меня беспокоит, что враг тоже наверняка знает об отсутствии Эйлии. Что если ее выследили? Я знаю, что она владеет магией, но, как говорят немереи, даже волшебнику нужно иногда спать — а она одна, и охранять ее некому.

По прохладным залам крепости они вышли в сияние открытой площади. Киран, стоявший с Вакунгой в нескольких шагах от двери, проказливо улыбнулся Йомару.

— Привет, Йомар! Заим, похоже, не только великий воин, но и великий маг. Ты умеешь наколдовывать из воздуха целую армию.

Он глубоко поклонился.

Йомар устало на него посмотрел:

— О чем ты теперь бормочешь? Ты же знаешь, что я ничего такого не могу.

— Но ведь сделал. Люди видели армию, идущую от старых каменных ворот в пустыне — те, что в виде двух крылатых каменных тварей. Только что не было ничего, говорят очевидцы, и вдруг целое войско рыцарей марширует сквозь ворота — из ниоткуда. У чуда были свидетели, а следы солдат все еще отчетливо видны на песке с одной стороны ворот — а с другой ни одного.

Йомар застонал:

— Да не наколдовал я… проклятие, не могу объяснить! Но не умею я колдовать.

— Конечно, нет. Это выполнение пророчества. Армия Небес идет следом за дочерью Утренней звезды, — сказал Вакунга. Он тоже развеселился. — И птица небес тоже появилась.

— Кто?

Шаман показал рукой. Возбужденная толпа сгрудилась вокруг фиговых пальм на краю площади. В кроне самой высокой из них, устроившись на блестящих листьях, сидела большая птица, сияя всеми цветами пламени.

— Она вылетела из ворот почти сразу после армии, — сказал Вакунга. — Люди говорят, что это знак с Небес.

— Это Талира! Она вернулась! — вскричала Лорелин, узнав защитницу и подругу Эйлии. Она бросилась к дереву и позвала огненную птицу: — Талира, привет! Давай сюда!

Талире явно было приятно внимание зевак: она прихорашивалась, расправляя блестящие крылья и чистя их клювом. На призыв Лорелин она ответила долгой трелью — красивым переливчатым звуком, как вода в роднике.

— Что она сказала? — спросил Йомар в некоторой досаде, что т'кири не приняла человеческий облик и не говорит на простом эленсийском.

— Она говорит, что услышала про Эйлию и прилетела помогать. И Аурон тоже здесь.

Лорелин оглянулась и радостно вскрикнула, увидев приземистого коротышку в толпе. Он был похож на пожилого кааанца — с лысеющей головой и белой длинной бородой. Но это была просто маскировка за которой прятался Аурон, имперский лоанан и верный слуга небесного императора. Он не стал тратить слов, завидев их, но встретил на полдороге, энергично жестикулируя обеими руками.

— Я знаю, мне Фалаар сказал, что тут случилось. Он остался в битве, где просто необходим, но мы с Талирой поможем вам найти Трину Лиа.

— Отлично. Мы только прихватим оружие и еду и переоденемся, — сказал Йомар.

— Мы вас тут подождем.

Йомар и Лорелин пошли обратно к крепости, Киран за ними. В главном зале их встретил посол Маурайнии.

— Если позволите вас побеспокоить, господин правитель…

— Я уезжаю, — бросил через плечо Йомар. — Найдите кого-нибудь другого для разговоров, пока меня не будет.

— Уезжаете? Но вы же не можете оставить страну! Вы же правитель. — Посол Йевон таращился, не в силах поверить. — Куда вы уезжаете?

— Искать своего друга. — Йомар повернулся к Кирану: — Слушай, ты! Возьми пока все на себя. Раз ты думаешь, что быть предводителем так весело, можешь попробовать, пока меня не будет.

И он вышел, даже не оглянувшись.

— Мне быть царем? — Киран рассмеялся. — Куда катится Зимбура? Что ж, придется отрабатывать царственную осанку.

Он направился в тронный зал преувеличенно плавной походкой.

Посол, оставшись в зале один, мотал головой и бормотал слова, которые потом еще повторит своему сюзерену:

— Эти люди сошли с ума. Совсем сошли с ума!

Наступал вечер, и к Эйлии постепенно возвращались силы. С

помощью Неллы и тети Бетт она смогла сесть в кровати, не падая в обморок. Но провал в памяти остался, резко отделив прошлое от настоящего. Ей казалось, что она стоит на краю черной зияющей бездны, глядя на далекий и недостижимый другой берег. Когда-то берега соединял мост, по которому она перешла на эту сторону, но он свалился и пропал в глубинах.

— Мы не оставляли надежды, что ты к нам вернешься, — говорила Джемма. — Мне все время это снилось. Кое-кто считал, что ты погибла, пропала навсегда. Но глубоко в душе я говорила себе, что ты жива, что ты вернешься к нам оттуда, где ты сейчас есть. Как жаль, что ты не можешь рассказать, где была!

— И мне жаль. Это очень странное чувство — когда пропал большой кусок твоей жизни. И пугающее.

— Ты действительно ничего не помнишь? — спросил Джеймон.

Эйлия закрыла глаза и крепко задумалась.

— После нашего приезда в Раймар — ничего.

— Это было четыре года назад, — сказал он. — Я слыхал про такие вещи, когда люди теряют память после болезни или удара по голове. Но обычно забывают все. А ты не забыла ни нас, ни остров.

— Да. Как будто что-то во мне сопротивляется попытке вспомнить определенные вещи. Я, кажется, о таком читала: солдаты и другие люди, которые пережили или видели страшное, потом теряют память об этом, хотя все остальное прошлое свое помнят. Как будто их разум что-то вычеркивает, спасая рассудок. — Эйлия сидела тихо, закрыв глаза, пытаясь восстановить утерянные фрагменты жизни. Ее удивило, что она больше не чувствует страха. Что могло случиться такого ужасного, что разум не хочет вспоминать? Но, что бы это ни было, она цела и невредима, и больше не больна. И очень приятно быть среди родных, хотя и не в своем доме.

— Если вы мне расскажете, что вам известно — я понимаю, что это немного, — то может быть, удастся что-то сложить. Или это может подхлестнуть мою память.

В ее голосе совершенно не было напора.

Джеймон прокашлялся:

— Ну, как мы говорили, тебя взяли власти — то есть так нам сказали — по обвинению в ведьмовстве.

— Но этого же не было? — Она слегка улыбнулась. — Это на меня не похоже.

Джеймон улыбнулся в ответ.

— Конечно, нет. Мы все знали, что это чушь. — Он подошел к кровати, глядя на Эйлию. — Другие, кто приходили к нам, тоже

не говорили, где ты, — они только напускали таинственности в ответ на наши вопросы.

— Другие?

— Да много их было — в основном нищие да крестьяне, но все твердили, будто знают, что с тобой сталось. Говорили, будто ты вовсе не сбежала, а зимбурийцы тебя похитили. Но все настаивали, что ты от них сбежала и где-то здесь. И старая Ана говорила то же.

— Ана? — ахнула Эйлия.

— В чем дело?

— Ты назвал имя, я увидела — лицо. Старая женщина…

— Да, знахарка с гор. О ней многие здесь слышали, хотя она редко появляется в городе. Но несколько месяцев тому назад приходила. Она нам сказала, что видела тебя и что у тебя все хорошо. Но где — не сказала. Мы не знали, верить ей или нет. Ты что-нибудь вспомнила?

— Я… я не уверена.

Места и люди закружились перед глазами диким водоворотом. Имен и названий она не могла вспомнить.

— Не засыпай ее вопросами, Джейм, — вмешалась тетя Бетт. — Пусть сперва силы восстановит.

— Расскажите мне, — попросила Эйлия, — что было здесь? Вы все это время оставались в Маурайнии? Я думаю, что я тоже страшно за вас волновалась — где бы я ни была.

— Даннор и твой дядя Недман приехали к нам, когда стало туго, — объяснила Нелла. — А муж Джеммы приехал позже. Мужчины работают на верфях, кроме Джеймона. Он записался в королевский военный флот и через несколько дней уходит в плавание.

— Хотя сейчас от военного флота мало пользы, когда враг приходит по воздуху, — сказал Джеймон.

Бетт жестом попыталась его остановить, но было поздно.

— По воздуху? — повторила Эйлия. — В смысле — на летучих кораблях?

— Да. У зимбурийцев появилось против нас новое оружие.

— Но это мне напоминает… что-то я о них помню…

Остальные переглянулись.

— Что ты помнишь? — спросила Нелла. Странно, напряженно глядели ее глаза, когда она подалась вперед.

— Одна планета… — Эйлия попыталась поймать ускользающие образы. — Орнитоптеры. Корабли, которые летают, как птицы… Я думаю… думаю, это элеи их построили.

Джеймон кивнул.

— Ты нам рассказывала когда-то легенды про элеев и их

летающие корабли, в детстве. Это ты и помнишь, наверное. Но эти не из волшебных сказок, они настоящие. Теперь они все время над нами летают. Люди с криком убегают, как только их завидят. Никто не знает, как зимбурийцы научились их строить. Старики в селах говорят, что это наверняка черная магия, но большинство считает, что они просто научились летать у птиц. Магистры в Королевской Академии годами пытаются это сделать. Одному почти удалось, но у воздушного корабля отломились крылья…

— Пусть в них летают зимбурийцы, но придуманы эти корабли очень-очень давно, и не ими. Сказки, которые я вам рассказывала, были правдой.

— Откуда ты знаешь? — спросил он озадаченно.

— Я… я просто *знаю*.

— Так, достаточно, — вдруг резко сказала Нелла. — Дай ей отдохнуть. Память вполне может вернуться к ней сама, если она отдохнет и если ее не тормошить.

Она всех выгнала из комнаты и вышла сама, тихо затворив за собой двери. Джемма ушла к себе в комнату, а Джеймон пошел на кухню, к Бетте и Нелле.

— Ты должна ей сказать, Нелл, — услышал он тихий голос Бетты.

— Что сказать? Что мы с Даннором все эти годы ей лгали?

Джеймон шагнул вперед, и они обе повернулись к нему.

— Послушайте, если вы что-то такое знаете, то обязаны рассказать и нам. Что значит: «лгали все эти годы»? Это как-нибудь связано с тем, что Эйлию от нас увезли? Ей грозит опасность? Рассказывайте!

Бетта повернулась к своей невестке:

— Он прав. Время для тайн прошло! Эти люди в летающих кораблях могут искать именно ее. Что если ей грозит опасность? Она должна знать правду!

— Но сейчас, Бетта? — возразила Нелла. — Когда она больна и так слаба? Зачем ее пугать? Мы можем спрятать ее от любой опасности.

— А если это не враги ее? Если они хотят ей помочь? У нас нет права ее прятать от них. Мы должны ей сказать и дать ей самой решить, что делать.

— В любом случае, — вмешался Джеймон, — вы можете этот ваш секрет сказать мне. Не люблю, когда меня держат в неведении. Вы что, знаете, где Эйлия все это время была — и что с ней было?

— Нет, — ответила Бетта. — Этого мы не знаем, Джейм. — И снова она посмотрела на Неллу. — Если не расскажешь ты, расскажу я.

Нелла постояла минуту, глядя в пол. Потом она сказала:

— Выйдем на улицу, чтобы Эйлия не услышала. И позови Джемму, она тоже должна знать.

Она вывела их на птичий двор, и все лица обратились к ней: суровое Бетты и двое молодых, сконфуженных и недоумевающих. Нелла долго молчала, только теребила передник в загрубелых от работы руках. Потом она заговорила, почти выкрикивая слова:

— Много лет назад было кораблекрушение. На южном берегу Большого острова.

— Да мы все про это слышали, — ответил Джеймон. — Я все приставал к тебе, чтобы ты побольше рассказала, но вы, старшие, почему-то держали язык за зубами.

— Неудивительно. Понимаешь, обломки были все в золоте. Во всяком случае, мы решили, что это золото: сотни и сотни желтых пластин по всему корпусу, как рыбья чешуя. Они до сих пор, наверное, лежат по погребам и пещерам контрабандистов Большого острова. Да, мы всей правды не говорили молодым. Очень это было странно — обыкновенный разбитый корабль, мы сперва думали. А потом на берег стало примывать обломки, сплошь золотые. Наверное, чудесный и богатый народ был на этом корабле — но никто не приплыл их искать, и это было непонятно. А старый Джеб, который жил у самого берега, только он видел корабль до того, как тот затонул. И клялся всем на свете, что он плыл по небу, как корабль-призрак из старых сказок, а потом его ударило молнией и он упал в море. Он близко не хотел подходить к обломкам, золотые они или какие еще. Сказал, что это принесет несчастье. Многие ему поверили, и спрятали или закопали то, что подобрали, и никогда уже об этом не говорили.

— Джеб? Это деревенский пьяница? — спросил Джеймон.

— Он в ту ночь не был пьян. Наверняка корабль плыл по небу — был такой же, как эти летающие, что мы с тех пор видели. Хотя не знаю, почему никто не явился искать обломки — или младенца.

— Младенца?! — воскликнула Джемма.

— Мы ее нашли на берегу среди обломков. Она была крошечной, едва только умела ходить и говорить. Но на ее платье были вышиты золотой нитью звезды. Мы его хранили много лет — на случай, если родичи ее будут искать. Но потом выбросили. Понимаете, мы уже думали о ней как о своей и не хотели, чтобы сама Эйлия думала иначе. У меня своих детей быть не могло, и для меня она была как ответ на мои молитвы. Если бы она нашла это платье, могла начать задавать вопросы, на которые нам не хотелось отвечать. Что в них было бы толку? Наверное, все ее

родные погибли, иначе бы давно ее стали искать.

— Но если Эйлия — с летающего корабля, то кто она? Она ведь может быть кем угодно! — ахнула Джемма.

— Я уже говорила, Нелл: если ее платье было вышито золотом, то она из знатных. Может быть, даже принцесса! — сказала Бетта.

— Принцесса! — фыркнул Джеймон. — Какой страны? Если бы где-нибудь пропала принцесса, мы бы наверняка слышали.

— Я это и говорила, — кивнула Нелла. — И сейчас говорю.

— Но ей нужно сказать правду, — твердо заявила Бетта. — Может быть, родственники сейчас ее ищут, Нелл, — эти люди на летающих кораблях могут быть с ней одной крови.

— Да, это возможно. Но скажем ей, когда она окрепнет. Не сейчас.

Голос Неллы изменился: он уже не был твердым и решительным, скорее это была мольба. Она отвернулась от своих собеседников и пошла в дом, кладя конец разговору. Они чуть постояли и пошли вслед за ней. Никто ничего не говорил. Две старших женщины слишком погрузились в воспоминания, а молодые были слишком поражены услышанным.

— Значит, она не родня нам, — наконец тихо сказала Джемма брату. — Где-то в душе я не могу этому до конца поверить, и все-таки — это многое объясняет. Она всегда отличалась от нас от всех, и не столько с виду или чем еще, а вот как она думала и как чувствовала. Она не подходила ни к нам, ни к другим жителям острова.

— Что значит — не подходила? — спросил Джеймон, не заботясь понизить голос. — Она — член нашей семьи! Мне плевать, откуда она там родом, она теперь *наша*. Посмотри только на ее лицо — как она обрадовалась, когда увидела нас.

Сестра посмотрела на него долгим взглядом.

— Ты всегда был к ней ближе, чем ко мне, — сказала она наконец. — Нет, не думай, я не ревную, никаких таких глупостей. Но у вас двоих так много общего. Я думаю, из всех из нас она была к тебе ближе всех. И ей было очень трудно, когда ты ушел в море, Джейм.

— Знаю. И я много об этом думал. Я понимал, что ей одиноко, и я ей писал при каждой возможности. Может, не надо было мне уходить.

— Чепуха, конечно, надо было, и Эйлия то же сказала бы. Она знала, что ты этого хочешь больше всего на свете. Она бы и сама ушла из дому, если бы представился случай. Я только хотела сказать, Джейм, — ну, ты понимаешь, каково ей было. И как было бы по-другому, если бы ты остался.

Джеймон не ответил, но поразительный ответ зазвучал у него в голове: «Мы могли бы пожениться. Двоюродные иногда женятся. А она, оказывается, мне даже и не двоюродная…»

Джемма снова посмотрела ему в лицо.

— Я думаю, она на самом деле не вернулась к нам, чтобы остаться. Она захочет уйти к своему народу, кто бы он ни был. К тем, что на крылатых кораблях.

— К ее народу? Она же не зимбурийка, — возразил Джеймон. — Даже с виду не похожа. Если бы она была с зимбурийского небесного корабля, то наверняка ее там держали пленницей, а вся ее родня погибла. — Он взъерошил свои песочные волосы и сказал: — Зимбурийцы — что нам Ана и прочие про них говорили? Что они пытались захватить Эйлию. Зачем? Чем-то она для них важна? Важна настолько, что они ее дважды ловили, а сейчас пытаются еще раз? Если так, то от летающих кораблей ее надо спрятать.

— А может быть, Эйлия права, и не только зимбурийцы умеют строить летающие корабли, — возразила сестра.

— Но кто еще мог их построить? Они не с этого континента, а все другие земли завоеваны Халазаром.

— Не знаю, разве что… Джейм, а что если все еще остались элеи в этом мире? Столько происходит странного…

— Элеи! — фыркнул он. — Она разве похожа на элейку?

— Не знаю. А как выглядели элеи?

Снова настало долгое молчание, нарушенное скрипом входной двери и двумя голосами, мужским и детским.

— Это Даннор вернулся с верфей, — сказала Нелла. — Как он будет рад, что Эйлия поправляется!

Голоса стали ближе, и в комнату вошел Даннор Корабельщик, а с ним — белокурый мальчишка, который тут же запрыгал от радости, узнав новости.

— Она очнулась! Ура! — закричал он и побежал к Эйлии в комнату — никто не успел его остановить.

— Лем? — спросила Эйлия, улыбаясь и спуская ноги с кровати.

— Нет, это Дани, — ответила Джемма, нагибаясь и обнимая ребенка.

Эйлия заморгала:

— Малыш Дани… да, конечно, это же было так давно. Я забыла, что Лем сейчас должен быть гораздо больше.

— Лем с папой в доках, — сказал Даннор, садясь на кровать рядом с ней. — Он хотел остаться посмотреть корабли. Как тут моя девочка? — спросил он, положив ей на плечо загрубевшую от работы руку.

Даннор никогда слишком открыто не проявлял своей привязанности, но сейчас Эйлия почувствовала, как он ее любит.

«Как будто я мысли его читаю».

— Намного лучше, отец, — ответила она, накрывая его руку ладонью.

— Отец? — улыбнулся он. — Ты меня всегда называла папа.

Она смутилась.

— Я… я забыла.

— Она не может вспомнить, где была. Так что не засыпай ее вопросами, Данн, ей на сегодня уже хватит. А кстати, о работе: я же должна ужин собрать, — сказала Нелла. — Что найдется.

— Нам сегодня заплатили, — сообщил ей Даннор. — Нед дал мне свою получку, передать Бетте. На рынок можем сходить потом.

— Если там еще хоть что-то можно купить.

Просьба Неллы, обращенная к Бетте, была молчаливо принята: никто ни слова не сказал о происхождении Эйлии или о разбитом летучем корабле, разговор шел будничный. Потом Дани подбежал к Эйлии и посмотрел на нее светлыми карими глазами:

— Ты разговаривала, когда спала.

— Горячечные сны, — пояснил Джеймон, поймав взгляд тетки.

— А мы слушали, что ты говорила, — добавил Дани.

— И о чем же я говорила? — спросила она.

— Ой, много. Истории рассказывала. У тебя был дракон, который был твой друг, и ты жила в замке. И замок был в звезде. В Утренней звезде. Ты рассказывала, пока спала. А теперь, когда проснулась, будешь еще рассказывать?

— Не приставай к ней, Дани! — нахмурился Джеймон. — Иди играй.

— Да пусть будет! — вмешалась Джемма. — Видит бог, при такой суровой жизни немного фантазии не помешает. Эйлия, давай я тебе немного волосы расчешу. Они ужасно спутались, пока ты болела.

Эйлия оперлась на подушку и задумалась, что она могла рассказать в бреду. Сны эти были еще с ней, живые, как реальные воспоминания, фантастичные, как волшебная сказка. Некоторые из них ее тревожили. Но Джемма стала расчесывать ей волосы ловкими движениями, и Эйлия смогла взять себя в руки. Она стала медленно рассказывать, и Джемма слушала вместе с завороженным сыном, не перебивая, и руки ее не переставали ласково двигаться.

— Утренняя звезда… там очень красиво. Там всегда тепло, потому что близко к солнцу. И горы там выше, чем здесь. И там

водятся дивные создания — гигантские птицы по имени рох, которые могут, если захотят, унести быка с телегой. Но там все звери ручные. И там большой город, и дворец с дивными садами. — Голос ее стал тих, мечтателен, глаза широко открылись, будто она видела то, что никто больше в комнате не мог видеть. Джеймон, стоявший рядом с ней, поймал себя на том, что смотрит в эти глаза с изумлением: он всегда считал их красивыми, но сейчас красота стала какой-то чужой, чего раньше не было. Так велики они были на ее хрупком лице, и фиалковый оттенок радужек (разве бывают вообще *лиловые* глаза), и едва уловимый узор бледных лучиков внутри, похожих на звезды, — все это показалось ему невероятно далеким, почти неземным. Это из-за долгой разлуки он смотрит на Эйлию как впервые или это из-за всколыхнувшего его откровения Неллы? «Это правда, она не одна из наших и никогда ею не будет».

Он продолжал ее рассматривать, завороженный и взволнованный. Кто она такая, эта любимая незнакомка среди них?

Эйлия говорила дальше:

— И солнце встает на западе и заходит на востоке. И луна синяя…

Она осеклась и вздрогнула от крика тетки:

— Ой, это что такое?

Все посмотрели в окно. Над крышами сквозь тучи полыхнуло на миг огненное зарево — и тут же еще одно, дальше к востоку.

— Это не молнии! — снова воскликнула Бетта. — Это как огонь в небе…

Эйлия вскочила — и тут же привалилась к Нелле, которая ее поддержала.

— Это враг, — хрипло сказала девушка. — Страшный враг, и он здесь. Я… я его *чувствую*.

Она двинулась вперед, слегка покачнулась и остановилась неподвижно в середине комнаты, стиснув кулаки и закрыв глаза, будто молясь.

Сверху послышался шелест, хлопанье огромных крыльев. В окна полыхнул красный свет, по стенам метнулись тени. Джеймон бросился к ближайшему окну.

— На улице пожар — я вижу дым и пламя!

Он направился к двери.

— Нет! — крикнула Джемма. — Не выходи, Джеймон!

— Там нужна помощь…

Оглушительный грохот донесся с улицы, когда все за Джеймоном бросились к двери — кроме Эйлии, которая осталась на месте. Над крышами черным силуэтом на красном фоне

возвышался Высокий храм.

— Пожары! Всюду пожары! — крикнул Джеймон.

В небе что-то быстро летело сквозь поднимающийся дым — черная тень, хлопающая крыльями. И Джемма воскликнула:

— В гавани все корабли горят! Я должна туда идти — там Лем на вервях, и Арран…

Джеймон втащил ее внутрь.

— Нет, это слишком опасно. Это какое-то нападение… но как зимбурийцы это сделали?

Эйлия, все так же стоя посреди комнаты, воздела руки к потолку и испустила крик. Нелла подбежала к ней, а Джеймон следил за дверью. Вдруг он вскрикнул.

— Что там еще? — спросила Нелла.

— Дождь! Невероятный ливень, прямо с неба — от него облака пара и дыма идут. Ни черта не видно…

— Он погасит огонь, — прошептала Эйлия.

Она тяжело и прерывисто дышала, будто изнеможенная после колоссальных усилий тела или духа.

— Будем надеяться, но очень сильно они горят, — сказал Даннор. — Как это было сделано? Может, горящую смолу сбросили с воздуха…

— Огнедраконы, — сказала Эйлия. Глаза ее расширились в ужасе, и она заговорили тихо, будто сама с собой: — Огнедраконы на Мере! — Она схватилась за голову, покачнулась. — Я вспомнила! Вспомнила все — войну, врага…

— Что такое? — спросила Бетта, оборачиваясь от двери к племяннице и обратно. — Что ты говоришь?

Но Эйлия ничего больше не сказала. Краска сбежала с лица, и Эйлия свалилась на руки Нелле.

5
Чудовище в темноте

Йомар, Лорелин, Аурон и Талира стояли вместе на берегу одинокого острова, где камней было больше, чем земли, и тонкая полоска деревьев отделяла море от горы с пустой и голой вершиной. Они летели несколько дней, все время высоко в небе, чтобы их не увидели снизу — поскольку меранцы уже сотни лет не лицезрели дракона, и вид Аурона их бы ужаснул. Днем он заворачивался в облако и летел вслепую, находя путь магией. Ночью он двигался без прикрытия, и его пассажирам видны были острова архипелагов и лунные блики на волнах. Талира летела с ними, иногда отдыхая на широкой спине дракона с Йомаром и Лорелин. Он летел и летел вперед, быстрый и неутомимый, как геральдический орел-алерион в мире ветров Альфарана. Когда же очень не скоро он все же устал, то опустился на этот маленький, скудно обитаемый островок и лег, свернувшись, на голую вершину. Талира уселась на одном из его рогов, а Йомар и Лорелин оперлись спинами о его бок, защищавший их от ветра, и задремали. Чем дальше на север, тем становилось холоднее. На рассвете Аурон и Талира приняли человеческий облик, и все пошли вниз поговорить с обитающими на острове каанцами.

Их было человек пятьдесят, и ни один не был рожден здесь. К этим жутким берегам они приплыли как беженцы после падения Каана, и здесь кое-как существовали в пещерах у подножия горы и в убогих хижинах из срезанных сучьев и плавника. Они собирали съедобные раковины, яйца гагарок и вообще все, что годилось в пищу. Но все же они предпочитали жить в этой пустыне, а не на более теплых островах, где до сих пор правили зимбурийские завоеватели. Что происходило на этих островах, они не знали, но даже по прошествии лет боялись вернуться.

— Зимбурийцы убивали, грабили и жгли, — рассказали они гостям. Им как-то удобнее было разговаривать с Ауроном, который принял свой обычный облик каанца. — Уничтожались целые деревни, губернаторов островов убивали со всеми родственниками — тех, кто не сбежал. Одни говорят, что император архипелагов убит, другие — что он скрывается. Что тут правда — мы не знаем.

— Вы не знаете, что случилось на Йане? — спросила Лорелин по-каански, вставая рядом с Ауроном. — Остров, ближайший к священному острову Медоша?

— Я знаю, — ответил один старик. — Губернатора пощадили,

потому что он сдался без боя. Но его посадили в тюрьму, а множество народу перебили. Медоша осквернена. Зимбурийцы вырубили священные рощи и на освященной земле построили себе дома.

— А монахи Единой Веры? — спросила Лорелин. — Что с ними? Известно что-нибудь?

— Ничего конкретно о них не говорили, — ответил старик, — но я знаю, что первым делом зимбурийский губернатор предал мечу жрецов всех иных богов, кроме Валдура. Не уцелел никто.

Лорелин отвернулась. Она ясно увидела перед собой аббата Шана: лысый, морщинистый, добрый и терпеливый. Ее юным очам он всегда казался невообразимо древним и мудрым, но сейчас она поняла, что совсем не так он был стар: лет шестьдесят, не больше. Он должен был дожить до почтенного возраста, нельзя было отнимать у мира его доброту и мудрость. Она была так уверена, что увидит его снова, что он неуязвим, вечен, как сама земля…

Море и берег перед глазами заволокло туманом слез.

Йомар подошел и обнял ее за плечи.

— Сочувствую, — сказал он хриплым голосом.

Причина ее горя была понятна без объяснений.

— Я знала, — ответила она лишенным выражения голосом. — Я всегда подозревала, какова их судьба, только не хотела этого признавать. И разрешала себе надеяться… но где-то глубоко в душе я знала.

Вдруг она обмякла, прижалась к нему и зарыдала. Слова утешения не шли ему на ум, и он просто обнял ее крепче, чтобы принять на себя всю тяжесть ее тела, и погладил по светлым волосам. Аурон и Талира не подошли к ним, а скромно отодвинулись, не мешая. В этот момент Йомар понял, что слова не нужны и никогда нужны не были. Всхлипывания Лорелин перешли в мелкую дрожь, потом затихли, а руки Йомара гладили ей голову и плечи, прикосновением признаваясь в любви.

Еще долго они стояли так, потом сели и стали смотреть на волны, бьющиеся о каменистый берег. Им не надо было говорить друг другу, о чем они думают. Это не был бессловесный язык общения умов, как у немереев, — но общение куда более старое, предварявшее и ментальную связь, и любой язык: понимание, выражающееся нежностью взглядов и жестов. Что бы ни случилось потом, в жизни или в смерти на поле битвы, они знали, что никогда больше не разлучатся.

Небеса очистились, и Аурон со спутниками двинулся через океан, но когда снова упала ночь и близки были уже берега

континента, впереди возникла груда облаков. Она как-то странно сосредоточилась над небольшим куском побережья, встала крутым барьером, толстой серой крышей накрыв землю под собой.

— Это не просто облака! — крикнул Йомар, когда Аурон летел над бушующими ветрами. — Это же магия, но что ее вызвало?

Он прав. Там кто-то колдует, — сказал Аурон Лорелин и Талире. — *Но работа это врага или нет, я не знаю.*

Он нырнул сквозь облачный слой, и стал виден океан внизу, блестящий тускло, как измятое олово, и черная линия берега впереди с темными пиками гор, и ниже — редкая россыпь огней Раймара. Но подлетев ближе, они разглядели большие красные пятна — как груды тлеющих углей… а эти столбы дыма — они поднимаются из города?

В этот момент Талира, летевшая выше, нырнула, хлопая крыльями:

Берегись огнедраконов, Аурон!

Клуб огня полыхнул впереди в небе. Сам огнедракон был в темноте не виден.

— Смотри, там еще! — Лорелин показала на красные вспышки. — Они атакуют город!

Еще одна огненная парабола вылетела из пасти огнедракона — направленная вниз, прямо на крыши Раймара. Аурон полетел быстрее, и скоро стали видны пожары на земле, крошечные, будто не настоящие, рвущиеся языками к небу. Рыжее пламя отражалось в позолоте купола Высокого храма.

— Можно им помочь? — Лорелин всматривалась вниз в ужасе от расходящихся по городу вспышек огня. Крыша на королевском дворце частично горела, от одного крыла остался черный остов, и из окон его вырывалось пламя. Но белыми клубами поднимался пар, потому что шел сильный ливень, хлещущий в лица и уже пропитавший одежду. Мокрая чешуя Аурона блестела, как рыбья, в свете пожаров.

Кто-то позвал дождевые облака погасить пожары, — подумала Лорелин, цепляясь за руку Йомара. — *Это может быть Эйлия? Не здесь ли она?*

Завидев огромного имперского дракона, один огнедракон резко вышел из пике и понесся к горам. Аурон его не преследовал, но повернулся к другому, который опустился почти к улице и стал гонять по ней людей. Тут уж ничего нельзя было поделать: Аурону надо было либо стать видимым, либо предоставить беззащитных их судьбе. Йомар и Лорелин крепче вцепились руками в гриву, когда Аурон спикировал к улице, летя

между домами, как между стенами ущелья. Так широки были его крылья, что их концы цеплялись за камни и кирпичи по обеим сторонам улицы. Он скользнул почти над самой перепуганной толпой, вызвав очередные крики ужаса. Черная тень огнедракона развернулась в конце улицы — огромная тень на фоне горящих домов, и понеслась обратно на толпу. В ту же минуту его красные глаза увидели приближающегося дракона, и из пасти вылетел столб пламени. Двое всадников пригнулись к шее Аурона, когда огромный огнедракон понесся на них. Увидев, что его пламя не пробивает сделанный из квинтэссенции щит лоанана, огнедракон злобно заревел и отвернул. Аурон бросился за ним и налетел сзади, полосуя когтями и зубами, а Лорелин и Йомар отпрянули от серной вони чудовища — и от его беспорядочно хлопающих крыльев и струй ядовитой крови. Воздух полоснул усаженный шипами хвост, Лорелин пригнулась, толкнув Йомара назад, заставляя его тоже пригнуться, и этот хвост пролетел над ними ударом грома.

Лапа Аурона разорвала правое крыло огнедракона. Он завизжал и попытался взлететь, мотая разорванными перепонками, но крыло сложилось, тварь камнем полетела в гавань, и огонь ее быстро погас. На месте ее падения поднялись столбом пена и пар, и больше огнедракон не показывался.

Аурон, в котором заиграла бойцовская кровь, будто вернулся в решающую битву. И Лорелин выхватила меч: горе по убитым монахам укрепило ее силы, не столько для мести, сколько для того, чтобы никто больше не пострадал от рук врага. Ее радовала возможность лишить противника его добычи. Но Талира слетела вниз и приземлилась на голову дракона — перья ее развевались на ветру — и заверещала ему в ухо:

— Нет, Старый Червяк! Сперва опустись на землю — высади людей, а потом рвись в бой. А мы тем временем будем искать Эйлию, и поможем, если получится. Раз враги атакуют город, значит, они подозревают, что она здесь.

Дракон услышал и согласился. Паря высоко над Раймаром, он направился к темным пустым полям за его окраинами.

Эйлия стояла на улице, оглядывая сожженные остовы домов. Даже теперь, когда часы прошли после огненной атаки, в воздухе стояла тяжелая дымная вонь. Бахрома сосулек свисала с обнажившихся и почерневших стропил, и сгоревший мусор рухнувших этажей еще только предстояло расчистить. Когда наконец в окнах показался серый рассвет, Эйлия и ее родные вышли посмотреть, что случилось. Дома еще горели, золотой купол храма прятался в сером дыме, и от развалин шел пар. Но

было за что благодарить судьбу. Дядя Недман и муж Джеммы со старшим сыном появились после ночной атаки в саже и синяках, но живые: они сбежали с верфей почти сразу, как появились враги. Но почти все корабли королевского военного флота сгорели начисто. Летающие корабли валеев свою работу сделали — и огнедраконы тоже.

Этих последних многие видели вполне отчетливо, а те, кто не видел (в том числе приемная семья Эйлии), были склонны считать, что очевидцы в страхе и суматохе приняли летучие корабли за крылатых чудовищ. Но Эйлия понимала, что было на самом деле. Снова она была обременена знанием. Когда она впервые оказалась на Арайнии, Мандрагор пытался обмануть ее тщательно созданной иллюзией, заставить ее думать, что она не покидала Меру и что события на острове Тринисия были всего лишь сном. На этот раз она сама могла оказаться автором своего обмана, пусть и бессознательно: пораженный лихорадкой ум отталкивал самые болезненные сцены недавнего прошлого в какой-то потайной темный чулан, откуда они вырывались лишь в момент опасности. С возвращением памяти вернулись все страхи и переживания, которые терзали ее разум. Блаженство забвения миновало. Снова Эйлия осознала свои чародейные силы и свой ужас перед ними. Снова она вспоминала тусклые черные дни в Зимбуре, горе от потери Дамиона осталась такой же свежей и жгучей, вернулся вихрь ненависти, ярости и жажды мести, что превращал ее дни и ночи в кошмар. И еще люди, все время говорящие о ней, что она — богиня! Знали бы они, какой именно богиней она могла бы стать! Эйлия содрогнулась при мысли о том, на что она была способна в этот темный период. Мандрагор назвал ее чудовищем — и не очень ошибся. С силами, которыми Эйлия владела, она могла бы так подавить мятеж на севере Зимбуры, что будущие поколения еще дрожали бы, вспоминая его. Она могла бы воспользоваться погодной магией, не пускать дожди и послать молнии, чтобы сжечь пораженную землю огнем. Или послать дожди, недели дождей — выходящие из берегов реки, равнины превращаются в озера. Или создать смерчи, обрушивающиеся по ее приказу, разбивающие города в щепки. Она могла бы принять облик дракона, разрывая врагов зубами и когтями. Она сама содрогалась от такой мысли. Не было ли это намерением Валдура? Отнять у нее Дамиона, чтобы подвигнуть ее на такие дикие проявления мести?

Сейчас она молча глядела на пожарища. Воздушные корабли стали появляться месяц назад, если верить ее родным: первый увидели в канун Триналий, праздника зимнего солнцестояния. Может быть, враги выбрали эту дату нарочно, для провокации —

поскольку Триналии были также главным праздником предсказанной правительницы элеев. Темные занавески висели на каждом окне до полуночи, а когда наступало время, распахивались двери всех домов, приглашая Трину Лиа, и свет из них должен был помочь принцессе и ее силам Света, воюющим с Тьмой. Деревенские девушки одевались в костюм принцессы, с короной и скипетром, и ходили от дома к дому, изгоняя демонов тьмы.

Мысль об этих старых обрядах напомнила ей, кто она, и это было не слишком приятно, но навело на мысль. Медленно и задумчиво она пошла к своему дому. Ее родные сидели и говорили вполголоса, чтобы не услышали двое мальчишек, играющих наверху. Усталые испуганные лица наполнили ее жалостью и нежностью. Она была благодарна, что ее близкие не пострадали, но думала, какие же еще опасности их ожидают — опасности, от которых она, быть может, не сумеет их защитить. Мандрагор и его повстанцы наверняка уже знают о ее бегстве из Зимбуры и пытаются найти Эйлию раньше ее союзников. Они знают, что есть только два места в этом мире, куда она могла улететь: остров, где она росла, и побережье Маурайнии, где живет Ана со своими немереями.

— Это большой удар для нас, — говорил Джеймон дяде Недману. — Почти все наши военные корабли были в гавани во время нападения. Нет теперь смысла в том, что я записался на флот.

— От этих кораблей все равно не было бы толку, — ответил его отец. — Чтобы сражаться с этими дьяволами, нужны летающие корабли, как у них. Они будто из чистой злобы их сожгли.

— Дело плохо, — сказала Джемма. — Это больше, чем война. Это что-то непонятнее и страшнее. Вы думаете, эти кометы — случайность? Это предупреждение!

Она стала тихо всхлипывать, и муж обнял ее за плечи.

— Ну, успокойся, девочка, — сказал Арран. Но сам он был так же бледен, как она.

Эйлия больше не могла это терпеть.

— Не бойтесь, — сказала она, шагнув вперед. — Правда, что у нас есть враги, но есть у нас и друзья, и союзники.

Все обернулись к ней.

— Кто? — спросил Джеймон. — Континент остался один. Нет у нас союзников во всем мире.

— Разве что ты про божественное вмешательство говоришь? К нам херувимы и серафимы придут на помощь? — спросил дядя, поднимая седые брови.

— Херувимы в любом случае, — ответила Эйлия, и едва заметная улыбка мелькнула у нее на губах. И тут же она снова стала серьезной: — Кометы — не знамения. Их сорвало с орбит давным-давно прохождением Азара и Азараха, и только сейчас они до нас дошли…

— Аэара — и кого? — спросила Нелла, недоумевая.

«Ох, я и забыла — маурийские астрономы еще не открыли седьмую планету и ее солнце».

— Неважно. Важно то, что сказал Джеймон — это природное явление. Я уверена.

Они смотрели на нее озадаченно, а она ничего больше не сказала.

«Я для них — опасность, и для всех, кто здесь живет, — поняла она. — Враг и без того мог напасть — он может и не знать, что я здесь скрываюсь, но это не существенно. Я причина всего этого — просто потому, что я — та, кто я есть. В любом случае мне пора — я и так достаточно времени здесь потеряла. Я должна найти Ану и немереев».

Быть может, подумалось ей, валеи напали, чтобы заставить ее выйти из тени — она не могла бы прятаться и видеть, как страдают невинные. Как бы там ни было, ее собственные дни инкогнито, короткая передышка обыденной жизни, закончились. И эта мысль рвала ей сердце. Больше чем когда бы то ни было ее тянуло сейчас быть со своей приемной семьей, и не только ради иллюзии безопасности. Она ощущала к ней огромную любовь, и страх перед тем, что может на них обрушиться.

— Слушайте меня, все! У меня есть мысль. Во всем доме надо будет погасить огни, или завесить окна толстой тканью, как в Темные Дни праздника. И сказать то же всем соседям, и по городу передать.

— Но зачем? — спросила Джемма, не понимая.

— Так нашим врагам не будут видны дома, когда они сегодня прилетят. Огни не будут нас выдавать. Но я должна уходить, — добавила Эйлия. — Это враги моего народа начали эту войну.

— Твоего народа! — ахнула Нелла.

— Я все вспомнила, — ответила она. — Все. Откуда я, кто я. Все вернулось.

Нелла бросила на Даннора полный муки взгляд, потом повернулась к Эйлии.

— Эйлия, прости, прости нас, что мы тебе не сказали раньше…

— Что я не ваша дочь? Не переживайте. Вы меня спасли от страшной опасности. — Она положила руку на плечо Неллы и добавила: — Мама.

Нелла с облегчением вздохнула, но тут же снова помрачнела.

— Ты не должна меня так называть теперь. У меня нет на это права. Мы никогда не видели твою настоящую мать, и никого из твоего народа. Наверное, они все утонули, когда рухнул летающий корабль. В таком море никто долго не продержится.

— Я же выжила, — возразила Эйлия. — И моя мать спаслась с разбитого корабля. Я… я это знаю.

— Но откуда ты можешь знать? — спросил Джеймон, выходя вперед. — Ты видела тех своих родственников? Это там ты была, когда пропала? И где же твоя страна?

— Куда дальше, чем ты можешь себе представить, Джейм. Мой народ свою страну держит в тайне много веков. — Она сделала глубокий вдох. — Они будут меня искать — но и враги тоже.

— Зимбурийцы?

— Валеи, дети Тьмы. Не только зимбурийцы поклоняются Валдуру. Есть расы еще более могучие, которые стали союзниками мятежных зимбурийцев. Это они напали на город. Они могут знать или подозревать, что я здесь, и вот почему я не могу больше оставаться. Я должна вернуться к своему народу. Но сразу я домой попасть не могу, потому что у меня нет сейчас способа это сделать. Я должна найти место, чтобы спрятаться, пока друзья меня не найдут. Но не здесь.

Они смотрели на нее, разинув рты, а она подошла к двери и сняла с гвоздя истрепанный в путешествии плащ.

Джемма, Нелла и Джеймон бросились за ней.

— Эйлия, ты не можешь нас так бросить, только мы тебя нашли! — сказала Джемма. — И вообще, куда ты пойдешь?

Эйлия в раздумье остановилась с плащом в руке. Под Академией есть туннели, где раньше укрывались немереи, но теперь и они известны, а значит, не безопасны. Если пойти на гору Селенна, то можно укрыться в пещере Аны, а заодно и поискать ее.

— Я думаю пойти в горы. Куда именно — я вам сказать не могу, но рассчитываю найти людей, которые к вам приходили — Ану и других. Это мои друзья, и они могут мне помочь в том, в чем не можете вы. Я вам невероятно благодарна за все, что вы для меня сделали — и за последние дни, и раньше, когда я была ребенком. Вы… вы всегда будете мне родными. — Она накинула плащ на плечи. — Но остаться я не могу. Есть вещи, которые я должна сделать, вещи невероятно важные.

— Мы не можем этого допустить, — сказала Нелла. — Если с тобой что-нибудь случится, мы никогда себе не простим!

— А я никогда не прощу себе, если из-за меня пострадаете

вы, — ответила Эйлия.

— Тогда мы с тобой пойдем прочь из города, чтобы тебя охранять, — предложила Джемма.

— Нет, милая Джемма, вы только себя подвергнете опасности. Подумай о Дани и Леме. Нет смысла это обсуждать. Пока вы со мной, вы все время в опасности.

— Но ты же не можешь вот так просто исчезнуть опять и оставить нас гадать, что с тобой сталось! — взвыла Джемма.

Раздался топот ног, и двое мальчишек влетели в холл.

— Что случилось, ма? — крикнул Лем, а Дани заметил, что Эйлия стоит у двери, и зарыдал, вторя матери.

— Она опять уходит!

Эйлия посмотрела на них, и сердце ее рвалось на части. Ну как объяснить им всю правду? Небесные драконы, чародеи, грифоны, иные миры… они решат, что она в уме повредилась.

— Я обещаю, что вернусь к вам или пришлю весть, как только смогу, — поклялась она, презирая себя за ложь, потому что давала обещание, которое, быть может, не удастся выполнить. Но главное — их безопасность.

Джеймон вздохнул, сдаваясь, и подошел к Эйлии, натянув сапоги.

— Ладно, не вижу смысла с тобой спорить. Ты знаешь больше, чем говоришь, — твои чувства всегда были написаны у тебя на лице. Но ты хотя бы дашь мне немного тебя проводить. Пошли — я тебя на телеге подвезу до гор.

Она минуту поколебалась, не желая ни соглашаться, ни отказываться. А он, не говоря больше ни слова, раздвинул стоящих родственников и вышел через заднюю дверь.

Нелла пошла за племянником во двор — он выводил из стойла тощую понурую кобылу.

— Джеймон, — сказала она. — У тебя всегда все на лице написано. Я же вижу, как у тебя с Эйлией. Ты ее любишь, и всегда любил.

— Она моя двоюродная сестра.

Он стал надевать на лошадь упряжь.

— Но сейчас ты знаешь, что она нам не кровная родня, и твоя любовь стала иной. Правда ведь? Твоя мать тоже заметила. — Нелла шагнула ближе. — Но Эйлия не для тебя, мальчик мой. Откуда бы она ни была, это другая порода. У нее на платьице действительно было золотое шитье, и посмотри на ее плащ, который на ней был, когда мы ее нашли в часовне. Такой ткани в целом городе не найдешь. И присмотрись, как она держится, как говорит — очень изысканная у нее речь. Она из благородных, Джеймон, а не такая, как мы. Тебе нужно это понять.

Он не ответил, хотя его рука застыла, затягивая ремень. Заставив лошадь сдать назад, он привязал упряжь к маленькой двухместной повозке и вывел запряженную лошадь на улицу. Эйлия вышла из дверей. При ней было свернутое одеяло, за ней шла Джемма с корзинкой. Остальные шли следом. Джеймон подсадил Эйлию в повозку, и Джемма отдала ей корзинку. Там лежал каравай хлеба, вяленое мясо и фрукты, пара яиц — поскольку куры начали нестись регулярно, и казнь их была отложена.

Джемма и Нелла шли рядом с повозкой.

— Смотри одевайся теплее, — напоминала Нелла. — Ты же только после болезни.

— Да, я привыкла к теплому климату, поэтому, наверное, легче стала простужаться. Я буду осторожна.

Нелла отошла, ее место заняла Джемма.

— Я буду скучать по тебе, Эйлия. За этот год единственное, что было у нас хорошего — это что мы тебя нашли. Все было так темно, так страшно, но у меня было чувство, когда ты появилась, что что-то переменится. Как бы я хотела, чтобы ты осталась! — сказала она, блестя мокрыми глазами.

— И я бы хотела. — Эйлия нагнулась ее поцеловать. — До свиданья, дорогая Джемма. Надеюсь, мы еще увидимся.

Джеймон тряхнул вожжами, и повозка поехала прочь. Люди на улицах все еще бродили среди сгоревших домов — как осы, роящиеся над разоренным ульем. Эйлия отвернулась от этого зрелища. Ее двоюродный брат свернул на боковые дороги и вскоре выехал на грязный изрытый проселок.

— Куда? — спросил он, помолчав.

— К горе Селенна, если не трудно.

— Ты там найдешь старую Ану и ее друзей?

— Не знаю. Надеюсь.

Вершины гор все еще покрывал снег, и будто времена года пошли вспять, когда Эйлия и Джеймон поднялись выше. Вскоре извивающаяся дорога стала слишком скользкой для копыт и колес. Джеймон остановил лошадей, и Эйлия слезла, держа корзинку и одеяло. Повернулась к Джеймону:

— Спасибо тебе.

— Ты уверена, что у тебя будет все в порядке?

— Не уверена, — ответила Эйлия. — Но здесь по крайней мере мне будет безопаснее. В горе есть пещера, где можно будет жить. И вам тоже будет безопаснее. Не забудь только всем сказать насчет черных занавесок по вечерам.

Он замялся, и ей показалось, что он еще что-то хочет сказать. Они смотрели друг на друга, и Джеймон видел перед собой

женщину одновременно знакомую и таинственную, к которой он питал привязанность с ранней юности, а теперь еще что-то более глубокое. Ему хотелось защитить ее, поддержать, не дать ей снова исчезнуть из его жизни. Эйлия видела мужчину, который когда-то был ей близок, как брат, но долгая разлука и знание, что он ей не родственник, заставляло взглянуть на него по-новому. Он ничего не говорил, но она знала, что он предлагает ей: любовь и защиту, возможность исчезнуть раз и навсегда, скрыться в обыденной жизни, от которой когда-то она стремилась прочь и которая теперь манила ее, как манит голодного запах хлеба. Но этого не могло случиться, даже если бы обстоятельства позволили. Она не любила его по-настоящему — в этом смысле, и прилипнуть к нему просто ради того, что он для нее олицетворял, значило бы предать их обоих.

— Нет, — сказала она тихо, когда он попытался заговорить, — Не надо, Джейм, пожалуйста.

Он сжал губы и посмотрел ей в глаза долгим взглядом. Потом улыбнулся и слегка кивнул головой, отвел взгляд и поехал обратно. Эйлия осталась одна.

Спотыкаясь и ковыляя, она поднялась на кручу — девушка все еще была слаба после ночного колдовства, вызывающего ливень, а крутой откос был, казалось, бесконечным. Каждый извив тропы был для нее мучителен, потому что именно этой дорогой шел Дамион, когда впервые встретил Ану. Она, быть может, шла прямо по его следам. Если она правильно запомнила его рассказ, то вход в пещеру расположен около самой вершины.

Наконец она его увидела — черную щель в горе, обрамленную бахромой сосулек. Нагнувшись, Эйлия вошла внутрь — дыхание клубилось паром на морозе. От домашней утвари Аны остались только щепки и черепки. Эйлия нашла несколько предметов, которые не заинтересовали мародеров: чугунный котел, жаровню да старый побитый молью плащ Аны. Еще нашлась засаленная тетрадь для набросков с рисунками животных, птиц и растений, и Эйлия тщательно рассмотрела ее, сидя возле жаровни. Птицы и бабочки были будто готовы слететь со страниц, кролики и мыши казались мягкими и мохнатыми, ягоды и орехи — хоть сейчас в рот.

— Ох, Ана! — тоскливо шепнула Эйлия. — Где же ты сейчас? Не может быть, чтобы ты умерла — просто не может быть.

Услышав тихий звук, Эйлия подняла глаза от тетради и вздрогнула. В пещеру проскользнул серый зверек — сперва девушка приняла его за дикую кошку, потом увидела, что зверек слишком мал. И совершенно не дикий, а домашний. Вошедший зверек устремился прямо к жаровне, свернулся там с хозяйским

видом и стал вылизываться.

— Серая Метелка! — вскрикнула Эйлия.

Кошка мяукнула.

Это была любимица Аны, ее фамилиар, как она называла кошку. Старуха взяла эту кошку с собой, покидая Арайнию через эфирный портал. Эйлия будто встретила давным-давно потерянного друга.

— Серая Метелка, — повторила она, протягивая руку.

Кошка обернулась к ней, понюхала ей пальцы и снова стала вылизывать мокрую шерсть. Эйлия посмотрела припасы, которые дали ей с собой, нашла вяленую рыбу и предложила кусочек Метелке. Кошка приняла подношение охотно, но не жадно, как сделал бы голодный зверь. Вид у нее был вполне упитанный. Значит ли это, что Ана о ней заботится и находится где-то поблизости? Эйлия потянулась погладить кошку, и Серая Метелка замурлыкала низким довольным голосом. Но даже ее успокаивающее присутствие не могло полностью развеять мучительные тревоги девушки. Отсутствие Аны ощущалось как саднящая рана в душе, и Дамиона тоже. Здесь, в этой пещере, был он рожден от горянки Элтины и ее любовника — человека из города, который желал восстановить древний рыцарский орден паладинов. Когда он умер молодым, не достигнув своей мечты, Элтина была неутешна. Она навеки исчезла с Селенны — места их первых свиданий, оставив сына на попечение Аны. Старая мудрая немерейка поместила его в монашеский сиротский приют в Королевской Академии. Был ли он действительно сиротой, каким считал себя, или мать его жива еще? Почему она так и не вернулась, чтобы разыскать сына?

«Наверное, она умерла, — подумала Эйлия. — И моя мать тоже. Они не бросили бы своих детей так надолго. В ту ночь в Халмирионе это был только сон, ничего больше. На самом деле я не видела своей матери».

Но как же тогда кольцо, загадочным образом появившееся на пальце, — королевское сапфировое кольцо, оставшееся во дворце Мандрагора на Неморе — где она его сбросила?

Она не могла разгадать этих загадок, и мысли ее повернулись к другим, более тревожным вещам. Мандрагор и угроза, от него исходящая, затемняли ее сознание, как огромная гора, господствующая над местностью. Сама мысль о битве с ним все еще наполняла ее ужасом. Если бы только можно было остаться здесь, взять на себя работу Аны, научиться делать примочки, бальзамы и зелья, чтобы лечить раненых и больных людей и животных! Поставить свою силу и жизнь на службу исцелению, а не вреду.

Она распустила волосы, собранные в аккуратный узел, и сняла верхнюю одежду. Потом Эйлия завернулась в одеяло и легла, закрыв глаза. В темноте под веками замелькали образы. Она будто видела перед глазами смену многих эпох — пустынный ландшафт, кипящая магма, бурные моря. Горы воздвигались и разрушались, как песчаные дюны, зеленой плесенью вырастали из болот леса, расцветали на миг и пропадали снова. Вспыхивали рождающиеся звезды, тускнели и гасли, как свечи. В этом космическом круговороте живые существа не были даже заметны: они кишели, рождались и исчезали, как мельчайшие из невидимых микробов. И она чувствовала себя такой же, как они: крошечной пылинкой материи, и все ее существование было короче одного мгновения бессмертного ока.

Потом сцена переменилась. Она теперь видела, как видят смертные, и точка наблюдения была ближе к земле. Перед нею были папоротниковые джунгли, как на Неморе, чешуйчатые твари ползали во мраке невообразимой древности. Были звери, похожие на танатона — длинношеие и огромные поедатели растений, и другие, более страшные, шагающие, на сильных когтистых задних лапах и питающиеся плотью. А потом, не понимая, откуда ей это известно — мысль пришла прямо в сознание от какого-то неизвестного Другого — она поняла, что это не Немора, но Первичный Мир, откуда пришли предки танатона. Это значило, что среди этих холодноглазых чудовищ есть далекие предки человечества. Как только пришла эта мысль, в голове появился образ создания с длинным телом, которое ползло по болоту на четырех ногах, подобно огромной ящерице: серовато-коричневое, кожистое, вооруженное изогнутыми кинжалами клыков. И кровь этого ползучего создания текла в ней. Она видела это когда-то: рептилия, чудовище, которое гнездилось в самых глубинах ее сущности, и она узнала его остаточное присутствие в себе. Исходный источник гнева, ярости, жадности, желания — все это шло от нее, от твари далеких веков, которая за свою краткую бурную жизнь сражалась, убивала и переваривала. Хотя давно уже вымерла эта порода, ее образ поведения все еще сохранялся в живых телах той расы, к которой принадлежала Эйлия, — наследие самых древних дней, атавистическое влияние, постоянно воюющее с высшими побуждениями.

И это нельзя было отрицать. Ни один человек не свободен от этой исходной метки, но у таких чародеев, как она и Мандрагор, это влияние страшно возрастало из-за соблазна сверхъестественной власти. «Прав был Мандрагор: оба мы чудовища».

Эйлия открыла глаза и села, вздохнув. Потеряв надежду

заснуть, она просидела всю ночь, завернувшись в одеяло, держа на руках мурлыкающую кошку Аны и глядя в темноту за входом в пещеру.

6
Туманная гора

— Ты думаешь, Эйлии здесь вообще не было? — спросила Лорелин.

Они с Йомаром сидели за столом в углу темного и дымного общего зала гостиницы. На оловянных тарелках перед ними лежали краюхи хлеба и соленые селедки, а Йомар пил водянистый эль из выщербленной кружки. При теперешнем положении ничего лучшего хозяин гостиницы предложить не мог. Они прочесывали город в поисках новостей, пока не заболели ноги и настроение не стало хуже даже, чем было. И у общего зала был унылый вид, почти пустой: оставшиеся в городе предпочитали сидеть по домам. Несколько молодых и пожилых мужчин с закопченными лицами и красными от усталости глазами сидели с кружками возле огня. Они тихо разговаривали между собой о последствиях пожаров. Нападение этой ночи было куда менее вредоносным, чем все предыдущие. Эти люди сами были, очевидно, причастны к этому; разошлась весть о том, что всем нужно завесить окна или вообще не зажигать ламп и свечей, чтобы ночью не было видно света. Одни говорили, что это приказ короля, другие — что это велел верховный патриарх, третьи ссылались на неизвестный загадочный источник. Как бы там ни было, эта тактика явно сбила с толку летающего врага — когда он вернулся для новых разрушений, увидел только тьму там, где должны были сиять огни города.

Двое посетителей что-то обсуждали между собой, понизив голос.

— Это не может быть Ана? Она бы знала, что делать. Король уж точно не знал бы, как предотвратить ночной налет, — предположил Йомар.

— Вполне возможно. Или это была Эйлия, — сказала Лорелин. — И дождь — это тоже может быть ее работа.

Она подняла глаза от жалкой трапезы, когда в дверях гостиницы показались Аурон и Талира в человеческом облике.

— Ничего? — спросил Йомар.

Человек-дракон покачал лысой головой, и они с Талирой сели напротив своих спутников.

— Хуже, чем искать иголку в стоге сена, — сказала Лорелин. — Эйлия может скрываться — прикрыть себя иллюзией и даже сменить облик. В конце концов, здесь не может не быть шпионов Мандрагора, которые могли бы ее узнать. Если она нас

не заметит, мы можем пройти мимо друг друга на улице и не узнать об этом. То есть я бы точно не узнала, и Йомар тоже. Но вы, наверное, смогли бы проникнуть сквозь ее иллюзию.

— Могли бы, — согласился Аурон. — Но мы с Талирой не ощутили здесь никакого волшебства за целый день.

— Но ее нужно найти, и быстро! — сказала Талира. — Наши наблюдатели сообщают, что Мандрагор летит на Меру — может быть, он уже здесь. Эйлия должна покинуть эту сферу и вернуться на Арайнию, там она сильней!

Все замолчали — до них дошло, насколько трудно затеянное ими дело. В это молчание вторглись голоса других посетителей гостиницы, обсуждающие события последних дней: пожары в домах, убитые и пропавшие без вести люди, а за всем этим — ощущение еще большего несчастья, затаившегося пока в засаде. Говорили о кометах и о том, не могут ли они быть знамением; цитировались священные книги — в частности, пророческая Книга Рока, упоминались народные предания, известные говорившим от их сельских предков. Страх в зале, казалось, был материален и проникал во все щели, как дым от очага.

— А вы не можете собственной магией найти ее? — спросил Йомар у Аурона, понизив голос.

Аурон покачал головой.

— Опять-таки слишком много вокруг врагов. Иначе мы бы могли связаться с тайными немереями и спросить, не видели ли они ее.

— Если эти тайные немереи еще существуют, — сказала Талира. — Не имея возможности говорить через Эфир, мы даже не знаем, остался ли хоть один.

— Есть туннели, где они раньше собирались, — вспомнила Лорелин. — Я знаю, где это, я там была.

— Но ты говорила, эти туннели уже не тайна. Сейчас немереи там собираться не будут, — сказал Аурон.

— Я знаю! Помните гору Селенна? — спросила Лорелин. — Там, где жила Ана?

Она забыла понизить голос, и ее услышал один из сидящих у камина.

— Селенна? Туманная Гора? Вы туда, что ли, собрались?

— А почему нет? — спросил Йомар.

— Не все, кто восходит туда, потом спускается — так говорят в народе. Несчастливое место. Ходят рассказы о феях и черных колдуньях. Когда-то я этим рассказам не верил, а сейчас — кто знает? Колдуны, летающие корабли — мир сошел с ума. Говорят, что это конец времен, и я начинаю думать, что так оно и есть.

— И говорят, там новая колдунья появилась на Туманной

Горе, — добавил его сосед, отрываясь от кружки. — Ее только вчера видели. Думают, она заняла место Аны, когда старуха умерла.

— Умерла? — воскликнула Лорелин горестно.

— Ну, никто точно не знает, что с ней сталось. Ану годами не видели. Она была стара, как эти холмы, как дорога. А вы ищете лечебное зелье или что-то в этом роде?

— Ну, не совсем… а эта новая колдунья, она из черных? — спросила Лорелин.

— Не знаю. Живет сама по себе, рассказывают, без ковена. Но я бы все равно к ней близко подходить не стал, ни за зельем, ни за чем. И вы тоже лучше держитесь от этих колдунов подальше.

Он вернулся к своей кружке, а четверо спутников переглянулись.

— Это не может быть Эйлия? — шепотом высказала Лорелин общую мысль.

— Может быть — но что ей делать в горах одной-одинешеньке? — спросила Талира.

Йомар допил свою кружку и встал.

— Есть только один способ выяснить. Пойдем и посмотрим.

Наутро после прибытия к Эйлии пришел второй гость.

Она кипятила воду для чая в котле Аны, когда послышалось шарканье шагов у входа, и Эйлия, быстро подняв глаза, увидела стоящего там человека, сгорбленного и уродливого, в лохмотьях, голова у него тряслась, руки непрерывно двигались. Он застонал, глядя на нее, и Эйлия подумала, что он пришел за целебным зельем. Но стон продолжал звучать громче, и вдруг она заметила, что понимает его, будто этот звук — какой-то вид речи. Мысли проступали сквозь него, как солнце сквозь туман.

Здравствуй, — услышала она. *— Мы с друзьями узнали о тебе от деревенских жителей. Знаешь ли ты, что тебя заметили? Считают новой колдуньей Селенны. О тебе говорят и здесь, и в городе. — Он шагнул к ней, шатаясь. — Ты из наших — из немереев?*

— Да, — призналась Эйлия после минутного колебания. — А ты — Ральф? Ана мне о тебе рассказывала. Ты тоже немерей.

Он снова застонал: *Да, правда. Она привела меня в Тайный Круг.*

— Зайдешь и присядешь? — Она указала на стул. Надежда ее возросла. — Я пыталась найти Ану и вас. Скажи, вы не видели ее последнее время?

Он не шевельнулся, но посмотрел на нее. Потом стал издавать печальные лающие звуки:

Значит, ты не знала? Старая Ана умерла несколько месяцев тому назад. После возвращения она все слабела и слабела. И в конце сказала нам свои последние слова. Она говорила, что оставляет нас, потому что теперь мы можем сами справиться — по крайней мере, до прихода Трины Лиа. Она сказала, что уйдет в Эфир, и ее сущность вольется в него. Такую смерть выбирали себе прежние архимаги: чтобы их смертное тело ушло в Эфир, а не в землю. И она пошла к древним Стоящим Камням, тем, которые в виде ворот в мир фей, как говорят местные. Она шагнула между ними и исчезла, и с тех пор о ней ничего не слышно.

День будто померк. Эйлия резко села на исцарапанный стул и уронила лицо в ладони.

— Я… я не знала. Я подозревала, что она умерла, но надеялась, что это не так.

Отчаяние наполнило ее — и скорбь. Ей так нужно было утешение и совет Аны, ее годами накопленная мудрость — но сейчас Эйлия поняла, что хотела просто видеть ее, услышать ее ласковый голос.

— Я… я очень ее любила.

Он подошел и сел у ее ног, глядя ей в глаза.

Ну, что поделаешь. Ты же знаешь, как она была стара — куда старше срока жизни смертных, и кончина ее была мирной и спокойной. Она не умерла в немощи и страданиях. Она просто почувствовала, что сделала для мира все, что должна была и могла, и была готова уйти, доверив оставшуюся работу нам. А мы еще здесь. Патриарх уговорил короля изгнать тех, кто ходит путями немереев, и объявить награду каждому, кто нас выдаст, но никого из нас им поймать не удалось, а когда началась война, они потеряли к этому интерес. Так что, как видишь, ты не одна. И все еще есть надежда. Пусть Аны нет, но она сказала нам, что помощь мы получим. Придет Трина Лиа, сказала Ана. Может быть, она уже среди нас. Она — человек, дитя Земли и Неба, но у нее великая сила и воля нас защитить и повести к победе.

Лицо его было искривленным и бессмысленным, глаза смотрели в разные стороны. Но в его словах слышалась радость и смесь благоговения и удивления. Его простая вера наполнила ее страданием. Что ему сказать? Он — немерей, но верит, как простые крестьяне, что Трина Лиа — воплощение богини, существо, чья победа над тьмой несомненна. Как ему сказать, что победа ее не гарантирована, что ум ее терзают сомнения? Может быть, вообще не надо говорить? Но нет: Ана подготовила ей путь, обещала этим людям, что она придет. Она не может предать старую женщину и разрушить ее работу.

— Да, я знаю. Она говорила правду. — Эйлия снова встала и

вышла на солнце, ощутила на лице его тепло, вдохнула свежего воздуху. И снова повернулась к Ральфу: — Я и есть Трина Лиа. Я пришла помочь вам. — *Если смогу,* — хотела она добавить, но сдержалась. Пусть у него и его товарищей будет желанная надежда.

Он бросился к ее ногам, хрипло бормоча и размахивая руками.

Принцесса! Это чудесно! Ана говорила, что ты явишься в Маурайнии. И когда я услышал о тебе — загадочной женщине, которая поселилась в прежнем горном жилище Аны, — я думал, не может ли это быть Трина Лиа, и многие так думали. Вот почему я пришел, вот почему я все это говорил, надеясь, что ты подтвердишь мои надежды и объявишь о себе. Я должен отнести эту весть немереям — они будут рады…

Да. Ее появление хотя бы даст им мужество и силу действовать… но оправдана ли их вера?

— Ты можешь им сказать, что я пришла, лишь бы об этом не услышал враг. А вы в безопасности, Ральф? Где вы теперь скрываетесь?

Много где. Мы даем приют один другому, предупреждаем наших товарищей об опасности. Раньше мы для этого пользовались умственной речью, но сейчас, кажется, у наших врагов тоже есть немереи. Я ходил на разведку в город, хотел выяснить, что замышляют наши зимбурийские друзья.

— Ральф, будь осторожен. Ведь они же тебя били когда-то?

Обо мне не беспокойся. Никто в такие времена не тратит время на идиотов. Они за более крупной рыбой гоняются. — В этих словах не было горечи, только немного веселья. — *И позволю себе сказать, что, хотя при твоей огромной мощи тебя это заботить не должно, какие-то люди спрашивали о тебе в городе, в одной гостинице — о новой колдунье в горах! Я не знаю, кто они, но может быть, ты захочешь уйти на время с Селенны, просто чтобы не рисковать. Другие немереи послали меня найти тебя — у нас ушло время на эти разговоры, потому что говорить мысленно мы сейчас не решаемся. Если хочешь, я тебя отведу в наше укрытие.*

— Спасибо, — сказала Эйлия. — Но… — она заколебалась. — Мне нужно вернуться к себе. На Элдимию… Ана вам рассказывала об Элдимии?

Она говорила нам, что Элдимия существует. Некоторым она открыла, где это, но не всем — понимая, что даже немерей иногда не может такого постичь. Но мне она сказала. — Руки его мотались, как крылья мельницы. — *На Утренней звезде! Это невероятно, но я не мог не поверить. Нужно быть сумасшедшим, чтобы рассказывать такую ложь, а даже некоторые не немереи*

видели, что Ана полностью в своем уме.

— Тогда ты знаешь, что я должна туда вернуться, собрать свои силы, если хочу быть вам хоть какой-то помощью. Потому что спасу вас не я, а армия из пророчества — храбрые воины с Элдимии. Передай немереям, Ральф, что я прошу прощения, но не могу сейчас прийти к ним.

Оборванец уронил руки и издал затихающий звук, закатывая глаза. В мозгу Эйлии он прозвучал так:

Ох, как жаль! Мы были бы рады твоему присутствию среди нас. Трина Лиа, Особенно теперь, когда Аны нет.

Эйлия поглядела на него печально.

— Да, и мне ее ужасно не хватает. А в грядущие дни будет не хватать еще больше.

И мне, — ответил он. — *Она всегда была ко мне добра.*

Он повернулся и зашагал прочь своей неровной, дергающейся походкой.

Я должен идти и сказать другим. Но я так рад, что ты явилась наконец, госпожа. Теперь я знаю, что все будет хорошо.

Она проводила его взглядом, потом опустила глаза, почувствовав, что об ее ноги трется мохнатый бок. Первая гостья никуда не ушла, и Эйлия была рада ее обществу: Серая Метелка очень хорошо чувствовала, когда Эйлии было грустно или не по себе, и тогда терлась мордочкой и мурлыкала.

Однако Эйлия постепенно обретала бодрость духа. Темное видение прошлой ночью наполнило ее отчаянием, но его сила стала убывать — так кошмар перестает быть столь ужасным при утреннем свете. Девушка закрыла глаза, вспомнила тревожные образы. Она видела древнюю рептилию, а в ней — свою неимоверную способность к злу. Но так, поняла сейчас она, погиб сам Мандрагор. То, что темен он сам, заставило его верить, что у него нет надежды, что слишком силен в нем зверь.

Жор — это темная сторона существования: хаотичная природа вселенной, свирепость диких тварей, разрушительная сила смерчей, землетрясений и вулканов. Но это не зло — это просто существование. И в Эйлии оно тоже есть, потому что она — плоть от плоти материальной плоскости, потому что тело ее подобно телам зверей и каждой клеткой своей помнит древнее наследие. Но Жор — это и источник силы в нужде, и к нему можно спокойно воззвать, если он укрощен, связан и если знать, что он такое. Она еще может подчинить его себе, а не быть поглощена им, как Мандрагор. Она должна смиренно признать эту черту своего существа — именно здесь уязвленная гордость Мандрагора бросила его в злобу и отчаяние. Дракона можно укротить. Она может добыть победу, которую упустил Мандрагор,

презирающий самую внутреннюю свою суть и боящийся ее, а потому сдавшийся ей и ставший тем, что хотел отвергнуть.

Эйлия открыла глаза и огляделась. Ровный ночной дождь смыл почти весь снег, и земля под ним открылась весенним знаменем, уже почти развернутым. Словно букеты цвели подснежники и крокусы меж палых листьев, все еще благоухающих увяданием осени, а в укрытиях между корней деревьев и под нависшими утесами поднимались первые раструбы белых и желтых нарциссов. Дальше, на лесной подстилке, синеватыми сугробами разрослась сцилла. Эйлия называла цветы старыми названиями, как говорили на острове: девичьи слезки и луговая звезда, рожки фей, утренняя радость. На ветвях деревьев набухали почки — ничто не могло устоять против зова солнца. Даже туда, куда не доходили его лучи, достигало его тепло, и в глубоких потайных уголках земли начинали прорастать семена, звери шевелились, просыпаясь от зимней спячки, никак не пострадав от временного погребения. Ночью все еще царило смертное безмолвие зимы, но утром зазвучали птичьи голоса, и солнце, выходящее на небо, было встречено чириканьем и писком, переходящим в громкую песню.

Пребывая в теплом климате Арайнии, Эйлия забыла, как бывает прекрасна ранняя весна, каким чудом она кажется после долгой зимы. Она вдыхала влажный воздух и ощущала то же шевеление перемен в себе, пробуждение к новой жизни. Не прежней жизни, не той, которую она знала на Мере и которую пыталась вернуть ее временная потеря памяти — та жизнь ушла навсегда. Нет, новые надежды теперь распускались в ней, как распускается почка в лиственном коконе.

— Ана! Ох, Элиана, где ты сейчас? — шепнула Эйлия.

И почти увидела старую женщину с белыми облачными глазами и зачесанными седыми прядями, сидящую на стуле в пещере, у самого входа. Ана улыбалась. И почти слышен был ее голос.

— Ты здесь, — сказала Эйлия. — Ты никуда не ушла на самом деле. Что-то от тебя осталось в этом мире.

Все вокруг было тихо, только две вьющих гнездо малиновки сновали возле своего нового дома на старом дубе и слегка шелестел в кустах ветерок. Серая Метелка села у ног Эйлии и довольно замурлыкала.

Йомар, Лорелин, Аурон и Талира спешили вверх, и женщина-птица ворчала на каждом повороте старой каменистой дороги.

— Ох уж это человечье обличье! — бурчала она, отдуваясь. — Не знаю, как вы его выдерживаете. Всюду пешком — эх, будь при

мне сейчас крылья… — Она перевела дыхание, глядя вверх. — Вроде бы никого не видно. Рискну-ка я принять собственную форму…

— Я бы не стал, — возразил Аурон. Он сам тоже пыхтел, полное лицо его раскраснелось. — Тут могут быть охотники и даже валейские шпионы.

— И вообще мы почти пришли, — заметила Лорелин.

Вдруг сбоку от тропы зашелестели кусты, вышла девушка со спутанными рыжими волосами и горящими зелеными глазами и загородила им дорогу.

— Если вы ищете белую колдунью, идите назад! И предупреждаю: больше не приходите, и другим деревенским скажите тоже. — Глаза ее на миг озадаченно остановились на Йомаре и Ауроне. — Мы вас предупреждали, Селенна наша.

— Мы не деревенские, как ты сама видишь, — ответил Аурон. — Белая колдунья, как ты ее называешь, — наш друг. А гора принадлежит всем.

— Теперь отойди с дороги, — добавила Талира, — если хочешь остаться целой. Сама видишь, нас больше.

— Я колдунья! — крикнула растрепанная девушка. — И не боюсь вас, даже если вы немереи.

Но отступила на шаг назад, когда они надвинулись.

— Если ты колдунья, то кому ты служишь? — спросила Талира в упор. — Ты в белой магии или в черной.

— Добро, зло, — скривилась девушка. — Все вы мыслите в таких категориях. Я же служу тому, кто решил искать запретное знание, в котором другие ему отказали. Пусть это значило быть отверженным, он выбрал эту дорогу, сознавая последствия. Эхо его великих деяний все еще звучит во вселенной, и имя его стало знаменем целых поколений. Мы взяли его имя, потому что несем в бесконечность его благородные цели. И за это нам дали оскорбительную кличку — модриане.

Она кого-то цитирует, — подумала Лорелин.

Аурон рядом с ней кивал головой:

— Ах да, культ Модриана. Черные колдуны. Я про вас слышал.

— Хватит нести чепуху! — вспыхнула Талира. — Ты про Модриана-Валдура говоришь, как про героя, а он чудовище. Он — Враг, принесший в миры войну…

— Он принес перемены, — гордо возразила девушка, — а страдания и скорбь — это родовые муки перемен. Нет победы без жертв, и вы это знаете.

— Но страдания он приносит *другим*, а не себе, — напомнила Лорелин.

— Чтобы они росли. И он в любом случае бог, и недоступен страданию.

— Вы заодно с зимбурийцами? — спросил Аурон.

— Конечно, — ответила колдунья. — Они наши братья, товарищи по службе Модриану-Валдуру.

— И ты для них шпионишь за немереями?

Она не ответила, но не стала отрицать, и торжествующая улыбка не сошла с ее губ.

— Тогда ты дважды предатель, кем бы ты ни была, — сказала Талира. — И родину предала, и Трину Лиа.

— Трину Лиа! — передразнила она. — Ищите свою спасительницу в другом месте где-нибудь — если это та женщина, что живет в Пещере Фей, то у нее не хватит мощи против нашего Господина. Я за ней наблюдала, и она даже меня не видела.

— Но ты не решилась к ней близко подойти, — сказал Йомар.

Улыбка рыжей погасла.

— Наши союзники знают про эту белую колдунью. Мы им послали известие. Они идут за ней, и вас заберут, если вы сейчас же не сбежите. — Она собралась, подтянулась. — Уходите, или мы уничтожим вас вместе с вашим Тайным Кругом. Пришел день Модриана. Они пытались навеки заточить его, другие боги, но его новый Аватар здесь. И когда он завоюет этот мир, накажет всех, кто не служил ему.

— А тех, кто служил, вознаградит? — спросил Аурон.

— Мир будет наш, — ответила девушка с яростной уверенностью фанатички. — Вот увидите.

— Хватит слушать глупости, мы время теряем! — Лорелин выхватила меч и взмахнула им. — Иди сюда, если хочешь драться. А если нет — отпусти нас с миром.

Девушка только глянула на яркий адамантиновый клинок, и зеленые глаза раскрылись в ужасе. Потом она повернулась вихрем рыжих волос и темного плаща — и побежала вниз. Лорелин вложила клинок в ножны.

— Только и всего.

— Она позовет других модриан, — сказала Талира.

— Да пусть идут, — покривился Йомар. — Они не настоящие чародеи — просто шайка невежественных идиотов. Где тут пещера Аны?

Лорелин посмотрела вверх и показала пальцем.

— Вон там, у вершины, — я думаю, это она. Вон, видите трещину в камне?

Она пошла по тропе, остальные за ней. Но на подходе к пещере Йомар положил Лорелин руку на плечо:

— Там кто-то есть.

Все остановились и всмотрелись в узкую трещину в холме. У входа стоял кто-то, держа в руках огонек. Человек этот был одет в плащ с капюшоном, рваный и заношенный.

— Ана? — ахнула Лорелин. — Ана?

Человек выпрямился — нет, он был выше Аны. Когда путники поспешно приблизились, они узнали лицо под капюшоном.

— Эйлия, наконец-то мы тебя нашли! — крикнула Талира.

Она сбросила капюшон и улыбнулась.

— Ох, я так рада вас видеть! Уже начала сомневаться, найдете ли вы меня.

— Ну, ты сильно нам это затруднила. — Но Лорелин лучилась радостью. Подбежав к подруге, она крепко ее обняла. — За тобой следили, ты это знаешь? Одна из черных колдуний Модриана…

— Да, Ральф вернулся меня о ней предупредить. Он видел, как она спускается с горы, и проследил за ней. — Она кивнула в сторону оборванца, который показался из пещеры. — Ральфа помните? Он все еще с немереями, и хочет передать им от меня весть.

Оборванец запрокинул голову и заревел.

Я не быстрый курьер, — услышала Лорелин и двое в человеческом облике*, — но надежный. Надо бы мне свое дело открыть.*

Эйлия улыбнулась и повернулась обратно к друзьям.

— И я нашла свою приемную семью, Лори. Они сейчас в безопасности — пока что. Прости, что заставила вас так погоняться — я здесь искала Ану.

— Нашла? — спросил Йомар.

— Да, она здесь. — Эйлия показала на гору, на лес, на дальний хребет. — Здесь она живет. И в нас.

— А! — Аурон переглянулся со своими спутниками. — Понимаю.

— Может быть, не до конца, — возразила принцесса. — Я тоже не совсем поняла — сначала. Я горевала по ней, но сейчас… сейчас я действительно ощущаю, что она еще с нами. — Голос ее стал тише, едва слышны были слова: — И Дамион тоже.

— Эйлия, ты должна вернуться с нами! Почему ты вот так удрала? — спросила Лорелин.

— Мне нужен был совет Аны. Немереи и лоананы — все они хотели, чтобы я использовала свою мощь для убийства.

Эйлия отвернулась.

— А ты не хотела этого. Ох, Эйлия…

Она замотала головой:

— Нет, хотела! Я была так полна ярости из-за гибели Дамиона, что могла что угодно сделать. Я была бы светом, как гласило пророчество, но светом сжигающим, как молния, что падает с неба и опаляет землю. Я решила, что не должна сражаться, пока не смогу делать это без ненависти.

— Время сражаться настало, готовы мы или нет, — сказал Аурон. — Враг действует. Захвачен Темендри Альфаран.

Она горестно вскрикнула:

— Захвачен? А что сталось с императором? Он убит?

— Нет, он спасся бегством, взяв с собой хрустальный дворец и Трон Дракона. Мы не знаем, где он сейчас. Но Талмиренния и ее народы получили ужасный удар.

— Эйлия! — Талира шагнула вперед. — Мандрагор направляется сюда, на Меру. Он нацелил сюда свой первый удар, следующая — Арайния. Лоананы говорят, что он покорил всех валеев, что не хотели повиноваться, казнил тех, кто восставал, и захватил власть в их империи. А она куда больше, чем мы могли себе представить.

Эйлия спрятала лицо в ладонях.

— Да. Я должна остановить Мандрагора, и немедля. Мы должны встретиться. Чем дольше я тяну, тем дольше продлится эта война.

— Но… если он победит…

— Этого не должно случиться. Мне придется использовать все мои силы. Раньше я надеялась никогда не употреблять их для войны. И еще… не буду вам лгать: я боюсь его. Мандрагор искушал меня, когда я оказалась в его мире. Силой, властью… и другим тоже. — Она посмотрела прямо в глаза собеседникам. — Я чуть не поддалась. Такова правда, которую раньше мне духу не хватало вам рассказать. Но сейчас я готова с вами вернуться, — добавила она. — Не знаю, от Аны или как-то еще, но я думаю, получила ответ, которого хотела. — Она оглянулась на Ральфа. — Не могут ли твои немереи сказать моим родным в городе, что мой народ нашел меня и я покидаю страну? Скажи им, что я когда-нибудь вернусь, если смогу. И можно попросить, чтобы кто-нибудь из вас приглядел за Серой Метелкой?

Оборванец прогудел свое согласие и зашаркал вниз.

— Он не возьмет платы, — сказала Эйлия. — Он говорит, что немереи дают ему еду и кров, а больше ему ничего не нужно. Теперь я готова идти с вами.

— Отлично! События идут своим чередом, принцесса, и мы тоже должны идти. Враг на марше, и даже сейчас нас еще могут опередить. Нельзя, чтобы поле битвы выбирал он.

7
Война миров

Софилия, королева сильфов, стояла в королевских садах, озирая своих веселящихся подданных. Здесь не было дворца, какие строят люди, и очень немного мраморных зданий на земле — некоторые просто крыши на столбах, навес от дождя. Небо окрашивал бледно-розовый свет, как бывает на заре, только этот оттенок не менялся. Было ясно, только несколько паутинок перистых облаков висели где-то очень высоко, а под ними кишели множества крылатых созданий, изящных и легких, как бабочки или сорванные ветром лепестки. Это был ее народ, парящий и играющий на своих кажущихся хрупкими крыльях. Они опускались на землю для еды и сна, и для работы, но дорог почти не было, мало кто ходил в этом мире пешком, кроме очень юных и очень старых. Все остальные летали по воздуху, где дороги не нужны.

В королевских садах этого мира царило вечное лето, и столько цветов росло на земле, что не видно было почвы под ними. Розовые, алые, багряные, все оттенки красного господствовали в цветовой гамме, и среди них сновали люди ее народа, отдыхающие на земле. Женщины были одеты в длинные свободные платья из ткани тоньше перистых облаков, крылья летели за ними, как газовые пелерины. Мужчины и дети были только в набедренных повязках. Эти дети, с нелепыми крошечными крылышками, которые еще не могли поднять их веса, смеялись и играли, жадными взглядами провожая парящих в воздухе старших.

Королеве было одиноко — счастливая сцена перед глазами казалось чуждой. Уже много лун подряд ее терзали тревоги и предчувствия. Она первая решительно встала на сторону Эйлии, объявила в тронном зале Темендри Альфарана о своей поддержке Трины Лиа. Ее пример увлек много других народов, убедил их выступить против лоанея Мандрагора и его жутковатых союзников. Но Софилия, предлагая Эйлии свою помощь, понимала, что принимает ответственное решение от имени своих подданных — тех самых, что сейчас невинно играют в небе и среди цветочных клумб. И теперь им грозила опасность именно из-за этого ее решения. Они ее не осудят, даже если пострадают, потому что сильфы ждали пришествия Трины Лиа, как все народы, в жилах которых все еще течет кровь людей. Но эта уверенность не снимала растущего беспокойства. Сегодня она

проснулась с предчувствием несчастья, и она знала, что это предчувствие — уже не просто назойливый кошмар. Как все сильфы, она была немерейкой, и внематериальное восприятие у нее всегда было настроено на широкую паутину Эфира, ощущало в этой паутине малейшую дрожь мысли и силы. Но без какого-то конкретного предупреждения Софилия не знала, что ей предпринять.

Вот поэтому она ощутила острый укол страха, но не удивления, когда услышала нестройный хор криков, разрушивших мирную тишину.

Глянув вверх, она увидела множество черных теней, спускающихся с небесного купола. Сильфы в страхе покидали воздух, ища укрытия в лесах и садах на земле. Но черные тени были быстрее, и из челюстей их вырывалось иссушающее пламя. Они врезались в рои людей-бабочек, и те падали к земле, кувыркаясь, как сорванные бурей листья.

Огнедраконы!

Она подпрыгнула, две пары перламутровых крыльев затрепетали, расправляясь в воздухе, хотя она уже знала, что ничего не может сделать, что худшие ее страхи стали явью.

Такова была цена. Валеи послали огнедраконов, чтобы осуществить свою месть ей — и всем, кого она клялась защищать.

В небесах Меры летел Аурон с тремя пассажирами-людьми и с Талирой. Над ним висел тонкий полумесяц. Голубизна дня, окружавшая его, быстро сменялась чернотой, и его белая улыбка сияла все ярче. На верхней границе атмосферы летели другие драконы, сверкая в лучах луны и солнца.

Эйлия, сидя за головой Аурона, приветствовала небесных драконов, поднимая Камень Звезд. Его белое свечение затмевало небесные тела. Драконы радостно трубили и обращались к ней мысленной речью. Один из них была молодая драконица по имени Галлада с Темендри Альфарана.

Принцесса! — Драконица развернулась и полетела над ними, как страж почетного караула. — *Мы рады, что ты наконец вернулась.*

И я рада, — ответила Эйлия. — *Людям внизу нужна твоя помощь, Галлада. Огнедраконы стаей навалились на землю.* — Она всмотрелась вниз, в плотные облака, и поняла, что теперь враги могут использовать их как прикрытие, из-за этой завесы незаметно нападать огнедраконами и летучими кораблями. — *И еще там множество немереев, которых противник хочет истребить. Помогите им, прошу вас!*

Поможем. Сейчас на Нумии собралось много лоананов, ждущих

твоего приказа. Мы опасаемся, что противник мог просочиться сквозь нашу сеть. Но сперва принцессе и ее спутникам следует добраться до той луны и очиститься в источниках. А оттуда — на Арайнию, она тоже в опасности.

Они вылетели в Эфир, в сверкающий туннель драконового пути, и опять наружу. Эйлия была рада снова оказаться среди звезд, хотя и знала теперь, что безмятежность их — мнимая. Даже сейчас шли войны среди этих безмолвных созвездий.

Архоны Звезд, если вы и правда еще здесь, если вам дорога Империя, которую вы создали, придите сейчас ей на помощь! — мысленно взмолилась Эйлия.

Нумия открылась под ними, а не над, а сзади светило солнце, и она сияла в полной фазе. По мере спуска она переставала быть знакомой луной и превратилась в светлую страну. Но это была пустыня, и ничто там не шевелилось, ничто не жило там.

— Когда-то это был обитаемый мир, — сказал Аурон. — И меня печалит видеть его таким. Там, где сейчас темные пятна, когда-то волновались и играли на солнце небольшие моря, на этих горах и равнинах качались тенистые леса. И города тоже были. — Он парил над серовато-белой равниной. Под ним зияли кратеры, обрамленные тенью. — Все погубила Катастрофа, и Нумия теперь гола и безжизненна.

Эйлия снова испытала то чувство опустошенности, что и тогда, когда Аурон впервые привез ее сюда после приключений в Тринисии. Они летели тогда над пустыней, созданной кометами Катастрофы, и набрели на странное зрелище: яркие пятна, расцветшие посреди серых пустошей. Когда они спустились ниже, Эйлия увидела, что это огромные шатры золота и багрянца: военный лагерь был поставлен сейчас на Нумии. Там двигались какие-то создания, купались в расположенных неподалеку источниках. Аурон приземлился на краю лагеря, и три человека спрыгнули с его шеи. Странная пестрая толпа встретила их: люди-немереи, драконы, херувимы. Двое последних стояли по стойке «смирно» по обе стороны большого камня, как часовые. Оба они были очень похожи на Фалаара, только у того, что справа, на передних лапах были когти орла и отсутствовал гребень из перьев между ушей, а у того, что слева, была пара изогнутых рогов, как у козерога. На камне же, как на троне, сидел, гордо выпрямившись, третий херувим, Гириан Ваулин, король херувимов. Огромная голова его имела форму львиной, но больше напоминала статую геральдического льва, нежели реального зверя: шире и короче, с такой царственной разумностью, какой не может быть ни у одного животного. Глазные впадины были глубокие и темные, но Эйлия, подойдя ближе, увидела в них блеск древних глаз. Грива у

него завивалась плотными колечками, как бороды царей на старых барельефах у антиподов, а перья цвета кованой бронзы возвышались за плечами и спадали вдоль спины королевской мантией. Голову венчала золотая корона.

Эйлия обратилась к нему уважительно, как правитель к правителю:

— Ваше величество, на Мере крайне нужна ваша помощь. Я благодарю ваших воинов за их труды ради нашего блага, но покорно прошу вас направить нескольких из них на помощь тамошнему народу. — Она посмотрела на Западный континент указанного мира, четко видимый на черном фоне ночи. — Если падет Раймар, падет и Маурайния.

— Я пошлю столько, сколько смогу. Но почти все заняты битвой с врагом среди комет, — ответил король Гириан. Даже в разреженном воздухе Нумии его голос звучал гулко и глубоко, как храмовый колокол. — Огнедраконов больше, чем мы думали. И ты знаешь, что случится с этим миром, если в него попадет комета.

Эйлия глянула на страшные снаряды с длинными белыми хвостами. Если хоть одна упадет на этот светлый и хрупкий шар, разрушения трудно будет себе представить. Она опустила взгляд к сухой пыльной земле и камням, окружающим ее, и задрожала.

— Враг повсюду. Но на Мере уже погибают невинные, и даже самые доблестные деяния Крылатой Стражи будут им бесполезны, если бросить их на произвол гоблинов и огнедраконов.

— Будь уверена, *Тринелъ*, мы сделаем все, что в наших силах.

Гириан Ваулин повернул царственную голову и проревел приказ своему народу. Несколько херувимов тут же взлетели, уходя в черное небо, рвущиеся в бой, как гончие на охоту.

Она склонила голову в знак благодарности и повернулась на звук знакомого голоса, окликнувшего ее по имени. Из шелкового шатра вышел ее отец и поспешил к ней.

— Наконец-то! Я так боялся за тебя!

Тирон обнял ее.

— Прости меня, отец, — ответила Эйлия, прижимаясь к нему. — Я не хотела тебя тревожить, но заболела и на время потеряла память. Теперь память вернулась, и я больше тебя никогда не покину.

— Ну, не упрекай себя, дорогая. Я просто рад, что ты уже здесь.

Он взял ее за руку и повел в шатер.

Лорелин и Йомар тем временем отошли и сели с несколькими немереями, глядя, как драконы и херувимы омывают ожоги и раны в дымящихся источниках. Некоторые были

слишком сильно ранены, чтобы даже целебные воды могли их вылечить, и на страдания херувимов, которые не могли вернуться в битву, жалко было смотреть. Сами архоны создали этих существ для защиты миров от возможного вреда, и для них неспособность выполнения этой благороднейшей из задач была хуже любой раны.

Помолчав, Лорелин сказала:

— Противник снова нападет на Меру — и на Маурайнию тоже. Наши союзники не могут успеть повсюду. И бедная Эйлия тоже не может все сделать сама. Нам нужны летающие корабли!

Ответил какой-то маг:

— Для летающих кораблей нужна чешуя саламандр, шерсть и шелк, чтобы защитить их от огнедраконов.

— И солдатам на земле тоже нужна защита от их огня, — добавил Йомар.

— Но запасы огнеупорной шерсти, шелка и чешуи истощены по всей Талмиреннии. Саламандры, в отличие от других детей элементалов, никогда этой солнечной системы не покидали. И нигде больше в Империи их нет.

— Но ведь в Аркурионе саламандры все-таки есть? Нельзя ли туда пойти и попросить их?

Этот вопрос Лорелин адресовала Аурону, который подошел сзади в облике дракона. Лоанан на миг задумался, наклонив золотистую голову.

Много веков я уже не проецировал туда свой образ, — сказал он. *— Они с внешним миром не очень общаются. Потом, быть может, враг уже обращался к ним и их развратил. Меня бы удивило, если это не так. И все же я обращусь к ним — и тебе тоже следует, Лорелин, ты будешь свидетельствовать о страданиях твоего мира. Эйлия слишком устала, чтобы воспользоваться своей силой, но ты, как ее ближайший друг, сможешь говорить от ее имени.*

А нельзя туда отправиться в истинной плоти? — спросила она из любопытства. *— Тогда Йо мог бы быть с нами. А мне всегда хотелось увидеть Аркурион.*

Боюсь, что нет: даже моя сила не смогла бы защитить нас долго в том мире. Там только саламандры могут выжить. Любое иное живое существо, появившееся там без чародейной защиты, погибнет моментально.

В отцовском шатре Эйлия села на груду вышитых подушек возле теплой жаровни.

— Тебе надо отдохнуть, дочь, — сказал Тирон.

— У меня нет на это времени, — возразила Эйлия. —

Пророчество говорит, что я должна вести небесные армии на Меру.

— Ты это уже сделала.

— Правда? — спросила она, недоумевая. — Что ты хочешь сказать, отец?

— Ты была на Мере, и воинство Крылатой Стражи и арайнийская армия были там с тобой. На этот раз армия куда больше, и ей помогают боевые драконы и херувимы, которые уже не стараются не вмешиваться. Там они встретят валеев и отстоят этот мир. — Он сел рядом и обнял ее за плечи. — Твоя роль выполнена. Тебе осталось только вдохновлять их и указывать путь.

— Еще есть столько мест, где я должна находиться! — сказала она. — На Арайнии, чтобы успокоить народ, и в Зимбуре, утешить там людей и помочь им против сторонников Мандрагора, и в космосе, помогать лоананам и херувимам смещать кометы… Великие Силы должны были бы этих Трин Лиа послать дюжину, а не меня одну! — Она спрыгнула с подушек. — Отец, правда ли, что враг куда более многочислен, чем нам было известно?

— Похоже на то. Моругеи были созданы для размножения ордами — чтобы поставлять бойцов для их гражданских войн. Они столетиями обучались искусству войны, усовершенствовали его, убивая друг друга. Это не уменьшило их численности, но закалило их как расу, ибо выживали и размножались сильнейшие и свирепейшие. А сейчас они больше не дерутся друг с другом, но объединяются против нас под водительством своего Аватара. Огнедраконов тоже оказалось куда больше, чем мы себе представляли. Битва у комет — это мелкая стычка большой войны, которая давно планировалась — так давно, что корни этого плана уходят во времена архонов. Вся Талмиренния нынче в осаде. Огнедраконы напали на мир сильфов, подожгли города дриад в лесах Фалнии.

Эйлия ужаснулась. Напасть на сильфов! Это действительно был удар: и для Фалнии, где большинство живых созданий были звериным народом — кентавры, сатиры, гарпии, живущие на природе. Но чудесным было обиталище дриад. Поскольку дриада никогда не свалит дерево ради древесины, дома они строили, уговаривая деревья — волшебством — принимать форму залов и комнат, сплетать стволы и сучья в крыши и стены, Некоторые из этих деревьев были высотой и обхватом как секвойи, и создаваемые ими помещения были огромны и величественны, как храмы и замки человечества. Сотни тысяч лет уходило на создание этих домов, и столько же понадобится, чтобы их восстановить.

— Сильфы и фалниане просят у нас помощи, — продолжал Тирон. — И во многих мирах народы, которые поддержали тебя, сейчас за это страдают. Посол кицуне Хада вернулся к своему народу — попытаться помочь. Но дошли слухи, что он убит, и многие вместе с ним.

— О, только не это! Хада был близким другом Аурона, и он будет поражен горем от этой вести. А Орбион был и мудр, и искусен в чародействе. Если он не смог противостоять валеям и вынужден был бежать, на что тогда мне надеяться? — Она провела рукой по глазам. — Отец, нам нужно больше армий.

— Их неоткуда взять, и нет времени обучать народы Талмиреннии сражаться и убивать. Война не надвигается на нас, она уже здесь.

— А я то недолгое время, что у нас есть, тратила зря на Мере, — горестно сказала Эйлия. — Я так хотела получить помощь и совет Аны — я даже убедила себя, что как-то ее дух обращается ко мне. Наверное, я немного не в себе была эти дни. Я очень виновата. — Она снова сжалась между подушек. — Но теперь я знаю, что мне нужно делать. Меня не просят сражаться с целыми армиями, но только с одним, которого я могу победить. Если их Аватара не будет, валеи могут утратить желание драться.

«Но утратят ли? — подумала она. — Сейчас, когда их так много, и все они полны страха и ненависти?»

— Дорогое мое дитя! — Тирон нежно положил ей руку на плечо. — Я бы помог тебе, если бы был в силах. А пока отдохни. Вон там мешок с едой и водой возле жаровни — и немного амброзии, тебе она сейчас нужна…

Эйлия взяла его руку в свои и крепко стиснула, потом встала. Подойдя к мешку, она подняла его за лямку.

— Спасибо, отец. Но я лучше пойду пройдусь. Мне нужен воздух и тишина и возможность немного побыть одной. Может, тогда мне яснее станет положение дел.

Она вышла за границу лагеря, шагая по плоской каменистой поверхности — остаткам древней дороги. По этой дороге она шла, не зная зачем, а дорога вела через серую пустыню, а потом, подойдя к краю обрыва, Эйлия увидела, что дорога уходит вниз на дно кратера и дальше прямо, как стрела, — по скалистой насыпи, похожей на дамбу, к возвышению, на котором поднимались белые стены и иглы башен, затронувшие в памяти какую-то струну.

«Это тот замок, над которым летели мы с Ауроном, когда он меня впервые сюда привез, — подумала она. — Интересно, как тут было, когда Нумия была живой?»

Она восхищенно смотрела на строение архонов, ее будто

тянуло к нему. Достав из рюкзака фляжку с амброзией, Эйлия сняла серебряную крышечку и приложила фляжку к губам. Как только она сделала глоток и вернула фляжку на место, перед глазами у нее помутнело, и на месте пейзажа появился другой, похожий и в то же время отличающийся, как образ из ушедших времен.

Солнце и звезды сияли на небе одновременно, но небо не было таким черным, и земля не была столь пустой и серой. Она играла живыми красками — леса, изумрудные, индиговые, золотистые. И только обрывы были серыми, уходящими в кратер. Но на дне блестело темное озеро, отражавшее солнце и звезды. Островок в середине его сиял самоцветом на черном бархате, с зелеными и алыми проблесками. А на вершине стоял жемчужно-белый дворец.

Она спустилась по вьющейся тропе и перешла дамбу, глядя на белые башни, горящие на фоне темного неба. Огромные двери стояли распахнутые, и просторное помещение за ними светилось нежно-перламутровым светом. Перед дворцом стояли люди — высокие, в нарядных разноцветных плащах, которые удивленным глазам Эйлии казались сотканными из перьев: алых, зеленых, шафрановых и фиолетовых, среди которых не было двух одинаковых. Одна женщина расправила руки, и стало видно, что плащ закреплен у нее на локтях и запястьях и похож на два огромных крыла. На глазах у Эйлии женщина подпрыгнула, за ней еще двое-трое, их оперение подхватил ветер и понес вверх — они парили над озером и деревьями с грацией ласточек.

В дверях появилась женщина — сивилла или кто-то из лунного народа: у нее не только мантия была белая, но и крылатый плащ, и серебристые волосы спадали на спину. Она безмятежно смотрела в ночь, и Эйлия, проследив за ее взглядом, увидела планету Меру — голубой диск, испещренный облаками, каким он был и во времена Эйлии.

— Добро пожаловать в храм Элнумии, — произнес чистый и сладкий голос сивиллы. Обращалась она не к Эйлии, которую не видела, а к крылатым паломникам.

«Элнумия — богиня луны. Так вот где жила архон Нумии!»

Это и был Лунный дворец из старых сказок, лучистый, как маленькая планета, на которой он стоял. Красота и чудо наполнили Эйлию восторгом — но он тут же сменился печалью. Предстоял день, когда погаснет этот свет, когда сады и рощи островка сменятся серой пылью, когда похожее на кратер озеро высохнет осушенным кубком. И лунный народ исчезнет с Нумии — вымрет или разлетится.

Эйлия миновала сивиллу и вошла во дворец.

Внутри он был так же светел, как снаружи, и главный его зал сверкал, как ледяная пещера. Огромные колонны держали свод, сами светясь бледным светом, а среди них небольшими группами ходил лунный народ. Легкие шаги — на луне не надо ступать так тяжело, как на планетах побольше, — и приглушенные голоса, а больше ничего не было слышно. На помосте в конце зала стоял мраморный трон — слишком большой для любого правителя-человека, — и он был пуст. Но рядом с ним Эйлия увидела эфирные очертания. Фигура была похожа на женщину, неестественно высокую и тонкую, и призрачное ее тело было облачено в белое платье со шлейфом. Голова в шали склонилась в траурной позе. Никто из смертных в храме не видел этого явления — по крайней мере никто не обратил внимания. Но когда к помосту подошла Эйлия, женщина подняла голову и заговорила.

— Ты желанная гостья, — прошептала она. — Я вижу тебя, Трина Лиа, гостья из будущего. Я тоже не совсем здесь, ибо вне времени.

— Я тебя уже видела! — воскликнула Эйлия.

Чей же был этот проецируемый образ?

— Да. Тебе я могу показать себя.

— Скажи, пожалуйста, кто ты?

— Я — та, что царила здесь в давние времена. Когда мой мир был таким, каким зришь ты его сейчас, полный жизни и цвета. Ты знаешь, что те, кто здесь обитают, не зрят. Ты видела, что грядет. — Безликая фигура показала рукой на трон. — Займи место сие.

— Госпожа, этот трон — твой, — возразила Эйлия.

— Но сейчас отдаю я его тебе, ибо мне сие приятно. Я молю тебя, займи его.

Эйлия подчинилась — с некоторым трудом, потому что трон был высок и глубок, и она чувствовала себя как ребенок на взрослом стуле. В другом конце зала в открытую дверь сияла Мера, голубая и лучистая в темном небе. И вдруг Эйлии вспомнилось пророчество о Трине Лиа, возведенной на трон на луне.

— Это мир Элмеры, — сказало видение. — Он избег Катастрофы, опустошившей мою Нумию. Ты видишь, какими когда-то были земли мои. Но враг Света послал Азараха внести раздор на Небеса. Тот послал кометы к внутренним мирам, и это мое царство на спутнике было разрушено, и чуть не разрушена была и сама Мера. Второй раз она может не избежать такой судьбы. И опасность грозит Арайнии.

В голове у Эйлии возникло видение: Мера, сгоревшая и

черная пустыня под светом Нумии — безжизненная, как эта луна. И Арайния, и ее луна в осаде. Эйлия в ужасе отпрянула от этих образов: увядающие леса, превращенные в лед океаны под небом, красным от пыли и дыма, закрывающих солнце.

Это было предупреждение ей, чтобы продолжала сражаться? Что, если она не пойдет на эту войну, то Меру — и Арайнию — постигнет судьба Нумии? И в опасности не только эти миры, потому что теперь у нее перед глазами были древесные города дриад, вековая кора и свежая зелень стен и крыш охвачены лесным пожаром. Она увидела мир сливающихся голубых и лиловых оттенков висячих туманов и тихих вод Тарнавина — и он тоже разрушен. Прекрасные создания бегут сквозь леса, разрывая туманы рогами, и роса украшает алмазами их белые шкуры. Баргесты — огромные черные псы с красными глазами — преследуют единорогов под радостное улюлюканье охотников-гоблинов. Потом Эйлия увидела странное место, где какие-то насыпи и колонны были изрыты дырами, тысячами дыр рядом друг с другом, и красновато-коричневое камнеподобное вещество, из которого сделаны были насыпи, стало похоже на медовые соты. В эти отверстия туда и обратно сновали сотни шестиногих созданий вроде муравьев. Можно было бы подумать, что это и есть муравьи, потому что не с чем было сравнить для масштаба, но странные мохнатые головы были скорее кошачьи, чем насекомые, и Эйлия поняла, что это мирмеколеоны, львы-муравьи, и каждый из них больше быка. Они роились у своих насыпей, готовясь напасть на наступающую армию гоблинов, огров и огромных троллей. Их царица, величественное создание вдвое больше своих подданных, стояла и озиралась возле самого высокого отверстия насыпи. Армии сражались, чтобы ее защитить, но у них не было другого оружия, кроме собственных когтей и челюстей.

— Это не образы будущего, — сказал рядом с ней голос видения, когда картины растаяли, — а то, что происходит сейчас. Эти создания поклялись тебе в верности и теперь страдают за это. Не бросай их!

Эйлия наклонила голову.

— Я поняла.

Пейзаж поплыл перед глазами Эйлии, превратился в смесь красок; они закачались и растаяли. Она моргнула.

Эйлия все еще сидела на троне, но жемчужного света не было: снова дворец стал белой костяной оболочкой, повисшей в сером мраке. Она бродила, оказывается, не только духом, но и телом, и забрела в древние развалины архонов. Элнумии тоже уже не было — если это была действительно Элнумия. Но еще

слышен был в пыльном воздухе шепчущий голос:

Ищи земли Элорайнии в сфере ее. Она даст тебе силы разбить врагов твоих.

Эйлия медленно слезла с трона и вышла в высокие двери.

Поверхность Аркуриона была похожа на тигель расплавленного металла. Ослепительно блестящая, полужидкая и кипящая, сочного желтого цвета. Эфирные формы Лорелин и Аурона скользили над золотистыми равнинами и булькающими озерами лавы. С раскаленного неба палило пылающее белое солнце.

Будь мы здесь во плоти, — сказал Аурон, — *и без защитной магии, почти сразу же погибли бы от испарений. А пылающий свет выжег бы глаза.*

Почему здесь все желтое? — спросила Лорелин.

Здесь все из серы. И дожди выпадают не водные, а кислотные — очень неприятно. Но саламандрам это нравится. Их тела покрыты броней, спасающей от кислоты и жгучих лучей солнца.

А почему они тогда одеты в шерсть? Ведь от нее же теплее?

Нет, на самом деле шерсть оказывает охлаждающее действие. Солнце нагревает лишь ее верхний слой и не проникает в нижние слои руна — жар не доходит до тела.

Одна кальдера, мимо которой они пролетали, вдруг взорвалась, выпустив гейзер едкой жидкости в переливающиеся облака. Вся поверхность мира была чередованием равнин расплавленной желтой серы и дымящихся луж. Конусы вулканов скоро рухнут, на их месте появятся новые: рельеф Аркуриона менялся непрерывно. Лорелин подумалось, каково было бы жить в таком месте — меняющийся ландшафт без постоянных ориентиров, где нет ничего долговременного. Какое действие это может оказывать на ум саламандр?

Вдруг ближайшее дымящееся озеро закипело и покрылось пеной. Всплыла желтая морда, мокрая блестяща спина, а потом на берег вылезло все создание целиком. Саламандра была футов двенадцати в длину и похожа на ящерицу — приземистая, с сужающимся к концу хвостом, четырьмя мощными лапами и длинной узкой головой. Лорелин отметила на спине животного толстый слой чего-то, очень похожего на мокрую шерсть.

Тварь заговорила шипящим голосом, и Лорелин с Ауроном услышали мысленную речь:

Кто вы? Зачем ты послал сюда свой образ, лоанан? И зачем привел с собой человека?

Друг, нам нужна твоя помощь, — ответил Аурон. — *Мера и Арайния в опасности. Им угрожают слуги Валдура.*

Дальние планеты — бррр! Такие далекие от солнца, такие холодные и негостеприимные! Хотя говорят, что там глубоко внутри тоже есть неплохие местечки, возле расплавленного ядра.

Саламандра уставилась на людей круглыми темными глазами, похожими на полушария дымчатого стекла.

Значит, их народы бегут сюда? И нам придется конкурировать с людьми за жизненное пространство?

Лорелин покачала нематериальной головой:

О нет. Это я могу тебе обещать.

Ты уверена? Кто может устоять перед соблазном столь прекрасного мира, как наш, — теплого, с ароматным воздухом, с красивейшими озерами?

Лорелин, стараясь не смеяться, заверила саламандру, что люди не будут колонизировать серную планету.

Мы здесь не можем жить. Мы только пришли просить вашей помощи.

Но подозрения саламандры рассеять не удалось.

Вы хотите втянуть нас в эту войну? Мы не бойцы, и мы не покинем нашу планету. Мы ведь действительно нигде больше не можем жить. От холода мы погибнем.

Мы не просим вас сражаться. Но когда-то вы с нами делились чудесными шерстью и шелком и сброшенными чешуйками. Нам приходится сражаться с огнедраконами, атакующими наши миры, и не все наши воины — немереи.

Мой мир не под угрозой. — Саламандра двинулась к своей дымящейся луже. — *Ваша судьба не волнует наш народ. Ваши битвы нас не касаются, потому что люди, гоблины и драконы на Аркурионе жить не могут, и им он не нужен. Это и сейчас так. Ни одна комета на нас не нацелена, и война эта не наша.*

Ты уверена? — спросил Аурон. — *валеи могут найти применение вашему народу и поработить его. Огнедраконы в этом мире выживут. Ты не знаешь темных, как знаю их я.*

Но и ты не можешь точно сказать, что они поработят нас. А что точно — так это то, что если мы вам поможем, мы станем врагами ваших врагов. У них будет причина на нас нападать. Ты слыхал о падении сильфов после того, как их королева объявила себя сторонницей вашей Трины Лиа? Пожары и убийства в том мире и в других были предупреждением для всех нас. И только не влезая в вашу битву, можем мы остаться в безопасности.

Саламандра стала погружаться.

Лорелин пожалела, что здесь нет Эйлии: ее искусство дипломатии очень бы пригодилось. Лорелин же привыкла драться оружием, а не словами. Она попыталась сообразить, что сказала бы Эйлия.

Но нам нужна ваша помощь. Если бы опасность угрожала вашему миру, я бы сделала, что вы просите.

Правда? — очень скептически спросила саламандра.

Да, правда. В этом и был смысл Талмиреннии — древние не хотели изоляции всех миров, они хотели их объединить в целое. И мы приходим друг другу на помощь в час нужды.

Саламандра лежала, выставив голову на поверхность, как крокодил. Наступило долгое молчание — тварь думала. Потом она сказала:

Я поговорю с другими, посмотрю, что они скажут. У нас нет правителей, как у вас, людей. Но я передам моему народу ваши слова. Через несколько дней мы сообщим вам решение.

Саламандра нырнула в пруд и исчезла.

Аурон и Лорелин переглянулись.

Ты сделала все, что могла, — сказал Аурон.

Она кивнула.

Я тоже так думаю. Некоторые сказали бы, что раз так, надо прийти и взять силой. Немереи наверняка нашли бы способ прийти сюда и воевать.

В этом ты права. Чародейство делает возможным все.

Но я не думаю, что это было бы правильно. И Эйлия бы не одобрила. И все-таки… что будем делать, если они нам не помогут?

Продолжать драться без их помощи, — ответил Аурон. — *И надеяться, что они увидят, что на нашей стороне правда, и переменят мнение. Но мы забегаем вперед. Сперва надо подождать, что решат эти саламандры. Вернемся в свои тела и предложим нашим друзьям все, что можем.*

8
Страна в облаках

— Почему? Почему она отступила? — ревел Мандрагор голосом дракона. — Судьба Меры еще не решена. Император слишком слаб, чтобы защитить свое царство и свой титул. Как раз самое время было ей принять Трон, когда он его предложил. Почему же она отступила в свой родной мир, в глушь? Я там бывал, в тех землях, там ничего нет.

Красный дракон стоял на замерзшей поверхности самой большой кометы, защищенный от суровой пустоты зачарованным пузырем воздуха и тепла. Над ним светила Арайния, повиснув над ледяным обрывом и заливая его светом своих колец и голубого шара. В черном небе парили темные силуэты огнедраконов, едва видимые — только когда закрывали собой звезды или пролетали на фоне диска планеты. Рядом с Мандрагором стояла небольшая группа его мятежных лоананов, в том числе монарх драконов Земли Торок. Элазар и Эломбар тоже присутствовали в эфирной форме, плавая у него перед лицом.

— Наши наблюдатели доложили, что она отправилась искать архонов того мира — в частности, свою мать.

Дракон посмотрел на окольцованную планету.

— Может ли быть, что там все еще живут архоны? Даже я еще не видел всего, что есть в космосе… нонет, все, что можно увидеть на Арайнии, я видел. Жили бы там архоны — я бы их нашел.

— Нет, она знает, что древние ушли с Арайнии. И ее мать пропала, когда перевозила ее на Меру. Что может быть для Эйлии важнее, чем сражение на Мере или Императорский Трон? Надо мне самому лететь на Арайнию и посмотреть.

— Какой в этом смысл? — спросил Элазар. — Господин мой, лететь тебе нужно на Омбар, принять трон Валдура. Потом тебе должно искать Орбиона и захватить Трон Дракона. Сражаться с Триной Лиа на ее территории тебе невозможно.

— Услышь его, Мандрагор! — проревел Торок, вытягивая к царю драконов шею в алой чешуе. — Его совет хорош. Пусть Трина Лиа прячется в своем мире, если хочет. А мы тем временем всю Талмиреннию возьмем.

— Рано. Сперва я хочу понять, что задумал мой противник. Она знает, что я могу захватить Трон Дракона, но ее это будто не волнует. Конечно, для нее безопасность ее мира и народа значат больше любого трона — и она всегда сможет схватиться со мной

за Трон потом. И все же ей кажется, что она может защитить Арайнию даже без своей армии и своих немереев, которых она послала освобождать Меру. Почему? Что хочет она найти на Арайнии, что дает ей такую уверенность? Может быть, она узнала о какой-то реликвии или талисмане, который может помочь в грядущей битве? — Дракон замолчал, потом обернулся к демонам. — Если ваш план не удастся, могу я предложить вам другой? Не сомневаюсь, что вы будете рады раздавить Арайнию в лепешку, но что вы скажете, если ее девственные леса и стройные города станут домом для вас, гоблинов, и других валеев? Не будет ли это большей победой, нежели простое уничтожение — если элеи увидят свой возлюбленный мир в руках врага? Почему бы нам не взять планету себе?

— Ты не понимаешь, — ответил Элазар. — Силы Арайнии встанут против нас, если мы там появимся. Архоны…

— Не начинай снова, — перебил Мандрагор. — Конечно, в этом мире есть силы, но я не верю, что это архоны. Это немереи, есть и великие немереи среди них, но ни одного, кто мог бы со мной сравниться — когда у меня армии, что вы мне дали. На что бы ни надеялась Эйлия, надеется она зря. Второй раз она не обратит меня в бегство.

— Но Арайния — место силы Эйлии, — возразил демон. — Поэтому она туда и направилась.

— И тем больше причин разобраться с ней первым делом, и с ее правительницей тоже. Отрежь голову, и тела можно уже не опасаться. Вы что, боитесь? Давайте хоть на луну туда слетаем, на Мирию. Это будет база для наших кораблей и огнедраконов получше лишенных атмосферы льдин. Оттуда мы сможем начать осаду Арайнии.

Эйлия стояла, глядя на Хиелантию, страну Облаков. Столовые горы, образующие эту легендарную страну на Арайнии, были так велики и высоки, что сливались с небом, пронизывали кучевые облака, похожие с виду на твердый мрамор, — они видны были четче тех туманных вершин, которые обволакивали. Самое большое плато было закрыто одной сплошной тучей, его вершина была невидима. Место Матери — называли его элеи — там, где находился таинственный двор богини Эларайнии. Как говорили некоторые, до сих пор находится. Королева мира правит в царстве духа, говорили они, во главе своего божественного двора. Может быть, это местный миф, подумала Эйлия. Вполне могли древние арайнийцы эту покрытую облаком высоту считать домом какого-нибудь божества. Или здесь когда-то правил архон — может быть, женщина-архон, ставшая потом матерью Эйлии? В конце концов,

«боги» этого мира были настоящими, живыми существами из плоти и крови, владевшие давно забытым волшебством, умеющими менять собственную форму и играть веществом самой жизни.

Зато было хорошо хотя бы оказаться еще раз в родном мире и в теплом климате. Эйлия сменила тяжелую одежду на тонкое белое платье с короткими рукавами, а волосы заплела двумя косами, уложенными и приколотыми по бокам, открывающими шею. Воздух был недвижен и жарок, и лишь едва заметный бриз веял с моря. Солнце светило с востока, где висела арка небес, будто небесный экватор. Высоко над головой летела огромная комета — одна из посланных врагом. Ее еще не повернули, потому что она хорошо охранялась. В ее ледяных пропастях поджидали самые опасные из слуг Мандрагора, собираясь нанести удар по планете. Ходили слухи, что и сам Мандрагор тоже там, и потому арайнийцы боялись кометы, называли ее «звездой Дракона». Вид этой кометы укрепил решимость Эйлии.

— Я должна немедленно лететь на Арайнию, — сказала она своей охране на Нумии. — Видение, которое мне явилось, было истинным, и я должна ему следовать. Но в город я не пойду. Туда, где я нахожусь, будет нанесен удар. А силу Арайнии я могу черпать и в глуши. Я полечу в Хиелантию.

— Но, принцесса, это же будет очень опасно! — возразила Талира.

— Не опаснее, чем в любом другом месте, — ответила Эйлия. — И недалеко от леса Арданы живут элеи. Это страна моей матери.

— Ты должна взять с собой Крылатую Стражу… — начал было ее отец.

— Нет, они должны остаться здесь, отворачивать кометы. С собой я возьму только нескольких друзей. И у меня, думаю, там найдутся другие союзники.

— Талмир, — сказал Фалаар. — Великие Силы.

— Быть может, — согласилась Эйлия, — Или волшебный народ проявит некоторые врожденные умения, о которых мы даже не подозреваем. Уж точно я не буду там одна.

Вопреки своей решительной речи, она чувствовала себя подавленной и усталой, будто неизвестный яд пропитал ее тело, и все она видела через какую-то унылую пелену. Она знала, что все смотрят на нее, ожидая от нее воодушевления, уверенности, силы. Они питаются от нее жизнью, как растения от солнца. Ах, если бы найти хоть кого-то, кто наполнит силой *ее*!

Она снова стала смотреть на высоты Хиелантии. Где-то посреди этой облачной завесы архоны насадили лес, там, где

ничего расти не должно было — амброзийные деревья и другие виды, присущие только этим невозможным высотам. Облачный лес давно мертв, но следы деревьев остались до сих пор. Элеи этой земли показали Эйлии кусок янтаря, принесенный в низины водопадом. Камень был редкий, прозрачный, как кристалл, обточенный в идеальный шар. В глубинах его сохранился окаменевший цветок прежних дней, в вечном цветении, и светлые лепестки раскрывались навстречу свету. Этот цветок рос в садах богов, говорили местные элеи, когда древние еще были на Арайнии, когда драконы только начинали летать среди звезд, когда только-только возникла ее собственная раса. Вся человеческая история еще не началась, когда этот цветок впервые расцвел, источая неизвестный, утерянный аромат. Какие же еще чудеса содержала эта древняя земля, о которых нет даже мифов? Эйлия вытянула шею, разглядывая плато богини. Пока она смотрела, облачная пелена разошлась в одном месте, и показался одинокий скальный пик, отблескивающий на солнце, как перевернутые сосульки, поднимающимися каменными башенками, будто из алмаза. Потом туманная завеса снова задернулась, и хрустальный блеск пропал из виду.

Богиня… Эларайния… Моя мать…

Как же отделить предания от реальной женщины из плоти и крови? Действительно ли она была архоном, и если да, жива ли она сейчас? Вернулась ли она сюда, где жила когда-то в человеческом облике? На южном склоне самого восточного плато была пещера, скрытая широким водопадом, а за этой завесой лежала подстилка мягкого мха — старое обиталище Эларайнии. Но оно было заброшенным, и там Эйлия не нашла ничего, принадлежащего матери, кроме маленькой кучки камней и ракушек, которые она — или не она — оставила давным-давно. Некоторые местные элеи ее помнили, но они мало что могли сказать Эйлии такого, чего она сама еще не знала: что Эларайния жила одна, что чаще ее сопровождали звери, чем люди, что она знала все, что можно только знать о диких растениях леса и их различных свойствах.

Эйлия никогда не бывала здесь, но чувствовала, что и для нее это дом.

Южный берег, подумала она, очень похож на ее зимнее убежище. Элдимиане каждый год терпели переезд ее двора в Зимний дворец — коралловый замок на атолле в гаванях, с целью дать Эйлии передышку после зимнего сезона. Ей эти ежегодные путешествия нравились. Королевская яхта «Звезда морей» была размером с галеон и убрана с соответствующей роскошью — высокие окна в свинцовом переплете вместо иллюминаторов,

декоративная резьба и позолота в просторных каютах. Носовая фигура под бушпритом изображала золотоволосую женщину со звездами надо лбом — тот же узор повторялся на белых парусах, которые шелестом и хлопаньем убаюкивали Эйлию ночью. Когда «Звезда морей» стояла на якоре в гавани, мачты ее светились фонарями, на палубе шли веселые пиры с музыкой и представлениями, акробаты крутились на снастях, восхищая пассажиров. Сейчас те беззаботные дни казались Эйлии древней ушедшей эпохой.

Она пошла по белым пескам пляжа, прямо к воде, будто там лежали нужные ей ответы. Море простиралось перед ней, и все оттенки голубого и синего играли на его глади. Меранские моря, которые Эйлия помнила, всегда были мрачно-зеленые или серые, только в ясные летние дни одалживали они голубой цвет у неба. А эти волны будто окрашены были индиго, даже пузыри в пене — и то были синие. Когда нахлынувшая волна опадала от носа королевской яхты, Эйлия почти ждала, что останется синий потек на белом корпусе. И теперь она вспомнила, что рыбы, называемые серры, всплывали перед волной от носа корабля, расправляя огромные плавники в форме крыльев — точь-в-точь как летающие рыбы поменьше на Мере, — и летели, подхваченные ветром, который гнал вперед «Звезду морей». А еще были арайнийские дельфины — большие зеленые создания со складчатой кожей на голове, такие же разумные и веселые, как теплокровные звери меранских морей, по имени которых и назвали их в этом мире люди-поселенцы. А еще — очаровательные морские собаки — маленькие перепончатолапые создания, похожие на помесь выдры и морского льва. Сидя на носу с вытянутой от любопытства шеей, как еще одна носовая фигура, Эйлия могла часами смотреть на этих и прочих чудесных тварей арайнийских морей.

Но здесь, ближе к берегу, воды были зеленовато-синие или бирюзовые. Над ними порхали стаи морских птиц, пересвистываясь и перекрикиваясь. Для ярких зимородков этот океан был родиной, и на его поверхности они строили большие плавающие гнезда из морской травы в спокойные весенние месяцы. На мелях море становилось прозрачным, и видно было дно из белого песка или переливы радужных красок барьерного рифа. На Арайнии буйство жизни не кончалось у берега, а продолжалось в другой форме — в виде морских лесов и фантастических садов, чьи оттенки могли поспорить с самыми яркими цветами суши: пылающее-алые, лиловые, сиреневые изящнейшие веера, что впору придворной даме, покачивающиеся в тихих течениях, рощи колонн-флейт с плюмажами, похожими на фантастические деревья или ветвистые рога оленя. Вокруг

рифа плавали рыбы таких экзотических форм и оттенков, что могли соперничать с кораллами. Дальше в бухте расположились острова, сами тоже из коралла, но так обросшие растительностью, что даже следов не видно было от их основы — будто плотные холмы стеблей, корней и листьев. Они сбивались в кучку, ветви деревьев образовывали между островками галереи над узкими каналами, и дельфины резвились, прыгая под зеленой крышей.

Каждое утро мать, по приданиям, плавала в этом море, а вокруг нее резвилась морская живность. Впервые элеи увидели Эларайнию выходящей из волн, и существовали легенды, что она не просто купалась, а возникла из моря — богиня, надевшая плоть для выхода на сушу.

Эйлия ступила на мелководье. Вода была теплая, как в ванне, белый мягкий песок поддавался под усталыми ногами. Это было самое чрево матери-богини, источник всей природной жизни в этой сфере. В другой раз Эйлия нырнула бы в прозрачные сапфировые глубины, поплавать среди коралловых садов и косяков ярких рыб. Но не сегодня. Сегодня ее наполняло чувство срочного долга. Взгляд невольно поднялся к большой комете.

Битва комет все еще шла. Некоторые Крылатой Страже удалось направить к солнцу, другие полетели наперехват кометам, которыми все еще владели валеи — как могут моряки зажечь захваченный корабль и направить на другой корабль вражеского флота. Но все сбитые с курса кометы все равно надо было защищать, чтобы ими снова не завладели огнедраконы и опять не направили на Меру или Арайнию. Каждая захваченная комета означала, что меньше остается воинов защищать сами планеты, и Эйлия задумывалась, не в этом ли состоит план Валдура. Тот, кто послал кометы к внутренним мирам, проложил их курс тысячи лет назад, и эта сила не могла не знать, что у миров будут защитники. Не была ли эта небесная бомбардировка обманным маневром, отвлекающим от истинной цели противника — не уничтожить, а захватить и покорить Меру и Арайнию? И не следует ли Мандрагор теперь тому же плану, сознательно или бессознательно делая работу Валдура? Ее армия сражается за Меру, и очень мало осталось солдат, чтобы защитить ее собственный мир.

Только какая-то мощная сила, больше, чем армия или Крылатая Стража, может прийти на помощь Арайнии в случае вторжения. Призрак на Нумии говорил об Эларайнии — хотел он сказать, что мать Эйлии до сих пор жива, или он говорил о самой планете и тех непонятных чарах, что на ней обитают — которые помогли однажды Эйлии изгнать Мандрагора? Только достаточно ли сильна эта сила, чтобы отбить целое атакующее войско — но

этого не узнать, пока не начнется атака.

«Враг может скоро появиться, — подумала Эйлия. — Он должен уже знать, где я. Но лучше, чтобы меня нашли здесь, чем в городе. Там народ не сможет себя защитить так хорошо, как элей».

Ей показалось, что в атмосфере ощущается какое-то напряжение, предчувствие, будто сама планета ждет, пока Эйлия что-то сделает — скажет какое-то заклинание. Такое было чувство, что если она произнесет правильные слова или совершит правильное действие, богатство жизни и красота Арайнии избегнут разрушения.

Она повернула от берега прочь, в зеленые прохладные заросли лесов, которые элеи почитали как создание — даже как проявление — своей богини. Все в них — огромные деревья, растения, животные — было для элеев священно. В этих рощах водились причудливые арайнийские звери: звездно-пятнистые пантеоны, аллокамелы, похожие на верблюдов с ослиными ушами, трогодриссы, у которых ветвистые рога растут вниз, а не вверх, аргасиллы, напоминающие антилоп, только с длинными зубастыми челюстями, борейны с занятными пластинами вроде плавников на спине и загибающимися внутрь рогами. Встречались красавцы-багвины с лошадиной гривой и хвостом, копытные леукротты с длинными барсучьими головами и острыми костными пластинами вместо зубов, энфилды, похожие на высоких изящных лис, и величественные кошки, называемые каллопусами, с качающимися рогами на голове. Были и такие звери, что не видел ни один меранец: мохнатый су, который носит детенышей на спине, расправив над ними зонтиком широкий хвост. Но самыми чудесными были все-таки гигантские ауллаи. По форме они чем-то напоминали лошадей, хотя без гривы и с более коротким хвостом, а из верхней челюсти выступали мощные клыки и хобот, ищущий еду в кронах или беспокойно принюхивающийся к запахам. Эйлия читала об этих зверях в меранских бестиариях и знала из записей путешественников (давно на Мере считаемых мифами), что ауллай настолько больше слона, насколько слон больше овцы, но впервые увидев этих зверей несколько лет назад все равно ахнула.

Но сейчас не видно было ни одной живой твари, если не считать похожей на дракона ящерицы, прилегшей на мшистом валуне. Размером она была с крокодила, и на любой другой планете наверняка представляла бы опасность. Чешуя у нее была зеленой, на спине переходящей в синюю, а на голове выступал красноватый гребень, сверкающий на солнце самоцветом.

Ящерица лениво посмотрела на Эйлию, не шевельнувшись на нагретом камне.

Эйлия шла дальше — она искала спокойствия, которое навевал на элеев этот древесный храм. Мать тоже ходила здесь — или она передвигалась по деревьям? В этом лесу можно было мили пройти, не поставив ноги на землю, — так тесно переплетались сучья и лианы, образующие кровлю. Верхний уровень сучьев был отдельным миром, где птицы, ярче цветов, пели сладкими голосами, собачки-имитаторы прыгали воздушными гимнастами с дерева на дерево, цепляясь за сучья лапами, похожими на руки. Элеи добавили кое-где мосты и лестницы из пенькового волокна, платформы, похожие на охотничьи засидки, — для тех, кто собирает плоды периндеуса и прочее, что растет в кронах леса. Эйлия научилась когда-то ходить древесными путями, и хотя не пыталась подражать гимнастическим подвигам элеев и природных обитателей деревьев, оказалось, что она вполне справляется даже без изменения собственной формы. Но сейчас она с удовольствием шла под деревьями, в их прохладной ароматной тени. В дополнение к множеству плодов были еще и деревья, где росли большие клочья хлопкоподобных волокон, из которых элеи пряли нити для своих одежд. Но волшебный народ любил эти деревья не только потому, что они его кормили и одевали. Были такие растения, что круглый год цвели разноцветными цветами, и были рощи «поющих деревьев» — у них звенели, соприкасаясь при малейшем ветерке, жесткие листья, рождая тихую музыку. У других деревьев вместо зеленых листьев были алые, голубые, золотистые, лиловые, и местами тропический лес играл всем богатством осенних красок, а солнце, льющееся сквозь листву, создавало впечатление витража. Были и деревья, рождающие капли, похожие на неограненные самоцветы: шарики разноцветной смолы, застывающей на воздухе. Бывали деревья-рубины и деревья-аметисты, изумруды, бриллианты, играющие на ветвях.

Идя по нарядным джунглям, Эйлия думала об унылых зимних лесах на склонах Селенны, которые скоро расцветут белыми лепестками — последнее время она всегда возвращалась мыслями к Мере. Вдруг размышления о судьбе тамошних людей и армий были прерваны проскочившим через дорогу зверьком — серое мохнатое создание, знакомое и почему-то здесь неуместное. Она моргнула и остановилась, глядя на алые кусты, где скрылся зверек.

«Странно. На миг я могла бы поклясться, что это Серая Метелка! Но я же оставила ее в Маурайнии. Просто я устала, вот

и все, — вижу то, чего нет. Самое время мне вернуться».

— Элеи были невероятно гостеприимны, — сказала Лорелин Йомару. — Им будто и невдомек, что мы принесли с собой опасность.

— Этот народ вообще понимает, что значит это слово? — спросил Йомар.

Изнутри гостевой дом был похож на прекрасный особняк — колонны, потолки светлого резного камня, покрытые изморозью белых кристалликов. Висящие на цепях лампы лили теплый золотисто-белый свет. Гости шли по сверкающим залам, украшенным фресками на темы элейской истории или изображениями богов, резвящихся с мифическими зверями. По крайней мере когда-то они считались мифическими — эти гиппокампусы с копытами и рыбьими хвостами, химеры и прочие. Но элеи показали гостям пещеру, где сохранился окаменевший скелет создания с рогатым черепом и копытами на передних ногах, а сзади вместо ног рыбий хвост: животное, не приспособленное ни к суше, ни к морю. Контуры зверя сохранились в виде тонкой пленки, окружающей кости. Другое странное создание было найдено в расщепленной скале неподалеку — крылатая змея. В этом мире вообще никаких змей не существовало, а крылья, закрепленные килеобразной грудиной к изогнутым ребрам, были птичьи: в камне до сих пор остался отпечаток перьев. Как говорили элеи, эти земли и равнины за Хиелантией были когда-то дном первичного океана. Обитатели этого океана и некоторые крылатые создания, падавшие в воду, погружались в пески, которые потом становились камнем. Окаменелости не могли быть естественными, но они были настолько древними, что никакой волшебник из людей сотворить их не мог, и потому служили немым свидетельством существования древних.

Гости прошли через инкрустированные золотом двери в приемную и через лишенный дверей проем, закрытый только завесой лиан, и оказались на склоне низкого зеленого холма — одного из гряды, идущей вдоль подножия Хиелантии — города элеев. Волшебный народ не хочет, чтобы дома вторгались в ландшафт — из уважения к богине. И потому они свои жилища строят глубоко в земле, вырезая комнаты в живом камне и украшая их извлекаемыми при этом самоцветами. «По крайней мере, — подумал Йомар, — Полые Холмы дадут элеям какую-то защиту от нападения валеев». Кроме больших зеленых холмов, других домов, которые бы могли навести воздушных налетчиков на цель, нигде не было видно.

Между холмами и морем лежал лес. Из него выходили группы элеев, неся дневной урожай фруктов, кореньев и трав, и перед ними стелился сладкий аромат, как от благовоний, потому что кроме еды они собирали еще и пряности. Арайнийская птица синомолгус выстилает ими свое гнездо, и собиратели нашли большой склад их в большом гнездовье на ветвях. Они плясали и смеялись, возвращаясь, и высокие глубокие голоса сливались в песню. Они всегда пели, эти чистокровные элей: когда работали и когда играли, будто музыка была для них дыхание и кровь, сердцевина самой их сути. Это было, как говорили они сами, наследие ангельских предков, которые постоянно славили божество. У выхода из пещеры самого большого холма собралась группа мужчин и женщин в мантиях до щиколотки. Они вроде бы кого-то ждали — может быть, возвращающихся родичей? Среди них были и немереи — Лорелин на расстоянии ощущала их силу. Вдруг все они поклонились и сделали глубокий реверанс, а когда Лорелин обернулась, то увидела идущую к ним из леса Эйлию.

— Эйлия, привет! — окликнула ее Лорелин, подпрыгивая и маша рукой. Эйлия помахала в ответ.

Среди элеев стояла высокая женщина, со светлыми серебряно-золотистыми волосами, отведенными назад от лица, свежего, как у девочки, и мудрого, как у старухи. Эйлия чуть не нарушила этикет, едва не сделав реверанс, когда была представлена госпоже Йихане — такого почтения исполнилась она, увидев эту лишенную возраста чистокровную элейку. Сейчас эта женщина приветствовала Трину Лиа грациозным движением и наклоном сияющей головы.

— Принцесса, ты оказываешь нам честь своим пребыванием.

— Госпожа Йихана, я еще раз благодарю тебя за твое гостеприимство. Насколько я понимаю, ты одна из великих немереев этой земли?

— Да, я владею магией. Но для грядущей работы нужны силы больше моих. Насколько понимаю я, враги с Меры собираются на нас напасть.

— Собираются. Они захотят захватить вашу страну.

— А почему нет? Если этим зимбурийцам нужна земля, — сказал какой-то кудрявый юноша, с виду не старше шестнадцати, — ее тут много. Не вижу трудностей, вполне можем с ними поделиться.

— Ты не знаешь этих людей. Они не удовлетворятся малым, как вы. Они возьмут себе все, ничего не оставив вам.

Голос у Эйлии слега дрогнул — она вспомнила разоренные и загубленные земли Шурканы и Мохара.

— Но зачем? — не понимал юноша.

— Никаких тут нет «зачем», — ответила Эйлия. — Так они поступают, когда завоевывают.

— Ты хочешь сказать, — спросил один из старших, — что они в отличие от нас существа не мыслящие?

— Мыслящие, но мыслят они не так, как вы. И с ними придут моругеи, дети Валдура, идущие его путями.

— Тогда, наверное, мы сможем их научить, и они станут мудрее.

Юноша обернулся к другим, и те согласно закивали.

Наклонившись к Эйлии, Йомар сказал свистящим шепотом:

— Эти люди обречены, обречены!

— Нет, — ответила ему Эйлия, когда они распрощались с немерейкой и ее свитой и шли вместе среди зеленых холмов. — Есть еще надежда, пока среди них есть немереи.

Но здесь была и другая сила. Она пульсировала у Эйлии в сознании фоновым шумом — как мощный звук моря или шелест ветра. Все чародеи, приходящие в эту страну, испытывают странные видения, вроде снов наяву. Волшебный народ говорил, что источник этих чар — сама богиня.

— Элеи мне говорили, будто верят, что в лесу еще живут древние, — заметила Лорелин, помолчав, — Не думаю, что это правда, но ведь какая-то архонская магия могла остаться? Что-то я такое чувствую здесь, во всей этой земле, вокруг. И Аурон чувствовал, и Талира — они пошли посмотреть, не найдут ли ее источник.

— Да, я тоже чувствую. Посмотри! — Эйлия подняла руку с кольцом. Звездный сапфир на среднем пальце горел светом — не светом солнца, льющимся в синие его глубины, а неестественным светом, исходящим из этих глубин. — Здесь какая-то сила. Я никогда не видела, чтобы этот камень так светился.

Вдруг Йомар удивленно вскрикнул.

— Что такое? — спросила Лорелин.

— Ничего. Переутомился, наверное, — ответил он.

— Но отчего кричал?

— Ничего. Показалось, будто что-то видел, а ничего не было.

— Ты уверен? — спросила Эйлия.

— Не может такого быть — того, что я *видел*. Я думал о том, что будет, если валеи сюда придут, что они сделают с элеями — смогут ли поработить. Мне вспомнились дни, когда я был рабом в трудовом лагере, и как мы всегда ночью сторожили лагерь от львов. И вот при этой мысли я посмотрел и на опушке леса увидел…

— Что? — спросила Лорелин, придвигаясь ближе.

— Льва. В кустах — только его здесь быть не может.

Наверное, какой-нибудь арайнийский зверь. Смеркается, и это был обман зрения.

Эйлия задумалась.

— Может быть, и нет. Я вот только что в лесу подумала о Серой Метелке — и ее увидела.

— Но это же то, что говорят элей! — воскликнула Лорелин. — Насчет архонов: говорят, что их все еще можно здесь вызвать. И они принимают любой облик. Вспомни: если о чем-то напряженно подумать, то мысль может пройти в Эфир. Может быть, они слышат…

— Все мы устали, вот и все, — не согласился Йомар.

Эйлия встала и пошла туда, куда он показал.

— Здесь он был, Йомар? — спросила она, встав возле густого подлеска.

Он подошел.

— Ох, Валдур меня побери! Я-то думал, меня просто глаза обманывают…

И он замолчал, увидев отпечатки мощных лап на земле.

— Значит, я действительно что-то видел, это не было воображение! Арайнийский зверь… — Он присел возле следов. — Странно. Действительно как львиные следы.

— Но на Арайнии этого быть не может, — сказала Лорелин. — Не может это быть меранский лев. Это был архон, или еще что-то.

— Пойдем по следам, Йомар, — предложила Эйлия, — и посмотрим, куда они приведут.

— Ладно. Но будьте осторожны, обе.

— Я изменю облик, — сказала Эйлия. — Теперь я это умею.

«Мандрагор меня научил», — добавила она про себя.

— Может быть, я найду по запаху.

Она медленно наклонилась вперед, выставив руки, будто чтобы остановить падение, но когда руки коснулись земли, руками они уже не были. На месте Эйлии стоял большой лев, золотистая грива рассыпалась по плечам, хвост метался из стороны в сторону. Она — *Он*? — подумал Йомар, — повернулась и потрусила по следам, опустив нос к земле.

Они недолго шли вдоль цепочки следов, которые прервались посреди поляны. Лев поднял мохнатую голову и понюхал воздух.

— Не понимаю, — сказал Йомар. — Земля здесь точно такая же, следы не изменились, не стали менее глубокими. Просто кончились. Будто эта тварь растворилась в воздухе.

Эйлия снова приняла человеческий облик.

— И запах здесь кончается. Это магия, Йомар, я ее чувствую.

— Но какой во всем этом смысл? — спросил Йомар,

поднимаясь.

— Выглядит так, будто наши мысли здесь как-то на что-то влияют. Мы о чем-то думаем — и это видим. Но чье это волшебство? Не элеев; они бы не стали такое делать, не сказав нам.

«Архоны, — подумала она. — Вот это может быть. Легенды говорят, что они были оборотнями. Если моя мать была из них, может быть, есть и другие здесь? Или она вернулась?»

— Не нравится мне это, — сказал Йомар. — Давайте лучше пойдем, пока можем.

— Еще чуть-чуть, — попросила Эйлия. — У меня такое чувство, будто нам надо здесь быть — почему-то.

Она едва могла скрыть охватившее ее возбуждение.

— Ладно, — согласился Йомар. — Только пусть никто не думает об огнедраконах.

Они пошли дальше, и Эйлия включила внечувственное восприятие, но не ощутила никакой опасности — только то же чувство ожидания, будто вся планета затаила дыхание. Тем же чувством она ощупала окружающий мир.

Что это? — крикнула она мысленно. — *Говори со мной!*

Раздался тихий звук, и она обернулась. И ахнула, потом, сделав быстрый жест своим спутникам, указала на дальнюю сторону поляны.

Там кто-то шел: высокая женственная фигура с длинными каштановыми локонами. Лица ее не было видно — женщина смотрела чуть в сторону, в лес. Она была в гирляндах полевых цветов, розовых, белых и красных, и легкое зеленое платье было в узорах из них же. Венок у нее на голове был похож на корону. Эйлия ее окликнула, но женщина не ответила, не посмотрела в ее сторону. С криком Эйлия побежала к ней. Она наконец повернулась, и Эйлия увидела смеющееся девичье лицо. И тут же фигура исчезла — не скрылась в лесу, а исчезла, будто и не было. Но возле родника на поляне, где стояла женщина, остались отпечатки босых ног.

— Ну, — спросил Йомар, — об *этом* кто-нибудь думал?

Все молча покачали головами. Эйлия вспомнила повернувшееся к ней лицо: не человеческое, но и не элейское, умудренное и невинное, дикое — и благожелательное.

— Нимфа, — сказала она наконец. — Вот что это было: нимфа древних легенд. Они вроде элементалов: нереиды и наяды, ореады и гамадриады.

— Ты о них думала? — спросила Лорелин.

— Нет.

Она минуту поразмыслила, потом снова призвала свою силу

и приняла облик птицы — большого золотого орла. Расправив крылья, она взмыла над деревьями.

— Не люблю я, когда она так делает, — буркнул Йомар. — Не понимаю, это Эйлия сейчас или птица?

— И Эйлия, и птица, — ответила Лорелин. — Когда меняешь облик, Йо, собой быть не перестаешь.

В сотне футах наверху орел сделал круг, сложил крылья и полетел вниз. Над самой землей он сменил облик, и Эйлия легко, как танцор, спрыгнула вниз.

— Нет, ничего не видно. Ни нимф, ни львов.

Йомар состроил скептическую физиономию:

— Ты могла не заметить. Кроны здесь густые.

— В листве достаточно просветов. А зрение у орла очень острое, даже в таком сумеречном свете.

Они пошли обратно к Полым Холмам. Солнце заходило на востоке, и леса заливала синяя тень. Среди деревьев звездами горели фонари, подмигивая на высоких сучьях вдоль древесных троп, освещая последним сборщикам дорогу домой, и ниже — тем, кто шел по земле. Эти «лампы» на самом деле были сосудами сладкого нектара, которые элеи подвешивали на цепях к ветвям. После темноты каждый такой сосуд привлекал целую галактику пиралисс — четвероногих светляков Арайнии, и светящиеся рои служили маяками для путников. Но на высотах Хиелантии еще держалось золотистое сияние, и облака над плато богини превратились в червонное золото, а само плато казалось еще волшебнее. Взгляд Эйлии все время обращался туда. Она не могла больше выдержать этой неразрешенной загадки, и сейчас у нее в голове складывался план.

«Я попытаюсь увидеть прошлое, как на Нумии, — решила она, — даже если это здесь не получится. Ни один немерей никогда не мог увидеть Хиелантию в ее золотой век, как будто это что-то запрещенное. Но я должна попытаться. Может быть, мне разрешат увидеть, что-то узнать, какую-то силу, которая теперь может нам помочь…»

Расставшись с друзьями, она вернулась к себе за теплой одеждой, потом подошла сорвать спелый плод с древа жизни, растущего у подножия Полого Холма. Пища богов и, быть может, ее мощный янтарный сок удостоит Эйлию видения. Плод она положила в сумку и поднялась по зеленому склону холма к вершине. Там лежал Аурон, свернувшись кольцом вокруг ствола дерева, положив бородатый подбородок на собственный хвост. Талира спала на суку над ним, сунув голову под крыло.

— Не отвезешь меня на вершины, старый друг? — спросила Эйлия у дракона. — Хочу попытаться еще раз увидеть, что было

когда-то. Увидеть богов как они были, на их собственной земле.

Это уже пробовали сделать, — осторожно напомнил он, разворачиваясь.

— Но *не я.* Может быть, то, что мешало другим немереям, мне позволит, если такое видение поможет мне в моей работе? Я должна хотя бы попытаться.

Никто больше ничего не сказал, но между ними прошло понимание, не требующее даже мысленной речи: просьба Эйлии была еще и заявлением. Она ведь теперь могла бы сама принять форму дракона и полететь к вершинам, если бы хотела, но решила этого не делать, как не принимала облика дракона, чтобы улететь с Меры. Она не хотела искушать себя такой силой.

Аурон склонил голову к земле — не только чтобы ей легче было взойти, но и в намеке на жест драконьего повиновения.

Подобрав юбки, Эйлия по вытянутой шее забралась на спину и устроилась в гриве. Схватившись за рога, она крепко прижалась к дракону, а он подобрался и прыгнул в небо.

Земля ушла вниз с головокружительной скоростью. Потом горизонт покачнулся, когда дракон повернул, скользнув низко над землей. Он влетел в восходящий теплый поток и поднялся в пузыре нагретого воздуха медленным спиральным подъемом, как по винтовой лестнице. Очень скоро он уже поднялся на уровень плоскогорий.

Аурон подлетел повыше, и все небо впереди заполнилось каменными обрывами гор, вылепленными ветром и водой в огромные загадочные фигуры. Далеко внизу сквозь просветы в облаках виднелась кровля гигантского леса — как коралловые леса на дне, когда над ними плывешь на корабле. Потому что эта воздушная бездна и была морем, а столовые горы — островами в нем, поднимающимися из глубин, а волны туманов разбивались об их каменные стены и взлетали морской пеной. На миг у Эйлии возникло любопытное ощущение, будто она смотрит чьими-то чужими глазами. Царство неба и парящего в нем камня и было настоящим миром, а то, что под облаками — всего лишь нижним, вторичным миром, и там ползали на дне люди и животные, как крабы по океанскому ложу, ничего не зная о могучих пространствах высоко над ними и дальше…

Аурон взмыл выше, выше. Небо будто становилось глубже над головой, и чудесным образом в нем появилось больше звезд.

Плато лежало теперь под ними, посреди облачной пены воздушного моря. Эйлия посмотрела вниз на серый камень, голый, мертвый под темно-синим небом. Ничто больше не жило на этих высотах, и воздух был разрежен и холоден, и похоже было на ландшафты пустынной меранской луны. Кристаллы блестели

на солнце, складываясь в решетки, овалы и квадраты, и кое-где высились одинокие скалы, как башни. Отбитые осколки валялись между ними разбитым стеклом: фундаменты и щебень развалин от домов, принадлежавших богам. Рубиновые башни, хрустальные колонны, бастионы и мосты лежали под нею. Это и были строения архонов, изначальных обитателей этого мира. Эйлия рассматривала руины с жадным любопытством. Но они мало что говорили о своих строителях — не было ни статуй, ни памятников, изображающих их. А некоторые строения даже не казались правильными зданиями — стеклянные обелиски, шестиугольные колонны, шары, полусферы и пирамиды из сплошного материала. Почти все из самоцветов или алмаза.

Аурон снизился, потом сел на каменный выступ. Здесь было трудно дышать, и Эйлии пришлось изменить ритм работы легких. Перед ней лежало открытое пространство, вымощенное кругами белого камня. Закругленная колонна прозрачного хрусталя высилась в центре.

Эйлия спешилась и стала осматриваться. Даже если бы архоны оставили свои изображения, подумалось ей, были бы это их истинные формы, или только облики, которые они принимали для собственного развлечения?

За площадью с колонной стоял большой продолговатый зал, построенный из того же белого камня. Эйлия направилась к нему, и когда подошла к лишенному дверей входу, вскрикнула.

На миг ей показалось, что они живые: эти высокие, бледные, изящные фигуры на троне посреди хрустальных колонн. У них были крылья с перьями, тонкие руки, лежащие на покрытых тканью коленях, и у многих на длинных волосах — диадемы. Но у всех, и коронованных, и нет — величественный вид. Эйлия почувствовала, что пришла незваной на какой-то торжественный совет и шокировала его участников своим появлением так, что они замолчали, хотя через секунду ей стало ясно, что это просто статуи, а не живые существа, как ей показалось. Значит, изображения хотя бы есть — как она и ожидала, не истинное подобие, а только принятые облики. Серафимы, Крылатые Стражники, любили сочетать человечий облик с птичьим.

Она подошла поближе к первой статуе. Как и прочие, она сидела на приподнятом троне, расправив крылья по обе его стороны, и эти крылья, их очевидная готовность тут же взлететь подчеркивали экзальтацию, написанную на каменном лице. И во всем зале застыла атмосфера ожидания: статуи сидели выпрямившись, подняв головы, будто прислушиваясь или ожидая чего-то с вековым терпением.

Она подошла обратно к дракону, который не вошел с нею.

— Аурон, я чувствую, что сейчас я ближе к древним, пусть даже их здесь нет. Не могу объяснить — просто чувство это. Спасибо, что привез меня сюда. А теперь — теперь я увижу то, что мне позволят увидеть.

Она вытащила пищу богов и погрузила зубы в гладкую золотую кожицу. Не успела она проглотить и половину мякоти, как голова закружилась, предваряя зачарованное видение. Эйлия опустилась на колени на холодный камень и закрыла глаза.

9
Царица мира

Когда Эйлия очнулась, Хиелантия была завернута в белое. На плато, где она стояла, опустилось облако, Аурона не было видно. Эйлия медленно поднялась с колен и поняла при этом, что это не совсем она, а ее эфирная форма: она слышала и видела с полной ясностью, но других ощущений не было.

Эйлия пошла прямо вперед, переставляя фантомные ноги, но ничего ими не ощущая — будто шла через густой туман или будто была завернута в шерсть. Время от времени какие-то подвижки в верхнем слое атмосферы переносили массы тумана, сквозь которые она шла, и белизна его озарялась бледно-жемчужным сиянием. Или иногда она поднимала глаза вверх, и вдруг сквозь белую завесу мелькал кусочек неба и хвост перистого облака ярко белел на темно-синем — а потом промоина закрывалась.

Но сейчас она ощущала над головой нависшую темноту, принявшую форму деревьев: роща высоких стволов с покрытыми листвой ветвями серела сквозь белую пелену. Потом воздух снова зашевелился, белизна стала тончайшим занавесом, и тут же ее сдуло совсем, а перед глазами Эйлии предстало давнее прошлое. На голых недавно вершинах возвышались пышные леса в венках облаков, плывущих над и сквозь сцепление их стволов. Ближайшие рощи были зелены, как сердцевина изумруда, но дальние, затянутые туманом, смотрелись светло-серыми. В арках и нишах, образованных сплетенными сучьями и буйством листвы, еще и еще просвечивали ветви и листья, далекие и туманные. Желание Эйлии было удовлетворено: ей предоставили возможность увидеть далекое прошлое. Это была страна самих богов, отчасти небо, отчасти земля. Здесь обитал крылатый народ, здесь росли древа жизни. Может быть, один из светлых цветов, проглядывающих среди сучьев, и хранился сейчас у элеев в янтарном шаре…

Эйлия послала свою эфирную форму вперед, в деревья. Здесь, в густом лесу, среди облаков много жило чудесных созданий, совсем не похожих на те, что внизу. На высоком суку сидела, казалось, большая птица — всего лишь силуэт в сером тумане, как отброшенная тень, но это была не птица, пусть даже с перьями в крыльях и хвосте, потому что голова, повернутая в профиль, принадлежала львице.

Через некоторое время Эйлия набрела на большое озеро,

шире любого карового — почти небольшое море. Вдоль уреза воды росли деревья, поверхность была гладка и безмятежна. Эйлия заглянула в глубину и увидела там перевернутый купол неба. По его отражению летела белая полоса, слишком быстрая для облака, а форма ее была из древних легенд: конь с крыльями. Ахнув, Эйлия подняла глаза в настоящее небо. Действительно летел там крылатый скакун, и на ее глазах он опустился, развернул ноги к земле. Он пролетел над спокойным озером низко-низко, почти соприкоснувшись со своим отражением, и на миг показалось, что сейчас он сядет на воду, подобно лебедю. Но конь подлетел к берегу, коснулся земли, на миг его бьющие крылья совпали в ритме с кентером копыт. Потом он остановился, фыркнул, выгнул шею и уложил крылья вдоль боков. Ни один земной конь не мог бы соперничать с ним в красоте, даже волшебные скакуны элеев. Это был конь из мечты поэта.

Небесный конь остановился попить на самом краю озера, и рябь пошла по воде широкими кругами. Вынырнула женская голова, волосы ее плавали в воде вокруг, потом женщина нырнула, сверкнув белой спиной и плечами — а там, где должны были бы быть ноги, блеснул длинный зеленый хвост. Он был чешуйчатый, с плавником и очень похож на рыбий, только хвостовой плавник был не вертикальный, а горизонтальный, как у кита. Дочь ундин, наверное, — или же в этом озере жили сами водные элементалы? В эти давно прошедшие годы водяной народ мог еще не возникнуть. Как, впрочем, и люди, и лошади. Это могут быть эйдолоны, вызванные из Эфира, или создания древних, ожившие сны того, что когда-то будет.

Очень хотелось остановиться и подумать об этих дивах, но Эйлия заставила себя идти вперед.

Наконец деревья стали реже, облака раздались, и Эйлия, поглядев через обрыв справа, увидела далеко внизу катящиеся волны давно исчезнувшего океана, где в ее времена раскинулись леса и зеленые равнины. Впереди высились башни, выступая из клубящейся белизны, светлые и прозрачные, будто из кварца вырезанные купола и минареты с многолистными окнами разноцветного стекла, как огромные светящиеся цветы. Эйлия пришла в город, который видела со спины Аурона. Там высились странные сферы и обелиски из драгоценного камня, и они мерцали — не так, как венудор с его сильным устойчивым свечением, но как светляки, и танцевали и подмигивали, как живые, напоминая то сияние, которое Эйлия видела в своем сапфировом кольце.

Но очень быстро ее внимание переключилось на величественные существа на белых улицах города. Они были

красивы, как элеи, но куда выше, и более дивные на взгляд. Потому что это были серафимы: у каждого пара крыльев с перьями, как у птиц, белыми, бронзовыми или золотыми, алыми или павлиньими, и одеты они в свободные одежды многих оттенков, одежды эти спадают с плеч длинными складками. Еще гирлянды на головах из цветов и листьев. Некоторые похожи на мужчин, другие на женщин, но у многих внешность двуполая, будто они, выбирая внешнюю форму, не давали себе труда выбрать тот или иной пол. Несомненно, оборотни: хотя все они выглядели молодо, в глазах их видна была мудрость бесчисленных веков. У многих заметна была аура, колышущаяся как пламя, венчающая голову световой короной.

Кто-то из серафимов шел по земле, другие летали, расправив огромные крылья. Много было и херувимов всех видов, и один был такой, какого она никогда раньше не видела: человеческое лицо, и царственная борода переходит в львиную гриву. А вокруг этих иномирных созданий сиял алмазом и венудором их город, наполовину окутанный текучими облаками. Видение возвращало к самому утру мира, когда в нем правила древнейшая из всех рас, принимая те формы, которые ей хотелось.

У Эйлии на глазах выступили слезы. Она много видела изображений ангелов в книгах и в храмах с самого детства, но это было не просто подобие, сделанное краской, бумагой или камнем. Они были живые, хотя их формы созданы волшебством — архоны создавали скульптуры из плоти, как другие — из дерева или камня. Но они владели искусством красоты, подобной тому цветку в янтаре: неизменность прекрасного, которое никогда не пройдет, потому что существует вне царства, где господствует время.

Архоны не обращали на нее внимания: они принадлежали этому веку, а она — нет. С некоторым усилием она отвлеклась от них и стала изучать город. В дальнем конце плато стоял дворец, взбросив изящные башни в воздух, а его хрустальные стены были во много раз выше стен ее дворца в Халмирионе. У входа светились колонны из белого венудора. Эйлия медленно пошла к невиданному зданию, почти ожидая, что оно растает в воздухе или будет уходить назад, как радуга или мираж. Но он остался на месте, и вскоре стали видны двери, гостеприимно распахнутые внутрь, а за ними мягкий свет, как в Лунном дворце архонов на Нумии.

Она переступила порог и встала в вестибюле. Перед ней была крутая лестница вверх, и Эйлия медленно поднялась по ней, как во сне. Лестница вывела в огромный зал под резным и позолоченным мраморным потолком. Эйлии все время казалось,

что краем глаза она видит кого-то, но стоило ей посмотреть прямо, как видение пропадало. Еще ей казалось, что она слышит голоса, но далеко и неразборчиво, и ближе они не становились. «Очень похоже на Эфирную плоскость, — подумала Эйлия. — То же ощущение, будто это настоящее и не настоящее одновременно. Действительно ли это Арайния прежних дней? Или я оставила этот мир позади и вошла в Эфир?»

В ее сознание вторгся новый звук — знакомый, но такой неожиданный здесь, что она резко обернулась. Маленькая серая фигурка сидела в коридоре. Эйлия уставилась на нее, и кошка снова громко мяукнула.

«Серая Метелка?»

Кошка обернулась и потрусила прочь. И тут Эйлия заметила, что кошка — полупрозрачная, будто она не совсем здесь. Девушка поспешила за ней. Кошка взлетела по другой винтовой лестнице и потом направилась к открытой двери, откуда лился теплый мерцающий свет. Эйлия остановилась на площадке.

— Кто ты на самом деле? Ты тоже проекция? — спросила она у кошки, которая сидела и ждала ее в дверях. — Ты — эйдолон?

Кошка мигнула изумрудными глазами и загадочно ответила мысленной речью:

Что бы это слово ни значило.

— Но почему ты приняла такой облик? — спросила Эйлия. — Образ кошки Аны? Показать мне, что ты — ее друг и на ее стороне? Или случайно выбрала этот вид из моего прошлого?

Кошка зевнула.

Ты задаешь много вопросов, — сказала она, закрывая глаза. *— И все не те, что надо.*

— Не понимаю.

Кошка снова открыла глаза:

Так уже лучше. Признать свое непонимание — первый шаг к тому, чтобы понять.

— Но…

Твой ум похож на заставленную рухлядью комнату — полно того, что тебе не нужно. Очисть ее, опустоши, стань изнутри спокойной, как кошка, лежащая на солнце.

— Очистить ум? — спросила Эйлия. — И это и есть мудрость?

Нет, но это начало мудрости. — Кошка встала и степенно двинулась прочь, подняв хвост трубой. — *Ведь нельзя же наполнить сосуд, который уже полон? Если хочешь быть наполненной, сперва стань пустой. Но знай, что я — не просто образ. Я была с Элианой на Мере и на Арайнии.*

— Серая Метелка! — вскрикнула девушка. Кошка обернулась, уставилась на нее немигающими глазами. — Я думала, это шутка

с ее стороны — говорить, что ты ее фамилиар, ее слуга-демон. Но это же и есть твоя суть? Добрый демон, фея, дух.

От кошки пошла волна силы, пульсирующая аура.

Да, это так, — сказала она. — *По крайней мере, я то, что твой народ так называет, хотя я этими именами не пользуюсь.* — Тон ее был веселый и доброжелательный. — *Я была драконом, была хобгоблином, сфинксом, дремлющим среди песков. Я была орлом, парящим в облаках, и личинкой светляка, мерцающей в ночи, и лососем, резвящимся в глубинах океана.* — Кошка обвила ноги хвостом. — *Я была повелителем и шутом, отшельником и танцовщицей. Я много кем была, принцесса. И это я утешала тебя в пещере.*

— Но почему в этом облике? — недоумевала Эйлия. — Когда ты можешь принять любой, даже человеческий? Почему ты решила на Мере объявиться кошкой?

Потому что хотела лишь наблюдать, но не вмешиваться.

— И много таких, как ты, в Эфире? Архоны действительно ушли туда, или… или они все вымерли, как считают некоторые?

Серая кошка опять зевнула.

Спрашивай дальше. Когда-нибудь ты найдешь правильные вопросы и получишь правильные ответы.

— Ты действительно несносное создание, — сказала Эйлия с горькой усмешкой.

И тут она услышала, что ее окликают — чистым и мелодичным женским голосом. Обернувшись, она увидела еще одно эфирную фигуру, спускающуюся по лестнице. Лицо у нее было молодое, но длинные волосы белы, как снег. На глазах у Эйлии внешность женщины изменилась; она стала старой и морщинистой, маленькой и сгорбленной.

— Ана! — ахнула Эйлия. — Ана!

Старуха улыбнулась. Как муаровая ткань, меняющая узор под разным освещением и углом зрения, снова изменился ее облик из старого в молодой. Она стояла высокая и стройная, светлые волосы лились по спине, прекрасное лицо хранило суровый вид.

— Впереди очень много опасностей, дорогая моя Эйлия. Но я все еще с тобой.

— Ана, я думала, ты умерла! — Эйлия бросилась к ней. — Ты все это время была в Эфире? Что мне теперь делать, скажи мне!

— Дорогое мое дитя, не мне тебе говорить. Ответы, которых ты ищешь, там, в той комнате. — Она показала рукой. — Войди, тебя ждут.

Она исчезла, и кошка вместе с нею. Оставшись одна, Эйлия минуту постояла в нерешительности, потом вошла в освещенную комнату. Высокие белые стены украшала мозаика из драгоценных

камней. В мраморном очаге горел огонь, отбрасывая свет на стены; лампы огромными жемчужинами в стенных гнездах добавляли бледный и ровный свет.

Но глаза Эйлии не отрывались от женщины, сидящей у окна. Она была высока и стройна, одета в синее платье, расшитое серебряными звездами, и белую мантию с длинными-длинными рукавами. Распущенные волосы падали вокруг водопадом расплавленного золота, как вторая мантия, и свет играл на ней, исходящий не от ламп и не от очага. На голове у женщины был серебряный венец. Лицо ее было прекрасно и свежо, но все же не лицо юной девушки. За его безмятежностью можно было увидеть и другое, в этих глубоких глазах и на бледном лбу. Горе и скорбь — но еще и радость и любовь. Это было лицо божества, и все-таки Эйлия видела в нем что-то от себя.

Она узнала эту женщину, и дыхание перехватило в горле.

— Мать моя, — произнесла она.

Эларайния протянула руки. Одним прыжком Эйлия преодолела расстояние между ними и оказалась на коленях перед креслом матери, умоляюще протягивая руки, боясь, что видение сейчас растает… Но колени в мягких складках белого платья были настоящие на ощупь, когда Эйлия прижалась к ним щекой, и руки, гладившие ей волосы, были нежны и теплы.

— Дочь моя, — ответил тихий голос.

Эйлия подняла заплаканное лицо. Глаза, смотрящие на нее, напоминали ей кольцо с сапфировой звездой: радужки — чистая, прозрачная голубизна, и светлые лучики вокруг зрачков.

— Мама, как это случилось? Как ты оказалась здесь? Ты жива или ты дух?

— Я дух, и всегда была духом. Какое-то время я была женщиной в твоем мире, теперь я вернулась. Разве ты не понимаешь, дочь? Я никогда не принадлежала к смертной плоскости.

Эйлия смотрела в одновременно молодое и старое лицо, и понимание начинало разгораться у нее в сознании. Ангел, богиня, дух — такие слова мелькнули в голове.

— Ты никогда не была человеком, я правильно поняла? Ты — нечто другое… Архон, ты архон! Но тогда ты можешь мне помочь, потому что я пришла искать архонов…

— Архоны здесь. Ангелы, боги, феи, эйдолоны — все. Все это архоны. Потому что древние — это не то, что вы думаете: раса смертных, вроде драконов или людей. Дух, не материя, — наша истинная природа. Мы действительно ушли в Эфир, но мы и пришли оттуда давным-давно, войдя в миры материи — и легенда говорит, что мы оставили Небеса. Но, хотя мы вмешались

в вашу историю, и даже любили смертных и сходились с ними, наш истинный дом — царство квинтэссенции, и в него должны мы вернуться.

— Моя мать — архон, — бормотала Эйлия. — Моя мать…

— Богиня? — подсказала Эларайния. — Некоторые до сих пор называют нас такими именами. Даже сейчас.

— Тогда кто я? — прошептала Эйлия. — Я — не человек?

— Что ты называешь человеком? Ты тянешься к жизни, знанию и любви. Разве не это значит — быть человеком?

— Вернись со мной, мать моя! — взмолилась Эйлия. — Вернись в плоскость смертных! Элнумия послала меня искать тебя. Мне нужна твоя помощь. Идет война…

— Архоны не пойдут снова на войну, — ответила мать. — Мы не можем заставлять смертные создания жить так, как мы хотим. Как бы ни было нам больно смотреть на их страдания из-за их собственных ошибок, мы должны дать им волю. Но духовно я буду с тобой. Да я и никогда не была от тебя далека, дитя. Когда-то мы воевали среди миров, и чуть не разрушили космос. Ты была рождена, чтобы вести эту войну вместо нас — дитя, одновременно и архон, и человек. С моей помощью ты призывала силы этого мира и сможешь сделать это снова. Потому что я — архон Арайнии, дух этого мира. Не правитель, скорее я и есть Арайния — она для меня, как твое тело для твоего духа. Когда-то я приняла смертный облик, когда полюбила человека, ставшего твоим отцом — потому что он много раз в своей жизни призывал богиню. Но я не могла оставаться в этой форме долго, меня тянуло в Эфир, и я была нужна моему миру. — Она помолчала. — Для высших богов, элиров, ярко горящие звезды — самое чистое, что есть в Низших Небесах, а планеты — просто мусор. Но мы, элайи, любим тела планет с их озерами и морями, их землей и воздухом. Мы играем ветрами и резвимся в водах, мы любуемся камнями и почвой. Более всего мы любим самоцветы, потому что их внутренняя структура, решетка, напоминает чистые гармонии Небес. Ты видела там, на плато, сплошные купола и шпили из алмаза, рубина и изумруда? Для нас они как дома или, скорее, приюты отдыха, потому что иногда элайи хотят сбросить материальную форму, освободиться от тела и войти в решетки самоцветов как чистая квинтэссенция, чтобы вновь обрести мир. Поэтому мы создали Камень Звезд, совершенный кристалл. Форма его столь безупречная, что даже высших среди элов тянет в его глубины.

Помнишь старую загадку теологов: сколько ангелов может поместиться на пылинке? Так вот, в этом маленьком самоцвете неисчислимо обитает хозяев. Когда ты берешь его в руки, ты

берешь маленькое Небо. Свет, который в нем горит, — это квинтэссенция, признак нашего присутствия. Птица огня Элмир — наш символ, мы ее иногда посылаем как знак. Потому что Элмир древних легенд — это множество птиц, летящих в одной. Так же и с элами. Не всегда нас было много и порознь, но мы, как лучи, преломившиеся из одного источника: Истока Всего Сущего. До предательства Модриана и тех, кто идет за ним, мы были неразделимы.

Но даже когда наше сияние не исходит из этого камня, он остается могучим. Потому что он — не просто волшебный самоцвет, он символ Единого, старейшей и величайшей силы, которой созданы все остальные силы, и элы в том числе. Сила, которая обитает в Эмпиреях, вне материи и Эфира, Высокое Небо, которое существовало до того, как возникли Низшие Небеса. Это и было причиной, почему элайи создали Камень Звезд в далеком мире долгие века назад: акт поклонения, напоминание о красоте Единого, которая есть во всем. Потому что как многие грани Камня собирают чистый свет солнца и отдают его цветами радуги, так и творение есть проявление своего божественного источника. Каждая звезда, каждое дерево, каждый пруд, каждое облако, каждый цветок, все живое и все, что жило когда-нибудь, — все это выражение Единой Силы, ибо она беспредельна. Красота, чистота, любовь — все это от Нее. Но само творение не совершенно. Будучи всего лишь материей, сформированной из хаоса, она состоит еще и из вещей низших: боль, жестокость, скорбь. Вот почему его символ — Вормир, поглощающая змея. Оно не есть само по себе зло, оно просто — есть. Но оно скрывает, по самой природе своей, высшую истину. Эта истина приходит к смертным в материальной плоскости будто пройдя через множество затемняющих завес, и потому иногда добро кажется утраченным или просто слившимся с хаосом, который его маскирует.

Но это не так для Камня Звезд. Он чист, и он безупречен: напоминание для созерцающих его об их началах вне времени, и о Едином, которого они более не видят.

— Я поняла, — сказала Эйлия. — Но маги Арайнии считают, что я как-то должна с помощью Камня Звезд победить Валдура. В чем сила Камня, мать, и как мне использовать ее?

— Камень — не оружие, дитя: он твоя защита. Когда он на тебе или с тобой, с тобой элы, и никакое зло не может коснуться твоего ума. У него нет силы влиять на материальную плоскость, не может он и спасти от разрушения твою смертную оболочку. Единственная сила его над твоим сердцем — напоминание тебе и всем смертным о чистом и священном царстве, из которого

приходит ваш дух и к которому вы все еще частично принадлежите. Не откладывай его ни на секунду! Валдур желает отобрать это утешение у тебя и у всех смертных, поместить его себе на чело как еще один трофей вашего и нашего поражения — ибо силы разрушить Камень у него нет. А благотворному влиянию Камня он недоступен — слишком ожесточилось его сердце.

Эйлия сидела, опустив глаза, усваивая все, что ей было сказано. И потом спросила, не поднимая взгляда:

— Зачем элы оставили смертных на произвол материи? Почему вы не остались помочь, вести их, как прежде?

— Элайи должны были оставить эту плоскость, Эйлия. Мы стали слишком вовлечены в ее дела. Конечно, были здесь последователи Валдура, творившие, что хотели, захватывавшие миры и порабощающие их население. Но истинная причина в том, что все элы слишком привязались к этому царству, к смертным. Особенно мы, элайи, с нашей любовью к материи. Слишком много вмешивались в судьбы живых существ — они под нашей опекой не могли *расти*. Сейчас мы проявляем себя только по просьбе смертных и только когда все элы согласятся, что это правильно и необходимо. Видишь ли, я смогла прийти, потому что меня позвали элеи. Сама по себе я не могла бы этого сделать. Так действует этот Договор — нарушить его можно только по приглашению смертных. Мы к ним взывать не можем — они должны воззвать к нам, и тогда мы имеем право ответить.

Если же кто из нас решит какое-то время прожить в Низших Небесах, то этот архон должен принять смертную форму. А если мы пожелаем остаться здесь, то нам придется стать смертными по-настоящему и узнать смерть. Потому что теперь эта плоскость — только для смертных: наше главенство над ней кончилось.

— Ана — она тоже одна из вас?

— Да. Элиана — архон Меры, Элмера, как ее когда-то называли, а Серая Метелка — одна из многих меньших духов-элайев, что ей служат. Она давно приняла облик кошки для материального воплощения, но принимала и множество других.

— Она говорила. — Тут тень коснулась сердца Эйлии, и она подняла глаза. — И ты говоришь, что Валдур — тоже архон?

— Валдур был повелителем элиров, высших архонов. После войны он был заключен в своей собственной сфере, поглощающей себя черной звезде. Атариэль, великий элир, которого вы зовете архангелом, сразился с ним над Мерой много эпох тому назад и выбил Камень Звезд из его диадемы. Валдур тогда бежал, сменив свой облик серафима на облик могучего дракона, а элир гнался за ним через Великую Ночь. От звезды к звезде мчались они, от мира к миру, пока наконец Темный не скрылся в своей небесной

области. Там Атариэль сразился с ним последний раз и низверг его в глубины его черной звезды. Оттуда нет выхода: это пустота в пустоте, поглощающая свет и материю. Он никогда не покинет Вартару — Бездну, как вы называете ее, — ни в виде квинтэссенции, ни в материальной форме. Но мысли его все еще могут входить в Эфир и в умы смертных. И у него есть много слуг, его руки и орудия в Талмиреннии, где все мы связаны Договором, который мы создали и поклялись соблюдать. — Голос богини был тих и грустен. — И даже сейчас нам вмешиваться нельзя.

— Но мне все же можно?

— Ты меня спрашивала очень давно: раз мы не можем спуститься спасать их миры, есть ли другие способы помочь смертным? Помнишь?

— Помню? — Эйлия нахмурилась, пытаясь припомнить. — Теперь, когда ты сказала, я что-то такое припоминаю… но где это было, и когда?

— Здесь, в Хиелантии. В этом старом городе, давным-давно. Мы стояли с тобой, и ты задала мне этот вопрос. И ты помнишь, что я ответила?

Она встала и подошла к окну — Эйлия за ней. Наступил вечер, и многочисленные башни Хиелантии светились посреди клочьев облаков, будто плавали в воздухе, — синие с серебром под светом арки и луны. Эйлия увидела ниже тонкую изящную фигуру на каменной террасе, обращенной к морю облаков. Это была ее мать, или кто-то похожий на нее, как близнец. Но у этой фигуры были белые крылья с золотой каймой, и она была намного выше. На развевающихся волосах был венок из цветов, похожих на лилии, а платье — белое. Рядом с ней стоял еще кто-то, но невещественный, как эфирная проекция: колеблющийся контур женщины только с зачатками крыльев, как бледное отражение богини, рядом с которой эта фигура стояла.

— Ты и я, — сказала мать Эйлии на ухо. — Ты сейчас смотришь сцену давних времен, тех времен, когда ты еще не научилась принимать материальную форму.

— Теперь я вспомнила, — прошептала Эйлия. — Когда я спросила, ты мне сказала: «Есть один способ, но я бы не хотела, чтобы ты его выбрала…»

Эларайния договорила за нее:

— «…потому что он ненадежен, труден и чреват многими опасностями». Да, я это говорила. Но ты была настроена решительно.

— Значит, я свою роль *выбрала*.

Эйлия была очень удивлена.

— Да. В то время ты была очень любознательна насчет

человеческой расы, потому что тогда в твоей лунной сфере живых существ не было.

— В моей сфере.

Ее луна, ее собственная сфера Мирии, сверкающая высоко в небе…

— Мы — элы, ты и я, а элов тянут к себе предметы материальной плоскости. В частности, мы любим совершенные формы, а сфера — самая совершенная форма в природе. Очень мало кругов, прямых линий или кубов содержал наш разум, когда мы были в Эфире. И нас тянет к солнцам и лунам — и планетам — ради их формы, и мы посылаем через Эфир нашу силу, чтобы наполнить их.

Тебя зачаровала маленькая луна, которую называют Мирией, а поскольку она близка к моей планетной сфере, мы с тобой стали близки. Смертные впоследствии назовут нас «мать» и «дочь», и мы действительно стали ими потом, когда ты согласилась родиться человеком. А до того это просто была фигура речи. Ты была моей небесной служанкой, как Элнумия у Элмеры.

Эйлия смотрела вниз, на бледное видение самой себя, жестикулирующее прозрачной рукой в сторону луны.

— Странно видеть это вот так, — говорила Элмирия, — такое далекое, такое отдельное от меня. Но все же узнаю об этой плоскости больше.

Крылатая богиня отвечала, и голос ее был тот же, что у Эларайнии-женщины, и все же другой:

— Если ты хочешь быть среди смертных, в их мирах, ты сперва должна стать такой, как они. Ты должна родиться.

Эйлия и Эларайния в молчании смотрели на свои образы из далекого прошлого. Потом мать положила руку Эйлии на плечо и сказала:

— Такова была задача. Из всех архонов лишь ты одна этого пожелала. Твоя выбранная небесная сфера была маленькой и не пострадала бы от твоего отсутствия. Ты предложила, что станешь плотью. И я из любви к тебе решила стать твоей матерью в материальной плоскости, найдя тебе смертного отца, обладающего добрым сердцем и желающего вызвать меня по имени. Но ты все же не отправилась одна.

— Я была не одна?

— Давным-давно я привела тебе двух спутников из мира смертных, чтобы они обитали с тобой в Эфире, потому что тебя так интересовало человечество. Один был младенец, рожденный от смертного и женщины-элайи, принявшей образ человека. Госпожа Рощи — так называли ее люди — жила в материальном

мире по собственному выбору, ибо не готова была оставить Меру и тех, кто ее там призывал. Но в те дни многие боялись древних, и предупреждали об опасной женщине-колдунье, живущей на Селенне и готовой поразить своими чарами любого смертного, кто вторгнется в ее владения. Но был один человек, лишенный этого страха, ибо в его жилах текла элейская кровь, и он много паломничеств совершил к Туманной Горе — оказать почтение силам, что жили там. Этот человек был рыцарем, и жил он в Маурайнии в эпоху междуцарствия, и желал он восстановить орден паладинов, распущенный теократами. Он продолжал носить доспехи — вопреки эдикту клириков, и ездил по стране, приходя на помощь тем, кто звал его. Но он был схвачен, пытан и казнен — последний паладин. Элтина горевала о нем, и в горести оставила мир смертных. И своего сына-младенца она взяла с собой в Эфир и отдала его мне.

— Элтина! Мать Дамиона!

— Да. Я взяла дитя, и он рос в мудрости, живя среди архонов как один из нас. Но он был наполовину смертный, и остаться с нами в Эфирной плоскости не мог. Только когда жрец Валдура ударил его жертвенным ножом, прервав его смертную жизнь, вернулся он к нам. Мы отнесли его в Эфир и перенесли его тело; в Эфире он должен и остаться. Ибо теперь он архон полностью, человеческое отнято от него.

Другая твоя спутница — дитя, чья мать-риаланка была убита после Катастрофы своими же соплеменниками за сожительство с демоном, как они считали. На самом деле ее любовник был элайем в образе человека, и он тоже попросил меня взять его смертное дитя — девочке было два года, — чтобы не постигла ее судьба матери. И она тоже была перенесена в плоскость Эфира, и ты делила досуг с ней и Дамионом. Когда ты выбрала свой путь к смертным, они оба поклялись вернуться в материальную плоскость твоими защитниками. Но они должны были вернуться в мир, из которого их взяли, и в том возрасте, в котором это произошло, и снова пережить беспомощное младенчество. Вот почему Лорелин знала о своей Цели, а Дамион — нет. Она вошла в Эфир в возрасте, когда дети начинают осознавать окружающий мир, и вернулась в тот же возраст. И потому она могла кое-что вспомнить о своей жизни здесь — ровно сколько надо было, чтобы знать о своей важной миссии, о причине возвращения. Но не более: остальное от детского ума ускользнуло. А Дамион, который был взят сущим младенцем и вернулся в том же возрасте, ничего вообще не мог вспомнить ни о пребывании в Эфире, ни о миссии, которую он поклялся взять на себя. Младенческий разум таких вещей не удерживает. То же было и с

тобой, когда ты родилась: ты ничего не знала о своей жизни в высшей плоскости.

Дамиона отправили в Пещеру Фей на горе Селенна, под присмотр Элианы Элмеры, которая оставалась в своем мире в материальной форме, поскольку ее призвали немереи. Лорелин послали на остров Йану, недалеко от места хранения Свитка Береборна.

И потом родилась ты, Эйлия! Ах, никогда мне не забыть день, когда я почувствовала, что бьются во мне два сердца, ощутила, как ты крепчаешь и шевелишься! Какое это было счастье — впервые ощутить жизнь в себе, как ощущают ее смертные матери! — Она улыбнулась воспоминанию и снова стала серьезной. — Потом я скрылась вместе с тобой, зная, что наши враги желают прервать твою земную жизнь. Я отказалась от силы передвигать миры по своему желанию, а врата Земли и Неба были закрыты ради безопасности смертных. Поэтому я сделала себе крылатый корабль, какой делали в прежние времена элеи, и спрятала до той поры, пока он не понадобится. Но огнедраконы и воины Валдура преследовали меня до Меры, и там мне пришлось бросить тебя, увлекая врагов за собой, уходя в Эфирную плоскость. Потому что я уже не могла оставаться в царстве материи: моя главная цель была достигнута. Теперь ты выросла, и я больше не нужна тебе.

— Мне так хотелось остаться в своей приемной семье в Маурайнии, снова стать такой, как они. Я думала, что меня тянет к ним как к прибежищу, но полагаю, я еще и вспомнила свое желание быть смертной в мире смертных. Они такие, какой хотела быть я. Но что мне делать сейчас? — спросила Эйлия.

— Этого я тебе сказать не могу, — ответила Эларайния, поглаживая лицо дочери. — Как мне хотелось коснуться тебя вот так! Но не дозволено мне направить тебя на путь, потому что, хоть ты и полубогиня, ты еще и полусмертная. И потому Договор запрещает мне вмешиваться. Однако пойдем сейчас со мной, дочь моя, и побудем еще немного в покое и мире…

Эйлия долго наслаждалась идиллией с матерью, потому что в ее собственный день и век не прошло ни секунды. Они входили в неумирающие миры Эфира и вместе гуляли там. И мать говорила ей о планах архонов, которые сама она забыла давным-давно.

— Элеи призывают архонов и живут среди нас, но не просят у нас ничего, — говорила Эларайния. — И вот почему мы держимся в большом лесу. Но вечно оставаться там мы не можем. И элеи со временем исчезнут, потому что все меньше архонов сходятся с людьми: их потомки будут вступать в брак с мереями, теряя свои

силы. И это тебе говорил Мандрагор, и это правда: они — обреченная раса. В конце от них останется только память, но эта память переживет века — память о том, каким человек может быть. И это мы и планируем.

Эйлия слушала, не перебивая, не отходя от матери. В этой эфирной стране не было неба, а вместо него над ними золотым туманом светилась чистая квинтэссенция. В ней плавали стаи бесчисленных серафимов, подсвеченных сверху — как летающие насекомые в солнечном луче сверкают искрами огня. И прямо на глазах Эйлии они слетались вместе, образуя нечто новое: огромную огненную птицу. Ее глаза сияли как звезды, крылья и хвостовые перья были как языки пламени, поднимающиеся с поверхности солнца. И пела она на лету единым голосом, как поющий в унисон хор.

Элмир. Единый-и-Множественный.

— До того как материальная плоскость полностью сформировалась, — говорила мать, — она была единой субстанцией, как Эфир. В ней содержалось вещество всего, что потом возникло: звезд, планет, живых существ, мертвых камней, воды и ветра, все природные законы, которые ими управляют, и даже ткань самого времени. Но при этом все это вещество было одинаково, неизменно. Мы — те, кто пробудились в Эфире, смотрели на это новое, что тогда рождалось, и решили, что это хорошо. Но это было только начало — равновесию предстояло быть нарушенным, гармонии — измененной, первичное единство еще должно было превратиться в разнообразие, чтобы появилось множество различных вещей.

Небесная музыка изменилась: из единой божественной мелодии она разошлась на множество различных, сложным узором мелодий, как фуга. В небе появился новый эйдолон: темно-зеленая тень, извилистыми кольцами обнявшая тело Элмира. Эйлия узнала Вормира, которого часто видела в живописи, где он с Элмиром составлял древний символ *Элворона*. Божественная птица и земной змей враждовали, как показалось ей сперва. Но потом стало ясно, что это не битва, а скорее танец. Две фигуры обладали совершенно одинаковой силой, и создали равновесие. Дух и материя были как одно.

— Но как бы ни были различны предметы, — продолжала Эларайния, — звери и птицы, деревья и реки, горы и облака, — все родилось из первичной субстанции. Все связано со всем общим началом — да, даже Эфир, ибо низшая плоскость образовалась из квинтэссенции. Только Валдур поставил себя отдельно, отрицая связь, восходящую к Началу. И поскольку он не мог разрушить царство Духа, он обратился к царству Вормира,

менял и уродовал материю в своих целях, терзал ее бедных созданий — зная, что так еще больнее делает элам.

Музыка сменилась резким диссонансом. Изменилась форма змея: он стал страшнее, чудовищнее, темнее, вырастил злобные клыки и когтистые лапы. Он рвал существо небесной птицы и даже собственные кольца в своем безумии. Эйлия вскрикнула от ужаса. Наконец две дерущиеся фигуры скрылись с глаз, и теперь, глядя вверх, она видела свет в пылающей квинтэссенции, становящийся сильнее к зениту, как солнце в небе, и все остальное по сравнению с ним казалось темным. Но на этом свету было пятно, конус тени, отбрасываемый каким-то предметом возле центра. Искорки живого света кружили вокруг центрального светила, но все, пролетающее мимо пятна полумрака, темнело и поглощалось.

— Он отбрасывает свою порчу на все. Но никогда это не может быть так, как ему хочется, — говорила Эларайния. — Потому что все есть Единое, и это единство исходит из Начала, и то, что было, изменено быть не может.

Потом все предметы стали таять и исчезать: иллюзии, эйдолоны и подобия материальных форм исчезли, растаяли опять в квинтэссенции. Эйлия ощутила себя одним с растущей силой Эфира, как птица, парящая на спине ветра, или дельфин, оседлавший волну, — она слилась с тем, что окружало ее, со светом и благословением, слила свой голос с бесчисленными другими, вздымающимися в идеальный унисон.

Через какое-то время — дни или столетия прошли, Эйлия не знала, — она оказалась одна в эфирном ландшафте, не зная, как туда попала. Музыка доносилась откуда-то — арфа, быть может? Она пошла на звук и оказалась в саду, где играли фонтаны среди волн цветов. Музыка шла оттуда — там собралось много серафимов и еще каких-то непонятных созданий. У всех тела человеческие, но у одного шесть рук, у другой — тело женщины, а голова темно-рыжей кошки. У ее сандалий свернулось создание с пастью крокодила, гривой и передними лапами льва и приземистой задней частью, как у гиппопотама. Чешуйчатой мордой он терся о ее колено, а она его рассеянно поглаживала, как собаку. Другое создание стояло поодаль от прочих — неясная эфирная фигура, одетая в свободную мантию с легким намеком на белые крылья, изящными дугами исходящие из плеч — почти как ее древняя полутелесная сущность, только облик у этой фигуры был мужской. На глазах у Эйлии существо тихо запело:

Был из короны Властелина Тьмы
Ударом страшным выбит самоцвет.

На пик священный, озарив холмы,
Скатился он ярчайшей из комет.
В той стороне волшебный жил народ.
Увидел он, как падает звезда,
Чудесная на горный пик, и вот —
В волненьи люди поднялись туда.
Слепил их Камень светом золотым,
Они ж, поднявши очи к небесам,
Колени преклонили перед ним
И возвели золотоверхий храм.
Но переменчива судьба, и вот —
Народа древнего дано уж нет.
А Камень в подземелье скрыт. Он ждет
Того, чьи руки примут дивный свет.
Принц Ночи, Дева чистая Луны —
В смертельной схватке победит один.
Низвергнут будет слабый с вышины,
Сильнейший станет Небу властелин.[2]

Эйлия слушала и думала, устарела песня серафима или же Камень действительно лежит на Элендоре, а она еще не родилась смертной, и это далекое прошлое, или настоящее, или будущее, в котором находится она сейчас? «Ни то ни другое», — сказала она себе. Эфир — вне времени, и дух не привязан к веку царства смертных.

Она долго смотрела на эту сцену, и постепенно музыка стихла, и элы разошлись по саду. Эфирный серафим тоже отвернулся, поднимая голову. Эйлия увидела его лицо и застыла. От серафима изошло сияние, и великолепие крыльев превратилось в светоносный туман в воздухе, потом рассеялось, и остался человек.

Эйлия бросилась вперед с криком:

— Дамион! Дамион!

Но он не слышал ее и не видел. Вся сцена стала меркнуть перед глазами, и таяло эфирное царство. Кто-то звал ее по имени снова и снова, тряся за плечо. Голос принадлежал Лорелин.

— Эйлия, Эйлия, проснись! Враги напали!

10
Война Лесов

«Значит, это и есть сфера Трины Лиа», — подумала Синдра, влетая из эфирной щели в атмосферу Мирии. Она никогда не была на этой луне, потому что немереи Арайнии еще не научились пользоваться путями драконов, когда она здесь жила. Синие поля и отдельные рощи лунных деревьев тянулись под ней, а за ней отмечали щель два высоких белых столба драконовых врат, а на дальнем холме высились белые башни пустого Лунного дворца. — «Не чувствую я здесь Силы, нет ее имманентного присутствия. Значит, верно, что дух этого мира оставил его и воплотился в Эйлию Элмирию? Что ее мать — действительно архон Арайнии?»

Взгляд ее переместился на окольцованную планету, сияющую в сине-черном небе. Она убедила себя вначале, что Трина Лиа и ее мать — самозванки, и в этом видела причину своего им противостояния. Но теперь она признала, что истинной причиной ее гнева и ярости было глубокое неутоленное честолюбие. Честолюбие и уязвленная гордость, и зависть. Они и повели ее по дороге, уведшей от мира ее рождения. На миг она ощутила укол желания вернуться на этот голубой шар, ощутила горечь изгнания. Но Синдра отогнала эти мысли, напомнив себе, что она предала народ этой планеты. Они сурово ее накажут, если она сдастся. А что до архона планеты и ее наполовину смертной дочери — как они встретят волшебницу-немерейку, которая их предала и строила планы уничтожения Эйлии?

«Неважно. Я вступила в союз с силами более мощными, чем у них…»

Она заметила Мандрагора, свернувшегося на скальном выступе, с Тороком и еще некоторыми союзниками, и стала медленно спускаться к ним кругами. Сейчас она летела, как теперь ей было привычно, в карете, запряженной вивернами. Ей хотелось бы парить в небе, подобно дракону, и смотреть на земли и людей с божественной высоты. Но искусством оборотня, труднейшим из всех, она пока не овладела, а лететь на спине какого-нибудь лоанана ей не подобает. Она должна летать с помощью собственной силы и ничьей больше, и раз облик дракона был ей недоступен, она нашла свой способ седлать ветер. Карета ее была без колес и похожа на гондолу. Подвешенная на двух мощных цепях к крылатым рептилиям, она покачивалась между ними из стороны в сторону. Конечно, командовать такими

свирепыми созданиями и не давать им подраться — тоже нужно немалое чародейство.

Виверны опустили качающуюся гондолу на землю, потом сели по обе стороны от нее, шумно хлопая крыльями, шипя и вытягивая длинные шеи. Выйдя на голубой дерн, Синдра подошла к Эррону Коморе, который был к ней ближе других. Он тоже глядел на Арайнию.

— В той сфере живут те, кто долго не допускал меня к знанию и силе, которых я искала, — сказала Синдра, подойдя. Сама она так часто повторила эту ложь, что начала в нее верить. — Рука моего повелителя даст им всем тяжкий урок — особенно той, кто получила имя от этой маленькой луны и думает, что будет править всеми звездами.

Повелитель лоанеев повернулся к ней и заговорил тихо и убедительно:

— Если Морлин сразит Трину Лиа, нам нечего будет больше бояться. И он тогда нам тоже больше не будет нужен. Мы вполне можем здесь править, леди Синдра, — ты и я. Твоя сила растет. Со временем ты достигнешь желаемого, ты даже будешь достойна стать подругой лоанея. Но сейчас принц тебе бесполезен — он сошел с ума, и не принимает больше людской облик. А вот я…

Синдра посмотрела на него презрительно:

— Что ты несешь? Ты думаешь, что ты мог бы править Талмиреннией?

— Я хочу только править своим народом, — ответил он, — и освободить его от правителя, который и свой истинный вид потерял, и свой здравый смысл.

— И на этом твои аппетиты остановятся? Когда не будет ни Трины Лиа, ни Аватара, а император умрет от старости? Но тебе никогда не сесть на Трон Дракона, Эррон Комора. У тебя сил не хватит его удержать.

— А у Морлина хватит? — спросил он обиженно и зло.

— У него и у меня. Да, в одном ты прав: моя сила волшебницы растет день ото дня. Ты бывал когда-нибудь в гроте Элнеморы, лоаней? Да нет, ты бы испугался. Там есть сила, в этой темноте, которую не выдержит ни один человек. Но я там была и своими глазами видела изображение богини этого мира, вырезанное в черном вулканическом камне — камне, который когда-то был огнем. У нее облик женщины, но у нее клыки и когти, как у зверя, и вокруг нее обвиваются змеи и языки пламени. Она существовала, Эррон, до лоанеев и до царя-дракона — задолго, задолго до того ее изображения вытесывались из камня руками людей. Она правит всеми живыми существами и расплавленным огнем в глубине земли — они отвечают на ее

приказы и сметают все на ее пути. Но пылающие реки, остывая, становятся почвой, и зеленая жизнь растет из них. Ибо такова ее природа: как ползучие твари, она порождает своих детей и поглощает их, она жизнь и она смерть. В древние времена ей приносили девственниц в жертву, чтобы избежать ее гнева. Но древняя богиня делает только то, что желает сама.

— Ну и что? — спросил Эррон, хотя что-то в ее взгляде слегка напугало его, и он отступил на шаг. — Ее больше не почитают на Неморе. Тамошний народ ее забыл. Ты думала призвать ее на помощь?

— Ее можно еще призвать, — ответила Синдра. — И я призвала ее там, в гроте, просила ее дать мне ее силу. И она дала, лоаней. Я почувствовала, как наполняется мощью мое тело, как никогда раньше, будто в жилы мне залили огонь, как в центре земли. Я знала, что я тоже могла бы дать жизнь или уничтожить ее по своей прихоти. Я призвала к себе змеев и вивернов, и они повиновались. И ты меня зовешь к себе в наложницы? Тебе до меня, Эррон Комора, как земле до неба. И так же тебе до трона, к которому ты тянешься. — Она запахнулась в мантию и отвернулась. — Зови своих союзников-лоананов и возвращайся на Немору, и я ничего не скажу Мандрагору об этой беседе. Я знаю, что ты просто дурак, и ни мне, ни моему господину не угроза. Но еще раз пристань ко мне со своими глупостями, и я тебя не пощажу.

Он отступил, и она направилась к Мандрагору, но красный дракон даже не глянул на нее — только смотрел задумчиво на повисшую наверху планету, с ее сушей и небольшими морями, наполовину закрытую тучами. Почти вся Крылатая Стража Арайнии патрулировала небеса и ледяные кольца планеты, и потому с немногочисленными лоананами, размещенными на маленькой луне, справиться было легко. Они ожидали полномасштабной атаки на свой основной мир, и налет разъяренных огнедраконов и мятежных лоананов застал их врасплох. Но даже при этом исход мог быть иной, если бы огнедраконы сражались в одиночку — лоананы ненавидели это мерзкое извращение их собственной расы. Но истинные драконы не желали драться с другими лоананами, и это нежелание вступать в битву с предавшими родичами ослабило их сопротивление. Те, кто не был ранен в первых стычках, были вынуждены бежать к Арайнии и предупредить там остальных. Но мало толку было в этом предупреждении. Валеи завоевали себе базу для дальнейших нападений на Арайнию, и уже небольшой корпус моругеев и их союзников-людей под предводительством царя Роглага направлялся на летающих кораблях к южным

берегам Элдимии, где не было армии, чтобы оказать им сопротивление.

Пока Мандрагор ждал, к нему, хлопая крыльями, подлетел массивный огнедракон и сел рядом. Огнедракон был куда больше красного дракона, но даже его свирепый звериный разум признавал власть Мандрагора — тот был в любой своей форме величественней, чем огнедракон мог даже надеяться быть, и огнедракон это знал.

— Их было немного, господин мой принц, — сказал огромный черный зверь, пуская между бивней небольшие искры пламени, — и почти все они улетели через портал — кроме тяжело раненых, которые лететь не могли. Можно их убить?

Он сжал когтистые пальцы и приоткрыл мощные челюсти.

Такое, подумал Мандрагор, вполне может оттолкнуть от него союзников-лоананов и даже обратить против него. Их и без того трудно было уговорить действовать заодно с огнедышащими. Даже Торок неловко переминался на когтистых лапах и бросал искоса неприязненные взгляды на огнедракона.

— Нет. Они нам могут потом понадобиться как заложники. Пусть пока живут.

Мандрагор отпустил огнедракона и вернулся к созерцанию планеты. Она сняла над ним как шар синего стекла; казалось — протяни когтистую лапу, и коснешься ее.

«И Эйлия там, — подумал он, ощутив, как быстрее побежала кровь — наполовину от опасений, наполовину от предвкушения. — Так близко…»

Он снова отвернулся, когда перед ним из воздуха соткались две фигуры на расстоянии вытянутого крыла. Это были Элазар и Эломбар, одетые с царской пышностью, в коронах, и свои эфирные изображения они сделали размером с дракона.

— Я повторяю, Аватар: здесь опасно, — сказал Элазар, указывая на Арайнию.

— Слишком опасно для демонов? — насмешливо спросил Мандрагор. — Я думал, вы бессмертны и неуязвимы.

— Мы — да. Ты — нет, — ответил Элазар. — А ты — центр всей нашей кампании. Я тебе говорю, на Арайнии много архонов, и все они на стороне нашего врага. Разве ты не ощутил еще их присутствия?

Что-то Мандрагор ощущал — огромную гнетущую силу, исходящую от планеты наверху, похожую на ощущение собирающейся грозы. «Действительно это могут быть архоны? — Снова шевельнулись старые подозрения. — Архоны возвращаются из Эфира, они все же не вымерли, они просто ждали момента прийти и снова завладеть мирами…»

По мощному большому телу красного дракона пробежала легкая дрожь. Магией Валдура он владел еще не полностью: он просил только помощи, а не хотел отдавать себя целиком. Для этого ему нужно отправиться на Омбар, к месту древней силы темного архона и бастиону его древнего правления. Страх Мандрагора перед этой планетой не ослабел. Он знал, что мрачная цитадель, бывшая оплотом Валдура во время великой космической войны, стоит еще там, в тени вечной ночи — и обсидиановый трон пуст, ждет нового владельца. Сущность Валдура живет на этой звезде, говорили демоны, но она там в плену: ни одна материальная форма не может уже ему принадлежать. И любой претендент мог сейчас завладеть этим троном и править империей валеев. Так отчего же он колеблется?

— Ты знаешь, что Эйлия — дитя архона, — сказал Эломбар. — Ее мать — древний правитель этой сферы, и она передала своей дочери власть повелевать всеми древними, что там еще обитают. Одним из них был этот Дамион, потому что он тоже потомок архона — его мать не была смертной.

Мандрагор гневно обернулся к видению, показав клыки и когти.

— Та же ложь, что я слышал в Зимбуре! — рявкнул он. — Дамион убит!

— Нет. Только его смертная природа разрушена, а это была лишь половина его существа. Он теперь живет в качестве архона, а это больше, чем то, чем он был. И вернуться он может по призыву любого смертного.

Мандрагор замолчал, обдумывая услышанное. Если это правда, то он нажил еще одного страшного врага. И все же он не мог не заметить любопытного парадокса: убийство ее возлюбленного Дамиона должно было причинить Эйлии страшное горе и усилить ее враждебность к Мандрагору. Вернувшись из своей кажущейся смерти, Дамион эту причину устранил. У нее более нет причин ненавидеть принца-дракона. И возможно еще организовать примирение, а тогда отпадет нужда в защите со стороны демонов. Возможность вновь обрести драгоценную свободу манила и дразнила.

Демон заговорил снова:

— У Эйлии на Арайнии союзников без счета, и там она сильнее тебя. Если ты только не воззовешь к Силе Из Глубин, что принадлежала Валдуру, ты не можешь бороться с ней в этом мире. Но воззови к ней — и ты превзойдешь любого мага любой расы, неуязвимый даже для железа, ибо сила Валдура есть сила элиров, повелителей звезд. Эйлия тогда против тебя не выстоит, пусть она даже собрала свою силу и силу своей матери:

Эларайния — всего лишь элайя, одна из низших архонов, и никогда не могла бы даже сравниться с Модрианом-Валдуром.

Он уставился эфирными глазами на дракона, но Мандрагор не шевельнулся, никак не показал, что услышал.

— Хорошо, — сказал наконец принц-дракон. — Я не двинусь. Пусть валеи пытаются на нее напасть, если хотят. Я понимаю, что Роглаг уже повел туда войско на летающем корабле. Но я не буду гнать ее вперед или пытаться превзойти ее мощью. Раз ясно, что она не смеет против меня выступить, я уже победил. Если она хочет драться, то всегда может прорвать нашу осаду — и покинуть планету, которая дает ей силу. Но на ее земле я с ней больше не буду встречаться.

И при этих словах он подумал, догадались ли они, что он лжет.

Эйлия медленно, постепенно приходила в себя. Открыв глаза, она посмотрела в лицо над собой: ангельский лик, окруженный светящимся нимбом золотых волос.

— Лорелин? — хрипло спросила она.

— Слава богам, ты снова с нами, — ответила девушка. — Аурон тебя сюда принес — ты была в трансе и совсем похолодела. Сейчас тебе лучше?

Эйлия кивнула и села. Она увидела, что лежит на земле на вершине Полого Холма, Лорелин и Йомар склонились над ней, светлые волосы подруги сияют в свете факела в руке Йомара. Аурон тоже был здесь, лежал, положив подбородок на землю, а Талира сидела у него на спине. Эйлия встала, опираясь на руку Лорелин. Она чувствовала себя измотанной, и в голове слегка шумело, но было еще какое-то чувство восторга, приподнятости.

— Мать… Дамион, — сказала она, как только смогла заговорить. — Я их видела, видела обоих.

— Видела? Где? В прошлом?

Лорелин озадаченно посмотрела на скрытые тьмой высоты Хиелантии.

— В Эфире. Они живут в том царстве и могут оттуда посылать свои изображения. Моя мать встретила меня в прошлом, и Дамиона я тоже видела. С ним все в порядке, Лори, мы его не потеряли на самом деле.

Она подумала, рассказывать ли то, что она узнала о родителях Дамиона и Лорелин, и о своих. Но как сказать стоящей перед ней девушке, что та родилась в какую-то давно прошедшую эпоху, что ее мать уже пятьсот лет как мертва — и более того, что она — дитя жителя Эфира?

«Не сейчас. Сейчас я не могу ей сказать».

Момент был неподходящий: надо выбрать время, когда Лорелин будет одна. Нужно уединение — и время. Оно смягчит удар открытия.

— А мы его увидим? Мы с Йомаром? — настойчиво спрашивала Лорелин.

— Может быть, я не знаю. Я сама его увидела только мельком. — При этом воспоминании снова навалилась тоска по нему. — Прости, не могу сейчас об этом говорить. Я тебе все, что узнала и увидела, расскажу, но не сейчас. Сейчас я просто рада была узнать, что он не погиб.

Они вместе сошли с холма, Йомар и Аурон за ними, а огненная птица полетела вперед. Эйлия все еще ощущала странное отчуждение от собственного тела, и ей пришлось опереться на руку Лорелин.

— Пока ты там была, мы такую игру молний видели над Хиелантией! — сказала Лорелин, — Вспышка за вспышкой, и облака светились изнутри. Аурон говорит, что не он это вызвал и что дело, наверное, в твоем трансе, хотя точно он не знает. Но когда он тебя оттуда унес, все прекратилось. И враг был испуган.

— Ты говоришь, здесь валеи?

— Да, — ответил Йомар. — Огнедраконов пока нет, но есть гоблины и зимбурийские мятежники с Меры. Захватили нескольких элеев в плен.

Эйлия заставила себя выпрямиться.

— Но как? Как они сюда попали? Я ожидала огнедраконов, мятежных лоананов — но не наземную армию так сразу. Здесь же нет порталов!

— Наверное, на летающих кораблях. Это небольшие силы, но они начали продвижение через лес, и мы хотим проследить за их лагерями разведчиков. Можешь пойти с нами? Талира покажет дорогу.

Она пошла за ними прочь от холма, в лес. Они тихо пробирались вдоль древесных дорог, держась в тени, а перед ними летела огненная птица, и ее яркий плюмаж светился сам по себе. Густые завесы лиан цепляли их, покрытые ароматными цветами, но ни птицы, ни лесные зверьки не стали голосом выдавать их движение. Создания этого мира жили в благословенном неведении о несчастье, свалившемся на них, ничего не зная об опасности.

Вскоре люди остановились. Талира опустилась на сук, и Эйлия заметила в пятидесяти шагах огонь между деревьями. Там пылал костер, а вокруг сидела дюжина коренастых мужчин и несколько гоблинов. У края освещенного круга стояла группа элеев в белом под охраной часовых с копьями. Над огнем

вертелся импровизированный вертел с насаженной на него тушей антилопы. Это был багвин: содранная шкура и голова с гордыми серпами рогов валялись неподалеку. Эйлия и ее спутники почувствовали запах жареного мяса, услышали веселые голоса людей:

— Глупая тварь даже не побежала. Даже не побежала! Просто стояла и смотрела, как мы в нее стреляли. Это же просто райский мир!

Эйлия застыла на месте. В ней забурлила ненависть — ненависть к тем, кто захватил в плен безобидных элеев, к тем, кто убивает беззащитных зверей, оскверняет эту прекрасную страну. Ненависть к человеческой сути, которая ее с ними связывала. Но эти эмоции ее ужаснули, и она несколько раз глубоко вдохнула, избавляясь от мерзкого чувства. «Этих зимбурийцев нельзя было винить в том, что они рвались сбежать из собственной беспокойной и нищей земли, — подумала она, успокаиваясь. — Их надо остановить, но вражда у меня не с ними, а с теми, кто их сюда привел».

Она мысленно обратилась к Талире и Лорелин:

Я предлагаю, чтобы вы отошли и предоставили все мне. Два меча — это мало против этих негодяев. Мне придется воззвать к Великой Силе, чтобы она помогла мне, и вы можете случайно пострадать, когда она вырвется на свободу. Не лучше ли вам пойти поискать главный лагерь противника? Нужно знать, сколько их. А я останусь и освобожу этих элеев.

Они с большой неохотой отошли, и Эйлия обратилась к собственному волшебству.

В лагере зимбурийцев настроение было приподнятое. После свержения Халазара и появления нового бога-царя они жили будто в волшебной сказке, ставшей вдруг явью. Сперва поездка на чудесных летающих кораблях гоблинов, которые, хотя и уродливы до ужаса, но очень одарены магическими силами — явно потомки джиннов. А потом приземление в стране такого изобилия, которого даже представить себе нельзя — а гоблины сказали, что вскоре эта страна будет принадлежать им.

Бойцы-моругеи готовились к битве, точа зазубренные мечи. Но и у них настроение было веселое. Гоблины и тролли — создания ночи, отлично умеющие видеть в темноте, и потому рассчитывали на преимущество в битве с народом Эйлии после захода солнца.

— Перебьем элеев, — заранее торжествовал царь Роглаг, — а там уже каждый хватай, что сможешь. Сегодня эта земля, завтра — вся Арайния. Когда принцессы не станет, у них духу не хватит

с нами драться!

Его воины ответили радостными криками. Страна, где звери ручные, а птицы сидят на ветках и не улетают от выстрела, где в изобилии золото и такие камни, что в Зимбуре лишь очень богатые люди могли себе позволить, — все это будет принадлежать им.

— В наших сказках говорилось об одной далекой стране, — сказал один зимбурийский солдат. — Страна вина и меда. Она зеленая, плодоносная, и там бьют фонтаны и текут ручьи, и драгоценности растут на деревьях, а звери подходят на зов к тебе под топор.

— Помню, — согласился другой. — Моя бабка тоже такое рассказывала. Там никто не бывает голоден, и никто никогда не болеет, и никому не нужно ради хлеба трудиться. Джинны им служат и выполняют все их желания. Когда Халазар рассказывал об этой самой Элдимии, я думал: ну, старую песню для простаков завел. Обещай толпе рай, чтобы она против тебя не восстала! Но сейчас оказывается, что он вовсе и не врал. Это правда, и он бы нас сюда доставил, как обещал. Эти вонючие бунтовщики, что его свергли и убили, они еще за это ответят. Нам ответят. Мы их к этой земле не подпустим и близко. Такое будет им наказание.

Первый кивнул и проверил жарящуюся тушу.

— Только сперва надо перебить или прогнать туземцев, хотя это будет нетрудно. У них ни оружия, ни настоящих бойцов нет, А потом свести леса, засеять поля и дома построить.

Роглаг осклабился:

— А зачем строиться? Почему их города не занять и там не жить? Куда легче будет.

— Тяжело воевать придется, чтобы города брать, — задумчиво сказал кто-то.

— Не видал ты арайнийских городов. У них ни стен, ни крепостей, ни пушек, ни катапульт. А жители совсем драться не умеют.

— А кто нами править будет? — спросил тот же голос, все еще неуверенно. — Новый бог-царь?

— Естественно. — Роглаг пожал сутулыми плечами. — Он же вас сюда послал?

— А я думал, на новой земле мы будем свободными.

— Ха! — фыркнул презрительно кто-то. — Да пусть себе правит, если хочет, и наследники его тоже, пока мы да наши дети будем жировать на этой земле.

Его товарищ больше не возражал: обращение к зимбурийской практичности решило дело.

Элейские пленники, старик лет двухсот и несколько молодых

женщин продолжали стоять и сидеть там, куда их согнали, в тени высокого валуна. Потом старик обратился к захватчикам:

— Мы поделимся этой землей с вами и вашими детьми, — сказал он, — но вы не сможете совсем нас изгнать. Нас охраняет Мать, и она не потерпит такого в своей сфере.

Один из стражей ударил его наотмашь, и старик упал на руки девушек, которые закричали от страха. Никогда ни с кем на Арайнии так не обращались.

— Кончилось ваше время! — рявкнул зимбуриец, стоя над ними и держа руку на рукояти меча. — Кончилось, понял? Вам конец, а земля эта будет наша. Королева Ночи и ее дочь не могут победить нашего бога, он сильнее их.

— Это так, — согласился женский голос.

На краю светлого круга появилась женщина, одетая в темный плащ. Капюшон скрывал верхнюю часть лица, глаз не было видно. Роглаг узнал Синдру, предательницу-элейку. Она пришла, как обещала, предложить им услуги проводника и знание этой земли.

— Вы получите от Арайнии все, что захотите, и моругеи тоже. Слишком долго откладывалась их месть. Но если здесь окажется Трина Лиа, оставьте ее нам: моему господину и мне. Даже колдуны гоблинов против нее бессильны — слишком выросла мощь Эйлии.

— Ты думаешь, она может здесь оказаться? — спросил Роглаг, быстро озираясь по сторонам.

— Я знаю, что она здесь. Мои силы мне это говорят. Мы с принцем Морлином найдем ее, как только станет светло, но до тех пор держитесь поближе к своему лагерю. В этих лесах есть злые духи, боги наших врагов. Кто отобьется от своих, может не вернуться.

Долго никто ничего не говорил — остужающий эффект ее слов дошел до всех. Потом один маленький жилистый гоблин подскочил около костра, в ужасе вереща:

— Я видел! Я видел!

— Что ты видел? Какая тебя муха укусила? — раздраженно спросил зимбурийский капитан.

— То дерево, вон там! Я туда смотрел, и вдруг увидел…

— Да что увидел?

— Женщина! — сказал гоблин удивленно и испуганно. — Не дерево, а женщина, высокая, как дерево, с длинными темными волосами. Гамадриада, я про такое слыхал. Это боги, которые живут в деревьях, и умеют превращаться в человека. — Он задрожал. — Она на нас смотрела, и она была сердитая.

Наступила тишина. Большие деревья шелестели и переговаривались тысячами шепотков, заговорщицких голосов.

Гоблин зажал уши ладонями.

— Нет! Перестаньте! Они говорят: «Уходите прочь, уходите прочь!» Я их *слышу*!

— Он сошел с ума! — крикнул капитан.

— Нет, здесь есть какое-то волшебство, — возразила Синдра. — Ты его не чувствуешь, зимбуриец, но мы, немереи, чувствуем, и гоблины тоже.

— Что-то шевелится в лесу — *Сила*, я ее чувствую! Огромная, сильная…

Он резко замолчал и сжался — к нему подошел Роглаг.

— Хватит выть! У нас есть свои чародеи, есть и колдунья, и они с любым духом справятся! — крикнул он.

Но царь гоблинов совсем не был в этом уверен. Аватара с ними здесь не было, и хотя Роглаг его боялся, он рассчитывал, что Мандрагор поразит ужасом сердца врагов. Это он доставил их сюда, в этот рай. Но почему же он не явился с армией, как обещал, чтобы сражаться с обитателями этого страшного места?

Сквозь завесу темных сучьев он посмотрел на Хиелантию и вспомнил странную и страшную игру молний над плато, освещающую огромные, нависшие в небе клубящиеся облака.

— Буря, — сказал он тогда небрежно.

Но она бушевала только над плато — именно над тем, где, по преданиям, обитала их богиня. Туземцы-пленники говорили, что Она там и что Она будет разгневана, если обидят Ее детей. Кто же эта «Она»? Наверняка не Эйлия — хотя иногда туземцы, похоже, путали ее с Эларайнией.

Лес… теперь, когда солнце зашло, лес из приятного и благожелательного превратился в обитель темных тайн и неизвестных ужасов. Легкий шорох листьев заставлял Роглага вздрагивать. Говорили, что принцесса и ее чародеи умеют разговаривать с животными. И каждая ночная тварь, каждая птица и мышь за ними сейчас шпионят?

— Вон! Видите! — взвыл обезумевший гоблин, показывая рукой.

Из темноты под деревьями вышла женщина и остановилась перед ними в свете луны. Она была молода и стройна, одета в светлую ткань, ниспадающую к ногам и оставляющую руки открытыми. Распущенные волосы окутывали ее плащом, и огненный рой искр вился около ее головы и тела. На самом деле это были пиралиссы, маленькие четвероногие светляки Арайнии, привлеченные силой Эйлии, как светом. Но лишившимся дара речи людям казалось, что эта женщина одета и увенчана звездами.

Все на поляне застыли. Потом один из зимбурийцев вскочил

на ноги.

— Богиня! — просипел он. — Это она, королева Ночи!

Даже крикни он во весь голос, эффект не мог бы быть сильнее. Сразу все вскочили с криками и проклятиями. Вскрикнули и элеи, но от радости, узнав не Мать, но ее Дочь, посланную их спасти.

Несколько воинов под предводительством капитана двинулись к ней, но как в трансе — они страшились этой фигуры, одетой в свет. При их приближении Эйлия шагнула в круг света от костра. В глазах ее не было страха, и они вобрали в себя часть света от костра, а волосы ее стали огненным ореолом.

— Я предупреждаю вас, — произнес ее ясный голос, — вы немедленно должны уйти!

С этими словами Эйлия вспрыгнула на большой валун, и ей показалось, что камень зазвенел под ней, как гонг, посылая в воздух волны силы.

— Я призываю всех архонов в этом лесу, — крикнула она, — все силы земли и воды, огня и воздуха! Наяды и гамадриады, нереиды и ореады, я зову вас! И еще зову я Мать, прося ее о помощи!

На миг Эйлия застыла неподвижно. Ничего не произошло.

— Значит, поймали мы тебя наконец, — сказала Синдра, приободрившись. — Она подошла к валуну, откинув капюшон, и ее красивое лицо засветилось под звездами, холодное и бледное. — Мы с Мандрагором. Он здесь, ты не знала? И он владеет новой силой, которая больше твоей, и больше, чем у Эларайнии.

Элеи ахнули в ужасе от такого кощунства.

— Синдра, — сказала Эйлия тише, — ты предала свой народ и свой мир. Но это еще можно будет тебе простить. Не иди дальше, не обрекай себя, предавая Эларайнию. Она ведь и твоя Мать.

Синдра выпрямилась.

— Я служу только Темному, чьей инкарнацией прямо сейчас становится Мандрагор. Я буду править рядом с ним как его императрица.

— Ты ведь любишь Мандрагора, — прошептала Эйлия. — Или мне так казалось. И ты желаешь ему такой судьбы?

Взгляд Синдры сделался каменным.

— Ты ничего не понимаешь. Этот союз не уничтожит Мандрагора, он только сделает его сильнее. Даст ему такую силу, что даже элайи не смогут против нее устоять: магию, которую нельзя связать ни железом, ни законом. Магию элира, высшего из высших.

«Вот почему она так в себе уверена, — подумала Эйлия. — Она знает, что ей меня не победить, но верит, что Мандрагору это под силу. И знает, что он рядом…»

Синдра шагнула вперед, расставив руки, будто хотела поймать Эйлию, но с вытянутых пальцев потекла квинтэссенция, как белые и синие зигзаги молний. Они ударили в камень, на котором стояла Трина Лиа, и поползли к ней язычками пламени.

— И мои силы выросли с нашей последней встречи, — сказала Синдра.

Эйлия распростерла ладони — и молнии затрещали и погасли.

Мать, ты обещала мне помощь! — добавила она мысленно, когда пленные элеи полезли к ней на валун.

Зимбурийцы убежали в панике, но чародеи-гоблины подняли ее на смех:

— Она звала Силы на помощь! А у них со слухом оказалось плохо!

Вдруг громко зашелестел лес. Задрожали ветви и кусты, шевельнулась листва.

— Деревья! — заверещал тот же маленький гоблин. — Я же говорил, что они сердятся, лесные боги! Вот они!

Эйлия смотрела в лес вместе со всеми. Ветви мотались из стороны в сторону, как в бурю, хотя не было ни ветерка — будто деревья ожили. А потом она увидела, что на них полно собак-имитаторов. Обычно ласковые, эти зверьки прыгали с ветки на ветку как одержимые, кидая вниз, в людей, сучья и листья. Те пытались уклониться.

— Стреляйте в них! — гаркнул капитан.

В тот же момент закачались кусты вокруг, и стали выходить звери. Куда ни обращались испуганные глаза захватчиков, они видели только ужас — такими предстали перед ними создания Арайнии. Огромные стройные фигуры выступали из мрака, шагая на ногах выше древесных стволов: камелеопарды, целые их стада шли, как шагающие осадные башни. За ними выходили колоссальные ауллаи, серые в яблоках и гнедые, размахивая мощными хоботами и грозно трубя, дальше — орды многих травоядных поменьше: аргазиллы, пантеоны, тойи, лейкротты, багвины, катоблепасы и борейны. Создания Арайнии, никогда раньше не проявлявшие агрессивных намерений, ни к человеку, ни друг к другу, со всех сторон выбегали на поляну неудержимым потоком. Куда ни оборачивались люди и гоблины, всюду их встречали рога и топот копыт. Элеи припали к камню в ошеломленном ужасе, только Эйлия осталась стоять, будто богиня в окружении собственных созданий.

Секунду Синдра стояла молча, глядя на нее с ненавистью, сжав кулаки и трясясь от злобы. Потом она широко распахнула руки и вскрикнула. Все чародеи ощутили темный всплеск ее силы, увидели, как собирается вокруг нее светящийся туман. Ее последователи смотрели, как расходится от нее свет, надеялись на сильную магию, которая их защитит. Но свет потускнел и рассеялся, и Синдры не было. Моругеи с ужасом переглянулись и тоже попытались бежать — но было поздно. Хлынула вперед масса копытных, несчитанная кавалерия, а за ними прошли падальщики со своими страшными когтями и челюстями. Гулоны размером с льва, тощие парды и калопусы выпрыгнули из зарослей, и плосконогие энфилды, и альфины с огромными когтями и мордами, увенчанными крюкообразным рогом. Птицы с отчаянным писком бросались с деревьев в лицо врагу. Посреди этого столпотворения стояла на валуне Эйлия в окружении сбившихся в кучку элеев, как остров в половодье, так же недоумевая, как и ее враги, что принес ее призыв. Потом она поняла. Ее сильные эмоции захватили все живое в округе, и оно ответило таким же диким неуправляемым гневом, чуждым их спокойному звериному сознанию.

— Нет, — прошептала она. — Нет, прекратите! Я этого не хотела! Мать, пусть это прекратится!

Но наступление продолжалось, и против него не было шансов у людей и гоблинов. Большинство растоптали и раздавили, а немногие, кто сумел выбраться невредимым, бежали прочь, ничего не понимая, под крики зверей, заглушившие все прочие звуки под небом.

11
Па-де-де

Наконец наступил рассвет — сперва на высотах Хиелантии, окрасив их розовым и золотым, потом он пролился вниз сквозь плетеную кровлю леса, осветил рощи. Свет нового дня пролился на сцены ночной битвы и разрушения: разбросанные доспехи, тела людей и гоблинов — и трупы мертвых животных тоже. Они лежали там, где свалились, на истоптанной лесной подстилке, посреди раздавленных папоротников и поваленных молодых деревьев. Костер захватчиков превратился в груду пепла.

Лорелин и Йомар всю ночь искали место посадки крылатых кораблей врага и вернулись на рассвете сообщить, что нашли его, но остался только один пустой корабль. Выжившие в чародейной атаке вернулись на свои корабли и ушли в космос.

Эйлия все еще сидела, скорчившись, прильнув к валуну. Она не шевельнулась после окончания битвы, и сейчас смотрела тусклыми глазами, как элеи собирают павших — не только людей и моругеев, но и зверей, — и уносят прочь. Пленные их родичи остались невредимы. Когда с поляны унесли последних мертвецов, Эйлия встала и попросила друзей ненадолго оставить ее в одиночестве.

— А можно ли оставлять ее одну вот так? — шепнула Лорелин Йомару, хоть они ее и послушались.

— Врагов больше нет, а она достаточно сильна, чтобы ничего ей не причинило вреда, я думаю, — сказал Йомар, помолчав. Его тоже впечатлила впервые увиденная полностью освобожденная сила Эйлии. — Если она хочет побыть одна, то имеет право. А я хочу проверить, что больше никто здесь не шляется по лесам с мечом в руке. Пойдешь со мной?

— Здесь все так мирно с виду, — тихо сказала Лорелин, уходя вместе с Йомаром с поляны. — Будто ничего и не случилось, будто элеи и лесные звери живут, как жили. Может быть, придет день, когда это все забудется. — *«Но Эйлия не забудет»,* — подумала она и подняла глаза. — Смотри, какая красивая птица, вон там, над деревьями. Перья как золотые, хотя, наверное, это от света…

Голос ее осекся. Птица с золотым оперением развернулась над ними и полетела обратно к поляне.

Когда они ушли, Эйлия посидела одна на камне, глядя в зеленый лес — глядя, но не видя. Ум ее погрузился в печальное

самосозерцание. Защитить свой мир было необходимо, и выжившие захватчики расскажут страшные истории об опасностях Арайнии. Но от насилия ее мутило.

Она услышала, что ее зовут по имени, повернулась — и сердце будто остановилось. В роще перед нею стоял Дамион.

И на этот раз не эфирный образ: он не был прозрачен, он был настоящий с виду. Одет в простой белый плащ до колен, ноги — босые. Длинные косые лучи солнца падали сквозь листву и касались его волос, окружая их светло-золотистым сиянием. Синие глаза смотрели на нее с нежной заботой, которую она так хорошо знала. Изумленная, она поднялась ему навстречу, но, хотя губы ее шевелились, произнести его имя не удавалось.

— Нет! — сумела она выдохнуть.

Иллюзия. Это должна быть иллюзия. Не может это быть настоящий Дамион. Не мог он снова появиться, потому что он теперь архон и связан Договором. Он не был призван.

Но он тихо позвал ее:

— Эйлия!

И больше она ни о чем не думала, просто бросилась в его распростертые объятия.

— Да, я здесь, — сказал он, обнимая ее. — Мне дозволено вернуться, чтобы тебе помочь. Архоны знают, что я здесь нужен. И ты звала меня мысленно, ночью и днем. Этот зов не хуже любого другого.

Он был настоящий, твердый на ощупь, наполненный живым теплом. Она зарылась лицом ему в плечо и заметила, что повторяет его имя, снова и снова — как повторяла во снах, когда думала, что он мертв. Боль, которая жила в груди, будто поднялась к горлу и вылилась наружу в голосе.

— Когда я думала, что ты погиб, погиб навсегда, я… я не знала, как дальше жить!

И с этими словами выпущенная боль растаяла в воздухе.

Он отпустил ее, потом увидел, что ее шатает. Взяв за руку, он отвел ее к валуну. Она села на камень, и он рядом с ней.

— Прости, что доставил тебе такое потрясение. Ты ведь так вымоталась. Я знаю, что здесь ночью было.

— Я должна была что-то сделать, — ответила она тихо. — Иначе плохо пришлось бы элеям. Но я не хотела такого, и мне отчаянно жаль погибших людей. Это была не их вина — я говорю о зимбурийцах, хотя и моругеи вряд ли пришли сюда по своему выбору. Их послали вожди. Зимбурийцы просто хотели уйти из своего мира и жить. И это ведь только начало. Если надо освободить Меру и разгромить Омбар, то придется драться еще и еще. И убивать. Но ты победил иначе. Ты обратил убийство

против него самого, сдавшись ему, — и тем победил.

— Не любую победу можно одержать таким способом. Но ты права: можно найти другой путь к миру, которого ты хочешь. Тебе легче будет, если мы поговорим об этом? — спросил он. — Может быть, вместе мы найдем решение…

Она снова отвернулась.

— Нет ничего, что ты мог бы сказать. Я обречена своей судьбе, и знаю это, и я с этим смирилась. Но я рада, что ты снова со мной, Дамион.

Он ничего не говорил, просто обнимал ее за плечи и молчал с нею. Потом она заговорила опять:

— Я знаю, что именно это я должна делать. Мне это ненавистно, но я думаю, наконец-то мне понятно, зачем это нужно. Ана мне давно говорила, что я не должна повторять ее ошибку. Мандрагор страдает и может заставить страдать других, а когда он был истинным паладином, он бы этого не пожелал. И если враг пытается им завладеть, то это будет доброе дело… освободить его.

Синие глаза обернулись к ней, глядя испытующе.

— Но ты все же колеблешься? Из сочувствия? Из жалости?

— Нет, не из жалости. — Лгать ему она не могла, — Ты знаешь историю с любовным зельем, Дамион. Но ты не знаешь, что я… что у меня было какое-то чувство к нему еще до этого. Не то, что к тебе, но… — она замолчала.

— Ничего не надо говорить. — Он накрыл ее руку ладонью. — Я понимаю.

— Да? Понимаешь, это было другое. С тобой я чувствовала твою сущность — твою внутреннюю силу. Ты был таким цельным, таким совершенным, мне нечего было тебе *дать*. И за это совершенство я тебя любила. А Мандрагор — в нем я ощущала пустоту, жажду. Я думаю, меня заманила мысль о том, что я нужна, что я могу *отдавать*.

Он чуть от нее отодвинулся, лицо его стало задумчивым.

— Понимаю.

— Тебе не неприятно?

— Неприятно? Конечно, нет. Ты чувствуешь то, что чувствуешь, и ко мне это отношения не имеет. Если тебе дать выбор, ты выберешь того, кому ты нужна больше. Это твоя суть, Эйлия, и иной ты быть не можешь.

— Но я же люблю тебя, Дамион. С той минуты, как увидела тебя впервые — хотя на самом деле не впервые, я скорее узнала тебя по нашим прошлым временам — в Эфире, — хотя ничего не помнила. И я уйду с тобой обратно в Эфир, когда все это будет позади. Обещаю.

— Тебе не надо уходить, — сказал он, — разве что ты на самом деле этого хочешь. Низшее Небо тоже красиво, и ты так мало его пока видела. — Он заговорил тише: — Ты ведь хочешь остаться?

Эйлия закрыла глаза.

— Да, наполовину. Моя смертная половина этого хочет. Я изменилась, когда родилась. И часть моей души всегда будет рваться в эту плоскость — она чудесна.

— Да, — согласился он, и глаза его смотрели на нее, проницательные и внимательные. — Чудесна.

Йомар и Лорелин шли обратно по плотным зарослям и тревожились. Эйлия была одна уже больше часа. Если враг ее застигнет врасплох, то сможет нанести вред.

Приблизившись к поляне, они остановились, услышав голоса. Эйлия с кем-то говорила — но с кем? Йомар вдруг напрягся, прислушался. Глаза у него округлились, и он бросился через заросли, не разбирая дороги, Лорелин за ним.

На поляне стояла Эйлия, и рядом с ней высокий светловолосый человек, настолько знакомый, что Лорелин с Йомаром пошатнулись, остановившись.

Первой заговорила Лорелин, почти беззвучно;

— Дамион? Дамион! Это правда, он жив!

Йомар смотрел.

— Нет. Иллюзия. Как тот лев. Мы хотим, чтобы он был здесь, и потому его видим…

— Ни то ни другое. — Эйлия повернулась спиной к человеку с лицом Дамиона. — Когда-то ты уже обманул меня, использовав облик Дамиона. И сейчас ты тоже это сделал — но я догадалась, кто ты, когда ты заговорил о Низшем Небе.

Облик Дамиона на глазах растаял и изменился. На поляне стоял Мандрагор. Лицо его осунулось, как у трупа, покрылось болезненной бледностью. Лицо человека, который выдержал пытку не только разума, но и тела. Ногти его стали длинными изогнутыми когтями, какими естественно стремились расти, глаза горячечно блестели.

— Я пришел, — сказал он, — дать тебе последний шанс.

Йомар и Лорелин бросились к Эйлии, выхватывая оружие. Но Трина Лиа не шевельнулась, не отвела взгляда от Мандрагора.

Мандрагор тоже глядел на нее, и снова потоком всколыхнулись в нем эмоции, грозя захлестнуть с головой. Он ощутил последний шанс сохранить свою свободу, последнюю возможность сойти с пути, грозившего уничтожением им обоим. Если бы только она его услышала! Она сильна, она могла бы

спасти его от демонов и их зловещих планов.

— Я не совсем тебя обманывал, — продолжал он. — Дамион жив. Его мать была из архонов, и зимбурийский жрец не мог его уничтожить. Он теперь обитает в плоскости Эфира.

— Да, — ответила она ровным спокойным голосом. — Я знаю, потому что видела его там.

— Тогда ты знаешь, что твое основное против меня обвинение неверно. Я не был причиной смерти твоего друга. И этих я тоже не трону. — Он показал на Лорелин и Йомара. — Ты видишь, что я не несу тебе злой воли.

Йомар стиснул стальной меч, жалея, что клинок не из чистого железа. Он не мог бы противостоять чародейству, которое обрушил бы на него этот колдун, в его распоряжении были только слова.

— Ты все равно бросил нас погибать в руках Халазара. У нас с Лорелин есть к тебе счеты.

— Халазар меня ослушался. — Мандрагор обращался к Йомару, но не отводил золотистых глаз от Эйлии. — Он убил моих стражей-гоблинов и послал вас на смерть, но за свои злодеяния он расплатился…

— А ты нет, — перебила Лорелин, наступая на него с адамантиновым клинком.

— Лори, не надо. Прошу тебя. Тебе с ним не справиться, — подняла руку Эйлия.

Мандрагор не отводил от нее глаз.

— Пророчество говорит неправду, принцесса. Это все не кончится со смертью одного из нас. Оно будет длиться и длиться. Если я погибну, драконы, сражающиеся на моей стороне, станут искать мести, а валеи — нести разрушение всюду, куда приходят. Если погибнешь ты, твой народ будет драться со мной и моими подданными до последнего своего дыхания. Но ведь этой войны совсем не нужно, принцесса. Будем ли мы драться — решать тебе. Я не могу сдаться тебе на милость — Йомар не единственный среди твоих сторонников, кто поклялся меня уничтожить. Но если ты перейдешь на мою сторону…

— То твои союзники уничтожат меня.

— Нет, они не посмеют пойти против моей воли. Я могу гарантировать твою безопасность. Пойдем со мной, Эйлия! — В голосе его появилась новая, умоляющая интонация. — Я одинок, и никому из валеев не могу верить. Но мы можем править Империей вместе, мудро и хорошо. И ты обретешь мир, которого жаждешь.

Эйлия ничего не сказала. Она почувствовала, что видит наконец его истинный облик — незащищенный и уязвимый, как у

моллюска, вытащенного из раковины. Существо, истерзанное столетиями одиночества, изголодавшееся по обществу, отчаянно испуганное. И она не испытывала к нему любви, ненависти или страха, только жалость заполнила ее, как когда-то давно Ану. Тут она поняла, что бессознательно сделала к нему шаг.

И в этот момент в мозгу у нее заговорил голос:

Ты воззвала ко мне, и я здесь.

Полыхнула яркая вспышка, в воздухе будто открылся пролом, и на поляне возник человек в белом. Еще одно подобие Дамиона, или так казалось. Лорелин вскрикнула, а фигура шагнула к Мандрагору:

— Оставь ее.

Это ты! — мысленно ответила Эйлия. — *Наконец!*

Мандрагор посмотрел на появившегося со страхом и ненавистью. Потом он шагнул назад и выпрямился во весь рост, будто стал на глазах выше. И обернулся к Эйлии:

— Что ж, пусть ты переменилась и сила твоя выросла. Но и моя тоже!

С этими словами он потянулся к своей темной силе, призывая демонов. *На помощь!*

Он вытянул руки, и будто небо покрылось тучами и свет померк, он начал превращаться, становясь чешуйчатой башней с разинутой пастью. Красным драконом.

— Эйлия! — крикнул Дамион. — Камень!

Эйлия полезла в карман и вытащила Камень Звезд, сияющий, как кусочек солнца, и тоже изменила облик. Перед зрителями она предстала в образе единорога белее облака, изящного, как газель, с рогом, блестящим, как ледяная спираль, — аликорн с Тарнавина, жемчужные винтовые рога которых растут на живом самоцвете, вроде драконтия лоананов. Но у основания спирали этого рога сиял белесый свет: там лучился Камень Звезд. Он стал частью ее тела.

— Как она красива! — ахнула Лорелин.

Но единорог не поднял рога, не бросился в атаку. Эйлия повернулась и побежала в лес, легко скользя между тесно растущими стволами. Дракон расправил крылья и взлетел над лесом, преследуя ее.

— За ними, — спокойно сказал Дамион и тоже побежал в лес. Лорелин и Йомар, оправившись от недолгого остолбенения, последовали за ним.

Через довольно долгое время деревья стали редеть, и перед бегущими появился белый песчаный берег. Единорог добежал до берега моря и повернулся — еще сильнее заиграл самоцвет в основании рога. Конечно, сейчас Эйлия бросится в бой — или

враг в страхе отступит перед Камнем, как уже было однажды.

Но дракон с ревом бросился на нее с неба. Эйлия повернулась и прыгнула в воду. В полете облик единорога задрожал и сменился образом дельфина, который нырнул изящной дугой в воду, подняв фонтан брызг. Дракон подобрал крылья и нырнул следом.

Эйлия мчалась мимо удивительных зарослей и башенок барьерного рифа, выплыла в чистые глубокие воды. Нырнув в большой пролом в стене коралла, она ждала, затаив дыхание, пока лоанан проплывет мимо. В этом виде она могла полчаса прожить без воздуха, но потом должна была бы всплыть на поверхность.

Мимо нее пестрыми косяками проплывали рыбы. Рыба-саргон с изогнутыми рогами на голове, придающими ей царственный вид, прошла на палец от ее головы. Морской кабан пробирался среди водорослей, как его сухопутный тезка по земле, бочкообразное тело покрывала чешуя, а хвост колыхался, как у рыбы, но под телом было четыре коротких ноги с когтями, и впереди торчало рыло, как у вепря. Выше узкие и длинные черно-белые герахавы выскакивали стрелой из коралловых пещер, резко ударяя крыльями, они действительно летали под водой: чудесные птицы, всплывающие к поверхности только вдохнуть, и не выходящие на берег даже для кладки яиц.

Эйлия ждала, озабоченно глядя на все эти диковинные создания, но знала, что они не испугаются вернувшегося дракона и не предупредят ее. Она долго ждала в напряжении, боясь увидеть над собой в проломе голову дракона. Но он не вернулся — только пара арайнийских дельфинов выплыла из глубины и закружилась вокруг Эйлии, с неприкрытым любопытством разглядывая чужака в своем подводном царстве. Наконец легкие стало жечь, и надо было всплыть и вдохнуть.

Дамион стоял у края воды, ожидая, пока вернутся оба противника. Лорелин и Йомар держались чуть позади.

— Если это Дамион — если он в самом деле вернулся, — почему он ей не поможет? — спросил Йомар.

— Не знаю! Дерись, Эйлия, дерись! Почему она не вступает в бой? — не могла понять Лорелин.

— Может, она в глубине души по-прежнему не хочет?

— Но она должна!

При этих словах дельфин вылетел из воды фонтаном пены, высоко в воздух. Посреди прыжка он снова переменился и стал лебедем, взмыл к небу на белых крыльях, вытянув грациозную шею копьем. Вслед за ним выскочил из воды дракон и погнался за

птицей, вытягивая когти.

— Эйлия, осторожно! — крикнула Лорелин.

Поздно. Когти дракона сомкнулись на теле птицы, он захлопал крыльями, торжествующе заревел и повернул к берегу. Друзья с ужасом смотрели на смятую груду перьев на песке под когтями Мандрагора…

— Нет, — выдохнула Лорелин. — Нет…

Вспышка — и вдруг красный дракон оказался на спине другого лоанана. Его чешуя горела перламутром, крылья — как белые паруса, глаза синие, как океан, и драконтий пылал светом Камня. Затрубив, дракон поднялся, сбросив с себя врага, и развернулся лицом к эфирному лоанану.

Люди смотрели, ошеломленные, как белый дракон расправил крылья и взмыл в воздух.

— Она великолепна! — воскликнула Лорелин. — Но на этот раз она действительно изменилась. Она больше не Эйлия!

Но в то же время она подумала: «И все-таки это она. В ней всегда было больше, чем можно было заметить. А насколько больше, теперь стало видно».

Завертелись, смешавшись, небо и земля, когда закрутились, сцепившись в битве, Эйлия и Мандрагор. Потом Эйлия сумела вырваться и поняла, что летит к земле в стремительном штопоре. Горизонт кренился и переворачивался, а она пыталась вернуть себе управление полетом. Роща бросилась ей навстречу, Эйлия едва сумела от нее уклониться. Где Мандрагор? Она чуть покосилась влево, радуясь, что развитое периферийное зрение дракона позволяет следить за преследователем, не поворачивая головы полностью. Но его не было видно… и вдруг он ударил ее — сверху, вцепившись когтями и сжимая на шее тиски челюстей. Он прокусил ей горло, и белый дракон ударил ногами, разрывая ему подбрюшье скорее инстинктивно, чем намеренно. Красный дракон взревел и отпустил ее. Она посмотрела в его пылающие глаза, ощутила странную смесь страха, ярости и боли. Это был Мандрагор, но был и еще кто-то в этих глазах: кто-то более древний, более сильный, но недоступный ужасу и гневу, которые терзали человеческую душу дракона. Этот другой был далеко вне подобных вещей. Он был холоден, бесстрастен, и вело его лишь чувство какой-то целесообразности, которое она не могла даже начать постигать. Была ли это первобытная сущность, наследство рептилии, все еще живущей в разуме человека, резко усиленная превращением в дракона? Или это было что-то другое — древнее стремление, древнее всех миров? Та Сила, что все еще правит из своей тюрьмы в глубинах черной звезды? Вдруг щели драконьих зрачков показались Эйлии щелями в бездну, во внутреннюю тьму.

И она отшатнулась от нее. Ее противник — Мандрагор, или то, что сейчас им владело, — воспользовался минутой растерянности, чтобы нанести удар, распарывая ей бок когтями. Тут же он повернулся и полетел к вершинам Хиелантии, к густой завесе облаков. После секундного замешательства она полетела за ним. Он не должен оставаться в этом мире на свободе.

Она бросилась за ним в белую пелену, сгустившуюся до жемчужно-серой и подсвеченную с той стороны солнцем.

Вдруг перед ней в тумане вырос темный силуэт — башня серого камня. Эйлия резко наклонила крылья, ветер завыл в ушах, конец крыла чиркнул по камню. Тут появились другие высокие отвесные силуэты, слева, справа, спереди — десятки каменных образований поднимались снизу с плато. Эйлия и Мандрагор петляли между ними, как ласточки меж дымовых труб. Охота превратилась в увлекательную игру — в гонку — в догонялки через высокие залы скал, завесы туманов и вокруг колоссальных гранитных монолитов, торчащих сквозь кучевые облака. Потом они вылетели из облаков на простор и солнечный свет, и на северной стороне плато открылись леса и равнины, узкий просвет, обрамленный сперва в свитки белого пара, а потом все расширяющийся по мере выхода из облаков.

И теперь Эйлия не могла не ощутить то, что уже чувствовала раньше, когда приняла драконий облик под влиянием зелья: свирепую дикую радость полета, головокружительную высоту над землей, вой ветра и ощущение его под крылом. Внизу тянулись луга, где паслись стада животных, огромные, как тени плывущих над ними облаков. Мелькнуло озерцо, покрытое белыми лилиями, но они подлетели ближе, и лилии поднялись вихрем перьев — большая стая каладриусов поднялась в воздух, и не от страха, как на Мере, а из любопытства. Сразу же Эйлия с Мандрагором оказались окружены облаком крыльев.

Когда красный дракон оглянулся, черной пустоты в его глазах не было. Они были ярче огня, они вызывали, они жили. Тут она поняла, что он не бежал в страхе, а намеренно увлек ее в эту погоню, чтобы заставить ее ощутить тело дракона, силу и величие, богоподобную свободу, ею даваемую. Он превратился намеренно, подбивая и соблазняя ее тоже стать лоананом.

Они летели над плато, потом увидели внизу в солнечной ряби океан. Друзья Эйлии смотрели с берега, как драконы снова встретились в схватке, переплетясь шеями и хвостами, рвя друг другу горло и бока. Казалось, они повисли в синем своде неба, почти на уровне облаков, потом расцепились и полетели, только на этот раз красный дракон преследовал белого, и они сцепились второй раз, закувыркались по небу. Расцепились они почти у

земли и снова взлетели, но уже не гнались с вытянутыми шеями друг за другом, а летели рядом, крыло в крыло.

— Что они делают? — вскрикнула Лорелин.

Йомар ничего не сказал. Он однажды видел такой полет: не дуэль двух противников, а воздушный танец орла и орлицы, встретившихся в небе над холмами Зимбуры…

Драконы летели выше, и наконец остались только два пятнышка в небе, красное и облачно-белое, на фоне темно-синего купола. Потом исчез красный, будто задутый огонек: он нашел эфирную щель и скрылся в ней, как лиса, уходящая от охотников в нору. Пойдет ли белый дракон за ним?

Белый дракон, поднявшись на много лиг, кружил в небе, дико и бесцельно, будто клочок пергамента, подхваченный вихрем. Потом он прижал крылья к телу и устремился вниз, исчез в синей ширине моря.

Дамион следил за ее погружением в волны. Потом он вздохнул, повернулся к друзьям и наконец обратился к ним:

— Мы едва ее не лишились.

12
Возвращение

Он помнил тепло, золотой свет и хор бесчисленного множества голосов, сливавшихся в песне, но это были, наверное, всего лишь символы — все, что мог его материальный разум потом воспринять из небесной гармонии, которая и есть Эфир. О мученичестве в святилище Валдура он помнил мало, и не помнил ни боли, ни страха. Какое-то время была темнота, потом появился свет, сперва неясный, а потом он стал разгораться, как разгорается пламя. В мягком золотом свечении появилось что-то, вроде бы под ним, как казалось. Это был человек, молодой, светловолосый, одетый в белое и лежащий на каменном ложе, будто во сне. Он смотрел вниз, не понимая, пока не осознал наконец, что видит себя самого — и не мысленный образ: он смотрел на собственное тело, распростертое на алтаре Валдура. «Значит, я мертв?» Но все равно он был скорее удивлен, чем испуган.

Странное свечение разгорелось еще ярче, и он увидел слепого жреца, все еще зажимавшего в руке церемониальный нож, не видя света, обливавшего его фигуру, а послушник у дверей разинул рот в слепом ужасе — его лицо тоже было освящено сиянием. Но Дамион был далек от них, и от своего оставленного тела, и от мира. Потом до него дошло, что источник света слева, в какой-то щели или отверстии в воздухе. И сквозь это отверстие, как через окно, он увидел движущиеся в свете фигуры: по виду человеческие, но прекрасные неземной красотой. Были среди них крылатые, были бескрылые, но все светились, как земля, по которой они ходили, и они делали ему знаки и звали чистыми голосами. *Иди к нам!*

И все же он колебался: хотя его и манило в это безмятежное царство Эфира, но бестелесное сознание, которым он стал, не желало бросать тело — единственное знакомое в этом измененном мире. Он колебался, и в отверстии показалась фигура, выглядывающая между мирами: женщина, золотоволосая, в платье, переливающемся, как освещенный огнем изумруд. Белые руки простерлись к нему.

Я тебя знаю, — подумал он. — *Ты появлялась, в моих мыслях. Ты Элтина… моя мать.*

Да, я та, кто носила тебя и дала тебе твою смертную жизнь, — ответило создание. — *Я снова могу дать тебе жизнь, если ты обратишься ко мне. Времени тебе осталось мало. Твоя*

связь с твоей телесной формой истаивает, и вскоре твой дух отлетит — прочь из этого мира, куда мне не достать, в царство вне материи и Эфира. Но это не обязательно. К жизни, которая у тебя была, уже не вернуться, но ты можешь пребывать в моей плоскости, переведя свою плоть в эфирную форму. Это доступно смертным, родившимся у архонов. И тогда ты сможешь помочь своим любимым, что еще живут в низшей плоскости.

Эйлия, — подумал он.

Значит, ему нет необходимости переходить полностью и исчезать из мира: он все еще может ей помочь в этой своей новой, иной форме.

Да. Пусть такой будет моя судьба. Пусть мой дух останется в Эфире, а тело преобразуется.

Он подумал об этом без страха и сожаления, но понимая, что именно этого он больше всего желал. И то, что было за порталом, звало его.

На его глазах свет из разлома будто сгустился и затвердел, стал мостом между этой плоскостью и следующей, и его безжизненное тело омывало золотое сияние. Снова сознание притянуло к нему, поглотило этим сиянием, а потом он встал в своей новой, квинтэссенциальной форме и покинул алтарь, пролетел в сверкающую брешь, как вылетает на свободу птица в открытое окно. Отверстие за ним закрылось, отсекая мир.

Исчезло мрачное святилище и его служители, исчезла жизнь боли, сомнений и несчастий, которая была участью его и всех смертных. Он вошел в Эфир. Дважды до этого он путешествовал в этой плоскости, но только проходил ее путями драконов, вьющимися через этот сверкающий простор — как туннели мелких землероек в почве. Сейчас он повис внутри субстанции самого Эфира. И королева Элиана тоже была здесь, плыла перед ним и выглядела так, как в далеком прошлом: тонкая и моложавая, вопреки серебристо-седым волосам.

Ваше величество! — поклонился он.

Она рассмеялась.

Здесь нет титулов. Все мы здесь архоны. Да, я тоже из элов — раньше я не могла тебе сказать, но сейчас ты — один из нас, и от тебя тайн не будет. — Вдруг ему показалось, что она погрустнела. *— Я знаю, что для тебя попасть сюда — потеря, дитя Элтины. Я постараюсь помочь тебе и утешить, чем смогу.*

Потом Ана с Элтиной показали ему его прошлое — сцены жизни в обеих плоскостях, как они их видели. Некоторые он забыл, о других вообще никогда не помнил. Ему показали человека в рыцарских доспехах, бритого, с каштановыми волосами и глазами пронзительной голубизны.

Твой отец, — сказала ему Элтина, и тоска слышалась в ее мысленном голосе. — *Артон Раймарский, рыцарь ордена паладинов.*

И его тоже потянуло к этому образу.

Он тоже здесь в Эфире?

Нет. — В голосе Элтины слышалась скорбь. — *Он там, куда нет хода элам, где вечно обитают духи смертных, далеко за пределами материи и Эфира. Я разлучена с ним навеки.*

Значит, и я тоже.

Эта мысль наполнила его горем.

Мать поспешила его утешить:

Не жалей о своем выборе, сын мой! Это был лучший выбор, и он принесет добро тебе и другим, и я теперь не потеряю тебя, как потеряла его, на веки веков.

Она показала ему еще и многое другое: жизнь других существ, и далекие миры, некоторые были даже похожи на Меру и Арайнию, другие — причудливы, как сны. Сейчас, когда он перенесся в эфирную форму, он был свободен находиться в этой плоскости, где хочет, проходить сквозь бестелесные миры и области, которые элы создали для себя, как острова в мире квинтэссенции. И он мог посылать свой образ в материальные миры — пока был невидим. А время из его господина стало его слугой, и он мог перемещаться по нему вперед и назад по своему желанию.

Наконец он набрел на какой-то мир, не зная, где и когда в Талмиреннии этот мир находится. Здесь было золотистое небо и большое золотое оранжевое солнце, и земли, над которыми он летел в сухом воздухе — пустыня с пересохшими руслами и нескончаемыми волнами рябых дюн. Торчали ровными рядами выветренные каменные шпили, как башни городов, из крутых стен выступали каменные арки, напоминающие взлетевшие бастионы, но это была работа природы и времени. Обожженные солнцем камни были источены в кружево и казались просто окаменевшей пеной.

Плывя под руководством обретенного чувства направления, он долетел до строения, созданного не природой — эфирного портала. Два огромных каменных херувима лежали лицами друг к другу, а между их расставленными передними лапами был открыт портал, будто им недавно воспользовались, хотя ни один смертный глаз этого бы не заметил. От обозначенных херувимами ворот шла дорога, ведущая к развалинам реального города, а там в свете утра величественно поднимались башни, арки и пирамиды такого размера, какого никогда не создавали руки

человека. Основания этих строений наполовину занесло песком, и построены они были из одного и того же камня песчаного цвета. Самым большим зданием был зал без крыши с дверным проемом, обрамленным шестью каменными колоннами, по три с каждой стороны, и сквозь эту дверь могла бы пройти армия. По обе стороны дороги, ведущей к этой двери, стояли статуи на широких постаментах — некоторые частично искрошились, но большинство выглядело так, будто их только что изваяли. В его родном мире на Мере эти статуи сочли бы мифическими символами, но здесь они изображали реальных зверей и существ: крылатые львы и быки, херувимы, ламассусы и шедусы, сфинксы с телами львов и головами мужчин, женщин, соколов или агнцев. Он спустился пониже, полетел между ними, вдоль длинного пролета, который они образовали, в сторону зала. В дрожащем знойном воздухе огромные колонны у входа будто танцевали, шатались и раскачивались. Быть может, все сооружение было миражом, и сейчас развеется… но он подлетал ближе, а колонны оставались на месте, переставали колебаться и застывали.

Не успев долететь до двери, он услышал за собой звук, обернулся к далекой фигуре, спешащем к нему сквозь колебания нагретого воздуха. Будто ожил один из каменных истуканов: с телом льва и головой барана, темно-желтый, как песок, по которому он бежал. Время от времени зверь фыркал и встряхивал витыми рогами, а мягкие лапы взметали облака песчаной пыли. На спине зверя сидел всадник; его лицо закрывала от пыли повязка. Он пришпоривал своего странного скакуна, направляя его к порталу, но вдруг повернулся и направился к Дамиону, будто увидел незримую проекцию архона. Дамион не двинулся с места, с любопытством глядя, как человек на звере подъехал к нему на несколько шагов и остановился. Всадник спешился и снял с головы повязку.

— Древний! — произнес он. — Я ощутил твое присутствие, я знаю, что ты здесь. Будешь ли ты говорить со мной?

В седых волосах и бороде этого человека еще был виден исходный рыжевато-золотистый цвет — основной несколько десятков лет тому назад. Но, несмотря на седые волосы, это не мог быть простой смертный, иначе бы он не почувствовал присутствия Дамиона. Наверное, волшебник-немерей. Лицо его было суровым и гордым, с орлиным носом и четкими скулами, а морщины вокруг глаз и рта придавали ему вид печальный и задумчивый. Глаза серо-голубые, чистые и незатуманенные, и смотрели они точно в нематериальные глаза Дамиона.

— Я тот, кого на планете Мера звали Андарионом, — продолжал этот человек. — Я смертный, но во мне есть кровь

архонов. Мы одной крови, ты и я.

Удивление Дамиона возросло. Это был сам Браннар Андарион, король Маурайнии в Золотом Веке. Но как это может быть?

— Меня зовут Дамион, о король, — ответил он, принимая видимый образ. — Я думал, что тебя давно нет на свете. Или же я попал в далекое прошлое, когда ты все еще правил в том мире? Я далеко странствовал во времени, но никогда раньше никто меня там не мог увидеть.

— Даже архоны не могут войти в прошлое по-настоящему, они лишь наблюдают его, — ответил король. — Ты в настоящем, и волна времени движется по-прежнему.

У него был усталый вид, он прислонился к ближайшему пьедесталу и отряхнул одежду от песка. Скакун его с шумным выдохом лег на песок, подняв рогатую голову и вытянув лапы, и стал похож на каменное изваяние.

— Что это за зверь? — спросил Дамион.

— Разве ты не знаешь? — спросил удивленно собеседник. — Ты же из элайев!

— Я наполовину смертен, как и ты, — объяснил Дамион. — Точнее, был. Прежняя жизнь была у меня отнята, и я стал элом. Но мне еще очень многое предстоит узнать.

— Понимаю. Этот зверь — криосфинкс, — ответил Браннар Андарион. — Некоторые из созданий древних живут здесь, где когда-то волшебством создали их предки. Мир этот называется Мелдриан, Господин Тронов: одно из старейших поселений предков архонов. Здесь был сотворен Камень Звезд и многие другие чудеса. Здесь был трон силы Атариэля — солнце, пылающее над нами, и есть его звезда, — и он стал столицей Империи архонов после падения Модриана. Что до меня, я не умер, но перешел в Эфир пятьсот лет назад, чтобы пребывать среди архонов, моих кровных родичей. Я устал от мира людей, от войн, страданий и горя. — Гримаса перекосила морщинистое лицо, будто на миг ожила старая боль. — В этой плоскости время не может меня коснуться, но задолго до того я стал посещать другие миры царства смертных. Я человек, и никогда не желал быть никем другим. В конце концов я решил покинуть Эфир насовсем и прожить остаток своей смертной жизни на этой плоскости. Я выбрал себе жену из элеев на далекой планете, и здесь будет мой дом, пока я не умру и не прейду в Высокое Небо. Но иногда мне все же хочется пострансствовать. — Он на секунду остановил глаза на Дамионе. — Забавно, что мы оба оказались здесь одновременно. Такая встреча не случайна, нас послали, я думаю, навстречу друг другу.

— С какой целью? — спросил Дамион.

— Это со временем станет ясно. Пойдем посмотрим Мелдраум, где сидел во славе своей Атариэль — образец для всех земных монархов.

Аурон направился к гигантским колоннам входа.

— *Мелдра ум* — тронный зал, — перевел Дамион, входя вслед за королем, беззвучно и без тени. Странно было видеть старое королевство Атариэля — архона, в честь которого он получил имя.

Мелдраум был длиной примерно в милю. Крыша его не провалилась внутрь, потому что ее никогда не было, зал был изначально открыт небу. Тут и там стены соединялись арочными мостами. С этих стен на пришельцев смотрели огромные портреты.

— Работа элайев, — сказал король. — Они сперва не принимали телесной формы в этом мире, просто ради своего удовольствия делали изображения.

— Но как они могли делать изображения, не имея тел, не имея рук, чтобы держать инструменты? — спросил Дамион.

Андарион улыбнулся:

— Способом наиболее простым. Живые существа этой планеты не все созданы древними, некоторые жили здесь задолго до них: вот это создание, вырезанное на стене, чешуйчатый зверь со змеиными шеей и хвостом и длинными когтистыми лапами — его называли сирруш. Он здесь жил, когда мир этот был зеленым и влажным, полным растительности. Вот еще одно древнее создание этого мира, называемое шамир: маленький червь, живущий в сплошном камне. Заметил ты, какие здесь любопытные скалы? Червь проедает их насквозь, оставляя отверстия и туннели. Бестелесные архоны задумались над этими двумя ничтожными созданиями, и использовали их как скульптор — резцы. Они приказывали червям выедать камень и создавали из него скульптуры различной формы. Эти могуче стены задуманы архонами, но сделаны червями шамирами.

Дамион восхищенно оглядел детали фигур, созданных не рукой и не резцом. Много было здесь серафимов и херувимов в различных настороженных позах — они стояли, лежали, сидели на задних лапах. Два из них, вырезанные барельефом на стене, изображены были охраняющими стилизованное дерево с остроконечными листьями и круглыми плодами.

— Древо жизни, — сказал Андарион, перехватив его взгляд. — Так его называли древние, потому что создали плод, который обновлял их материальную плоть и ихор, а также вызывал их дух в Эфир, откуда они пришли. На их полусмертных

потомков он действует так же: мы переходим в Эфирную плоскость, когда его съедаем, освобожденные от пут пространства и времени, и тогда видим то, что было и что еще может быть. Архоны охраняли эти деревья, чтобы смертные не ели плодов: у тех, в ком нет крови архонов, они вызывают вечный сон. Когда древние покинули эту плоскость, сторожить дерево они поручили херувимам. Но в наши дни пища богов потеряла свою силу, и смертные могут есть ее без вреда.

Он провел рукой по древней резьбе.

— Тело льва и крылья орла: это действительно были живые символы, создания Земли и Неба. Облик серафимов тоже символичен: он означает жизнь, проживаемую между двумя мирами. Элайи выражали свою тягу к материи и Эфиру, создавая такие изображения, хотя, одеваясь в плоть, они выбирали простой человеческий облик. Но их надменные родичи, элиры, предпочитали облик серафимов: они получали руки человека, но одновременно и свободу воздуха.

Они направились дальше и дошли до конца зала. Здесь стоял величественный помост, а на нем на высоком пьедестале со ступенями — трон из резного камня. Подлокотниками трона служили херувимы с львиными головами, крылья у них были отведены назад. Король показал на большую статую, сидящую на троне. Она была в короне, скульптурные крылья расправлены, затеняя трон.

— Это трон Атариэля, давно оставленный, и только изображение его восседает здесь.

Стена за троном была изрезана изображениями, и среди них были выгравированы слова.

— Эти буквы мне незнакомы, — сказал Дамион, всматриваясь. — Я не могу их прочесть.

— Я могу, — ответил Андарион, — потому что я узнал эти старые руны от самих архонов — их давно утраченный письменный язык. Это слова говорят о древней войне между мирами, и о битве, которая еще предстоит. Предводитель архонов знал, что не одержал окончательную победу, что зло Модриана живет в мире и принесет еще горе в мир смертных. Это он и запечатлел в словах, а для тех, кто не может прочесть, есть изображения.

Он показал на резьбу, и Дамион сразу узнал двоих: женщину в короне из звезд и дракона, который ей угрожал.

«Эйлия и Мандрагор», — подумал он.

Как будто его ударили. Безмятежность Эфира тут же оставила его, вместо нее подступило отчаяние.

— Эйлия! Я столько забыл здесь, в Эфире! Мои друзья, мой

мир… Ты говоришь, это не прошлое, а настоящее, что мы движемся на гребне времени? Значит, скоро последняя война.

— Она уже началась, — ответил Андарион. — Ни один мир не безопасен, даже моя небесная родина далеко отсюда. Я пришел сюда за помощью или советом, в этот давний дом властелинов звезд…

— И Эйлия сейчас сражается — и она в опасности. И я не могу ей помочь.

Его наполнили угрызения совести при мысли о ней, о Йомаре и Лорелин, обо всех, считающих его мертвым.

— Можешь. Когда мы умираем, нас призывают быть одним или другим — тех, кто потомок и людей, и архонов. Ты выбрал не перейти, но твоя единственная возможность — стать архоном, и это значит, что ты подчиняешься Договору, который запрещает тебе входить в плоскость смертных. Но если ты нужен своим друзьям-людям, они могут воззвать к тебе — если они точно знают, кем ты стал. Может быть, они уже воззвали, но ты не слышал, находясь вне времени. Но если не призвали тебя они, то я призываю тебя, архон, и всех твоих родичей, кто слышит. Мы сражаемся с одним из ваших, с Валдуром, который был Модрианом. Поможете ли вы нам?

— Я помогу. С теми силами, что сейчас мне подчиняются, я могу вам помочь. Вот почему я умер — чтобы стать сильнее, чем раньше! Я тогда не понял до конца, понимаю сейчас. — Он отвернулся от резных изображений, посмотрел на Андариона. — Я должен вернуться к Эйлии.

* * *

— Значит, — сказала Лорелин, — ты вернулся через Эфир сюда, на Арайнию. Но ты не мог снова стать человеком, пока кто-то из нас тебя не позвал.

Они сидели на камне у берега, и двое смертных изумленно таращились на Дамиона. Он ответил тихо, взяв Лорелин за руку:

— Лорелин, я действительно вернулся. Но мне не место здесь. Раз я сюда попал, я сделаю все, чтобы вам помочь. Но я архон, и должен быть в Эфире. Ты должна это знать, потому что ты там тоже жила когда-то. Мы знали друг друга еще до жизни на Мере.

Лорелин всмотрелась в него, потом ахнула, схватилась за голову и вскочила.

— Что такое? — крикнул Йомар. — В чем дело?

Он подскочил к ней и поддержал ее, как было на острове

изгнанных.

— Эфир, — шепнула она. — Я помню. Да, я вспомнила все. — У нее кружилась голова от видения света, мелькающих теней, лиц и голосов. Она выпрямилась, посмотрела на Дамиона. — Мы там были вместе — ты и я. И Эйлия. И до того, я помню… меня обнимают чьи-то руки, поет ласковый голос. Моя мать. И помню, как отец уводит меня, рассказывает, как она погибла, говорит, что теперь я в безопасности. Но я не хотела там оставаться, я хотела вернуться… Дамион! Наконец-то я знаю! Знаю, кто я, какова моя Цель. Я все время знала — я просто забыла!

Ее переполняла радость, последние слова прозвучали с торжеством.

Но Йомар отступил на шаг, переводя взгляд с Дамиона на Лорелин и обратно. Эмоции схлестнулись в нем, как волны в шторм, сталкиваясь друг с другом. Надежда, которой он не смел до конца верить — что Дамион действительно вернулся живым, и вновь вспыхнувшее беспокойство за Эйлию, и теперь еще и это. Когда он заговорил, голос его скорее умолял, чем спрашивал:

— Лори, ты о чем? Не понимаю. Это действительно Дамион? Как он мог воскреснуть?

— Да, это он, это не иллюзия. — Лорелин засмеялась от радости. — Я так хотела верить Эйлии, Дамион, что ты еще вернешься к нам.

Йомар поглядел на нее, разинув рот, потом неуверенно подошел к Дамиону.

— Дамион! Все равно не могу поверить — это ты?

Он протянул руку, взял друга за плечо — твердое, теплое.

Дамион взял Йомара за руки, заглянул в глаза:

— Да, Йо. Это я. Я вернулся.

От твердого пожатия этих рук на Йомара накатило облегчение, а при звуке его голоса — такого же, как у обманщика-Мандрагора, но звучащего совсем по-другому, надежно и знакомо, — он успокоился. Дело было не только в знакомом лице или голосе, а в сущности, которая была за ними. Тут не ошибешься. И все же у Йомара было полно вопросов.

— Но как? Как? Мы думали, ты убит.

— Я наполовину архон. Раньше я этого не знал. Архона нельзя убить — полностью. Можно было уничтожить мою смертную половину, но не бессмертную.

— Да, — тихо сказала Лорелин.

Йомар повернулся к ней, потом спросил:

— Дамион, так ты знаешь, что будет дальше?

Дамион покачал головой:

— Архоны не повелевают будущим. Они только его

предсказывают.

— А это не одно и то же?

— Нет. Представь себе путников, которые дошли до гряды холмов, закрывающих лежащую впереди местность. Те, кто живут на вершинах холмов, говорят путникам, что впереди трудная гористая местность — им видно с холмов. Должны ли путешественники сердиться на горцев? Они же только видят землю с высоты, не они сделали ее такой. И мы тоже не формируем будущее. Мы видим вперед лучше смертных. Но путь, которым воспользуются они через эту суровую землю, они выберут сами. Нет единственной определенной дороги. Архоны только предвидели роль, которую я могу сыграть, создавая будущие события. Они знали, что Эйлии нужны защитники. Вот почему нам с тобой разрешено было вернуться.

— Вернуться? — Йомар все еще не понимал. Облегчение сменилось нарастающим шквалом мыслей. — Лори, что он говорит?

Лорелин посмотрела на него. Человек, никогда не дрогнувший ни перед какой опасностью, чья сила тела и духа пронесли его сквозь испытания, погубившие многих других. Но сейчас он казался почти ребенком: в темных глазах читалась тревога, обычная небрежная уверенность его покинула. Лорелин ощутила прилив нежности и любви.

— Йо, он хочет сказать, что я тоже наполовину архон.

И снова Йомар посмотрел на них по очереди, потом отвернулся.

— В чем дело, Йо? — спросил Дамион.

— Вы не люди. Ни ты, ни она, — ответил он, не оборачиваясь.

— Почему ты так говоришь?

— Вы не те, кем кажетесь, и не были никогда. А теперь, Дамион, ты изменился полностью. Превратился во что-то — *другое*.

— Йо, кем бы ни был я теперь, родился я человеком. И Лорелин тоже. И я на самом деле не изменился — настолько.

— Так это — форма, которую ты сейчас принял? А как ты выглядишь по-настоящему? — зло спросил Йомар.

— А как ты выглядишь по-настоящему, Йо? — улыбнулся Дамион.

— Не понимаю.

— То, что ты видишь в зеркале — кожа, волосы, глаза, — это ты и есть? Или в тебе есть еще что-то?

— Кажется, — пожал плечами Йомар, — ты опять о душе, как в те времена, когда был священником.

— Именно. Мы — две души, два духа, каждый представлен в

материальной форме. Но мы больше, чем эта форма. То, что ты сейчас видишь, никогда не было более чем частью меня, не было целиком мною. То же верно и про тебя. И все же элы завидуют смертным. Ходить свободно в материальной плоскости, подобрать рукой камешек, владеть собственной реальностью, знать опасности! Ты говоришь, материя правит вами, но это значит, что она и принадлежит вам, вы владеете ею так, как ни один архон не может. Они подчиняются Договору, который запрещает им вмешиваться. Я теперь тоже связан этим запретом. Вот почему я не мог добраться до вас и объяснить, что случилось. Надо было, чтобы вы пришли ко мне. Я имел право посылать вам сны, но не больше.

— Да, Эйлии ты много снился. Но она же звала тебя раньше, в Зимбуре. И ты не пришел, — упрекнул его Йомар.

— Мне не было дозволено. Она все еще думала, что призывает смертного. Чтобы на зов можно было откликнуться, зовущий должен знать, что призывает эла. — Дамион пошел обратно к берегу. — Но мы должны уйти отсюда. Император удалился на Мирамар и послал лоананов своей гвардии привезти к нему Эйлию. Смотри, вот Аурон идет за вами.

Золотой дракон плыл над белыми песками.

— А ты не можешь просто… ну, отрастить крылья и полететь туда сам? — спросил Йомар наполовину серьезно.

Дамион покачал головой:

— Не здесь. Мои возможности в этой плоскости ограничены Договором. Ана не могла сама попасть в Тринисию, и Эларайнии пришлось строить летучий корабль, чтобы добраться до Меры. Я пойду найду Эйлию и приведу ее.

Дамион проводил глазами Йомара и Лорелин, неохотно бредущих к дракону, потом пошел вдоль берега. Он понимал смятение их ума, потому что сам еще не вполне постиг свой переход. После чистой гармонии Эфира мир ощущений ошеломлял: рев звуков, ослепительный свет, лишь медленно превращавшийся в цвета и формы, лишенные смысла. Постоянное общение с другими архонами исчезло, его отрезало, он был один, сам себе вселенная, одинокий и испуганный. Вскоре, он знал, даже символическая память об Эфире исчезнет, отступит под натиском материальной плоскости.

Но свою задачу он будет помнить. «Эйлия», — снова подумал он. И почувствовал боль — ногти впились в ладони. Боль, ногти, ладони — слова начали возвращаться к нему. «Человек, — подумал он. — Вот что я такое: человек». Он все еще иногда пошатывался, как новорожденный жеребенок, и ноги его не

совсем слушались. Свой первый переход много лет тому назад он не помнил, младенческий разум слишком слаб и неискушен, чтобы запечатлеть странность, непонимание, страшное одиночество воплощения.

Он заставил себя вернуться к поискам Эйлии.

Наконец он ее нашел — в миле дальше по берегу. Она лежала там, где вышла из волн, распростершись навзничь на песке, и босые ноги еще омывало тихой игрой пены. Дамион постоял, глядя на нее. Вдруг он вспомнил картину, которая в детстве висела у него над кроватью — рыцарь спасает деву от дракона. Он подумал, не значит ли это, что он всегда знал свое предназначение: спасти Эйлию от Морлина. Наконец она зашевелилась и открыла глаза.

— Это был сон? — спросила она вслух.

— Это была явь, Эйлия. Я здесь.

Она вскрикнула, он присел рядом с ней, заключил ее в объятия, тихо укачивая, как ребенка.

Исполненный ужаса и восторга полет и погоня, возвращение Дамиона — все это действительно было.

Эйлия смотрела на него, в его глаза, синие, как арайнийское море, сверкающее таким же отраженным сиянием… или эти радужки светятся своим внутренним огнем, как зачарованный сапфир? Ее мысли потекли навстречу его мыслям, и она узнала его. Это был он, ее возлюбленный Дамион наконец вернулся. А другой — ее враг — покинул этот мир.

— О, Дамион, ты пришел ко мне! Ты услышал мой зов!

Она обняла его, прижала крепко, а он гладил ее волосы.

Долго они отдыхали друг у друга в объятиях. Наконец она отодвинулась — еще раз на него посмотреть.

— Я тебя видела в Эфире, но ты был крылатый, как серафим!

— Я много там перепробовал обличий. Но здесь я буду среди смертных, а для этого старая форма лучше всего.

Он улыбнулся своей знакомой, бесконечно дорогой улыбкой, но она ощутила в ней печаль.

— Дамион, ты рад, что вернулся? — спросила она, глядя ему в глаза.

— Я рад, что опять с тобой. — Он снова обнял ее и помог ей встать. — Тебе сейчас ничего не грозит, и Арайнии тоже — пока что. Но война только началась, и ты должна отдохнуть перед тем, как мы все соберемся и решим, что делать дальше. Посмотри, вот херувим прилетел отнести нас домой. Надо возвращаться в город.

В Мирамаре звонили все колокола, развевались знамена, люди выбегали на улицы, живые водовороты красок и шума под

летящей вереницей драконов и херувимов, стремящейся к дворцу. Людей переполняла радость: отход Эйлии на юг избавил город от налетов врага, и арайнийская армия вернулась с Меры с победой. Мандрагор сбежал из этой звездной системы, а без его руководства ушли и его приспешники. А сейчас, к благоговению и восторгу арайнийцев, прибыл небесный император, и его адамантиновый дворец спустился с облаков на землю. Его хрустальные башни возвышаются над широкими полями к северу от города, сверкая в свете гаснущих звезд и арки небес: здесь день пока еще не наступил.

Толпа, ожидавшая Трину Лиа в большом центральном дворе, была поменьше, но столь же радостная. Король выбежал вперед и обнял Эйлию, как только она сошла с шеи Фалаара. Увидев его обрадованное лицо, она ощутила укол в сердце: ей предстояло рассказать ему всю правду о его исчезнувшей жене. Но сейчас она только слушала его.

— Враг отходит! Он больше не посмеет выступить против тебя. И наши силы одержали победу на Мере! И еще случилось одно потрясающее событие, — говорил Тирон.

— Да, император здесь. Я видела с воздуха его дворец.

— Он привез с собой Трон Дракона. И подарок от народа саламандр с Аркуриона: целая гора шерсти и чешуи. Они сейчас у немереев, которые делают доспехи для наших солдат.

— Значит, Лорелин добилась успеха! Она мне рассказывала, что они с Ауроном пытались уговорить саламандр.

— Да. Я только надеюсь, что немереи смогут убрать запах: эти материалы воняют на все миры, как тухлые яйца. Но сейчас тебе надо отдохнуть и набраться сил.

Эйлия, однако, отдыхать не стала, а в сопровождении Аурона направилась прямо к хрустальному дворцу — повидаться с Орбионом. Очень странно было видеть знакомые стеклянные стены и башни посреди когда-то пустого поля за городом. Когда Эйлия подходила к дворцу, она заметила слева белое мерцание и, обернувшись, увидела тарнавина посреди деревьев периндеуса. Тарнавин сопровождал ее издали, подняв голову на красиво изогнутой шее. На белом боку темнели шрамы.

— Он сбежал из своего мира, — сказал Аурон. — валеи за ними охотятся, как за дикими зверями, — они ненавидят тарнавинов. Но у единорогов есть свои порталы и пути через Среднее Небо. Этот прибыл сюда выразить тебе почтение.

Теперь Эйлия вспомнила, что говорят о тарнавинах: они являются правителям в начале царствования как знак одобрения и благоволения Небес. И это создание тоже хочет, чтобы она заняла Трон Дракона?

Войдя в занавешенный облаками дворец, Эйлия увидела Орбиона в его истинном виде, большого белого дракона. Украшенная снежно-белой гривой голова лежала на передних лапах, а сам дракон обернулся вокруг Трона. Эйлия взошла на помост, в круг, образованный телами огромных имперских драконов — просторный живой храм с кровлей из распростертых крыльев и колоннами когтистых сильных лап. Здесь был и монарх херувимов Гириан, низко склонивший голову и крылья. Золотая корона лежала у него между передних лап.

Аурон сопроводил ее на помост. Когда они подошли, старый эфирный дракон поднял веки, и голубые глаза оказались запавшими и тусклыми. Небесному императору трудно было поднять голову.

— А, ты пришла! Я уже боялся, что перейду в Эфир, не увидев тебя, — сказал он, и голос его был похож на шелест песка, пересыпаемого ветром.

Эйлия опустилась на колени рядом с большой головой, и на глазах у нее выступили слезы.

— Сын Неба, прошу тебя! Продержись еще, если можешь. Ты нам нужен — нужна твоя мудрость и твое знание.

— Лоананы не выбирают время перехода, как не выбирает его никто из смертных. — Тускнеющие глаза смотрели на нее. — Мое время настало. Да, я продлевал жизнь волшебством сколько мог, в надежде, что ты придешь ко мне. До ухода я хотел увидеть, как ты заявишь права на то, что должно принадлежать тебе. Если ты так поступишь, все будет хорошо. Я теперь это знаю: мне многое стало яснее, когда я оказался ближе к Эмпиреям.

Он снова опустил голову, и его аура стала таять.

— Нет, погоди! — крикнула она в панике. — Еще чуть погоди — я столько должна у тебя спросить…

— Сядь на Трон.

Это был едва слышный шепот.

Эйлия повиновалась. Шагнув вперед, она подошла к исполинскому золотому креслу и села, положив руки на драконьи головы подлокотников. Глаза Орбиона закрылись. Долгая дрожь прошла по серебристому телу, и дракон застыл неподвижно. Трудное дыхание его стихло.

— Он ушел, — тихо сказал Аурон. — Мы перенесем его в Эфир.

Драконы подняли головы, взмахнули крыльями — и их горе обрело звук: звенящий крик, подобный колоколу. С ними рыдал и Аурон.

Плещущие крылья пустили ветер по всему хрустальному дворцу, и несколько минут звучал величественный гулкий хор,

пока не затих, оставив в ушах Эйлии пульсирующую тишину. Потом раздался голос Аурона:

— Да здравствует новый правитель, назначенный древними! Да здравствует небесная императрица!

Снова закричали драконы. Эйлия поглядела в сторону двери — там стоял единорог, и рог его взметнулся высоко, как меч в салюте.

Потом она обошла палаты, где лежали раненые воины, и говорила с ними. Целительного дара у Эйлии не было, а все прочие силы она истратила, но самое ее присутствие вдохнуло жизнь во многих раненых. Только при этом она сама очень устала.

Она вышла во дворик больницы, протолкавшись сквозь скопление друзей и родных пациентов. Многие говорили между собой, но то здесь, то там Эйлия замечала очаги молчания. Одна такая ячейка тишины образовалась вокруг девушки, сидящей на скамейке, с поникшей головой, в грязном и рваном платье. Эйлия узнала это лицо под завесой темных волос: это была немерейка, знакомая ей по Мелнемерону. Как же ее зовут…

Катиа.

— Катиа, что случилось? — спросила Эйлия.

Немерейка подняла заплаканное лицо, попыталась встать.

Эйлия удержала ее, положив руку на плечо.

— Принцесса, прости, я тебя не увидела. Он… он…

Она не могла вырваться из кокона собственного горя.

Эйлия села рядом.

— О ком ты?

— Лотар, — шепнула девушка. — Мой Лотар погиб. Его привезли, но он умер уже здесь. Я не могла его спасти, у меня нет дара целителя. — Она стала раскачиваться взад-вперед. — Я ничего не могла сделать! Как я хотела, чтобы ты была здесь, *Тринель*! Ты бы вернула его к жизни, как вернула своего Дамиона.

— Это так рассказывают? — воскликнула Эйлия. — Такой силы у меня нет, Катиа. Ни у кого нет. Дамион наполовину архон, а когда умирают смертные дети древних, они остаются в Эфире, становятся как их бессмертные родичи. Но когда умирают другие смертные — никто не знает, какова их судьба. Они не уходят в Эфир. Говорят, есть другая плоскость, одновременно и Эфир, и материя, называется она Эмпиреи, и там обитают души смертных с Создателем всех вещей.

Темноволосая голова девушки склонилась к закрытым белой тканью коленям, и волна скорби, исходящей от Катии, захлестнула Эйлию, вызвав воспоминания о недавнем горе.

— Ты его любила. — Девушка кивнула, но ничего не сказала, только всхлипнула. — Я не очень хорошо его знала, знала только, что он был славный и храбрый юноша. Мне очень жаль, Катиа.

— Лучше бы я тоже умерла! — шепнула девушка.

— Нет, никогда так не говори. Я знаю, тебе больно, но это не всегда будет так остро, как сейчас. Обещаю.

Но Катиа продолжала плакать, и Эйлия ничем не могла ее утешить, разве что обнять. Страдание девушки, как болезнь, должно пройти своим чередом. Наконец Эйлия поднялась, оставив Катию в кругу утешительниц-подруг, и медленно пошла прочь.

Тирон наблюдал за своей дочерью, и его обуревало беспокойство.

«Она не может отстраниться от чужих страданий, — думал он. — Такие не предназначены для войны. Войны начинают те, кто себе чужих страданий не может даже представить. Что же с ней будет?»

— Ее телесная слабость — не защита против искушения. Тяга к власти у слабых даже выше, — сказал один из лоананов.

— Зато у нее больше будет сочувствия к слабым, — ответил Дамион.

Возвращение священника поразило людей и породило слухи, что Трина Лиа воскресила его в мир живых. Благоговение возросло еще и из-за загадочных явлений, которыми сопровождалось возвращение Эйлии в Мирамар. Снова страну захлестнули слухи о видениях и чудесах. Архоны подошли ближе к хрупкому барьеру, отделявшему их область от царства смертных.

На следующий день была служба в Халмирионской капелле Эларайнии, Королевы Мира, — благодарственный молебен за спасение Меры и Арайнии. Обряды были те же, что и всегда: в хрустальных сосудах в храм принесли и благословили воду, священную стихию богини. Эйлия и сивиллы отпили этой воды, а остаток разбрызгали над головами молящихся символом животворящего дождя с небес. Но сейчас эти ритуалы приобрели новой значение.

Сивиллы ввели в капеллу процессию с Камнем, распевая гимн херувимов:

Приближается Камень,
Воззрите на воинство Небесное,
Несущее Камень в храм.

Вдруг капелла наполнилась светящимися скользящими

фигурами — они летали над головами, светлые одежды и сияющие крылья, рядом с вполне настоящими херувимами, марширующими впереди и сзади процессии. Сами сивиллы были полны изумления, дрожали, когда вносили священный Камень в храм, где его приняла Эйлия. Светлые искры порхали в лучах Камня, как мотыльки у лампы, и воздух был полон жемчужным сиянием и сладкоголосым эфирным пением. Многие потом говорили, что Эйлия и сама излучала свет — это дух проявлял себя из плоти.

А в заключение службы эфирный облик небесной птицы вылетел из Камня и закружил над головами, распевая хором голосов.

— Правда, кажется, что это не настоящее? — выдохнула Джемма.

Приемная семья Эйлии прибыла на Арайнию с возвращающейся армией по приглашению Трины Лиа. Спустившись по трапу с летающего корабля, они были тут же посажены в поданный открытый экипаж и доставлены во дворец. Их поразило приветствие Тирона, и что он поехал с ними в той же карете, этот «король», на котором не было короны, если не считать тончайшей серебряной ленточки надо лбом, и который обращался с ними так почтительно, будто в них, а не в нем, течет королевская кровь. По дороге они глазели на все чудеса, которыми был полон город. С Орбионом прибыли послы множества миров и народов. Помимо волшебного народа, были еще и дриады и сильфы, сатиры и вудвосы, или дикие люди, покрытые волосами, как звери. Меранцы не уставали дивиться на все это: на карликов, или гномов, нечеловечески низкорослых и широкоплечих, на еще более мелких пигмеев, редко вырастающих выше двух футов, которые ездили на козлах и баранах, потому что на лошадях не позволял ездить малый рост.

Чем дальше, тем больше было чудес. На повороте они миновали женщину и не могли отвести от нее глаз: она была ростом с мужчину, кожа у нее была бронзовая, а длинные волосы заплетены рядами косичек с кожаными лентами. Одета она была в золотую броню поверх полотняной туники, и приветствовала их громким возгласом, потрясая деревянным копьем.

— Это малийя, у вас их называют амазонками. Они из мира, где женщины правят и воюют, — пояснил Тирон, улыбаясь при виде их пораженных лиц. — В Талмиреннии есть еще более странные народы — по крайней мере, мне так говорили. Андрогины, например, которые не мужчины и не женщины, циклопы, у которых только один глаз. А есть миры, где создания,

которых вы называете зверями, достигли мощи разума. Они сходятся с людьми и порождают потомство, которое может принимать облик по своей воле. Этих благородных дам вы видите вон там, друг мой, — сказал Тирон Джеймону, глазеющему на черноволосых женщин, одетых в зеленые и золотые наряды, переливавшиеся и обтягивавшие фигуры. — Они кажутся людьми, но это не так. Это наги, и в своей истинной форме они змеи.

Меранцы уж и не знали, верить или нет, но неземная красота наг еще несколько дней мерещилась Джеймону.

И драконы тоже были, и херувимы, и сфинксы, и тэнгу, мантикоры и мирмеколеоны. Такие зрелища были непривычны даже для арайнийцев, а для скромных меранцев это было как сказка вроде тех, что когда-то рассказывала Эйлия. Джемма и Джеймон, их родители, Нелла и Даннор ехали через город как во сне. Рядом с Джеммой таращили жадные глаза двое мальчишек. Наконец карета ввезла их в ворота Халмириона, в его изящные сады и ко дворцу на высоком холме, а там их встретили стражники в блестящих ливреях и ввели в прохладный мраморный зал. Нелла чувствовала себя маленькой и нескладной, и все же важные люди смотрели на нее и ее семью с заметным благоговением — это были защитники принцессы, которые дважды дали ей убежище в нужде.

Они прошли в зал аудиенций, разглядывая изображенные на потолке облака. И в конце зала сидела богиня на хрустальном Троне, со звездами на скипетре, с диадемой на голове и в платье со шлейфом. Длинные волосы спадали вокруг нее, и под звездной синей мантией на ней было белое платье. Нелла сперва не узнала Эйлию, а когда поняла, кто перед ней, тихо ойкнула от изумления. Это она воспитала эту девушку, нянчила ее и заботилась? И заставляла ее работать по дому, и хотела выдать замуж за рыбака? Глядя на сидящую на троне Трину Лиа, Нелла ощутила себя курицей из сказки, которая высидела орла, улетевшего в небо. Мысленно она отказалась от всех прав на эту девушку и лишь смотрела на нее с благоговейным изумлением. И до Джеймона тоже дошла, наконец, истина: *Она не наша, и никогда не была ею.*

Но она посмотрела на них, улыбнулась знакомой улыбкой, и они узнали ее.

Потом Эйлия говорила с ними в комнате приемов, и все смеялись и немножко плакали вместе, а потом Эйлия помрачнела.

— Сейчас надо готовиться к войне, и я хотела бы, чтобы вы остались здесь, в безопасности.

— Но разве война не окончена? — спросил Джеймон. —

Мятежные зимбурийцы разбиты, и мы допущены в этот мир…

— Битва на Мере — это лишь кусочек куда большей войны. Книга Судеб говорит лишь об освобождении вашего мира. А война не окончена, а только начата. Но пусть вас она сейчас не волнует. Отдыхайте и развлекайтесь.

Эйлия проследила, чтобы ее приемных родственников устроили поудобнее, и пошла на военный совет.

Мандрагор, как сообщалось, отступил в свою твердыню на Неморе, его слуги — или хозяева — настаивали, чтобы он летел на Омбар, где безопасно, но он не поддался им. Может быть, начал понимать, какая его там ждет тюрьма и рабство. Но сколько он еще сможет сопротивляться их настойчивым уговорам?

— Сейчас время нанести удар, — говорил Аурон. — Пока в его позиции есть слабости. Потому что если он все-таки полетит на Омбар, то получит полную защиту от архонов зла — может быть, даже от самого Валдура. Этого мы не должны допустить.

— Устроились эти архоны! — буркнула Талира. — Их работа — только смотреть, а вмешиваться, ты говоришь, они себе запретили.

— Но это же самое трудное, — возразила Эйлия. — Что может быть хуже, чем видеть, как бьются и страдают твои любимые, как их побеждают, — и не быть в силах ничего для них сделать? Мне как раз больше всего жаль архонов.

Немереи лихорадочно работали над созданием новой огнеупорной брони, кольчуг из перекрывающихся золотых чешуи, рубашек и штанов из шелковой пряжи, надеваемых под плащи и мантии из шерсти. Забрала шлемов закрывали темными наглазниками, которые сбрасывали саламандры вместе с кожей.

— Не очень хорошо видно, — заметила Лорелин, надев забрало. — Как сквозь дымное стекло. Но я думаю, это нам будет нужно лишь, когда пламя в глаза.

Во все время приготовлений к бою в Мелнемероне Эйлия была как-то странно молчалива, бледна и задумчива. Дамион глядел на нее с тревогой.

— Ты же знаешь, она не любит битв, — сказала Лорелин.

— Я знаю.

Но когда он глядел на Эйлию, молча сидящую на резном троне, безмятежность уходила с его лица — впервые за все время после его возвращения. Он теперь знал ее истинную сущность, знал, что она дух, и все же вздрагивал при мысли, что ей будет нанесен телесный вред. Потому что по своему опыту знал, насколько реально это страдание.

— А я вот дождаться не могу, когда доберемся до

Мандрагора, — заявил Йомар.

Было решено, что войска будут переправлены в мир врага через драконовы врата. Эйлия знала местность вокруг дворца на Неморе, и это помогло при планировании штурма. Армия людей будет наступать по земле, а драконы свяжут боем в воздухе лоананов Мандрагора.

Эйлия старалась не вспоминать любезного, внимательного, изящного Мандрагора, которого она знала на Неморе. Тот человек, говорила она себе, всего лишь иллюзия, фальшь, морок. Истинный Мандрагор — это тот, кто предал паладинов, поддерживал кровавого тирана Халазара, вступил в союз с архонами зла, чтобы уничтожить Талмиреннию. Пусть когда-то он был добродетелен и доблестен, враг превратил его в чудовище и убийцу. Если она по нему вообще горюет, то это по той его погибшей личности.

— У меня нет ненависти к Мандрагору, — сказал Фалаар. — Он хотя бы достойный противник, и не будь эта участь назначена Трине Лиа, я бы сам искал возможности сразить его и тем заслужить великую честь. Но я сделаю, что в моих силах. Я создан для войны, — сказал он, расправляя крылья. — И это я принес звездную драгоценность с Меры.

Йомар с жесткой радостью взвесил в руке железный меч и вернул его Фалаару: сила этого меча не позволила бы взлететь ни одному дракону или небесному кораблю. И этот клинок может уничтожить царя драконов! Йомар почти благодарен был Мандрагору, что тот принял роль Аватара. Долгое время эта ускользающая, незаметная сила смеялась над Йомаром из-за чужих спин и наконец проявилась, приняла форму и облеклась плотью. Теперь в лице Мандрагора ей можно бросить вызов, сразить, убить.

Шли дни — слишком быстро для Эйлии — и пришел час, когда все было готово. Воины натягивали саламандровые доспехи. Драконы на плато Мелнемерона готовились к полету, разминая большие кожистые крылья. Те, на ком сидели всадники, проверяли, чтобы люди крепко держались и не могли упасть. На золотой спине Аурона сидела Эйлия, глядя вверх, в темно-голубое небо, где уходили на безопасных курсах кометы, отведенные небесным воинством. Враги бежали вслед за своим вождем. Похоже, первая битва была выиграна, но впереди ждала еще одна, более серьезная. Уже не отражать набеги врага, но напасть на его оплот.

Кто-то из эфирных драконов взмыл в воздух, расправил крылья, и остальные последовали за ним: белые, синие, золотые,

красные, зеленые крылья раскрывались веерами, надувались ветром и поднимали своих обладателей в воздух. Как было бы прекрасно, если бы можно было просто наслаждаться этим зрелищем! Но у Эйлии сердце билось сильнее при мысли о том, что ждет впереди.

Наконец подошла очередь ее и Аурона. Он расправил крылья, осторожно их согнул, припал к земле, как лев перед прыжком, — и вот уже его подхватил ветер, и остальные драконы оказались не над головой, а вокруг. Эйлия от восторга сразу же забыла свой страх. Никогда она еще не летела среди целой стаи драконов, и ей вспомнились те, что парили давным-давно над вершинами Священной Горы в Тринисии. Вокруг нее были бьющие крылья и извивающиеся тела, и вся стая, обогнув вершину горы, устремилась к вратам Земли и Неба.

После многих столетий мира лоананы летели на войну. Но на сердце избранной ими предводительницы все еще лежали тяжелые сомнения.

Часть вторая
Битва

13
Немора

Сейчас никто, видавший прежние времена, не узнал бы Запретный дворец лоанеев. Почти все драконы покинули его при вести о поражении на Мере и Арайнии, а люди-слуги просто сбежали. Много среди оставшихся лоанеев было тех, кто отведал блаженного цветка из джунглей, чей сладкий аромат приносил блаженство и забытье: когда-то его использовали для лечения больных и облегчения мук рожениц, но теперь, под нависшей тенью поражения, он стал просто дурманом. Драконы — кто умом, кто телом — уходили из крепости, а в нее входили моругеи с Омбара, приглашая своих сородичей из города. Они заняли почти все комнаты побольше. Когда-то тщательно лелеемые ковры перемазали землей, гобелены разорвали, напольные канделябры разбили во время шутливого и не очень размахивания оружием. В прогулочных садиках тщательно культивируемую местную флору и фауну изгнали новые виды, принесенные пришельцами. Из прудов исчезли карпы, пойманные и съеденные, розы превратились в путаницу сломанных колючек, полузадушенные ползучими растениями.

Официальный тронный зал выглядел почти как обычно, если не считать тоненького слоя пыли на мебели. На троне сидел Мандрагор, когтями задумчиво отбивая на подлокотнике стаккато. Он отлично знал, что ряды его придворных постоянно уменьшаются, и подданные один за другим покидают его. Несколько драконов все же остались: он был их Тринолоанан, и защищать его они будут даже ценой самой жизни. Но того страха, что раньше, он уже не внушал. Скоро с небес появятся новые боги, бросающие вызов богу-правителю Лоананмара, и народ уже убегал из города. Мандрагор об этом знал, но почему-то ему было все равно — другие страхи владели им.

В старых легендах говорилось, что могила короля Андариона никогда не была найдена потому, что он не умер, но перешел в царство Эфира восседать рядом со своим бессмертным предком, и еще говорили, что он когда-нибудь вернется на Меру и снова будет править. Мандрагор это отметал как миф и попытку выдать желаемое за действительное, порожденную ужасом и неуверенностью Темных Веков; а теперь пошли слухи, что Андарион вообще жив, что он вернулся. В ответ на тревогу, порожденную этими докладами, рана, нанесенная мечом отца много лет назад, снова выступила на шее Мандрагора

пульсирующим шрамом. Неважно, что оружие было в другой руке: такова была преданность Ингарда Храброго своему сюзерену, что иногда он казался лишь продолжением воли Браннара Андариона, ведая самые сокровенные его желания и действуя согласно с ними.

«И мой отец ничего не сделал, чтобы ему помешать, — думал Мандрагор. — Это честь, а не любовь, остановила его руку, и он был рад, что другой сделал это за него».

Его лицо еще отмечали несколько злых красных рубцов от драконьих когтей Эйлии, оставшиеся от их стычки. Даже превращение в человека не убрало этих ран, потому что ранено было не только тело, но и разум. Но в драконьем облике боль была сильнее, и поскольку другие формы он не мог сохранять так долго, как две врожденные, ему пришлось быть человеком. Этого и хотела Эйлия?

Его размышления прервало чье-то появление — прищуренными глазами глядел на него регент Омбара.

— Долго будет продолжаться это безумие? — спросил Науграа. — Я говорю тебе: враг близится. Ты должен улетать на Омбар.

Пальцы с когтями сомкнулись на подлокотниках.

— Я уже был в вашем мире, — ответил Мандрагор. — У меня нет желания туда возвращаться — сейчас или когда бы то ни было.

— Но ради твоей же безопасности…

— Скажи: то, что ожидает меня на Омбаре, хоть чем-нибудь лучше того, что ждет меня здесь?

— Ты все еще не веришь нам, даже сейчас? Мы стояли между тобой и твоими врагами.

— Из чистого добросердечия, — сухо ответил Мандрагор.

— Естественно, нет — но твое благополучие в наших интересах. Найти другое существо с кровью и архонов, и лоананов вряд ли удалось бы, а создать новое такое — невозможно. Ты уникален, как это и было предначертано.

Мандрагор зарычал:

— Ни к архонам, ни к их манипуляциям я отношения не имею!

— Но мы восстаем против господствующих архонов, — возразил регент. — Как и ты, мы против их планов, касающихся Империи. А наши хозяева давно с ними расстались.

— Они свой вклад внесли в эту кашу. Они правили Зимбурой через своего потомка Гурушу, превращали людей в мерзких гоблинов, лоананов — в огнедраконов, воспитывали их как боевую силу для своих целей…

— Чтобы подорвать Империю архонов! Элмера, которую ты называешь Элианой, и ее союзники, и Эйлия, наследница архонов…

Мандрагор будто не слышал, что его перебили:

— И ты сам сказал, что мое рождения они планировали веками — предвидели пришествие короля и вывели волшебницу-лоанейку Мориану, чтобы Андарион зачал меня, а я стал вашим оружием в будущей войне. Мы — их орудия. Архоны всегда одинаковы.

Фантом Наугры пристально смотрел на него;

— Говори, что хочешь, Мандрагор, но они тебя создали. Без них ты просто не существовал бы.

— Тогда я за все, что пережил, тоже им благодарен, — ответил Мандрагор. — Хватит. Я — твой правитель, и ты должен мне повиноваться. Исчезни! И помни, если мне надоест эта игра, я всегда могу вернуться к собственной жизни — а вы потеряете свое драгоценное оружие!

— Не копайся здесь слишком долго, или новая императрица сможет за тебя эту службу выполнить.

С этими словами регент растаял в воздухе.

Снова оставшись один, Мандрагор встал с трона и начал ходить по залу. В наблюдательном хрустальном шаре он видел приближающиеся ряды врагов. Может быть, архоны правы, и он должен был удирать, пока была возможность. Но на Омбар… он передернулся, вспомнив темноту. Он небрежно упомянул Эйлии об этом мире, но знал, что там царит ужас, и воспоминания о нем были как дурной сон. И все же, Эйлия и ее армии могли бы не решиться следовать за ним туда… так что же делать? Это выбранное им самим убежище уже не могло служить защитой. Трина Лиа не обладала на Неморе той силой, что в своем родном мире, но она усовершенствовалась в чародействе, и у нее под началом много других чародеев. Сдаться? Невозможно сдаться врагам, которые поклялись его уничтожить, которые считают его самой страшной угрозой своей Империи за всю ее историю. Они даже не могут его заключить в тюрьму, заковать в железо — из страха, что валеи его выручат, И некуда скрыться, нет убежища, где его не нашли бы сразу, — кроме как на Омбаре. Как бы часто он ни искал решения, мысли его все время возвращались к миру Валдура, будто вынуждаемые безжалостным роком. Это был бастион — Мандрагор это признавал, — защищенный не только чародеями, но и присущей ему мощью архона. Этот мир защитит его — но для какой цели? Они хотят использовать его, считают его своей законной собственностью, раз они его вызвали к существованию.

От мыслей его отвлек голос, окликнувший его от дверей — это была Синдра. Из людей только она осталась с ним. Черные волосы, сияющие, как масла ведьм, были распущены, спадали на спину, и одета она была в длинное свободное платье темно-алого цвета. На ее губах играла тень улыбки. Эта улыбка и что-то еще, отчего ее выражение было злорадным, вывело его из себя.

— Чего ты хочешь? — резко бросил он.

— Не так: чего хочешь ты? Скажи, и я тебе это дам.

— Сейчас главное, чего я хочу — это остаться одному.

— Но ты никогда не будешь один, Мандрагор, — ответила она. — Да и никогда не был, с самого начала. — Она приблизилась, шурша платьем. — Я это знаю. Я была здесь, когда ты родился — и еще до того.

Он уставился на нее, вытаращив глаза. Она что, дурман-цветка попробовала? Глаза женщины лихорадочно блестели, щеки пылали, и она засмеялась низким грудным смехом.

— Наугра прав. Мы веками терпели тиранию высших архонов, но ничего не могли им сделать. Мы могли лишь вредить их драгоценным созданиям, и для этого мы требовали от наших смертных слуг действовать от нашего имени.

— Синдра…

— Я не Синдра. Я Элнемора.

Элнемора. Имя древней богини Неморы, богини вулканического огня, что обитает в пылающем сердце мира. Мандрагор попятился. Она безумна? Пьяна? Одержима?

— Я — архон этого мира, который давным-давно восстал против своего рода. Меня изгнали, запретили являться во плоти — доныне. И вот я нашла сосуд, желающий меня принять. А Эйлия — она всего лишь служанка, дух луны, самая мелочь из тех, кого мы ненавидим. Они действуют через ее посредство, но через ее страдание и их можно заставить страдать. И ты убьешь ее, наш Морлин. — Она протянула белую руку с длинными пальцами, и острые кроваво-красные ногти были едва ли короче, чем у него самого. И рот у нее был алый, сверкающий краской, изогнутый в улыбке, а женщина глядела на него слишком уж блестящими глазами. — Ах, как это приятно — снова одеться в плоть, свободно расхаживать по этой плоскости. — Мандрагор отодвинулся от бледной руки. — Но мне кажется, эта форма тебе неприятна? Я ее изменю.

Тут же перед ним явилась Эйлия в облаке пушистых волос, и ее огромные глаза смотрели на него. Мандрагор стиснул кулаки, ногти вонзились в ладони. Она улыбнулась и протянула руку, грациозная, как лилия на стебле. Одета она была в то же платье, красное, как горящие угли, из-под него была видна скульптурная

линия одного плеча и ямочка на горле. Мандрагора просто замутило от такого наглого похищения чужого облика, и все же он глаз не мог оторвать.

— Видишь? — спросил тихий голос Эйлии. — Я могу быть всем, чем пожелаю, Мандрагор, — или чем пожелаешь ты. Тебе стоит только попросить.

Она была так похожа… прежняя тяга воззвала к нему, неодолимая, как поток, подхватывающий пловца и уносящий его в море. Но тут же в нем взметнулось отвращение: отвращение к тому, что им так вертят, превращают в животное, повинующееся своим инстинктам. Яростная гордость — единственное, что у него еще оставалось, — пришла на помощь. Огромным усилием воли, какого никогда он не знал раньше, Мандрагор отвел глаза. Синдра, или то, что ею владело, хотела привязать его к себе — точно так же, как раньше стремился он привязать к себе Эйлию. Но пусть он продал свою жизнь и самое свое тело темному архону, разум его все еще ревниво отстаивал свою свободу.

— Прибереги свое чародейство для врага, — сказал он с оскорбительной небрежностью и отодвинулся. — На меня оно не действует.

Сладострастный смех был ему ответом, и по голосу Мандрагор понял, что она вернулась к своему собственному облику.

Он вихрем вылетел из комнаты, зашагал по коридорам, и немногие оставшиеся вассалы разбегались от его развевающейся темной мантии и мертвенно-бледного лица. В одиночестве своих покоев он захлопнул за собой дверь и сбросил мантию на пол. Синдра — всего лишь мелкая неприятность: скорее всего напилась какого-нибудь зелья и обезумела. Главная угроза — Трина Лиа, и что с ней делать? Быть может, Дамион Атариэль сыграл ему на руку, вернувшись и предъявив права на Эйлию. Теперь ее легче будет убить — убить их обоих. Ревность и ненависть пришли теперь ему на помощь. Мысленным взором он увидел их вместе и смог ощутить необходимую ему ярость — необходимую, чтобы биться с ними, уцелеть самому. Ненависть была союзником, той темной дверью, через которую приходила сила. Мандрагор вцепился в собственную одежду, не замечая, как рвет ее когтями. Отпустив ее, он подошел к ящичку, где хранил эликсир амброзии, выпил его и ощутил, как физическая его суть отступает и разум отделяется от тела с прежним ощущением свободы. Лежа здесь, он оказывался изъят из круга разворачивающихся событий и от увядания тела, как во время сна в курительной комнате. Он мог бесстрастно смотреть на осунувшееся лицо с его призрачной бледностью и ярко

выступающими шрамами, на красно-золотые волосы, сбившиеся в беспорядке. Это было куда большее отстранение, чем смотреть на свое изображение в зеркале, потому что это была не тень, а сам предмет. Отстраненно он смотрел, как медленно поднимается в дыхании грудная клетка под черным шелком, и знал, что если натянутая нить между этим телом и его нематериальной сущностью будет перерезана, то оно затихнет навсегда.

«И если придет конец ему, будет ли это концом и мне? Что станет с этой искрой сознания — будет она существовать или исчезнет? И если исчезнет, не будет ли это освобождением?»

Стряхнув с себя эти мысли, Мандрагор решил, что будет проецировать себя невидимым, а передвигаться — среди немногих оставшихся придворных. Наверное, он отчаялся, если ищет столь жалкое общество, но одиночество стало невыносимым. Слишком человек, чтобы быть лоананом, слишком дракон, чтобы жить среди людей, всю жизнь он провел на границах. Он плыл из комнаты в комнату, из коридора в коридор, и никто теперь не убегал от него, невидимого. Он шел среди своего народа как призрак, наблюдая за ними, слушая разговоры.

Вскоре он услышал собственное имя и пошел на звук голосов, раздававшихся в жутковатом пустом пространстве бального зала. Там собрались моругеи, и Роглаг был с ними.

— Нечего нам здесь ошиваться. Я не понимаю, что творит Мандрагор, — говорил царь гоблинов. — Я в любом случае сматываюсь.

— Я слез не пролью, когда он подохнет, — сказал другой. — Пусть его императрица захватит. Мы тогда будем свободны.

— Свободны, — буркнул царь. — Да они нас не трогали, пока не появился он. И когда его не будет, опять оставят нас в покое.

Мандрагор услышал достаточно, и удалился тем же путем, что пришел.

Тут же явились демоны, по одной эфирной форме с каждой стороны. Эломбар сунулся звериной мордой в лицо Мандрагора:

— Идиот! Отчего ты сам не смоешься и не явишься на Омбар? Ты стал нашим союзником, к добру или к беде, и теперь тебе осталось только быть с нами или погибнуть. Не думаешь ли ты, что Трина Лиа пощадит тебя? Или что мы бессильны не дать тебе обратиться против нас, чтобы ты творил, что хотел? Мы тебя сделали, и ты наш.

Мандрагор рассмеялся — сухо и невесело.

— Ты боишься, архон, — ведь ты же архон? Ты страшишься, что твое оружие имеет свой собственный разум и может повернуться в твоей руке и поразить тебя?

— Увидим. Императрица пришла со своей армией, чтобы

уничтожить тебя. Улетай и останься жить, либо оставайся и будь сражен. Ты полагаешь, что это тебе решать, но ты ошибаешься.

Они вошли в его личную комнату. Архон показал на распростертое тело Мандрагора, и тот смотрел, глазам своим не веря, как тело, будто по собственной воле, встало на ноги. Оно подошло к двери, вышло в коридор и слышно было, как оно сказало лоанеям — его голосом, но не его словами:

— Мы летим на Омбар. Таков мой приказ!

Эфирная форма Мандрагора погналась за украденной собственной плотью и увидела, как под высоким потолком зала тело стало принимать облик дракона.

Мандрагор, ужаснувшись, подчинил тело собственной воле. Появлялась и исчезала чешуя на лице и на теле, удлинялись и тут же снова сокращались клыки и когти. Он вернулся в тело и подчинил его себе, но уже не было ощущения абсолютного контроля. Он ощутил, что заключен в двух тюрьмах: в этом ненавистном замке и в собственной плоти, которая была придумана и намеренно выведена архоном Валдуром, чтобы потом овладеть ею — инструментом, вещью, которой пользуются. Мандрагор смотрел на собственные руки, на кости в переплетении жил. Согнул и разогнул пальцы с острыми когтями. Они повиновались ему.

Пока что, — будто сказал чей-то голос. — *Пока что.*

— Нет! — прошептал он. Драконолюди смотрели на него, он выпрямился. — Нет. Мы не летим на Омбар.

— Но враги уже на Неморе… — начал один из лоанеев.

— Мы летим в мой замок в море, его легко защитить. — Глаза его полыхнули золотым огнем. — Повинуйтесь!

Поверх рогатой головы Аурона Эйлия смотрела на шар Неморы. Этот мир лежал под ними — огромный купол разных оттенков: трава, джунгли, океан смотрелись светлым нефритом, темным малахитом и сверкающим изумрудом. Над этими зелеными пятнами клубились облака, чисто-белые, и только в одном месте образовался вихрь — огромный злобный ураган над морской гладью. На тайфун надвигалась ночная тень, искры молний лихорадочно сверкали в центре этой серой массы, и не все они были естественными, потому что она была не обыкновенной бурей, рожденной ветром и морем, но гигантской крепостью, созданной царем драконов из воздуха и облаков. Она не двигалась, как обычная морская буря, но оставалась всегда на одном месте, и око ее висело над подводным замком.

Аурон летел по своей высокой орбите. Невесомому здесь, ему не нужны были крылья, и огромные прозрачные перепонки

свободно висели полусвернутые по бокам. У Эйлии при виде знакомого диска Неморы сердце забилось быстрее. Это была еще другая Эйлия, которая здесь побывала, и сейчас, глядя назад, Эйлия видела, какой это был невинный и наивный ребенок. Теперь она знала. Летя над этим миром, она видела вращающуюся массу тайфуна и знала, что нашла свою дичь. Он *там*, думала Эйлия, и чувство было такое, будто сердце обжигает ребра изнутри. Она увидела Дамиона на его драконе, херувима Фалаара, который оглянулся на нее ободряюще.

— На этот раз атакуем мы! — сказал херувим. — Скорее бы битва началась — я ведь создан для нее.

Эйлия глянула на крючковатый клюв и свирепые когти Фалаара, и поняла, что это правда: они созданы, чтобы терзать и рвать плоть. Ей почти стало жалко его добычу. Дамион посмотрел на нее, будто читая ее мысли.

Аурон посмотрел вниз, подергивая ноздрям и ушами, следя за воздушной битвой далеко внизу.

— Они вступили в схватку с врагом, — сказал он наконец.

— Тогда поспешим, — ответил Дамион. — Мы им нужны.

— Победа будет за нами! — воскликнул Аурон, устремляясь вниз, и воздух за ним взвихрился огнем. Фалаар издал звонкий орлиный крик и бросился следом. Вскоре уже видны стали огромные клубящиеся тучи, сталкивающиеся друг с другом, и силуэты летающих драконов и херувимов ныряли в облака и выныривали в бездонных расселинах между ними. Еще через несколько минут Эйлия и ее спутники были на уровне битвы. Рычали высоко над головой грозовые тучи в прожилках молний, освещенные изнутри свирепым пламенем. Никогда раньше Эйлия не смотрела на бурю на уровне облаков, и ее наполнял благоговейный восторг, хотя она горевала о том, что происходит в ее глубинах.

Драконы бьются друг с другом! — подумала она со скорбью и ощутила, что Аурон тоже скорбит. Огнедраконы — зло, но для лоанана биться с другим лоананом — страшная вещь.

Битва есть битва, — мысленно сказал ей Дамион. — У них нет выбора.

Я понимаю, — отозвалась она понуро.

Они летели к полю главного сражения, все еще высоко в небе, над серо-белой облачной равниной под звездным небом на фоне черноты. Две луны этого мира светили над ними: серая и золотистая, и еще был свет от серо-лиловых кучевых облаков впереди. Подсвеченные изнутри, они вспыхивали огненно-сиреневым, и видны были все подробности: утесы и трещины, волокнистые пряди, корнями повисшие в воздухе. Их терзали и

швыряли исполинские ветра, образуя странные формы, высокие тяжелые башни и приземистые бастионы, столовые горы с полосами тумана, груды шерсти, медленно разрываемые на клочья и сливающиеся прямо на глазах. Эйлии вспомнилось зимнее море Большого острова: огромные белые торосы выпирают на стыках ледяных полей. Кучевые облака были как горы, и плоская равнина облаков между ними — как паковый лед, местами истонченный, и под ним открывается темная пропасть, как полынья среди пакового льда. Эйлия заглядывала на лету в эти глубины воздуха, но ничего не видела внизу.

Она ощущала порывы ветра, в которые влетал Аурон, зачастую как удар обо что-то твердое, иногда Аурон падал вниз, когда невидимый пол под ними проваливался и сбрасывал его в яму. Один раз его завертело так свирепо, что дракону пришлось сложить крылья и падать камнем, подальше от вихря, который его захватил. Другие крылатые воины боролись с теми же трудностями. Эйлия изо всех сил держалась за рога Аурона, потому что если бы ее сдуло с его спины, дышать она не смогла бы, даже если бы превращение в птицу спасло ее от падения. На этих высотах могли жить только драконы или херувимы. Облик херувимов Эйлия принимать еще не научилась, а драконов — не решалась.

Буря была устроена подобно крепости с концентрическими кругами стен-занавесов, защищающих внутреннюю твердыню. У Крылатой Стражи была такая же цель, как у любой армии, осаждающей подобное строение: прорваться через все барьеры по очереди, чтобы захватить цитадель. Драконы и херувимы могли попытаться перелететь через бурю и проникнуть сверху в ее око, но именно там сильнее всего были дикие ветры и свирепее всего чародейные стражи. Уже докладывали о многочисленных потерях среди тех, кто выбрал этот способ. Для остальных задачей было проламывать каждое кольцо обороны, пока не поредеют ряды защитников и те, кто находится в центре, будут вынуждены заменить павших, ослабив защиту сердца крепости. Вглядываясь в фантастические контуры, загораживающие путь, Эйлия видела вспышки яркого света, крошечные — если смотреть с такого расстояния — искры, которые загорались и тут же гасли, как светлые точки, плавающие перед усталыми глазами, но Эйлия знала: это сполохи драконьего пламени. Огнедраконы нападали на лоананов. Здесь было не так, как в битве среди комет, когда огнедраконам требовалось входить в воздушную оболочку лоанана, чтобы бить огнем. Здесь хватало воздуху питать исполинские языки пламени.

Теперь Эйлии было понятно, почему погода так мечется. Две

фракции лоананов воздействовали волей на атмосферу, и они сражались друг с другом, а потому сталкивались ветры, которыми они командовали, и создавались невероятные завихрения. Она попыталась помочь, призвав собственное умение повелевать ветром и тучами, но не могла внести порядок в этот воздушный хаос, и от ее усилий он только увеличивался.

— Бесполезно! — крикнула она, когда они с Ауроном влетели в грозовое облако. Извилистая молния прорезала воздух прямо перед ними, всего на расстоянии крыла, и серая тьма вспыхнула бело-багровым сиянием. Ослепленные, они вырвались сквозь клубы недвижного пара в открытое небо.

— Мы стараемся сдвинуть бурю дальше в океан, — сказал Аурон.

— Но что если она обрушится на берег? Могут погибнуть сотни людей.

— Мы не можем повернуть всю облачную массу ни на юг, ни на восток, ни на запад. В природе таких штормов — двигаться на север, потому что они питаются теплом вод, лежащих под ними. Движение в другую сторону будет против природы и потребует больше энергии, чем даже мы могли бы собрать. Сама атмосфера должна была бы быть изменена — с опустошительными эффектами во многих других местах. Ветры этого мира против нас.

— Аурон, я знаю, невероятно трудно прорваться сквозь шторм, но если его сдвиг может принести столько разрушений, давай не будем пытаться.

Аурон ударил крыльями и снова взмыл в небо, куда не доставали бурлящие ветра.

— Ты права, принцесса. Мы можем рисковать собой, но никем больше. Мой народ будет и дальше биться, чтобы сокрушить стены туч и молний, прорваться в око бури. Ты же сейчас должна быть со своей армией, что ждет тебя под Лоананмаром. Еще есть люди на земле, которые не знают, что спасение их уже рядом.

14
Смотрящий

Аурон и Фалаар привезли своих всадников к старому городу лоанеев вниз по реке от Лоананмара, где Мандрагором был открыт портал — тот самый, через который ушла Синдра в первый раз, когда сбежала из этого мира. Сейчас он послужил входом арайнийской армии. Солдаты устроили в развалинах укрепленный лагерь, потому что Эйлия предупредила их о многочисленных опасностях, таящихся в джунглях. Никто из них никогда не бывал в области какой-либо чужой звезды, а некоторые даже родной планеты никогда не покидали. Йомар и Лорелин были не менее исполнены благоговением перед тем, что их окружало, чем любой воин из их войска.

Эйлия беспокоилась и волновалась. Ей не хотелось сюда возвращаться, и не только из-за недобрых ассоциаций: здесь в воздухе действительно висело что-то зловещее, настораживающее. Она теперь, когда проснулась в ней архонская часть ее существа, понимала, почему джунгли казались ей столь враждебными и угрожающими, когда она впервые в них вошла. Дело было не только в том, что они не были ей знакомы, не только в опасных их обитателях: внетелесные силы, правящие этой сферой, знали о ее присутствии и возмущались ее вторжением. Не было ли это тем же, что захватчики ее собственного мира испытали в лесах Хиелантии? Но каковы бы ни были ее ощущения, она не должна дать их почувствовать никому в лагере. Она — вождь, и ее долг — внушать войскам уверенность.

Она подошла ко входу поставленного для нее шатра, посмотрела на часовых, расставленных вдоль реки. Теплые воды были гладки, как стекло, непрозрачные от ила, и нельзя было сказать, что таится в них, поэтому она предупредила всех об опасных речных тварях: о многоголовых гидрах, о страшных гуиврах, похожих на змей с крокодиловой пастью. Все были внимательны и готовы к нападению — как обитателей джунглей, так и врага. Воздух дрожал от жара, влажный и плотный, полный жутковатых криков из непроходимых зарослей. Он был тяжел и душен, и рыцари в броне вытирали пот, стекающий по лицу. Атмосфера была гнетущей от жары и тревоги.

Но за всей этой настороженностью у Эйлии возникало другое чувство: странного уюта от того, что она снова здесь, но теперь уже не одна, как тогда. Сейчас с ней ее лучшие друзья, Крылатая

Стража и вся ее армия. Более обыденный страх, который она знала раньше, страх ранения или гибели, исчез. Эйлия посмотрела на Дамиона, стоящего на поляне, — его волосы сияли в свете двух солнц.

— Ужасный мир, — сказал он. — Ты чувствуешь? Сила Вормира здесь очень велика.

Сила Вормира.

— Я ее видела, — сказала Эйлия. — Наш древний предок, рептилия в болоте. Я знаю, что она есть в нас во всех, главная причина всех наших неудач.

— У смертных — да, — ответил Дамион. — Все существа вначале были зверьми, когда-то давным-давно. Я осознавал присутствие этой твари во мне. Даже тарнавины, враги змей, были когда-то холоднокровными ползучими созданиями. Первые единороги были с рогами и копытами, как и сейчас, но тела у них были чешуйчатые и головы, как у драконов. На самом деле они возникли в том же мире, что небесные драконы. Тарнавины и лоананы — близкие родственники. Но человечество молодо и очень близко к своим звериным предкам. Может быть, поэтому я — и еще множество других — грезили о победе над драконами. Не лоананов мы ненавидели и боялись, даже не огнедраконов, но тех ползучих тварей, что живут внутри нас. Мне уже не надо их бояться: моя связь с ними прервалась, когда я стал элайем. Мой дракон сражен навеки.

— А я думаю, его не обязательно надо убивать или покорять, — возразила Эйлия. — Что, если его можно приручить?

— Приручить? — нахмурился он.

— Заставить подчиняться своей воле, но быть с ним в союзе, и тогда можно черпать его силу.

— Это было бы слишком опасно. Мандрагор тоже думал, что сможет командовать зверем в себе, а кончил тем, что стал зверем.

И ты тоже была к этому близка, — сказал он одними глазами, не укоряя ее, но мягко предупреждая.

Она опустила глаза, не в силах встретить его взгляд.

— Я так рада, что ты с нами, Дамион, снова в своем родном мире.

— На самом деле этот мир мне не родной, — сказал он, и взгляд его стал далеким. — Я всегда был лишь гостем здесь, на этой плоскости. Почти всегда она ужасала меня своей жестокостью. Вернулся я, потому что ты меня попросила об этом, но он уже не родной мне.

— Ты хотел бы вернуться в Эфир?

Сердце у нее упало.

— Там мой истинный дом. — Увидев ее глаза, он подошел и

обнял ее. — И твой тоже. Ты вернешься туда со мной, когда здесь все кончится?

Она подняла голову, посмотрела на него, потом на себя, на собственное тело, ощущая его отдельным от себя и испытывая странную жалость. Оно хотело делать все то, для чего было создано: жить в этой плоскости, любить, вынашивать детей. Снова стать архоном — это значило бросить все, чем она стала в этом воплощении… сама эта мысль наполняла скорбью.

— Я… я не знаю. Я не думала еще о том, что будет после, если я останусь жить. Наверное, я должна буду вернуться.

Он отвернулся, поглядел куда-то в глубь джунглей.

— Ты заметила, как он переменился? — спрашивала ее недавно Лорелин. — Как он стоит, говорит, ходит? Он стал каким-то еще более… ну, *дамионским*.

Может быть, так и было. Но сейчас она глядела на него, на чистые изящные линии его профиля, подбородок и шею, в синеву его глаз, смотрела на светлые волосы у затылка, и думала, что все это точно так же, как было раньше — и совсем не так. Он — дитя ангела, и теперь стал совсем элайем, и забавно, как она ощутила в нем эту *неотмирность* еще в первый раз, как увидела его в церкви, не зная, кто он. Много эпох тому назад это было, кажется. Он вернулся, и в то же время не вернулся, он был тот же Дамион, и не тот же; он сейчас был так далек от нее, как никогда раньше. В ней шевельнулась тревога. «Он вернулся, чтобы я тут же его утратила навсегда? Или я тоже изменюсь?»

Эйлия подняла лицо к небу, будто высматривая спрятанные звезды. «Я не прошу жизни — я любила смертного сына ангела, дружила с драконом и поднялась на небо на его спине, жила во дворце принцессой, и это было чудесно, все это. Мало кто пережил столько, сколько я, хотя и жил дольше. Я просила, чтобы моя жизнь была как сказка из книг, и мое желание осуществилось. Я ничего не прошу больше, я сделаю то, что должна сделать».

Она все еще пыталась уклоняться от судьбы, предписавшей ей быть либо убийцей, либо жертвой. Но если это цена за смертную жизнь, которая была ей дарована, она заплатит эту цену.

Вдруг в дальнем конце лагеря началась суматоха: крики и вопли, топот бегущих ног. Эйлия, благодарная за возможность отвлечься, поспешила туда в сопровождении Дамиона.

— Что это? — спросила она.

— Сторожа кого-то поймали, — ответил какой-то паладин. — Кто-то прокрался в лагерь — наверное, кто-то из ваших ядовитых зверей. Никогда ничего подобного не видел, — сказал он с некоторым отвращением.

Воздух наполнил громкий визг, и Эйлия, узнав его, бросилась туда.

— Твиджик! — крикнула она, увидев, как амфисбена пытается вырваться из цепкой хватки нескольких человек. — Отпустите его, я его знаю. Он спас мне жизнь!

Твиджика отпустили, и он пополз к ней, неутомимо треща:

— Сиятельная чародейка, мы слышали, что ты вернулась. Скажи, чтобы они нас не трогать!

— Никто тебя не обидит, — сказала Эйлия, приседая к нему поближе. — Ты в безопасности, Твиджик.

— Мы должны остаться здесь. Мы не решаемся возвращаться — царь драконов, он с каждым днем все страшнее, и все его боятся. Из дворца сбегают слуги, город пустеет, странные вещи творятся. Мы боимся!

— Конечно, ты можешь остаться здесь со мной, — успокоила его Эйлия.

— Ты уверена, что это не шпион, *Тринель*? — спросил один из паладинов.

Эйлия быстро прикинула, не мог ли Твиджик затаить против нее злобу, если учесть, как она с ним обращалась, когда была под действием зелья, но отогнала эту мысль.

— У Мандрагора есть получше способы шпионить за нами, — сказала она. — А Твиджик помог мне в прошлом с огромным риском для себя.

Она пошла к своему шатру, Твиджик следом.

— Скажи, ты не знаешь, что сталось с Маг и ее дочерью? — спросила она. — С женщиной из гостиницы, которая о тебе заботилась.

— Они обе в безопасности. Эта женщина послала нас в джунгли тебя искать, когда услышала, что твоя армия приходить. Она хочет тебя знать про Смотрящего.

— Смотрящего? — Так назывался человек-правитель Лоананмара, низложенный Мандрагором. — Ты хочешь сказать, что он вернулся.

— Да, да. С армией. Он желает биться с царь-драконом, город забирать. Армия, у него армия, много человеков. Но их не хватит, мы так думаем.

— Ты знаешь, где они теперь?

— Нет, но Маг и ее дочерь, они знают. Дочь с его людьми в джунглях, в лагере. Помогает варить еду.

— Понимаю. Можешь меня отвести к Маг?

— Да, да. Она хотеть тебя видеть, очень хотеть. А дочь Май может тебя отвести к Смотрящей. Но он может не пустить тебя. Очень строгий, кто приходить и кто уходить. Маг говорит, в

Трина Лиа не верит, в армию неба не верит.

— Ну, ему будет приятно узнать, что мы на самом деле существуем, потому что мы сможем соединить свои силы с его силами и помочь ему отвоевать Лоананмар. За этим мы и явились: не только победить царя-дракона, но и освободить ему подвластных.

— Очень хорошо. Так ты приходить?

— Да. Веди, и я иду следом. Это далеко?

— Много дней.

Она улыбнулась.

— Это если пешком, но нас довезут наши друзья-драконы.

Эйлия поставила перед амфисбеной тарелку с едой и пошла говорить с друзьями и предводителями армии.

— Этому посланцу я доверяю, — сказала она. — Это Твиджик, амфисбена, которая мне помогла.

— А что такое амфисбена, ваше высочество? — спросил рыцарь, который не видел Твиджика.

Она улыбнулась.

— Такое двухголовое чудовище. Да не путайся ты так, он совсем маленький и боится тебя гораздо больше, чем ты его. Он сказал, что отведет меня к собравшимся повстанцам, в спрятанный в джунглях лагерь.

— Вам следует взять с собой роту солдат, ваше высочество, — посоветовала Талира. — Ради вящей безопасности.

— Нет, я думаю, мне лучше будет явиться одной. Иначе они испугаются.

— Я вас туда отвезу, — сказал Аурон, — и потом явлюсь с вами в этот лагерь в образе человека.

— И я, — предложил Дамион. — Небольшой группы они не испугаются, если мы будем без оружия.

Остальные друзья тоже пожелали ее сопровождать, но Аурон отсоветовал:

— Нас должно быть как можно меньше, — сказал он. — А у Йомара достаточно грозный вид, и он бывает воинствен.

Йомар готов был поспорить, но понял, что только подтвердит слова Аурона.

— Ладно, как хотите. Я приведу эту хрень и скажу, чтобы дорогу показала.

— Он не хрень, а амфисбена, — недовольно сказала Лорелин.

— «Хрень» звучит короче.

И Йомар зашагал через лагерь.

Эйлия и Дамион летели на широкой золотистой спине Аурона, а Твиджик на коленях у Эйлии вытягивал обе шеи,

стараясь найти знакомые черты в раскинувшемся под ними пейзаже. Наконец он заметил примерно в десяти лигах от лагеря Эйлии груды развалин, и все три немерея ощутили присутствие железа: наверное, оно использовалось лишь в виде инструментов и кухонной утвари или лежало глубоко в земле, но оно затруднило полет Аурона. Он с некоторым трудом спланировал среди деревьев, цепляясь перепонками за ветки, и подождал, пока спустились его три пассажира.

— Я с вами идти не могу, — сказал он. — Железо не даст мне принять другой образ, а дракона люди испугаются. Я подожду здесь, и если вы не вернетесь через несколько часов, буду считать, что вас захватили в плен. И пойду выручать.

Эйлия и Дамион поблагодарили его и пошли через джунгли следом за амфисбеной. Вскоре запахло дымом костров, послышались голоса. Беженцы из города собрались на большой расчистке, расселись на свежих пнях. Твиджик провел своих спутников прямо в лагерь.

Над котлами хлопотала женщина со знакомым лицом.

— Маг! — крикнула Эйлия, бросаясь вперед.

Услышав ее оклик, темноволосая повариха вздрогнула и подняла голову от работы.

— Ли, это ты? — крикнула она, бросая поварешку и оглядываясь. — Где ты?

— Я здесь, Маг, я вернулась!

Женщина бросилась к ней — и остановилась в изумлении, глядя и не узнавая. И понятно: в восторге от встречи со старой подругой Эйлия забыла, что Маг видела ее только в маскировке. Иллюзорная Лиа выглядела совсем иначе — круглолицая, темноглазая и темноволосая.

— Маг, это я, это действительно я! — Эйлия подошла к ней. — Мне пришлось тогда изменить внешний вид, но я та, кого ты знаешь. Слушай голос, он не переменился.

Маг продолжала пораженно смотреть на нее.

— Значит, правду говорили, — сказала она. — Ты совсем не такая, как кажешься.

— Прости, что я обманула тебя, дорогая Маг. Но я была одна, и я боялась. Знай я тебя чуть лучше, я бы не стала от тебя таиться.

— Благослови тебя боги, я ни в чем тебя не обвиняю, просто… это не сразу поймешь. Но голос твой тот же, что и был. Так это правда — то, что тот низенький старик говорил о тебе?

Эйлия знала, что она имеет в виду Аурона. Маг его видала только в человеческом облике.

— О том, что я — Трина Лиа? Да, это правда.

— О ней говорится в старых легендах, но я думала, она что-то вроде богини.

— Не совсем. Я чародейка, и прилетела из мира, который называется Арайния. Это мой друг Дамион, который тоже там жил.

— Мы когда услышали про твою армию, с драконами там и со всем прочим, послали Твиджика тебя найти.

— И я рада, что вы это сделали. Маг, я хотела бы, чтобы ты полетела со мной, ты и Май, — Эйлия глянула на стройную девушку, вышедшую из толпы и стоящую теперь скромно и безмолвно рядом с матерью. — В мой собственный мир.

— Спасибо, но мне как-то не по душе бросать свой народ в такой вот неразберихе. Возьми с собой Май, если ты так добра, но я останусь.

— Мы пришли на помощь твоему народу, Маг. В этом наша цель. Помочь вам и положить конец правлению царя-дракона.

— Я надеюсь тогда, что вы увидитесь со Смотрящим. Есть тут люди, которые знают, где живет он в тайном убежище. Например, юноша моей Май.

— Юноша?

— Молодой человек, которого она любит. Его зовут Терен. Он повстанец, сюда приходит принести ей еды, а нам — новости. Он сейчас здесь, если ты хочешь его видеть.

Май представила их Терену, который согласился провести их через густые заросли в лагерь мятежников. Юноша был не менее красив, чем девушка, с карими глазами того же оттенка темного меда. Влюбленные шли рядом, держась за руки, и Эйлия при виде их испытала неожиданный укол боли — то ли от страха за этих двух молодых людей, от знания опасностей грядущей войны, угрозы, что придет конец их счастью? Или это была просто зависть к этому счастью, пусть краткому, пусть оно скоро сменится горечью потери? Она подумала, ощутил ли такое сожаление Дамион, или его измененная природа уже глуха к таким чувствам? Опустив глаза, Эйлия старалась не глядеть ни на проводников, ни на юного архона, шагающего рядом с ней.

Наконец Терен остановился после странного оклика из зарослей. Он звучал похоже и непохоже на крик дикого животного, и Терен ответил тем же кличем.

— Стража, — объяснил он своим спутникам, глядя на них прекрасными глазами — Эйлии показалось сейчас, что они стали темными и настороженными, как у антилопы. — Они услышали наше приближение, и нашпиговали бы нас стрелами, если бы я не ответил. Смотрящий не станет рисковать. Боюсь, он может даже

не допустить вас к себе.

С двух сторон послышался шорох, но сквозь листья и лианы никого видно не было. Терен и Май пошли дальше. Еще через пятьдесят шагов стали видны лоанейские развалины: похожий на улей холм, полый изнутри, служивший крепостью. Около его темной и низкой двери стояли два киноцефала в человеческой броне. Оба песиголовца держали занесенные алебарды и угрожающе скалили желтые клыки. Левый стражник зарычал, но правый вдруг, к удивлению Эйлии, заговорил по-элейски.

— Неизвестные пришли, — сказал он густым неразборчивым голосом. Сказал не им, но кому-то внутрь крепости.

Из темной сырости двери появился неопрятный человек в мятой одежде, прислонился к косяку и оглядел прибывших мрачным и недовольным взглядом. Увидев его лицо, Эйлия застыла.

— Я знаю этого человека? — воскликнула она, обращаясь к Дамиону. — Это Радмон Тарг, разбойник и убийца!

— Он высоко поставлен в глазах Смотрящего, — предостерег ее Терен. — Я бы не стал на вашем месте возражать против его присутствия — это может не допустить вас к его господину.

Эйлия вспомнила свои дни в Лоананмаре, запустение и жестокость, царящие на улицах города, — очень во многом стараниями Смотрящего и его бандитских помощников.

«Что же за союзников ищем мы здесь? — подумала она в отчаянии. — Не превратят ли они снова город в место страданий и скорби — на этот раз с нашей помощью?»

Радмон смотрел на Май, осклабившись, одним глазом насмешливо поглядывая на стоявшего рядом с ней юношу.

— Будь я проклят, если это не ведьмина дочка! Май, деточка, держалась бы ты подальше от этого мальчишки. Доведет он тебя до беды, таская по джунглям. Ты лучшего заслуживаешь, милая.

Его слова метили не в нее, а в юношу, который выпрямился, готовый ее защитить. Но на подначку не поддался.

— Эти люди пришли повидать Смотрящего, — сказал он спокойно. — И если он знает, в чем его благо, он их примет.

— Они могут помочь! — вмешалась Май. — Они чародеи, оба, и они привели с собой армию, не из этого мира.

— Я знаю, что Браннион Дюрон не верит в такие вещи, — поспешно вставила Эйлия. — Но мы просим хотя бы дать нам аудиенцию.

Из темноты появилась еще один человек: женщина постарше Май, с кожей чуть более смуглой, с длинными черными волосами, заплетенными в косу. Было очевидно, что она слушала, потому что, не тратя слов, отпустила стражей и пригласила незнакомцев

следовать за собой. За входом открывался коридор, освещенный факелами, и кончался он портьерой, ведущей в большой зал со сводчатым потолком, очевидно, в самом сердце холма. Там сидел у стола человек средних лет, с оливковой кожей и седеющей бородой, читая при свече свиток пергамента. Эйлия узнала густые брови и суровые черты лица — она видела их на бронзовой статуе Дюрона в Лоананмаре. Перед ней был тот же человек из металла, только во плоти, но почему-то эта плоть казалась столь же жесткой, как металл, и черты лица были суровы и непреклонны. Не тот человек, которому стоит становиться поперек дороги, и Эйлия вспомнила рассказ Маг о его жестокой победе над теократами.

Он заговорил, не поднимая головы:

— Так кого это ты мне привела, Джелинда?

Проводница низко поклонилась:

— Эта юная женщина хотела бы говорить с тобой. Станешь ли ты ее слушать?

Эйлия шагнула вперед:

— Я пришла предупредить тебя о великой опасности…

— Молчать! — крикнула Джелинда. — Никто не обращается к Смотрящему, не будучи спрошен!

Дюрон посмотрел на Эйлию пристально, потом жестом велел Джелинде отойти.

— На этот раз я не замечу нарушения. О какой опасности ты говоришь, девушка? — спросил он жестко.

— О царе-драконе, которого ты собираешься свергнуть. Он не зверь и не плод воображения. Он так же и не бог, он чародей по имени Мандрагор, и очень сильный.

— Ничего нового ты мне не сказала. — Он со вздохом нетерпения откинулся на стуле. — Ты знаешь, когда начались все эти разговоры насчет богов? В далекие дни наш народ был под игом расы, называемой лоанеи — они утверждали, что они потомки тварей, называемых драконами. Наш народ фактически поклонялся этим лоанеям, а те были просто плоть и кровь, как мы, — можешь себе представить такую дурость? Драконьему народу очень легко выставить себя богами, используя волшебство. О да, я отлично знаю, что волшебство существует. Взяв Лоананмар, я запретил всякое упоминание о нем не потому, что не верю, но чтобы отбить охоту всякому искать этого знания. Ложных богов более быть не должно.

Эйлия виновато подумала о поклонении себе арайнийского народа, потом вспомнила бронзовый образ Смотрящего на площади и посмотрела в глаза собеседнику. Что бы ни говорил этот человек, он тоже в своем городе предмет поклонения, и хуже

того — страха.

— Если бы Мандрагор был здесь, он мог бы сказать, что люди освободились лишь для того, чтобы мучить друг друга.

Дамион бросил на нее предупреждающий взгляд, и она замолчала, но Браннион Дюрон, будто не заметив ее слов, продолжал:

— Несколько лет назад некоторые киноцефалы впали в заблуждение, проявив нечестивое почитание к исключительному по своим размерам и силе быку в общем стаде, которое им было поручено охранять. Прежде чем я узнал, что происходит, они стали поклоняться этому животному, украшая его шею венками и распевая ему хвалу. Я отреагировал быстро: приказал своим людям убить быка и разделать его на глазах у песиголовцев. Может быть, это было жестоко по отношению к киноцефалам, но урок пошел им на пользу.

Эйлия подумала, что жестоко это было по отношению к быку, но ничего не сказала: не было смысла раздражать этого человека.

— Этого так называемого царя-дракона необходимо уничтожить, — продолжал он. — И тогда мы снова будем свободными. Недостаточно просто убить его жрецов — следует устранить и создание, которому они служат. Чтобы никогда наших граждан не вынуждали преклонять колено, как жалких рабов какой-то секты.

Эйлия на миг возмутилась, вспомнив жестокость правления Дюрона: торжество сильных над слабыми, оставленность бедных и больных, безнаказанность убийц вроде Радмона. Но вспомнила она тут же и слова матери: *«Мы не можем заставить смертных жить так, как мы хотим. Как бы ни было нам больно видеть их страдания по собственной вине, мы вынуждены их допускать».* На это действительно было больно смотреть — особенно на страдания людей, которых она знала, например, Маг и ее дочери. Но другого пути не было. Архоны по-прежнему предпочитали тиранов-людей, вроде Халазара Зимбурийского, которых можно свергнуть, чародеям, победить которых у смертных было мало шансов.

— Убить чародея-дракона мы должны в первую очередь, — сказал Дюрон. — Разгромить секту будет просто, когда не станет их божества, вселяющего страх в сердца людей.

— Тогда для освобождения твоего мира тебе понадобится наша помощь. У нас есть чародеи, а у тебя нет.

Дюрон неожиданно улыбнулся — без веселья или тепла.

— Здесь ты ошибаешься.

Из тени за его спиной выступил высокий человек, снимая с себя капюшон. Эйлия чуть не ахнула — она узнала и это лицо.

Это был Эррон Комора.

— Этот человек враг! Он один из лоанеев! — вскрикнула она.

— Я никогда не отрицал, что я лоаней, — ответил Эррон. — Я предложил Бранниону Дюрону помощь в избавлении его от царя-дракона. Это вина Мандрагора, что лоананы снова нас нашли, и нам снова грозит уничтожение или изгнание. Я не верю в похвальбу Наугры, они не выиграют эту битву, и пострадает от этого мой народ. Но если мы освободимся от правления Мандрагора, то будет жить в мире с нашими иерейскими соседями. И в том я даю тебе мое слово.

Он поклонился, не отрывая от лица Эйлии взгляда черных глаз.

— Ты в это веришь? — крикнула она, поворачиваясь к Дюрону. — Он же хочет власти только для себя! Мандрагор говорил, что Эррон хотел убить собственного отца и править лоанеями, но план его был разрушен, когда Мандрагор захватил трон. Он хочет использовать тебя, а потом забрать этот мир для своего народа, поработив твой. Если мы будем помогать тебе, Смотрящий, Эррон должен уйти.

— Я не стану действовать без Эррона Коморы, — ответил Дюрон. — Он — средоточие моего плана, ибо он может дать нам знание волшебства и способы его победить. Мы же взамен даем ему людей, тысячи рук, желающих держать меч. Он хочет освободиться от культа дракона, который угнетает его народ не менее, чем наш, но те лоанеи, что верны Коморе, слишком малочисленны, чтобы бросить вызов иерархам, стоящим сейчас у власти. После нашей победы мы расстанемся, каждый уйдет к своему народу и в свои земли. Но чародейство лоанеев более не поработит нас, не внушит нам страха. Комора лично мне это обещал, иначе я бы никогда не вступил с ним в союз. Мы последовали его совету и сделали себе оружие из железа. — Он встал, разгибаясь, словно сам был отлит из железа. У него на боку, как теперь увидела Эйлия, висели небольшие кожаные ножны, и он положил руку на торчащую из них рукоять. — С этим оружием мы победим нашего врага. И защитим себя от любого чародейного коварства. Ваша помощь нам не нужна, но мы будем рады объединить ваши ряды с нашими.

Трина Лиа и ее друг попросили дать им посовещаться и отошли в сторону.

— Я думаю, надо соглашаться и объединить наши силы, — сказал Дамион. — Тогда мереи этого мира смогут сказать, что завоевали свою свободу — это будет лучше, чем поднести ее им готовую.

Эйлия помолчала.

— Это было бы хорошо, — сказала она наконец, — если бы они могли так сказать. Но Смотрящий объявит себя их спасителем, я его знаю. Когда он раньше правил в Лоананмаре, он все улицы наполнил своими изваяниями. То же самое случится и в этот раз. Если даже он сам не нанесет в битве ни одного удара, люди будут чувствовать себя ему обязанными вместо того, чтобы себя считать победителями. Я не хочу видеть их рабами — ни его, ни царя-дракона.

— Но если им приходится выбирать одного из хозяев как меньшее зло? Разве мерей, который не владеет волшебством, не будет именно меньшим злом? Мандрагор может послать своих рабов-людей собрать все железо в своем царстве силой, а потом царить под защитой своей магии. Но если людям не понравится Дюрон, они смогут восстать, как восстали против Халазара.

Эйлия неохотно кивнула:

— Ты прав, как всегда. Пойдем скажем Дюрону, что готовы объединить наши армии.

Так и свершилось, и люди этой земли и этого мира сделали еще один шаг к свободе. Дело благородное, но что за союзников пришлось для него выбирать — предатель Комора и тиран Смотрящий!

15
Ветер и волны

Вернувшийся в драконий облик Мандрагор смотрел наружу из-за стены дворца — той стены, что была сплошным окном, сделанная целиком из адаманта. За ней лежали зеленоватые водные глубины, где плавали сверкающими косяками рыбы на расстоянии всего лишь вытянутого крыла, и водоросли вместо плюща вились по стенам, покачиваясь в течениях. Это не был утонувший замок — он никогда и не стоял на воздухе. Архоны строили свои обиталища где им вздумается, на суше или на дне озер и океанов. Этот стоял на вершине подводной горы. Длинные туннели коридоров с прозрачными стенами соединяли части здания, и видно было, как идет кто-нибудь в морских глубинах среди камней и кораллов дна, и трубы с морской водой проходили через наполненные воздухом комнаты и залы, в трубах плавали морские создания, развлекающие обитателей дворца. Когда миновало время архонов, здесь поселился царь-дракон, и наследовавшие ему лоанеи заняли потом дворец для себя. Многие жили теперь здесь и меблировали залы по своему вкусу и осветили их вместо ламп разноцветными фонарями-драконами, плавающими под высокими сводами. Это была надежная крепость, ибо с поверхности сюда было не добраться без чародейства или без помощи драконов и прочих созданий, способных нырнуть на такие глубины. Даже дневной свет не доставал сюда, пусть и двойной силы: утро объявляло о себе лишь слабым свечением зеленоватой темноты вод за стенами-окнами.

Но защищенность этого убежища не облегчала мысли Мандрагора, с каждым днем все более и более тревожные. В частности, волновало его все усиливающееся вторжение ментальных образов, идей, наитий, в чем-то таких чуждых его обычным мыслям, что они стали, по сути, дополнительным голосом, советы которого часто противоречили его решениям и желаниям. Внутренний голос не был для него нов: он слышал его еще с детства и всегда считал частью своего сознания. Но последнее время этот голос стал почти независимым. А это же вид безумия — слышать воображаемые голоса, советующие предпринять странные и страшные деяния?

Ты не безумен, — сказал голос, или померещилось, что сказал. Дракон посмотрел на свою тень, отбрасываемую на пол в свете живого фонаря. — *Я — часть тебя самого, в большей, степени, чем эта твоя тень. Я глубоко в тебе, и без меня ты не*

существуешь. Я — твоя сила. Только благодаря мне можешь ты противостоять волшебству холодного железа. Разве мог бы ты сам владеть подобной мощью?

Вправду ли «демоны» владели его телом в Лоананмаре, или же это были какие-то иные зловещие силы? Те же, что обещали ему господство над железом, которого он не искал? Сперва тело его, теперь воля попали под влияние какого-то ускользающего другого, чья сила росла с каждым томительным часом в этом дворце. Он знал, что это тоже душевная болезнь, ведущая к раздвоению, к тому, что он превращается в два отдельных разума, и каждый из них сражается с другим за господство. Мысль эта тревожила, но искать помощи он не решался. Предстать перед союзниками слабым — это могло иметь роковые последствия. Гоблины его, конечно, не посмели бы тронуть, но лоанеи — дело другое.

Эррон Комора сбежал — что само по себе не удивительно: юный лоаней не был искусным магом, и не в его характере было твердо стоять перед лицом опасности. Вот почему он так тянул с уничтожением собственного отца. Мандрагор не мог бы сказать, что именно это бегство его волнует. Комору он не любил, не доверял ему и не жалел о его потере. Но усиливалось ощущение нависшей опасности.

Лети на Омбар, — посоветовал внутренний голос. — *Моругеи — лучше союзники, чем лоанеи, надежнее. Они хотят, чтобы ты жил и ими правил, а драконий народ этого не хочет.*

Снова Омбар! Нет, он туда не полетит. Здесь он в безопасности. Войско врагов не пробило его погодные укрепления, не ворвалось в глубины. Он останется во дворце драконов и свой теперешний облик он сохранит. Раны заживают с каждым часом, и забавно, как стало просто принимать облик дракона. Зато становилось труднее принимать облик человека — будто забывалось, как это делается. И это положительный симптом: если лоанановская магия станет сильнее, он сможет отпугнуть своих врагов.

На Омбаре она еще окрепнет, — настаивал беззвучный голос. — *Лучше лететь туда сейчас, чем ждать, пока возьмут твою крепость. Я могу дать тебе силу, защищающую от железа. Но даже я не смогу тебя спасти, если ты не полетишь на Омбар, как я приказываю.*

Дракон стал нервно ходить по своей стеклянной тюрьме.

Трина Лиа и ее друзья вернулись в лагерь — и с ними был Твиджик, решивший не покидать Эйлию, хотя Маг предлагала ему остаться и поделилась тем, что ей известно было о

мятежниках.

— Похоже, что в этом мире люди вовсе не беспомощны, — сказал Дамион немереям. — Но они собираются использовать железное оружие, а это помешает нашему собственному волшебству. Но все равно, если они смогут отвоевать свободу сами, это будет огромный триумф.

— Если это окажется свободой, — усомнилась Эйлия.

Она стояла поодаль, заглядывая в шатер. Йомар обернулся к ней:

— Что-то ты не очень полна надежд, — заметил он. — Что он из себя представляет, этот Смотрящий?

— Тиран он, — ответила она. — Со своим народом он обращается либо жестоко, либо пренебрегает им. Правление его было жестоким, а его слуги — разбойники.

— Ну, может быть, народ и его в свое время низложит, — предположила Лорелин. — Посмотри, что сталось с Халазаром.

— Не низложат, если мы сделаем из него великого героя, — сказала Эйлия. — Тогда им от него не избавиться.

— Все равно это лучше, чем власть лоанеев, — напомнил Дамион тихим голосом. — Против человека они могут восстать, но против чародейства драконов у них шансов мало.

— Да, ты прав, — согласилась Эйлия.

Другие драконы и херувимы возвращались из воздушного боя, влетали в темнеющие в сумерках развалины как парящие тени. Приблизиться к штурму погодных барьеров им не удалось, хотя многих защитников они сразили. Но среди убитых были и лоананы, и драконы теперь были полны горя и раскаяния из-за смерти своих родичей.

— Я слышал, Торок тоже был убит, — сказал Эйлии Аурон. — Он был предателем нашего рода, но я скорблю о его смерти, и рад, что не я убил его. И многие из драконов Земли, что откликнулись на его призыв служить врагу, были очень молоды.

Некоторые драконы, как выяснилось, все еще защищали дворец на холме в Лоананмаре, сняв защиту с города. Немногие оставшиеся там люди впали в панику, вооружались вилами и косами.

— Я думаю, мы должны теперь отбить город обратно, — сказала Эйлия. — Не могут люди и дальше жить вот так, в джунглях. Им нужно вернуться в дома.

— Быть может, позже. Соединимся с мятежной армией Дюрона и пойдем совместно, — ответил Йомар. — Оставшиеся в городе лоанеи почуют наше железо и удерут. Но на самом деле прежде всего — Мандрагор.

Вдруг Твиджик, полезший под задрапированный стол в углу

шатра, выпрыгнул оттуда с криком:

— Опасно!

Все вскочили на ноги, и Йомар, выругавшись, перевернул стол. Туда заползла какая-то пробравшаяся в шатер тварь: длиной не больше фута, похожая на ящерицу, с челюстями в виде клюва и четырьмя парами когтистых ног. Как огромное жуткое насекомое, она побежала к Эйлии.

Трина Лиа отшатнулась.

— Василиск! — крикнула она.

Рептилия разинула клюв, готовая выпустить смертельно ядовитый выдох. Но Йомар ударил ее мечом, рассеча пополам. Обе половины жутко задергались, потом застыли, хотя челюсти продолжали клацать.

Эйлия огляделась, побледнев.

— Больше нет? Эти твари смертоносны!

Люди обшарили шатер, но больше ничего не нашли.

— Значит, он был один, — заключила Талира.

— Он мог всех нас убить. Я даже не видела, как он заползал, — ответила Эйлия, все еще дрожа. — Этот яд убил бы всех, кто был в шатре. Твиджик нас спае.

— Случай ли привел его сюда? — подумал вслух Дамион. — Или чье-то намерение?

— Джунгли полны опасных тварей, — начала Эйлия, но голос ее дрогнул.

Она посмотрела в неподвижный глаз василиска, и ей показалось, что он смотрит в ответ, почти гипнотизирует ее. На миг ей показалось, что в расширенном зрачке твари проскользнула та же темная решимость, что видела она как-то в глазах Мандрагора. Не могла ли сила, которой был одержим чародей, подчинить себе и такую тупую тварь? Сила, подобная той, которой обладала на Арайнии ее мать, но которая не влияет на живые существа, а управляет ими? Планетная душа Неморы была столь же злобна, сколь благожелательна душа Арайнии. Дочь Эларайнии нарушила границы владений иного правителя. Здесь увеличивать свою силу за счет силы планеты мог Мандрагор.

Быстрый обыск других шатров не выявил василисков или других ядовитых тварей. Что подтверждало подозрение Дамиона.

— Насколько вероятно, — подумал он вслух, — что василиск выбрал из всех именно шатер Эйлии, и в первую очередь бросился к ней? Это было покушение на ее жизнь.

— Вблизи лагеря никого не видели, — сказал Йомар. — Человека-нарушителя часовые бы поймали.

— Значит, василиска могли направить чародейством. Царь-

дракон умеет командовать низшими существами вроде этого — они подчиняются его воле.

— Тогда, — пообещал Йомар, — завтра мы выступим против царя-дракона и положим этому конец раз и навсегда.

На следующее утро Эйлия и ее немереи стояли со Смотрящим и его советниками на белом берегу, глядя в море. Огромные волны с опрокидывающимися пенными гребнями накатывались на берег как ряды атакующей армии, небо заполняли серые тучи, на лиги растянувшиеся в воздухе: внешняя стена гигантского тайфуна, защищавшего убежище Мандрагора — бастион, который наступал, как армия. Буря двигалась к берегу и набирала силу, но ее око все еще защищало подводную твердыню царя-дракона.

Поскольку твердыня врага лежала под волнами, солдаты не могли подойти к ней: вместо этого они скапливались в джунглях, ожидая приказа идти на Лоананмар. Немереи, неспособные колдовать в присутствии таких масс железного оружия, ушли к Эйлии помогать в атаке против царя-дракона. Эррон Комора дал им корабль, непохожий на виденные ими ранее морские суда: хрустальный корабль лоанеев, построенный в давние времена, когда известно было искусство работы с адамантом. Это был «стеклянный корабль» легенд, прочитанных Эйлией в книгах, корабль, которому не нужны паруса и весла, потому что двигался он силой мысли — если его капитан был немереем. Как лодочки со стеклянным дном, которые строили арайнийцы, чтобы любоваться красотой коралловых рифов, этот корабль открывал своим пассажирам подводные виды. Лоанеи в наше время не умели уже принимать облик дракона и нырять в глубины, и потому подводное царство, когда-то им принадлежащее, могли рассматривать только с этих кораблей. С помощью подобных игрушек потомки лоананов забавляли себя, а своим рабам-людям напоминали о собственном превосходстве. Кроме того, адамантиновые кили и корпуса невозможно было сломать. Такой корабль не мог получить пробоину и затонуть, даже если налетал на острые скалы. И только лоанейский корабль мог плавать по подобному морю.

— Железное оружие придется оставить на берегу, — сказал Смотрящему лоанейский лорд. — Иначе мы не сможем двигать корабль нашей магией.

— А как мне тогда сражаться с магией врага? — возразил Смотрящий.

— Это не важно, — ответил Эррон. — Вам все равно не спуститься в глубины. Наши лоананы соединятся с лоананами Трины Лиа и выгонят Мандрагора из убежища. С корабля вы

будете наблюдать, как это произойдет, и можете использовать все оружие, которое у вас останется. Копья и стрелы с кремневыми или бронзовыми наконечниками, стальные мечи — это все можно. Корабль будет главным образом служить лоананам платформой для отдыха между погружениями — иначе им пришлось бы возвращаться на сушу, теряя время. Если не желаете плыть на нем, можете не плыть. Но я думаю, вы хотели бы рассказать внукам и правнукам, что участвовали в этой битве.

Они медленно вошли в море и поднялись на корабль по спущенным трапам. Когда все погрузились, капитан-лоаней направил судно вперед по волнам. На нем не было парусов, которые могли бы разорвать налетавшие шквалы, и хотя швыряло его прилично, волны не могли вытолкнуть его обратно к берегу. Прозрачный корпус взлетал на пенистые зеленые горы и обрушивался в водные долины без нервирующих скрипов и стонов терзаемых бревен, и вода не затекала в каюты под палубой. Эйлия смотрела через прозрачный борт, стараясь удержаться на ногах на кренящейся и качающейся палубе. Вот она выше ватерлинии, а в следующую секунду она уже в глубине волны и видит море чуть ли не до дна. Жутковатое бледное свечение шло оттуда, снизу, будто там фосфоресцировала какая-то жизнь. Но чем дальше в море уходил корабль, тем виднее было, что свет исходит от огней подводного замка. А когда корабль подошел ближе, все огни погасли.

Из своей подводной крепости Мандрагор наблюдал за подводной битвой. Драконьи фонари он изгнал обратно в Эфир, откуда они явились, и адамантиновый замок не выдавал себя светом врагу на поверхности, погрузившись в гнетущую темноту. Глубины над прозрачной крышей наполнились вертящимися тенями: драконы сцепились в смертельной схватке — одни стремились уничтожить его, другие — защитить ценой собственной жизни. Это была битва только лоананов, поскольку огнедраконы остерегались воды, опасаясь, что эта стихия загасит их пламя, а херувимы с их перьями не могли нырять в такие глубины. И потому равновесие здесь нарушалось, потому что верные Эйлии лоананы многократно превосходили его сторонников. Бегство в водную твердыню было ошибкой, и сейчас он оказался в собственной ловушке.

Два голоса спорили в душе принца-дракона, пока он стоял и смотрел на приближение своего рока. Они предлагали ему власть и шанс на спасение. Здесь он пропадет, если не примет он них помощи.

В одном голосе он узнал ту сущность, что обращалась к нему

посредством Синдры. Элнемора действительно овладела той женщиной, и сейчас стремилась подчинить себе и его разум. А другой голос — это был тот голос-тень, что всегда жил в нем.

Только коснись меня разумом, — обещала Элнемора, — *и я дам тебе силу изгнать из моего мира твоих врагов.*

Слушай ее больше, — возражал голос-тень. — *Силу и я тебе дам, и это будет сила звезд, превосходящая любое колдовство земли.*

Да, это правда, что архоны вернулись: не во плоти, как бывало в прежние дни, но как внутрителесные влияния, убеждающие и соблазняющие. Дракон метался и тряс рогатой головой, как лошадь, которую терзают оводы. Он мог отвергнуть их и погибнуть в своей тюрьме, мог сдаться и спастись с теми немногими, что остались ему верны. Его глаза обращались к стеклянному полу: в центре его было нечто, похожее на круглый бассейн, но вода в нем была морская: на самом деле это был главный вход в твердыню, выход в глубины. В подводный замок можно было войти только снизу. Если сейчас сбежать, подумал Мандрагор, враги бросятся его преследовать, сняв осаду с замка, прекратив войну с его последователями. Он застыл, дрожа, и ослабил барьеры разума. Земную силу Элнеморы принял он, и ощутил, как она в него вливается. Будто из моря и земли под ним рвалась в него энергия. Но он, помня Синдру, не сдал себя полностью: самые глубокие мысли он защитил, самую суть своего существа не отдал он архону. А тому, темному, он не ответил вообще. Лишь в самой крайней и ужасной необходимости решил он обратиться к нему.

«Сейчас! Уходить прямо сейчас!»

Мандрагор нырнул в отверстие и ушел в море. Проныривая под замком и поднимаясь вдоль его стен, он видел битвы драконов в зеленой толще вод — они летали в воде на крыльях, как на плавниках. Еще выше ныряли в море херувимы, как чайки за добычей. Царь-дракон двигался мощными ударами лап и хвоста, и его лоананы очищали ему путь, но раны ослабляли его и замедляли продвижение. И он воззвал к силе глубин.

На глазах у Эйлии высоко в небе несколько лоананов, боровшихся с ветром, сложили крылья и камнем устремились в мрачные зеленые глубины. Там, внизу, мелькали другие острокрылые тени — шла великая битва. Ауры драконов светились огнями святого Эльма — а потом снова Эйлия оказалась над водой.

Как и говорил Эррон, корабль служил двоякой цели — он был еще и платформой для отдыха крылатых существ, в частности,

херувимов, которые в отличие от лоананов не в обеих стихиях были как дома. Раз за разом они садились отдыхать на палубу и снова уходили в глубину. Корабль наконец пробился в око бури сквозь внутренние ее стены, и здесь уже волны не были так высоки и злы. Над головой висела широкая полынья голубого неба с тучами на краях, и море из мрачно-серого стало изумрудно-зеленым. Эйлия еще раз оказалась над волнами, глядя на них сверху, и вскоре вода с правого борта закипела: она побелела и забурлила, вздымаясь. Из нее вырвался десяток драконов с красной чешуей, рассыпая дождь брызг, как вынырнувшие киты, но на вершине своего прыжка, где киты стали бы падать обратно в море, они развернули крылья и полетели ввысь, устремились к небу, преследуемые другими драконами.

— Лоананы врага, — сказала Талира, подходя ближе к Эйлии. — Но где же *он*?

Будто в ответ корабль качнулся: он налетел на что-то, на какой-то погруженный предмет, и содрогнулся от носа до кормы. Эйлия встрепенулась, а огненная птица взлетела с палубы.

— Что это было? Может, мы налетели на риф? — воскликнула принцесса.

Паладины и солдаты бросились вниз в каюты, в подводную часть судна, и Эйлия с Дамионом последовали за ними.

— Там что-то есть! — раздался чей-то голос.

И снова корабль испытал удар, теперь посередине, и чуть не перевернулся из-за него. Раздались вопли. И те, кто спустился вниз, увидели, в чем дело.

На флот напали. Похоже, Мандрагор использовал свою власть царя-дракона и позвал самых крупных и опасных созданий из моря этой планеты. Они нападали на лоананов из-под воды, а некоторые стремились прямо к кораблю. Из глубин выплывал многорукий кракен, превосходящий размером самых чудовищных гигантских спрутов. Похожие на блюдца глаза смотрели с пятнистой бульбообразной головы, и тянулись за ним щупальца. С другой стороны приближалась пара сколопендр размером с корабль, гребущих членистыми ногами, и зеленоватый подводный свет блестел на их рачьих панцирях. И орки с огромными морскими змеями изгибали зловещие кольца, как умеет только водные змеи, и настоящая эскадра аспидохелонов, рыбообразных, но с панцирями черепах, каждый больше самого большого кита. Трудно было оценить истинный размер этих созданий — ничто в зеленых глубинах не могло служить для сравнения. Чем ближе они подплывали, тем больше, казалось, становились, вырастая страшно, невероятно огромными. Самые крупные аспидохелоны оказывались размером с небольшой остров.

Эйлия призвала свои силы, чтобы остановить их продвижение. Когда-то она связалась разумом с аспидохелоном и убедила его следовать своей воле, но это было бессознательно. Сейчас она потянулась мыслью — и ощутила лишь ту же темную волю, что вела василиска. Воля эта сопротивлялась ей, не давала достучаться до умов этих созданий. Они были одержимы.

Звери пытались сокрушить адамантиновый корпус, но не могли. Тем не менее гигантские твари не отступили, когда их усилия оказались бесполезны, а стали ударять головами в борта судна, спинами толкать его киль. Тем временем кракен расправил щупальца и охватил ими нос корабля, огромная змея обвила кольцами корму. Немереи бросились наверх, скользя по мокрой палубе, выбежала и личная охрана Смотрящего с луками и копьями. Стрелы не пробивали скользкой чешуи змея, но настойчивыми ударами копий и мечей удалось отрубить два из трех щупальцев кракена. Чудище втянуло оставшиеся конечности и отступило. И наконец молния чистой квинтэссенции, посланная одним из немереев, заставила тварь уйти в море.

Тем временем змей пугал нападавших щелканьем челюстей, украшенных рядами зловещих загнутых назад зубов. Квинтэссенция только разъярила рептилию, заставила ее метаться и бить хвостом по источнику боли. Люди отступили в страхе, и два херувима опустились на накренившуюся палубу, размахивая для равновесия крыльями. У одного из них была передняя половина тела от орла и хвост от змеи, другой был похож на львицу, но с орлиными крыльями и рогами на голове. Они атаковали змея, целясь в глаза клювами, когтями и рогами, и змей наконец тоже с ревом скрылся в воде. Но тут же его место заняли аспидохелон и сколопендра. Они налетели на корабль с разных сторон, ударяя в него по очереди, заставляя мотаться туда-сюда.

Эйлия и Дамион видели все это из-под воды: атаки чудовищных тварей, бешено дерущихся внизу лоананов, взлетающих с башен замка вражеских драконов, уже различимых в подводном полумраке. Было такое ощущение, будто они плывут на летающем корабле над землей, над замком, застланным густым зеленым туманом, через который нельзя ясно различить противника, пока не окажешься совсем над ним. И потому они не заметили сперва цвет лоанана, который выплыл прямо из-под корабля, двигаясь мощными толчками хвоста. Только когда он оказался в свете корабельных фонарей, стало видно, что он красный с коричневатой гривой. Дракон прищурил желтые глаза, глядя прямо на них, и проплыл мимо.

Эйлия и Дамион бросились вверх по хрустальной лестнице на

палубу, а красный силуэт вынырнул у носа справа. Он не полетел, но продолжал плыть сквозь волны, как морской змей, угрожая кораблю, потом царь-дракон погрузился, и видно было, как он скользит под килем. Корабль вздрогнул и затрясся. Смотрящий, преодолев страх, выхватил копье у своего стражника и замахнулся, как гарпуном, в дракона, кружащего вокруг корабля и оставляющего бурный светящийся след. Снова всплыла красная спина с ножами чешуи на хребте, и Смотрящий бросил копье и выругался, когда оно вонзилось в воду далеко от цели. Выхватив стальной меч, он бессильно взмахнул им в воздухе. Царь-дракон нырнул, изменил направление и бросился к поверхности, и такова была сила чародейства, помогавшего его прыжку, что морская вода рванулась за ним белым фонтаном, будто хотела броситься вдогонку.

Он развернул крылья и полетел к небу. *На Омбар!* — вскрикнули его лоананы. Но Мандрагор отделился от них и полетел к далекому берегу, не обращая внимания на причиненные врагами раны, не отбиваясь от херувимов, бросившихся на него, как гончие, сквозь последние тучи разлетевшегося шторма. Из снижающихся облаков свесились рваные хвосты, очень низко, казалось, протяни руку — и дотронешься. Полет красного дракона пронизал разодранные облака, и Эйлия со спутниками заметили, что облака эти заклубились и стали вертеться. Длинное облачное щупальце свесилось вниз, к морю, коснувшись поднявшегося навстречу шпиля белой пены, и образовало столб. Еще драконы вылетели из глубин, и там, где они взлетали из моря к небу, возникали еще вертящиеся воронки.

— Смерчи!

Дюрон и его люди остолбенели.

Только теперь, наверное, поняли они, против какой чудовищной силы решили выступить. Кораблик беспомощно болтался на волнах, и его обитатели летали от борта к борту. Два человека с криком свалились в воду и исчезли. Смерчи окружили корабль со всех сторон: призрачные колонны в огромном зале под крышей небес. Здесь и там закружились воронки, будто их направляли создавшие их лоананы. Волны бились о борта хрустального корабля, и вода стала просачиваться в щели люков.

Эйлия раскинула руки. В правой сиял Камень Звезд, ослепительно-белый, и она призвала силу, укрощающую ураган. Никто из вражеских драконов не рискнул к ней приблизиться — так боялись они сияния Камня. Избавленная от необходимости от них обороняться, Эйлия направила успокоительные мысли вверх в гущу облаков и вниз в морские глубины, и там, даже в стенах ока

вертящейся бури, сила ветров ослабла, и белые гребни волн склонились. Смерчи заколебались и рассыпались с шорохом вод.

— Назад, к суше! — крикнул Эррон Комора лоанейскому капитану. — Царь-дракон сбежал — нам здесь нечего больше делать. Нужно его догнать!

Крылатая Стража уже пустилась в погоню — длинными неровными линиями, как перелетные гуси, гоняли они убегающих драконов по небу. Но царь-дракон все так же вел своих лоананов на запад, к земле. Мандрагор обернул себя облачным туманом, чтобы не представлять для врагов четкую мишень, и теперь казался широкой облачной массой, летящей по небесам. Немереи и лоанеи колоссальным усилием воли развернули адамантиновый корабль и направили его через серый хаос бури, вслед за преследуемыми и преследующими, Эйлию и Дамиона уже подхватили Аурон и Фалаар, и они с Талирой примкнули к воздушной охоте.

16
Город драконов

Пути Мандрагора и его союзников, Смотрящего и его повстанцев, Эйлии и ее Крылатой Стражи сходились теперь в одну точку, к Лоананмару, будто воля судьбы свела их там. Пока царь-дракон летел к заброшенному замку на вулканической горе, своему последнему в этом мире прибежищу, а Трина Лиа гналась за ним, соединенные армии Йомара и Бранниона Дюрона подтягивались к городу. Лорелин на время ушла из лагеря, чтобы избежать влияния железного оружия, пока она говорит через Эфир с Крылатой Стражей. Вернулась она с новостями, что Мандрагор сбежал из своего подводного бастиона и направляется к Запретному дворцу. Повстанцы Неморы стиснули в руках оружие и переступили с ноги на ногу, потому что теперь их наконец-то ждала встреча с врагом. Йомар заметил их напряжение.

— Вы уже столько прошли, — сказал он им, — что можете пройти еще немного. На его сторону вам уже не вернуться: вы теперь с нами, к добру или к худу. Так и оставайтесь с нами.

В конце концов, их задачей не было дать бой Мандрагору — это будет делать Эйлия со своими драконами и херувимами. Их задача — освободить город, и особенных трудностей не предвидится, поскольку нет защитников на воротах и никакой сухопутной армии, что могла бы дать им бой. Мандрагор и его лоанеи слишком полагались на волшебство, а новое железное оружие такой обороне должно положить конец. Лорелин вспомнила, что в мирах Талмиреннии случались битвы и похуже этой. Сейчас надо только выиграть эту кампанию, и мир этот будет спасен.

Но все равно впереди ждала битва, и не с каким-либо врагом, которого они предвидели. Когда армия подошла туда, где джунгли уступали место вспаханным полям, из кустов засвистели стрелы. Вскрикнули и упали идущие в передних рядах, остальные залегли или отступили в смятении и страхе. За несколько секунд атака захлебнулась. Многие лежали мертвыми, с окровавленной грудью. Те, кто не был убит или ранен, обратились в бегство.

— Что такое? Что случилось? — крикнул Йомар, когда выжившие бросились к нему.

— Не знаем. Противник напал на нас, но мы никого не видели — людей поубивало на месте.

— Чародейство? — спросил один из неморских солдат.

— Не может быть, — возразила Лорелин, — когда у нас столько железа. Я — немерейка, и в родстве с архонами. Можете мне поверить, я в этом разбираюсь.

Повстанцы не были закаленными бойцами — это были крестьяне и охотники, убивавшие только зверей, и горожане, которые вообще никого не убивали. Суеверия были в них сильны, вопреки учению Смотрящего. Оружие было у всех, но почти ни у кого не было подходящей брони. Теперь они боялись идти вперед, и только когда Йомар, Лорелин и паладины повели их, они пошли, стараясь держаться на безопасном расстоянии.

На поляне лежали убитые солдаты. Нагнувшись их осмотреть, Йомар и его рыцари обнаружили, что раны нанесены не стрелами, а дротиками странной конструкции: зеленые, похожие на иглы, без оперения. Смерть наступала даже при ранении в руку или в ногу, и не было ни одной глубокой раны. Ясно было, что дротики отравлены.

— Как я и думала, — сказала Лорелин наконец, и голос ее слегка дрогнул. — Это не чародейство. Но почему прекратилась атака? Кончились дротики?

Йомар медленно двинулся вперед с мечом и щитом наготове.

— Никого не осталось. Идем дальше.

— Нельзя же их так оставить, — возразила Лорелин, глядя на лежащих. — Здесь джунгли… звери… — она вздрогнула. — Их надо похоронить.

— Может быть, позже, — ответил Йомар. — Можем оставить при них охрану с факелами. Звери боятся огня.

Среди неморцев многие более чем охотно остались бы с павшими товарищами — так велик стал их страх. Йомар, хоть и не назвал их трусами ни вслух, ни про себя, знал, что эти люди все равно не устояли бы в бою. Горожане изнеженны и более подвержены страху, чем прочие. Не их вина, но в битве за Лоананмар пользы от них будет мало — пусть себе остаются. На осаду он возьмет с собой не столь пугливых.

Но стоило армиям тронуться вперед, листва по сторонам дороги снова зашевелилась, и снова засвистели стрелы.

— Ложись! Падай! — закричали солдатам паладины, и остальные послушались — под градом стрел, отлетавших от брони рыцарей. В зарослях рядом с дорогой что-то задвигалось — не люди, но звери.

На солдат напали пелуды. Почти все неморцы слышали об этих странных и ужасных созданиях, но никто их не видел. Эйлия, читавшая старые бестиарии, где сохранялись предания о странных древних зверях, сообщила друзьям, что эти большие рептилии умели стрелять иглами из собственной зеленой шкуры

— это и были странные дротики, поразившие солдат. В кончиках игл содержался яд, смертельный и молниеносный. Первая волна этих зверей истощила запас игл, поэтому и было небольшое затишье, пока их сменяли другие, с полным арсеналом ядовитого оружия. Кроме того, нападали не только пелуды — джунгли ожили страшными зверями. Один был так огромен, что казалось, будто это гора, если бы он не двигался — гора, откуда торчала длинная змеиная шея. Лорелин ахнула при виде его, узнав гигантского сауриана по описанию Эйлии: «пожиратели деревьев», явившиеся из Исходного Мира. Их враги, казалось, усвоили уроки обороны Арайнии, которой руководила Эйлия. Армия животных, вроде той, что напала на врагов Трины Лиа в лесах Элдимии, теперь атаковала войска самой принцессы. Перед гигантскими танатхонами шли многошеие гидры и омерзительные двуногие линдвурмы с разинутыми зубастыми челюстями. За ними шагали шестиногие тараски с куполами черепаховых панцирей, усаженных огромными шипами, непроницаемые для мечей и копий. И железо никак не смущало этих опасных тварей.

В воздухе запели стрелы. Свалилась парочка линдвурмов, танатон заревел и замотал длинной шеей, когда копья уткнулись в его морщинистую толстую шкуру. Но пелуды только втянули змеиные шеи и хвосты под брюхо и повернулись задом, как дикобразы, подставляя щетинистые спины, и снова в воздух полетели смертоносные иглы. Амфиптеры с крыльями летучей мыши и телом змеи, птицеподобные кокатрисы пикировали на ряды солдат, целясь в лица лучников, хотя их было слишком мало, чтобы подавить стрельбу. А тарасок вообще нельзя было остановить — эти создания просто убирали головы в панцирь и продолжали идти вперед, неуклонно, как огромные камни со склона горы, крушащие все на своем пути когтистыми лапами и размахивающие колючими хвостами. Воздух наполнился воплями и криками о помощи.

Но когда солдаты начали уже отчаиваться, сверху раздался крик, и прямо в морду одному линдвурму свалилась Талира, целясь клювом в глаза. Тут же появились херувимы, яростно пикирующие на чудовищ. Увидев, что их когти и зубы не могут повредить утыканные иглами шкуры и панцири металлической твердости, они окружили зверей и стали нападать и отступать, пока одному из них не удавалось подсунуть лапу под тараску или пелуду и перевернуть зверя. Оказалось, что брюхо у пелуд мягкое и беззащитное, хотя у тарасок оно было бронировано не хуже спины, но эти существа с большим трудом могли снова встать и беспомощно болтали в воздухе всеми шестью ногами, качаясь на

спине, как огромные жуки. Тем временем херувимы кусали и увечили эти ноги, и даже если тараске удавалось перевернуться, то идти она не могла.

Люди, усталые и морально, и физически, смогли отойти и перегруппироваться, пока шла эта битва титанов. Йомар выстроил их кругом, поместив в середину раненых, и они потрясений смотрели, как бьются друг с другом гиганты. Херувимы тоже не избежали ран, и некоторые лежали раненые или умирали от яда пелуд, который на огромные тела действовал медленнее, но все равно смертоносно. Но после долгой битвы обитатели джунглей были сражены до последнего, обезврежены или обращены в бегство. Битва Зверей, как стали называть ее потом, закончилась.

В гуще шумного боя все глаза смотрели на сцену, где разворачивались события, и мало кто, кроме некоторых крылатых бойцов, обратил внимание на перемену погоды. Сейчас же солдаты и рыцари огляделись — и у них перехватило дыхание, потому что небо над головой полностью заволокло облаками: разлетевшаяся морская буря разослала свои ветры и грозовые тучи во всех направлениях. Уцелевшие бойцы посмотрели вверх и увидели, что день потемнел почти как ночь прямо на глазах, клубилась и выступала местами изнанка облаков. Мощный ветер тряс деревья, заставляя их гнуться, как луки, по листьям и по земле заколотил не дождь, а то, чего менее всего можно было ожидать: каменный град.

— Осторожно, чародейство! — крикнул какой-то рыцарь, устремляя в небо руку в железной перчатке.

Черно-серые облака заметно вращались, снижаясь к земле. В клубящейся массе тьмы появился силуэт, извивающийся по-змеиному, и нижний его конец тянулся к земле.

— *Смерчь*! — завопил один солдат, и остальные подхватили его крик.

— *Смерчь, смерчь*!

Такие бури были здесь редкостью, но никто не сомневался, что эту наколдовал враг ради мести. Ряды охватила паника, когда из черной воронки во все стороны полетели камни — это она коснулась земли. Размеренными движениями она стала ходить туда-сюда, уничтожая все на своем пути, прорезая джунгли, как серп — пшеницу, и разбрасывая вырванные с корнем деревья. Обломки расщепленных стволов и сучьев заклубились вокруг, как туча пыли, стоял высокий и пронзительный шум, и ему вторил низкий рокот ударов воронки по земле.

Смерч был ближе половины лиги и надвигался стремительно.

— Он идет сюда! — крикнул Йомар.

Неморцы волей-неволей стали прятаться среди деревьев:

звери были страшны, но невозможно было устоять перед этой новой и куда более мощной демонстрации силы врага. Они вызвали на себя гнев какого-то бога, и сейчас людей наполнял ужас на грани безумия. Херувимы поднялись на крыло, повстанцы бросились в джунгли. Тем временем бойцы Йомара остались беспомощно стоять, зная, что бежать бесполезно, и сейчас единственная их надежда — на воинов воздуха.

Летя высоко над облаками с бойцами Крылатой Стражи, Эйлия, Дамион и несущие их Аурон и Фалаар смотрели сквозь разрывы туч на опустошенную землю.

— Мы им обещали, что с их железным оружием им ничего не грозит, — сказала Эйлия с мукой в голосе. — Что же нам теперь делать? Прийти им на помощь волшебством мы не можем — в присутствии железа. Туда могут полететь только херувимы, а они не владеют магией погоды.

— Летим над бурей, — ответил Аурон, — и нападем волшебством на нее. Мы слишком высоко, здесь железо не достает.

Они полетели дальше, под зеленым небом, над разорванными клубящимися облаками. Спускаясь вниз через эту плотную серую тьму, они вскоре рассмотрели внизу черную яму, дыру, засасывающую облачную ткань вниз, будто воду, уходящую в промоину. Вокруг дыры сверкали молнии, и Эйлия содрогнулась от этого зрелища. Было ясно, что смерч оторвался от морской бури, но это не могло быть случайностью — он двигался точно в сторону ее сухопутной армии. Черное волшебство сотворило его, и он шел разрушать и уничтожать.

Но лоананы знали пути погоды, и возникшая задача была им более чем по плечу. Пролетая над бурей, они потянулись к воздуху, ветрам и влаге, используя свое знание и волшебные умения, чтобы навязать им свою волю. Эйлия, ощутив это, отдала им все силы, которые могла. Вместе они навалились на смерч, стараясь разорвать его вертящуюся воронку на части, повернуть и укротить бушующий ветер. И почувствовали огромную силу чистого зла, сопротивляющуюся им. Снова и снова схватывались они с нею, и снова она не поддавалась. Вихрь почти достиг рассеянной армии.

— Это Мандрагор, — сказал Аурон. — Он просто отвлекает херувимов и лоананов этой диверсией, чтобы ускользнуть в свою крепость.

— Нет, — ответила Эйлия, — это не Мандрагор. Или по крайней мере не только он. Здесь… здесь еще что-то.

И снова она ощутила ужас, который чувствовала, когда

глядела в глаза царя-дракона и в глаза василиска.

Со всей силой она воззвала к собственной мощи, и постепенно сила зла стала уступать. Она не была уничтожена или побеждена, она просто отступала, будто ее целью было заставить Эйлию использовать все свои ресурсы и ослабить ее. И она действительно ослабела: дыхание ее вырывалось судорожными вздохами, напряжение ощущалось в каждой мышце, в каждом нерве. Она рухнула на гриву Аурона, держась из последних сил. И когда драконы устремились вниз, к этому ужасному вихрю, тучи перестали крутиться, центральная воронка начала распадаться, очень быстро она превратилась в простую область пониженного давления, облака утратили угрожающий вид и стали расходиться, оставляя промоины чистого неба. Победоносная Крылатая Стража пролетела над джунглями, над широкой просекой, где по обе стороны валялись стволы выкорчеванных деревьев, как скошенное сено. Но сама облачная воронка рассеялась, разрушилась, и не дошла ни до солдат, ни до города. Всего минуты прошли от начала атаки до ее конца, и трупы сраженных монстров лежали среди обломков деревьев и сверкающих сугробов градин размером с куриное яйцо.

День начинал окрашивать небосвод, построенная на опустошенной местности армия и Крылатая Стража в небе знали, что одержали победу — пока что. Но против кого они сражались? Не просто против зверей, неспособных строить планы и рассчитывать, и смерч, хотя и не слишком здесь редкий, был создан явно актом чародейства. На подозрении у выживших были Мандрагор, лоанеи и архоны этого мира.

— Не понимаю, — проворчал Йомар, — как он делает такие вещи, когда у нас столько железа в руках? Как он использует магию?

Он повернулся к Аурону, который уже превратился в человека.

— Эта буря была не совсем чародейной, — ответил лоанан. — Начаться она могла магически, но Мандрагору достаточно было только направить ее в сторону твоей армии. Когда она до тебя добралась, ничего волшебного в ней не было — буря и буря.

— А звери? Они же были под управлением, их кто-то против нас послал. Почему же они не вышли из повиновения, когда подошли так близко к нашему железу?

— Аурон, он прав, — медленно и устало произнесла Эйлия. — Он пускает в ход новую магию — магию звезд, которая выдерживает холодное железо.

Йомар покачал головой:

— Казалось бы, он сейчас должен был ослабеть, а не усилиться. И я думал, ни один чародей, если он человек, не может противостоять силе железа. Где он силы берет?

— Магией звезд владеют только херувимы и архоны? — спросила Лорелин.

— Ни один херувим Мандрагору не служит, — сказал Фалаар. — В этом я уверен.

— Не служит, — согласился Дамион. — Эту силу он получил от союзников-архонов. Но это не сила архона этой планеты, хотя, подозреваю, Элнемора помогала ему. Она из тех архонов планет, которые давным-давно выбрали бунт и служение Валдуру, и ее влияние все еще сильно в этой сфере. Я видел это в атаке зверей, которые принадлежат этому миру и потому подчиняются ее воле. Но Йомар прав: когда они подошли близко к железу наших солдат, воля, которая вела их, должна была исчезнуть. Элнемора — все же лишь элайя, младший архон, как Эларайния или Эйлия. Здесь действует иная сила, более мощная.

К вечеру, когда Эйлия несколько оправилась, они с Дамионом улетели на своих крылатых скакунах вперед с остальной Крылатой Стражей, а Йомар и Смотрящий повели свои соединенные силы к Лоананмару. Талира летала над войсками, высматривая, нет ли поблизости зверей или иных опасностей.

Сверху Крылатая Стража и ее пассажиры видели на улицах города разбегающиеся фигурки людей, которых, казалось, преследуют летящие тени драконов и херувимов. Эйлия и Аурон приземлились рядом с храмом, а Дамион и Фалаар — на центральной площади. Остальные крылатые воины разлетелись по башням и стенам, потом в неохраняемые городские ворота пошли армии, и жители освобождали им путь. Многие узнавали Смотрящего и встречали его с радостью и облегчением — даже те, кто пострадал под его правлением, меньше боялись его, чем жрецов-драконов и их страшного живого божества.

Эйлия спешилась и взошла по ступеням храма, откуда жрецы Мандрагора имели обыкновение оглашать свои указы.

— Жители Лоананмара! — крикнула она. — Мы не причиним вам вреда! Мы знаем, что вы — рабы, а не друзья царя-дракона и его лоанеев! Сложите оружие и вступайте в наши ряды, и будете свободны!

Рокот, похожий на гром, раздался с затянутой тучами вершины горы, где укрывался Мандрагор. Но из домов стали выходить люди, с надеждой глядя на одетую в белое женщину.

— Свободны! — сказал седой старик. — Мы слова такого не знаем. Многие нам уже обещали свободу.

— Мы хотим, — сказал Дамион, взойдя по ступеням, — чтобы вы не жили больше в страхе перед своими правителями. Не платили им дань и не почитали, как богов.

Еще люди стали выбираться на открытое место, сперва мужчины, потом женщины с цепляющимися за них детьми, стали собираться на площади перед храмом.

— И это правда? — спросила какая-то женщина. — Мы будем жить без страха?

Из боковой двери храма вышел человек в рясе и протолкался вперед через толпу.

— Единственный истинный правитель — царь-дракон! Эти захватчики — ваши враги! И вас постигнет кара…

Йомар приставил жрецу к горлу острие меча, и тот замолчал.

— Тихо, ты! Видали мы таких уже не раз. Кончились дни, когда ты людей запугивал.

Над толпой воцарилась тишина. Люди ждали божественного возмездия, и когда оно не пришло, по толпе прошел ропот удивления. А жрец молчал, когда стало ясно, что его бог не вступится за него. В облаке над головой мелькнула зарница, но удара молнии не было.

— Видите? — крикнул Йомар. — Он никакой не бог! Он злой колдун, который вас держал в плену!

Кто-то был поражен, кто-то плакал. Эти люди похожи на испуганных детей, подумал Дамион.

— Не бойтесь! — крикнул он. — Мы вам поможем, вас не бросят!

— Кто ты? — выкрикнул седоволосый. — Кто вы все?

— Мы пришли из-за пределов этого мира. Мое имя — Дамион, а эта женщина — Эйлия, Трина Лиа.

Толпа отпрянула в страхе.

— Мы слышали о ней. Разве она не враг нам?

— Нет, — ответила Эйлия, с усилием выпрямляясь. — Я не несу вам злой воли, клянусь. Видите — я ничего не сделала вам плохого.

— Я буду служить тебе, — сказал наконец один из толпы. — Я буду служить любому, кто сражается против него. Он и есть настоящий враг. — Человек погрозил кулаком в сторону чародейного облака над горой. — Смерть царю-дракону!

Зрители подхватили крик, он разнесся по толпе, как пожар. Вековой страх сдуло с людей, будто камень сорвался с места, где пролежал много сотен лет. Под общий возглас взлетели в воздух кулаки, мечи и копья, и облако рассеялось, обнажив крепость на вершине.

— За ним, выкурить его из норы! Он всего лишь жалкий

колдун, и эта волшебница сильнее его!

Народ покатил, как наводнение, и следом двинулись паладины и солдаты Смотрящего. Сверху парила Крылатая Стража, и только Эйлия осталась стоять, опираясь на плечо Дамиона и склонив голову.

К ней приблизилась небольшая группа людей.

— И ты действительно можешь сделать, как обещаешь? Твоя сила может сравниться с его силой? Ты успокоишь бурю и утишишь гнев земли? — спросил лысеющий человек с запавшими испуганными глазами.

— Ее гнев? — переспросил Дамион. — Что ты имеешь в виду?

— До сих пор царь-дракон имел власть лишь над воздухом и водой. Но всегда говорилось, что он на самом деле — дракон Земли, и его чары могут повелевать и землей. В последние девять дней были знамения, каких не знали здесь до того. Земля тряслась под ногами, и странные звуки доносились из ее глубин: рычание, как от огромного зверя, и шипение змеи. Источники, где мы когда-то купались, стали слишком горячими — мясо можно варить, — а некоторые совсем пересохли. Он обратил против нас саму землю!

Эйлия и Дамион переглянулись.

— Что это значит? — спросила принцесса, наклоняясь к Дамиону и шепча ему на ухо. — У драконов Земли есть некоторая ограниченная власть над почвой и камнями, но Мандрагор был глубоко в море, и вся его сила уходила на бурю, которой он оборонялся.

Дамион взял ее за руку и ввел в просторный зал храма. Лоанеи и их люди-жрецы не остались праздными: огромное помещение отремонтировали, покрасили и убрали плетеными гирляндами, а гигантское изваяние коронованного дракона в глубине снова покрыли листовым золотом, отражающемся в глазированной плитке пола.

— Его сила возросла, — сказал Дамион. — Он теперь может использовать волшебство в присутствии железа. Может быть, и расстояние, на которое он достает, увеличилось.

— Только архон может противостоять железу, — ответила Эйлия. — Конечно, он частично архон, как и мы, но — ты сам говорил — даже Элнемора такого не могла бы.

— Только величайшие из архонов владеют звездной магией, — согласился Дамион. — Архоны планет и младшие их родственники, живущие в самих планетах, не могут устоять против магии звездных металлов. Все мы подчиняемся ей, кроме элиров, вошедших в звезды и ставших с ними единым целым. Мандрагор приобрел силу элира.

— Элира… — секунда испуганного молчания. — Ты говоришь о Валдуре.

— Принц — слуга Модриана-Валдура, канал, по которому его воздействие достигает материальной плоскости. Мандрагор дал согласие стать Аватаром валеев, и теперь его пожирает Сила, которую он призвал.

Голос Дамиона был полон жалости.

— Я не думаю, что он этого хотел, — сказала Эйлия. — Он верил, что Валдур давно мертв и не угрожает ему или вообще кому-нибудь. Он хотел только защиты от нас.

— Валдур так же легко может действовать посредством неверующих в него, как и верующих, — ответил Дамион. — Многие не осознают его зова, хотя и подчиняются ему. Мандрагор же был создан, чтобы стать его сосудом. Быть может, он изначально не мог противостоять соблазну. Как бы там ни было, он — тот враг, с которым нам предстоит сражаться.

— Дамион, но ты же сам сказал: я — из низших. У меня нет силы сражаться с элиром.

— А Камень? — спросил он. — Это талисман, привязывающий тебя к прочим элам. Быть может, тебе достаточно будет просто пустить его в ход, и они добавят свою силу к твоей.

Эйлия задумалась.

— Возможно, — произнесла она наконец. — Он здесь, со мной. Посмотрим, какую силу он мне предоставит. Но моя мать говорила, что на самом деле он — не оружие.

Низкий рокот раздался из глубин, и вздрогнула земля у них под ногами, будто лавина закованной в сталь кавалерии пронеслась мимо порога. Потом сама земля закачалась туда-сюда, как корабль на волнах, и застыла снова. Вопли и крики донеслись с улицы.

— Началось, — сказал Дамион. — Мы должны действовать, пока он еще не набрал слишком много силы от своего хозяина. Он может даже сам не понимать, во что превратился.

Они вышли из высоких дверей обратно к людям. Толпа рассеялась в страхе, и не только из-за подземных толчков. Гора и крепость на ней были окутаны не обычным белым паром, но черным дымом, скрывшим гордые башни.

— Там пожар? — воскликнула Эйлия, увидев бегущих к паперти Лорелин и Йомара.

Эти слова услышал тот лысый:

— Это горит земля! — крикнул он. — Всех нас покарают за то, что тебя слушали! Царь-дракон разгневан, и всех нас ждет гибель!

17
Мощь Земли

В тот же вечер Эйлия и ее союзники собрались во дворе перед храмом царя-дракона. На его позолоченной крыше развевался теперь боевой штандарт Арайнии: Элмир Торжествующий, держащий в клюве извивающегося поверженного Змея. Земля снова затихла. Но крепость живого бога все еще нависала над городом, ее башни окутывал дымный плюмаж из глубоких трещин на склоне горы, и кружили вокруг нее в единоборстве драконы и херувимы.

— Вот наша следующая цель, — сказал Йомар. — И последняя, и будем надеяться, она закончит войну.

Эррон Комора покачал головой.

— Мало кто пойдет туда за тобой — пока жив Мандрагор, а твои драконы и херувимы говорят, что он жив. И госпожа Синдра тоже набрала силы, так что местный народ боится ее не меньше, чем самого царя-дракона. Она мне сказала, что обратилась за помощью к богине земли, — добавил он и вздрогнул.

— Смертные, обращающиеся к архонам зла, часто потом всю жизнь об этом сожалеют, — заметила Талира.

— И у нас есть железо. Армии должны совместно штурмовать гору и ворваться в замок. Я научу их как, — сказала Эйлия. — Ворвавшись в крепость со своим оружием, они ослабят чародейство врага.

— Но Мандрагор теперь, как ты сказала, неуязвим для железа, — напомнила Талира.

— Это так, но уязвимы Синдра и лоанеи, и уязвимы мятежные лоананы и огнедраконы. Даже Элнемора не может ему противостоять. — Все посмотрели на крылатые силуэты над крепостью. — Ему придется сражаться в одиночку, когда его союзники станут беспомощны, — продолжала Эйлия ровным голосом. — А наша Крылатая Стража ранила его, когда он убегал. Каким бы мощным ни стало его волшебство, вечно сражаться он не сможет. Конечно, наши лоананы не смогут биться в присутствии железа, но херувимы смогут.

— И будут, — заявил Фалаар своим мощным трубным голосом.

Его гордость, что именно его народ поведет последнюю битву, была очевидной.

— Таким образом, остается один Мандрагор против войска херувимов. — Мне жаль, Аурон, — сказала Эйлия, поворачиваясь

к лоанану, — отстранять твой народ от этой битвы. Но в ней не может участвовать никто, использующий волшебство. Мандрагору нельзя дать уйти на Омбар. Рядом с ним нет херувимов, нет никого, кто мог бы противостоять железу, и он устанет, он ослабеет от ран. Ему нужен будет сон и отдых, и это… и это будет конец.

Она чуть запнулась на последних словах, никто почти и не заметил этого — кроме Дамиона. Он подошел и встал рядом с ней.

— Пророчество гласит, что триумф будет твоим, Эйлия, — сказала Талира. — Но в том плане, что ты предлагаешь, у тебя нет активной роли. Это не может быть правильным.

— Может быть, — возразил Дамион, — Эйлия свою роль уже сыграла. Разработав этот план, она будет косвенной причиной падения принца-дракона. И смертным достанется большая доля победы, чем если бы мы пытались победить волшебством.

— Да, — согласилась Эйлия. — Это будет их триумф, а не мой.

— Это так и должно быть, — заявил Бранниoн Дюрон. — В конце концов, это наш мир, а не ваш.

Стоявшая рядом с ним Джелинда положила руку ему на плечо — жестом одновременно почтительным и собственническим. Он не улыбнулся, но ответил на ее прикосновение небрежным поглаживанием.

Эйлия отвернулась от этой пары — и оказалось, что перед ней Лорелин и Йомар, обнимающие друг друга за плечи. Она видела в последние дни, как растет их любовь, мелкие незаметные признаки, выдающие привязанность и нежность. И она радовалась за них, но сердце у нее сжималось той же болью, что и при виде любви Май и Терена. Мальчик уцелел в битве в джунглях, но ему еще предстоит участие в новой кампании. И как Эйлия будет смотреть в глаза Май, если ее возлюбленный погибнет ради выполнения ее плана? А что, если Лорелин с Йомаром тоже обречены?

Рыцари, вооруженные мятежники и множество горожан подошли к подножию горы и посмотрели вверх. Склоны были круты, вершина терялась в клубах пара и дыма. Сквозь них проглядывала тропа, по которой однажды прошли Эйлия и Май, — она вилась тонкой нитью к отверстию пещеры на склоне.

Лорелин подошла к Йомару.

— Эйлия говорит, что там внутри есть туннель, и идет он прямо через гору и выходит в замок.

— Что-то мне это не нравится, — ответил он. — В туннеле

очень легко устроить засаду.

— Когда херувимы будут атаковать с воздуха, внимание врага будет от нас отвлечено.

Он подумал и сказал:

— Может быть. Но лучше тогда дождаться темноты — просто для страховки.

После захода второго солнца они начали свое острожное восхождение — Йомар и Лорелин вели рыцарей, за ними длинными колоннами шли солдаты Смотрящего. Самого Смотрящего с ними не было: они с Коморой исчезли перед началом марша.

— Трусы, — презрительно бросил Йомар. — Они знают, что железо бессильно перед Мандрагором, и потому не решаются вновь на него напасть. Все труды и опасности они оставили нам.

Некоторые из людей Смотрящего тоже перепугались при подходе ко входу пещеры и повернули назад. Но основная масса продолжала идти сквозь туманный занавес, уверенная в своих предводителях. В пещере было жарко и темно, почти удушливо — стены уже не просто блестели испариной, по ним текла вода. Люди тяжело дышали, отирая лбы, и рыцари начали даже снимать доспехи вопреки предупреждениям Йомара. Когда они дошли наконец до зала с озером, то увидели, что поверхность его кипит, как в поставленном на огонь котле. Лорелин подошла к краю.

— Эйлия говорила, что озеро как горячая ванна, но не кипит. Что случилось?

— Смотрите, госпожа, — показал один рыцарь.

Из узкой трещины каменного пола проглядывало красное свечение, и жар как из горна обдал склонившиеся над трещиной лица.

— Огонь, там внизу огонь, — сказал Йомар. — Вулкан снова оживает?

— Это чародейство, я уверена, — сказала Лорелин. — Надо вернуться.

— Если это чародейство, то его творит Мандрагор, чтобы заставить нас отступить, — возразил Йомар. Досадное нетерпение овладело им в такой близости от преследуемой дичи. — Но собой он рисковать никак не стал бы. Значит, он просто нас пугает, на самом деле ничего серьезного нам не грозит. — Он стер со лба пот. — Пошли. Где тут лестница, ведущая внутрь?

И они двинулись дальше, держа оружие наготове, вверх по каменным ступеням к двери, открывающейся в нижние этажи замка, — выломать ее оказалось просто. Несколько обитателей бродило там по залам, и они быстро сбежали при виде мечей и

доспехов ворвавшейся армии, кроме немногих, впавших в какой-то ступор, как пьяные. Но Мандрагора нигде не было.

Вскоре Лорелин нашла огромные двери в тронный зал и заглянула туда. На троне сидела женщина в красной мантии — Лорелин узнала ее и вскрикнула:

— Синдра! Предательница!

Йомар шагнул в дверь с мечом наготове:

— Где твой принц? Говори! — крикнул он.

Синдра сидела на троне недвижно. Распущенные волосы черным маслом лились по красной мантии, лицо было абсолютно безмятежно.

— Вам не победить, — произнесла она ясно и неторопливо. — Поднимаются огни земли. Я позвала их, и они повинуются моему приказу, ибо я — их госпожа. Вы думали захватить крепость, а попали в силок. Но можете уйти и вернуться к своей Трине Лиа. Останетесь — сгорите.

— Ты же тоже сгоришь, дура! — вытаращился на нее Йомар.

— Нет, сгорит только это смертное создание с ее телом. Мне повредить нельзя.

Он уставился на нее:

— Что ты такое говоришь?

— Это говорит не Синдра! Она одержима! — Лорелин подошла к подножию трона, выхватила адамантиновый клинок. — Кто ты? Что ты сделала с Синдрой?

— Я — архон этого мира, — произнес окрашенный красным рот.

— Элнемора! — ахнула Лорелин, оборачиваясь к Йомару. — Ею овладела Элнемора, понимаешь, Йо? Вот почему она не боится: архон знает, что ее самое уничтожить нельзя!

— С нами железо, — сказал Йомар. — Даже архоны Земли не могут ему противостоять. Оно препятствует их волшебству, как и магии любых смертных. — Он тоже подошел к трону, вытащил Меч Звезд, и женщина на троне дернулась и злобно глянула на него.

— Поздно! — крикнул украденный голос Синдры. — Огни земли пробуждены, и они теперь разгораются не моей волей, а собственной природой. Ни вам, ни вашим мятежникам не взять теперь Лоананмар — город будет разрушен, а люди убегут или погибнут. Вы сами навлекли на них эту судьбу.

Трина Лиа и ее советники заняли брошенный дом в центре города. Это был один из лучших домов в Лоананмаре, принадлежавший когда-то одному союзнику Смотрящего, и многочисленные комнаты были заполнены дорогой мебелью с

позолотой и лаком. В открытые высокие окна проникал знойный воздух. Эйлия, Дамион и их советники сидели вокруг мраморного стола и тихо обсуждали, что следует делать. Смотрящего и Коморы с ними не было — они куда-то ушли по собственным делам. Аурон сидел с ними в образе человека, и на спинке его стула устроилась как на насесте Талира. Фалаар был снаружи, стерег главный вход.

Эйлия плохо соображала от тревоги и усталости, и еще от жары. Даже ветерок не задувал в открытые окна. Дамион смотрел на нее озабоченно, и она постаралась сесть прямее и следить за разговором, но больше всего ей сейчас мечталось отдохнуть, выспаться как следует.

Она переоделась в простое белое платье, короны на ней не было, если не считать уложенной косы собственных волос. Единственным украшением у нее был звездный сапфир матери, Камень она спрятала в потайном кармане. Сидя на золоченом стуле, она часто вздыхала и вертела кольцо на пальце.

— Очень долго это тянется! А из-за железа мы не слышим ничего, что в замке делается.

— Фалаар говорит, что битва шла хорошо, когда он там был, — подбодрил ее Аурон. Херувимы дрались с Мандрагором посменно — его сила оказалась больше, чем они ожидали. — Как ты сама говорила, принц не сможет держаться вечно. Он сейчас только защищается, не атакует, а его воины-драконы не могут войти во внутренний двор, где он держит оборону, — солдаты окружили его со своим оружием. — Он положил руку на спинку ее кресла и придвинулся к ней, говоря самым утешительным голосом: — Все идет нормально, принцесса. Окончательная победа не за горами.

— Ни их, ни тебя не ждет победа, принцесса, — заявил новый голос.

Он прозвучал от двери, и все повернулись туда. У входа стоял гоблин — а может, просто уродливый человек, одетый в черную мантию, с морщинистым злобным лицом.

— Как он попал в дом? — закричала Талира, взметая вихрь перьев.

В окне появилась огромная голова херувима Фалаара:

— Он не попал в дом. Этот трус проецирует сюда свое изображение. Видишь, он просвечивается насквозь?

— Кто ты? — спросил Дамион, вставая.

— Я Наугра, — ответил старик, оглядев всех по очереди. — Регент Омбара.

— Что ты хочешь от нас, Наугра? Скажи, что пришел сказать, и уходи.

— Вас извещают, чтобы вы покинули это место, потому что своим пребыванием подвергаете опасности множество жизней, — ответил регент.

— И оставить Мандрагора тиранствовать над ними? — отпарировал Дамион.

— Это лучше, чем если они будут уничтожены. Элнемора овладела вашей предательницей, Синдрой, которая хотела быть спутницей воплощения Валдура. Она слишком далеко протянула свою силу — и была поймана. Теперь она служит богине этого мира. Гора взорвется огнем, и весь город погибнет. Первыми же погибнут ваши друзья, которые сейчас оказались в крепости, — если вы им не прикажете немедленно отойти. Оставляю вас поразмыслить и принять решение.

И он исчез.

Эйлия с опрокинутым лицом встала.

— Что же мне делать? — спросила она.

Фалаар остановил на ней взгляд золотых глаз:

— Мы не можем остановить кампанию. Если это сделать, Мандрагор восстановит силы и сбежит на Омбар. А для воина — честь умереть в битве за Свет. Имена и души погибших будут жить в вечной славе.

— Жители этого города — не воины! Это простые купцы и крестьяне — и еще женщины и дети! — крикнула Эйлия.

— Враг знает, что твое сердце полно жалости. Он знал, что это сработает ему на руку — заставит тебя колебаться.

Она приложила руку к голове:

— Секунду, одну секунду… дайте мне подумать.

Эйлия вышла из дома в сад за высокими стенами. Над крышами города нависал вулкан, зловещий и черный, и он был полон магии земли: глубоко, ниже его подошвы, в глубинах его внутренностей, поднимались проснувшиеся огненные силы. В темно-зеленом небе горели звезды — и среди них одна красная. Воздух был нагретым, тяжелым, гнетущим, вызывал воспоминания о той ночи, когда она ощутила аромат роз. Эйлия беспокойно металась под звездами.

Что же мне делать? Мать, ты слышишь меня? Скажи, что мне делать! Архоны, помогите мне!

Но звезды молчали.

Что будет дальше? Сколько жизней придется за это отдать? И они ничего не значат в ходе вещей? И тебя это устраивает? — Она воззвала к небу: — *Война будет идти сотни — тысячи лет. Гоблины и их родичи всегда будут нас ненавидеть — они сейчас ненавидят нас, как никогда.*

Ей вспомнились слова Мандрагора: *«Только если мы*

объединимся, будет долгий мир».

Она попыталась вызвать видение этого мира в сердце своем, но его там не было.

Снова вздрогнула земля, и серная вонь повисла в воздухе. Эйлия обернулась к замку, погруженному в туманную завесу. Теперь ей стал понятен план врага: восставшие огни прогонят из крепости всех воинов-людей, а с ними — их оружие. Тогда мятежные лоананы и огнедраконы смогут спуститься в цитадель и помочь Мандрагору в битве. Единственное, что могло бы этому помешать, как сказал Фалаар, это если солдаты останутся в крепости до конца и погибнут в огне. Несомненно, что погибнет и много херувимов, чтобы не дать Мандрагору спастись бегством. Она вспомнила Терена, других молодых солдат, Йомара и Лорелин и задрожала.

«Нет! Наши воины не будут побеждать, становясь смертниками. Слишком это ужасный конец. Пусть херувимы прекращают бой и начинают спасать солдат — только они могут вывезти их в безопасное место. Железо можно оставить, наверное, чтобы помешать нашему противнику проникнуть к своему принцу».

Но она уже знала, что это не решение. Люди — приспешники Мандрагора — просто соберут мечи и копья и выбросят их со стен.

«Кажется, единственный ответ — волшебство, и я должна сражаться, как предсказало пророчество. Я полечу с херувимами и помогу им и драконам победить Мандрагора».

Но не осталось ли еще надежды, что Мандрагор прислушается к голосу разума и сдастся, а не улетит с огнедраконами на Омбар? Пока что удалось сорвать его переезд туда, а это значит, что он все еще сопротивляется планам валеев на него.

Тут она заметила, что с ней Аурон, Фалаар и Дамион — просто стоят и молчат в нескольких шагах от нее, поддерживая в трудную минуту. Она обернулась к ним, сцепив перед собой руки, как проситель.

— Дамион, — сказала она, — не возьмешь ли на себя командование армией? Я попытаюсь помочь Лорелин, Йомару и остальным — если ты отвезешь меня во двор крепости, друг мой. — Это уже адресовалось Фалаару. — Там железо, и я не могу долететь туда сама в крылатом виде.

— Я отнесу тебя, — ответил Фалаар. — Но чего сможешь ты достигнуть там, принцесса, если ты и без того устала, и железо там рядом?

— У меня все еще есть одно преимущество перед врагом, —

сказала Эйлия. — Он ранен, а я нет. Если он не слишком еще далеко зашел, я могу даже убедить его сдаться. Но в любом случае я иду туда — сделать то, что должна.

Лорелин ушла от остальных в оранжерею замка, чтобы железное оружие не затуманило ей ум, когда она выйдет в Эфир. Стоя в грустной тишине под разбитыми стеклами, среди увядших оранжерейных растений, она протянулась в Эфир и с облегчением услышала далекий мысленный шепот.

Лори, — звала Эйлия, — *я лечу в замок на Фалааре. Вы должны вывести всех из замка — быстрее! Всех выведи на бастионы, херувимы их перенесут.*

— А ты? — спросила Лорелин. — Зачем тебе сюда?

Есть одна вещь, которую я должна сделать.

— Какая?

Которую я должна была сделать раньше. Вести собственную битву, а не перепоручать ее другим. Лори, быстрее!

Лорелин сбежала в тронный зал, где собрались бойцы и горожане, и передала приказ Эйлии. Синдра продолжала сидеть на троне, но в присутствии такого количества железа владеющая ею сущность удалилась полностью, и лицо женщины стало белым от ужаса.

— Не бросайте меня здесь, умоляю вас! — кричала она. — Она вернется и снова меня заберет, я не могу ей сопротивляться!

— Тебе все равно придется идти с нами, — ответил Йомар. — Хотя бы чтобы ответить за твое предательство.

— Нет-нет, что я говорю? Это бесполезно, вы не понимаете. Вам не победить!

Синдра встала, качаясь, будто падая в обморок, свалилась им на руки. Тут же со змеиной быстротой ее рука дернулась вперед и схватила кинжал с пояса Йомара. Он, выругавшись, обернулся к ней с мечом наготове, но она направила острие себе в грудь — и никто не успел ее остановить, как она всадила его по рукоять.

— Свободна, — выдохнула она, опускаясь на колени на алый ковер. — Она меня никогда уже не заберет, никогда. Свободна! А он — нет… его поглотит…

— Мандрагор? — спросила Лорелин, опускаясь на колени и поддерживая голову и плечи женщины.

— Его единственная надежда, и ваша — Эйлия. — Синдра захлебывалась, губы покраснели уже не только от краски. — Она может его убить. Скажите ей: если она его любит, то должна убить его раньше… раньше, чем…

Голова ее откинулась назад, пустые глаза смотрели вверх.

Они поглядели на безжизненное тело, потом друг на друга.

— О чем это было? — спросил Йомар. — Все это насчет любит и убьет…

Лорелин покачала головой:

— Не знаю. Эйлию она всегда ненавидела, мы никогда не знали почему. Теперь уже никогда и не узнаем. — Она встала. — Но она хотя бы попыталась себя остановить — в конце.

— Что теперь? — спросил Йомар. — Огонь все равно вырвется из горы, хотя Элнеморы больше нет?

— Я думаю, да. По словам архона, она начала нечто такое, что остановить невозможно — это если ей верить. Но чувствуешь, как пол нагрелся?

Он кивнул:

— Лучше всего, наверное, поверить на слово. — Йомар глянул вниз на неподвижное тело. — Оставь ее. Ничего для нее сейчас не сделаешь, надо помогать живым. Всех этих людей надо вывести из замка на крышу, как сказала Эйлия.

С некоторыми трудностями паладины собрали в кучу остатки двора. Некоторые пытались уйти через дверь туннеля, но там им пришлось остановиться — черный дым валил из разбитой двери, все еще висящей на одной петле, а с ним — невыносимый жар. Кашляя и всматриваясь в наполненный золой туман, люди видели пылающие огни — расплавленная лава вырвалась снизу и красным потоком захлестывала ступени.

Теперь перед Лорелин была толпа перепуганных лиц.

— Все вверх, на крыши! Помощь придет, если сделаете, как я говорю.

Споров не было — все побежали. Паладины направляли толпу с флангов, Йомар и Лорелин шли сзади. Двигаться так быстро, как им хотелось бы, не получалось, потому что отключившихся от блаженной травы приходилось нести, а воины были обременены доспехами.

— Точно все здесь? — выдохнула Лорелин, поднимаясь на второй мраморный пролет.

Даже на этом уровне жар был невыносим, и дышалось с трудом. Дым гнался за людьми по лестнице, нижние залы уже горели.

— По всем комнатам пробежали, все пусто, — ответил один из рыцарей. — Остались только Трина Лиа и принц-дракон. Мы видели их обоих во дворе крепости.

— Эйлия! — крикнула Лорелин, но железо не позволило ей выйти в Эфир, и ответа не было.

Горожане ошеломленно смотрели, как темнеют под луной клубы пара, вырывающиеся из холма, и превращаются в несущий

пепел горячий дым. Вдруг из пещеры высунулся красный язык и выплюнул фонтан жидкого камня, горящего расплавленным металлом. Струя лавы каскадом пошла вниз по крутому склону, поджигая все, к чему прикасалась. И в ту же минуту, будто в ответ, языки пламени взмыли в небо и вертящиеся черные крылья закрыли звезды — огнедраконы готовились вернуться в битву.

Лоананы уже все были в воздухе. Дамион повернулся к собравшейся за ним толпе и крикнул:

— Бегите и спасайтесь! Спасайте всех, кто еще остался! Вам тут ничего не сделать, берите женщин и детей и бегите! Город обречен!

Он побежал к Фалаару, который спустился неподалеку сгрузить с себя солдат:

— Огнедраконы кружат над крепостью. Наверное, прилетели за Мандрагором — охранять его и сопровождать на Омбар. Мы должны им помешать! Но горожанам тоже нужно помочь — скоро по этим улицам потекут огненные реки.

— Я слышу, — ответил Фалаар, нагибаясь, чтобы Дамион мог сесть ему на шею. — Но я думаю, трудно будет спасти людей и при этом защитить себя.

Дамион вгляделся вниз, когда крылатый скакун его взмыл в воздух. Херувимы на краю города высаживали пассажиров.

— Лорелин там, — сказал он с облегчением. — Я ее слышу. Они с Йомаром спасают людей, но я должен помочь Эйлии.

— Мы так и поступим, — ответил Фалаар, — но сперва должны пробиться через огнедраконов.

Свет из окон замка лился в прогулочный садик в его центре, и там стояла Эйлия лицом к лицу с Мандрагором. Раненый дракон растянулся на траве, разбросав наискось крылья, чешуйчатые бока его тяжело ходили. Золотистые глаза были полуоткрыты, но не узнали ее, когда она подошла. Она подвинула его голову при звуке улетающих крыльев — это херувимы уносили с крыш последних обитателей крепости.

— Они сбегают, бросив тебя на произвол судьбы, — тихо сказала Эйлия. — Прими свой собственный вид, Мандрагор, и мы тебя отнесем в безопасное место. Сдайся, и ты не будешь уничтожен.

Дракон не превратился в человека и отвечать не стал. Глаза его закрылись, дыхание вырывалось неровно и прерывисто. Казалось, он без сознания. А что, если его не удастся привести в чувство? Пусть она может сама принять форму дракона, но другого дракона ей в воздух не поднять. Один он здесь пропадет в огненном буйстве — судьба, которой она не пожелала бы ни

одному живому существу. Ее наполняла жалость и вместе с ней чувство вины, а он лежал перед ней, простертый и израненный. Разве Мандрагор не пощадил ее жизнь, когда она спала вот в этом замке? Убей он ее тогда, не был бы он сейчас в таком состоянии. И должна ли она платить злом за добро? Уйти сейчас — значило бы оставить его огню. Элнемора, желая спасти Аватара, обрекла его на гибель — если только друзья Эйлии не смогут ему помочь. Она крикнула, призывая на помощь Аурона и Фалаара, потом вспомнила, что здесь ей не услышать эфирных голосов, хотя убегающие воины и взяли свое оружие. Она снова была отрезана, будто барьером, барьером железа…

Прямо сверху донесся рев звездной магии, преодолевающий голос холодного железа, и с ним — хлопанье крыльев. Эйлия посмотрела вверх — виверн спускался меж отвесных стен и садился во внутреннем дворе. У него на спине сидели два всадника — она узнала их, когда они спешились. Браннион Дюрон и Эррон Комора. У Смотрящего висел на бедре железный меч.

— Колоссальное достоинство вивернов, — произнес Эррон, привязывая шипящую рептилию веревкой к дереву, — это что они — создания природы, и летают без магии. Железо не привяжет их к земле, как дракона, и командовать ими можно без волшебства.

Они подошли поближе, и лежащий без сознания лоанан вздрогнул, но не очнулся, а потом чародейство, удерживающее его облик, исчезло. Перед ними в растоптанных кустах роз лежал Мандрагор-человек, покрытый боевыми ранами. Глаза его были закрыты, лицо — мертвенно-бледным. Эйлия смотрела на него с сочувствием — и с другим чувством, более сильным, которое она уже не могла отрицать.

«Можно было бы сейчас положить конец его страданиям, пока он не осознает, что происходит, — подумала она. — Как легко это было бы, и как милосердно! Судьба его свершилась бы этим милосердным деянием. Так давным-давно думала Элиана — но она пощадила его. Неужто просто случайно? Или она повиновалась судьбе, которая повелела ему жить?»

Как бы там ни было, а ей не хотелось, чтобы вся слава досталась Дюрону. Торжество над царем-драконом укрепило бы его власть над народом, и он хорошо это понимал. Со своими людьми он не пошел в бой, но подождал, пока ослабнет Мандрагор — пока на него можно будет напасть безнаказанно. И этого труса прославят как героя.

Смотрящий стал было вытаскивать меч, но остановился.

— Я не вижу здесь дракона, есть только человек, — нахмурился Дюрон. — Наше железо должно заставить эту тварь

принять свою *истинную* форму, разве не так?

Эррон глянул презрительно:

— Это она и есть, его истинная форма. Никакой он не лоанан, он всего лишь человек, умеющий принимать облик дракона. Ты разве не слышал, что тебе сказала Эйлия? В этом она хотя бы не солгала: он просто лоанейский чародей. Как и эта женщина, эта богиня, как она любит, чтобы ее называли, — Эйлия тоже бессильна перед твоим мечом. Но поспеши! Пожар, пожирающий замок, скоро охватит и этот двор, и тот, что под землей, тоже уже приближается. Чувствуешь, как горяча почва под ногами? Убей царя-дракона, и летим прочь!

— А когда он умрет, ты займешь его место и будешь править этим миром! — бросила ему в лицо Эйлия, становясь между Дюроном и его жертвой. — Смотрящий, Эррон тебя предаст, как только не станет Мандрагора.

— Давай, Браннион, не обращай на нее внимания, — нетерпеливо сказал Эррон. — Убей его! Не обязательно тащить с собой тело целиком, просто отрежем голову. Достаточное доказательство твоей победы.

— Я надеялся на трофей получше — голова огромного дракона, — буркнул Дюрон.

— Без разницы. Поставим тебе изваяние, держащее голову дракона! — отрезал Эррон. — Спеши же! И не обращай на ведьму внимания: она тебе ничего не сделает. Волшебство недоступно ей в присутствии железа.

Дюрон поднял меч:

— Отойди от него, женщина.

— Нет.

— Отойди, или я и тебя убью.

Камень качнулся под ногами, новые языки пламени вырвались из замка. Виверн, обезумев от ужаса, мотал длинной шеей и вопил, потом захлопал кожистыми крыльями, рвясь в небо, но веревка не пустила его. Эйлия подняла голову — Крылатая Стража была занята боем с огнедраконами. Через Эфир она не могла их призвать в присутствии железа, и вообще помочь ей мог бы только херувим: дракон был бы так же беспомощен, как она.

Дюрон шагнул к ней…

…и, молниеносно повернувшись, воткнул меч в грудь Эррона. Лоаней хрипло взревел, поднял руки, хватаясь за лезвие, потом его ноги подкосились и он рухнул в розовые кусты и затих. Эйлия остолбенела.

— Я бы не дожил до таких лет, — заметил Дюрон спокойным и ровным голосом, вытаскивая меч из тела, — если бы верил

предателям. К счастью, он мне больше не нужен. Пусть и тебе это послужит уроком, девица. Теперь отойди с дороги.

И он снова направился к Эйлии и Мандрагору.

Она побежала прочь, а он встал рядом с поверженным Мандрагором — и тут Эйлия сорвала с пояса Эррона кинжал с драгоценной рукоятью. Дюрон увидел это движение и обернулся к ней:

— Ты решила драться со мной вот этим ножичком? — спросил он презрительно.

— Нет, — ответила она. — У меня нет подобных намерений.

— Надо все-таки тебя убить, ибо я вижу, что ты по природе своей — коварная предательница. А то еще мой народ начнет тебя почитать, как твои невежественные подданные. Но сперва то, что важнее.

Он повернулся к Мандрагору, поглядывая на Эйлию.

Она снова побежала — на этот раз к виверну, который изо всех сил рвался улететь, обезумев от дыма и угрожающих языков пламени. Одним ударом она наполовину перерезала веревку, привязывавшую животное к дереву.

— Что ты делаешь? — завопил Дюрон, вдруг утративший свою невозмутимость.

Она повернулась к нему с ножом в руке:

— Отпускаю это создание на свободу. Если хочешь жить, Дюрон, забирайся ему на спину прямо сейчас. Этот виверн — твоя единственная надежда. Уходи и уноси с собой свое железо!

Их уже окружало огненное кольцо: горел весь замок. Расплавленный камень тек по мраморным полам, поджигая портьеры, гобелены и мебель. Виверн визжал и натягивал веревку, и та начала рваться на разрезе. Только несколько прядей еще удерживали зверя в плену, и Эйлия подняла нож, чтобы их разрезать. Изрыгая проклятия, Дюрон сунул меч в ножны и бросился в седло, но веревка лопнула как раз в миг его отчаянного прыжка, и он успел схватиться лишь за волочащийся конец. Виверн молниеносно взлетел в небо, во всю прыть спасаясь от огня, а Дюрон повис, болтаясь над ревущим пожаром, изо всех сил цепляясь за обрывок. Почти тут же зверь и человек исчезли в тучах дыма и пепла.

Эйлия осталась во дворе замка, отбросила кинжал Эррона: к счастью, он был стальным, потому что лоанеи железа на себе не носили. И все равно она была слишком слаба для любого чародейства. Мысленно позвав, она не получила ответа: Крылатая Стража продолжала битву с огне драконами, и мысли сражающихся были сплошь боль, гнев и смятение.

В последнем усилии она попыталась собраться, коснуться

мерцающей сердцевины собственной силы, зачерпнуть из нее — но тут же налетел сокрушительный порыв ветра, раздувая пламя в горящих деревьях, и Эйлия, обернувшись, увидела вставшего на дыбы красного дракона с горящими глазами, тянущего к ней когтистые лапы.

Наблюдатели из города увидели, как взмыло над горой огромное дымное облако, подсвеченное красным пламенем, и пылающие потоки покатились по склонам. Город был обречен: у подножия потоки замедлят бег, но не остановятся, и вскоре улицы накроет огненным потопом. На крыши падал черный снег пепла. Отводя глаза от ужасного зрелища, спутники Эйлии бросились выводить бегущих горожан к окраинам. Из каждого окна замка лилась расплавленная лава и хлестали языки пламени, потом вся твердыня будто раскрылась вниз, стены выпучились и рухнули, и за ними показался зияющий огненный кратер посреди центрального двора. Вершина горы провалилась в эту кальдеру, унося с собой фундамент замка. Последней пала остроконечная башня, качаясь и сгибаясь, и с финальным поклоном гордой головы она рухнула в огненную яму. Темный покров, висевший над ней, осветился сверху зарницами, и клубящийся дым смешался с низкими облаками.

— Эйлия! Эйлия! — вскричал Аурон, обращая в бегство очередного огнедракона. — Где она? Кто-нибудь знает?

Но тут же он узнал сам, не дожидаясь ответа своих товарищей. Из тучи дыма вырвался красный дракон, колотя крыльями почерневший воздух, устремляясь к небу и свободе. Это был Мандрагор, и в передних лапах он сжимал безжизненную Трину Лиа.

18
Омбар

— Нет! Йо, скажи им, что нельзя! У него в когтях Эйлия — он ее уронит! — кричала Лорелин, схватив его за руку.

Не один десяток арайнийских лучников стоял посреди улицы, направив стрелы огромных луков на красного дракона, летящего над изрыгающей огонь горой. Казалось, что ему трудно набирать высоту, что он одурманен ядовитыми дымами из огнедышащего облака. Под ним вулкан выплевывал быстро вертящиеся расплавленные шары камней с черным шлаком, и в этом свирепом сиянии видно было, что в когтистой лапе Мандрагора — белая фигурка. Йомар, который мог бы дать лучникам команду пускать стрелы, замолчал и только беспомощно смотрел вверх, ожидая, что вот-вот полет кончится фатальным падением либо дракон выпустит Эйлию навстречу смерти. Но крылья продолжали работать, и свою добычу дракон не бросил. Выбравшись из дыма, он все-таки поднялся вверх, и еще несколько крылатых силуэтов спустились и окружили его — огнедраконы выстроились в атакующий клин, Мандрагор летел в середине. Крылатая Стража смотрела им вслед, но тоже не решалась вмешиваться — чтобы Мандрагор не сбросил Эйлию на землю. Некоторые пристроились лететь рядом с огнедраконами, но огнедраконы отгоняли их огнем и когтями. Выше и выше летел кортеж, пока царя-дракона — едва видную точку в небе — не подхватил Эфир, и он исчез с глаз — вместе со своей пленницей.

Отчаяние Лорелин вырвалось в долгом крике:

— Нееееет!

Сверху раздался крик, и рядом с ними рухнуло коричневое тело — Фалаар. Он спустился в громе крыльев и сел на мостовую, сжавшись в комок. На нем сидел сползший набок Дамион.

— Йомар! Лори! — крикнул он. — Жидкий огонь льется по склону! У земли он замедлится, но город все равно обречен. Часть потока уже добралась до реки — видите пар? Когда огонь и вода сходятся, они пускают в воздух дождь горящих углей, поджигающих все, на что упадут. Деревянные дома горят быстро, собирайте своих людей и бегите со всех ног. С вами останутся немногие из Крылатой Стражи — они помогут спасти тех, кто не сможет сам выбраться из огня.

— Но Эйлия, что будет с Эйлией? — вскрикнул Йомар.

— Остальные идут ей на помощь.

Йомар отдал приказ отступать, и херувим встал и расправил

крылья.

— Дамион, постой! — крикнула Лорелин, бросаясь вперед. — Я с вами!

Дамион посмотрел на нее со спины херувима.

— Нет, Лорелин. Прости, но это будет слишком опасно. Ты пойми: мы летим на Омбар — он туда ее отнес. И чаша весов битвы склоняется не на нашу сторону. Он там сильнее, чем она вообще может быть, и планета отлично укреплена. Вы ничего больше сделать не можете, друзья! Оставайтесь на Неморе и помогите здешним людям, или летите обратно на Арайнию. Там, куда мы летим, армии бесполезны.

Херувим поднял его в воздух, взревел вихрь — и они взлетели в черное небо.

Люди бросились обратно к окраине города. Слышались гулкие удары, похожие не выстрелы пушек, и пылающие лавины пепла и угля сыпались на головы. Стало почти невозможно дышать из-за дыма.

— Почему? — орал на бегу Йомар хриплым натруженным голосом. — Почему она позволила себя захватить? Она же знала, что недостаточно сильна для битвы с ним, и вот теперь она у него!

— Может быть, слишком устала и не могла думать. Но почему он не убил ее сразу же? — крикнула в ответ Лорелин.

— Потому что тогда между ним и нами ничего бы не стояло. Мы не решались в него стрелять, пока он ее нес, — она была его пропуском к свободе. Наверняка сейчас она уже мертва…

— Не говори так! Может быть, они его успеют перехватить — или она очнется и начнет драться…

Даже теперь Лорелин не могла расстаться с надеждой.

Они пробирались по улице. С одной стороны клубился черный дым домов, подожженных падающим пеплом, с другой поднималась белая стена пара от реки, отмечающая продвижение лавового потока — вода выкипала, смешиваясь с огнем. Впереди лежал просвет между черным и белым облаком, но он все сужался и грозил закрыться — их может поймать меж двух огней. Талира летала сверху и издавала пронзительные крики, призывающие спешить.

— Знаем, знаем! — ответил, пыхтя, Йомар.

Они вошли в просвет, и жар ударил в лицо с двух сторон. Слева вспыхнул факелом стройный кипарис, а за ним светились обрамленные пламенем крыши. Справа кипела река, извергая взрывы жидкого пламени, подобного горящей смоле. Людям пришлось пригнуть головы на бегу, а огненная птица взлетела выше, где огонь не доставал. За чертой Лоананмара в лица подул

прохладный ветер, а люди побежали дальше, прочь от города и от реки.

В полях собрались толпы людей, и лица их были красны в огне катастрофы — на их глазах сгорало и разрушалось все, что было у них в этом мире. Некоторые плакали, но большинство безнадежно молчало. Йомар не оставил им времени горевать, а погнал дальше.

— Не знаю я ничего про эти огненные горы, — сказал он, — и не знаю, докуда это все достанет. Знаю, что идти надо. — И он вполголоса добавил, обращаясь к Лорелин: — Лучше им не смотреть. Идти — это уже какое-то занятие.

— Не могу я вернуться на Арайнию и там ждать вестей, что случилось и кто победил! Если уж всему конец, то я хочу хотя бы быть там, где он наступит. А не стоять в Халмирионе, кусая ногти. Эйлия — мой друг!

— У меня то же чувство, — ответил Йомар.

Но он сейчас был испуган так, как никогда в жизни. Омбар! Он посмотрел в небо над стеной дыма, где виднелась кровавая звезда, Глаз Червя, и рядом с нею — еще одна, бледная, со своим невидимым спутником… Зимбурийцы поклонялись Вартаре, проливали для нее кровь, и говорили, что на ней обитает бог. И сейчас Эйлию увезли на планету, ближайшую к той звезде.

Он проглотил слюну:

— А нельзя воспользоваться тем порталом в развалинах?

— Не знаю! — снова простонала Лорелин. — А сама я корабль тоже вести не могу!

Но когда они шли, уходя от пылающего за спиной огня, мысленный голос обратился к Лорелин:

Идем со мной!

Она обернулась и увидела, что по воздуху спускается золотистый крупный дракон — Аурон, и с ним Талира, парящая над его головой. Он приземлился — одежда на людях заполоскалась от ветра, поднятого чудовищными крыльями. Зеленые глаза Аурона смотрели на Лорелин, видя ее насквозь.

Я лечу на Омбар, и могу тебя взять с собой, если хочешь.

— Аурон! Спасибо! — Лорелин бросилась к нему.

Не очень оно стоит благодарности, но у меня то же чувство, что у тебя. Мы можем с тем же успехом умереть там, что и здесь, и хотя Эйлии мы не поможем, ей будет приятно знать, что мы с ней. Идем! Но боюсь, Йомару придется оставить здесь железный меч.

Аурон не стал ей говорить, что никогда не был на Омбаре. Очень давно он видел его с далекого расстояния: между ним и своим собственным солнцем планета предстала его глазам

черным диском, как солнечное пятно, соринкой в красном глазу Утары. Аурон не стремился подойти ближе к миру, где правит Валдур, — до этой минуты, когда уже не осталось выбора.

Йомар неохотно снял с себя Звездный Меч, обменяв его на обычный стальной. Потом он отдал паладинам приказы, велев вести людей по тропам джунглей как можно дальше на запад. Опасных зверей вокруг будет мало, потому что вонь дыма и шум пожара обратили в бегство все живое. Аурон подождал, пока унылая толпа уйдет прочь, а два человека и огненная птица устроятся на его чешуйчатой спине. Лишь тогда он взмыл в воздух, пролетел над погибающим городом, над извергающимся вулканом с его плюмажем дыма и пламени — погребальным костром Запретного дворца.

* * *

Сознание возвращалось к Эйлии постепенно. Все болело, она не понимала, где она. Лежала она на какой-то мягкой ткани, положенной на что-то твердое, и воздух вокруг был холодным. Заморгав, она села и увидела, что лежала на черном плаще, расстеленном на каменном полу какого-то зала. Два ряда круглых колонн шли вдоль стен, и капители их терялись в темноте под потолком, а пол перечеркивали их темные тени. С одной стороны разместились незастекленные окна, глубоко утопленные в стену, и в них лился красный свет. Мебели в зале не было совсем, была единственная дверь, освещенная этим кровавым сиянием. На миг Эйлия испугалась, что это пожар, и она все еще в горящем замке, но слишком прохладно было в зале — она дрожала в легком платье.

Мандрагор в человеческом облике стоял перед окном спиной к ней, и его высокая фигура в мантии отбрасывала на пол длинную тень. Эйлия встала и подошла к нему, он не обернулся.

Она тоже ничего не сказала, но встала рядом, рассматривая открывающийся из окна вид. Безоблачное небо сияло темной краснотой, будто закат, и на востоке поднималась высокая арка более светлого оттенка. В следующую секунду Эйлия поняла, на что она смотрит. Это было солнце — но такое огромное, что его разбухшая сфера заполнила почти все небо на западе. Тускло-красная поверхность кипела и пенилась, и огромные протуберанцы вырывались из нее со всех сторон языками пламени.

— Когда-то между этой планетой и Утарой были другие миры, но когда Глаз Червя состарился и разбух, он поглотил их.

Солнце все еще продолжает расширяться. Этот мир обречен: когда-нибудь Утара поглотит Омбар, последнего из оставшихся детей своих, а потом сама завянет и умрет.

«Омбар, — подумала она, наполненная ужасом. — Мы на Омбаре. Зачем он меня сюда принес?»

Под солнцем простирался огромный город, взявший свою окраску у этого света. Усталые глаза Эйлии видели храмы и арены, мосты и акведуки, зиккураты, огромные дворцы и триумфальные арки. Мандрагор помолчал и добавил:

— Этот город уже наполовину умер, но когда-то был полон жизни. Его построили архоны, они жили здесь, а потом в нем появились смертные, служившие им. Теперь остались только эти рабы, живущие, как крысы, в домах своих хозяев.

Хотя город был населен, нигде не было признаков жизни: ни зверя, ни человека. Не было садов или деревьев, ничего зеленого здесь не росло. За городом раскинулась пустыня, тускло-красная в свете Утары. Цвета казались теплыми, но дующий в окно ветер леденил: как ни близко было солнце, тепла оно давало мало. Эйлии уже не хватало других цветов, особенно радующей глаз зелени растений и синевы воды, отражающей небо. Единственное маленькое море на горизонте съежилось и воняло солью, и вода в нем казалась кровью в свете вечного заката. Небо на западе, как и все здесь, несло в себе цвет Утары. Здесь всегда был конец дня — нависшая тьма, не приближающаяся и не удаляющаяся. Аурон рассказал ей все, что знал об Омбаре, что было не слишком много, потому что мало кто даже из лоананов решался сюда прилетать. Этот мир всегда был обращен к солнцу одной и той же стороной, и ни одна сторона не могла быть обитаемой: на одной слишком светло и жарко, на другой — слишком темно и холодно. Но между землей солнца и вечной ночи, говорил Аурон, лежала узкая полоса сумерек, опоясывающая планету. И в этой зоне тени расположились города и единственное место на всей сфере Омбара, где что-то росло: болотистые земли, где водились нукелавы, багбиры, баргесты и другие твари, ужасы самых древних сказок и легенд человечества.

Эйлия вздрогнула, но взяла себя в руки. Она видела зверей с Омбара, которых держали в Зимбуре: звери, дравшиеся на арене, и баргесты, которых в Йануване держали вместо сторожевых собак. Всех их убили после свержения Халазара, и она тогда с ужасом смотрела на эти уродливые, кошмарные трупы.

— Прости, но мне пришлось тебя сюда привезти, — сказал принц. — Ты бы погибла в пылающих развалинах дворца, если бы я не унес тебя, увидев, что силы твои растрачены. А как только я взлетел в воздух, меня окружили огнедраконы, да и твои

лоананы. Эти последние готовы были вырвать тебя у меня, а потом меня убить. Мне ничего не оставалось, как лететь за огнедраконами — сюда. — Он вздрогнул. — Я хотел, чтобы уже там все кончилось, во дворе замка. Я не был без сознания: я не хотел более использовать силу железа, спасать себя или продолжать битву с врагами. Тогда я решил, что хочу умереть. Но, как видишь, я был спасен, вопреки моим усилиям. Даже раны мои исцелились. Я не могу убить себя — не могу умереть. Мною правит судьба, она направляет мое тело против моей воли, не дает мне сбежать. Я не хотел лететь на Омбар — но я здесь.

— Почему ты не убил меня, когда была возможность? — спросила она.

— Я мог бы тот же вопрос задать тебе. Это была жалость ко мне? Или ты все еще хочешь примкнуть ко мне и быть свободной? — Он на секунду замолчал, и она попыталась сформулировать ответ, но он заговорил снова: — Нас с тобой вывели, чтобы мы уничтожили друг друга. Это причина и смысл нашего существования. Может быть, у нас нет выбора. Давным-давно, когда я жил в Маракоре, в моем имении был зеленый лабиринт. Меня развлекало хождение по его запутанным тропам, пока я не начал понимать, что он подобен моей жизни. Нет ли чего-нибудь вне даже планов древних, что не дает нам сойти с определенной дороги? Не служат ли они еще более высшему предназначению, которого даже они ослушаться не могут? В лабиринте нет истинного выбора, только план, заложенный в него строителем. Пока что… пока что я был только рабом судьбы. И хотел я только одного — быть свободным. — Внезапно он повернулся к ней, встретился с ней взглядом, и глаза его были как бездонные глубины, полные огня. — Я думал, там, в горящем замке, что моя смерть будет хотя бы означать освобождение от судьбы. Но, наверное, нет на свете свободы. Может быть, мы с тобой, Эйлия, движемся к концу, предопределенному с незапамятных времен. И еще — есть во мне иная сила, вторая личность, берущая власть в свои руки. Я больше не один человек, а двое, и сидящий во мне мозговой паразит выигрывает битву. Я много делал плохого, не зная почему, выполнял приказы, неизвестно откуда идущие. Я думал сперва, что впадаю в безумие, но потом я понял, что создан таким. Когда я родился, это не было нормальным рождением, и кажется, умереть обычной смертью мне тоже не придется. Когда наступит эта смерть, умрет не тело — оно останется жить. Умрет мой разум.

— Ты говоришь, что ты одержим?

Эйлия взяла его за руку и заглянула в драконьи глаза.

— Что-то есть во мне злое — Голос. Он всегда во мне был, он

от меня неотъемлем.

— Нет, — сказала Эйлия, — этот Голос — не ты. Он идет снаружи, из темноты, из Погибели. Это голос Валдура. Не слушай его, Мандрагор. Освободись от него. У тебя есть душа, и она принадлежит тебе, как и твое материальное тело. А за то, что ты делал, я тебя не могу осудить, потому что сама чуть не стала чудовищем. — Она ему рассказала, что случилось в лесах Арданы, когда ее страх и гнев бросили зверей в атаку на захватчиков.

— Я то же сделал на Неморе со зверями моря и джунглей, — сказал он. — И я, как ты, не сознавал, что делаю. Вот что случается, когда мы принимаем помощь архонов — мы не должны поддаваться им.

— Я помогу тебе, если смогу.

— Останься со мной. — Он закрыл глаза, вздрогнув, крепче сжал ее пальцы. — Я никому не могу верить, кроме тебя. Ты пощадила меня, когда я был полностью в твоей власти. Прости мне мое бурчание: я знаю, что не какая-то темная судьба заставила тебя спасти мне жизнь, а собственная твоя воля. Ты всегда сострадала — и мне, и другим. — Он открыл глаза, посмотрел на нее. — Валеи ненавидят меня и не верят мне. Я едва сдерживаю их, и мне нужно, чтобы кто-то охранял мой сон. Не все они хотят видеть меня своим правителем. — Он разжал пальцы. — Но ты поможешь мне, будешь охранять меня, и я смогу держать их в узде. И твой мир будет в безопасности, и все прочие тоже, пока я буду править империей валеев, а ты — остальной Талмиреннией. Вместе мы победим судьбу.

— Но сможешь ли ты править валеями, Мандрагор? Или же кончится тем, что они будут править тобой?

Мандрагор отпустил ее руку.

— Смогу, потому что должен. Наши две империи можно слить в одну. — Тень улыбки скользнула по лицу Мандрагора. — Вот это была бы шуточка! Этим интригующим древним не приходило в голову, что два врага, так идеально равных друг другу, как мы, могут восхититься друг другом именно за наши общие качества? — Он поглядел в незастекленное окно и снова помрачнел. — Сюда привезли предков человечества, чтобы скрестить их с демонами, сделать из них гоблинов и огров, троллей и гулей. Лоананы стали огнедраконами. Даже из херувимов некоторые перешли на сторону Темного. Какое-то время Империя управлялась отсюда — до войны. До того как был побежден Валдур и низвергнут в черную звезду.

— А Валдур — он жил в этом дворце?

От этой мысли она задрожала.

— Нет. Городом правил Эломбар, и это был его дворец. Здесь архон этого мира держал свой культ, и здесь требовал поклонения от рабов. Валдур выбрал себе обиталищем Ночные Земли. Ты видела широкую улицу через весь центр города? Это дорога к его старой крепости, через земли Сумерек и Ночи, к Цитадели Гибели.

У Эйлии что-то сжалось в душе.

— Крепость Ада — она на самом деле существует? И все еще стоит, до сих пор?

— Мне говорили, что да, хотя сам я никогда там не был. Ее центральная цитадель сделала из адаманта и никогда не может разрушиться. И его трон все еще там, говорят, и его железная корона. Он вернулся сюда, когда Атариэль разбил его на Мере и отобрал Камень Звезд. Здесь он оставил свою корону и принял облик дракона, чтобы дать последний бой другим архонам — глубоко в пустоте. Они победили его и бросили в черную звезду. Но его рабы верят, что он вернется в ином виде, взойдет на трон и возьмет корону — ее называют Железная Диадема. Модриан использовал ее, чтобы господствовать над Эломбаром и младшими элайями этого мира, потому что они подчинялись железу. Это был мощный символ его превосходства. — Помолчав, Мандрагор добавил: — И я должен отправляться туда, в эту цитадель.

— Зачем? — спросила она.

— Чтобы уничтожить и корону, и трон, показать его приспешникам, что не будет возвращения их бога. Хотя Наугра, я думаю, там, и как регент — тоже символ этой надежды, — он должен быть смещен. Пока это не сделано, не будет этим несчастным созданиям ни мира, ни свободы. Но тебе нет нужды идти со мной.

Снова она мысленно содрогнулась, но подошла к нему ближе:

— Я пойду. Я верю, что ты прав, Мандрагор, — мы можем выбирать свою судьбу, а не просто подчиняться ей.

— Но пока мы еще не можем идти. Я устал, и ты тоже. Сейчас отдыхай, если можешь. Тебе понадобится вся твоя сила и вся твоя мощь. Если ты не боишься снова принять облик дракона, то для нашего путешествия это будет хорошо. Сумерки — место опасное, как и Ночные Земли. Опасность на земле и в воздухе, и некоторые из этих опасностей умеют подкрадываться незаметно, так что когти и броня будут очень кстати. Многое зависит от нашего успеха. Здесь, в этом месте, нет завтра, но все же завтра может принести перемену.

С этими словами он поклонился ей и вышел через дверь, которую она видела.

Эйлия осталась, не в силах оторваться от окна, глядя из этой глубокой амбразуры на город. И город закачался у нее перед глазами, и хотя она не пила амброзии, вдруг он сменился видением возрождения. Сидящие колоссы со стертыми ветром и водой лицами вдруг стали целыми, их черты проступили из камня и тьмы, уставились вниз с надменной гордостью. Город ожил, и пустынная земля тоже оживала и молодела на ее удивленных глазах. Народ — и люди, и другие существа — заполнил улицы, ставшие вдруг гладко вымощенными. Конечно, это было видение давних дней славы Омбара, когда он был энтарской столицей. И Модриан правил на своем троне в великой крепости Ночных Земель?

Она подумала о величественной фигуре архангела, которую видала в старых книгах, медленно превратившегося в демона, потом в дракона. Такая мощная сила в видимой форме — даже мысль о ней заставляла подкашиваться колени в смеси благоговения и ужаса. Нет, она не осмелится взглянуть на него, пусть даже это бессильный призрак прошлого.

Высоко на одном зиккурате прозвонил гонг. Толпы зашевелились, заговорили, оглядываясь на дворец. Эйлия увидала страх на лицах, и ее собственный ужас усилился. Из высоких дверей вышла фигура, величественная и царственная, но задрапированная в темную ткань, и только глаза ее горели. Этот человек посмотрел на Эйлию. «Он видит меня, — подумала она. — Он сейчас не в этом времени, как и я».

Фигура заговорила. Стало видно ее лицо, не прекрасное, но уродливое, и злобные клыки торчали из-под губ. Лицо, как маска, нарочно сделанная злобной, чтобы внушать больше ужаса сердцам смертных.

Как тебе, сестренка, мой мир?

— Эломбар! — прошептала она.

Фигура растаяла, только тень осталась на мостовой.

Я снова стану великим, — сказал он.

— Нет, — возразила Эйлия. — Твоя сфера умирает.

Я снова стану великим! — взревел он безмолвно.

Тело Эйлии затрепетало. Смертная плоть была подавлена, но глубоко внутри ее сущности горело неколебимое белое пламя, и из этого пламени донесся ее ответ:

— Твое время кончилось. Никогда больше не будет Омбар править Империей, — сказала она с состраданием.

В тени вскипела ненависть.

Я еще заставлю Империю мне служить! — зашипела тень. — *Принц-дракон думает, что сможет мне помешать, но он всего лишь орудие, которым осуществляем мы нашу волю. Он*

повинуется Валдуру, а не себе.

И тень исчезла вместе с образами. Город снова лег разрушенной пустой оболочкой, но Эйлию трясло при взгляде на него, будто в смертельном ознобе.

19
Цитадель Гибели

Тирон сидел в апартаментах дочери, положив голову на руки. У его ног лежала Безни, собака-имитатор, седеющую морду направив к двери. Стареющий зверь большую часть времени проводил в этой позе, в которой смешались надежда с апатичным увяданием. «Она ждет возвращения хозяйки, — подумал Тирон. — Как все мы. Но вернется ли она? Даже если Эйлия преодолеет силы, ей не благоприятствующие, спасет Империю от уничтожения, — выживет она в этой битве или купит нашу свободу ценой жизни? Победа может оказаться горше поражения — я хочу лишь одного: чтобы моя дочь вернулась, пусть она и архон».

Он наклонился потрепать Безни по голове, но выпрямился в ответ на стук в дверь.

— Войдите, — разрешил он, желая, чтобы гость ушел как можно быстрее. Не хотелось ему ничьего общества.

Дверь открылась, вошла молодая женщина с печальными карими глазами.

— Ваше величество… — робко начала она.

— Джемма, кажется? — спросил он, вставая и с усилием беря себя в руки. — Чем могу быть тебе полезен?

Она стояла, неловко потирая загрубелые от работы руки.

— Мы с моими родными хотели спросить, не слышно ли чего от Эйлии.

— Нет, милая. Ни слова пока. Но я вижу, что был эгоистичен — забыл, что не я один за нее тревожусь.

— Сир, в такие дни ужасно быть одному. Мои родные подумали, что вам, быть может, лучше будет у нас, потому что все мы только и можем делать, что ждать.

Тирона тронула эта простая девушка с острова с ее искренней добротой, с эмоциями, открыто выраженными на лице и в голосе.

— Конечно, вы же тоже ее любите. Вы с ней жили дольше моего.

Хоть небольшое, но утешение, что если придется горевать, он будет не одинок: жизнь Эйлии волнует многих. И эти меранцы много могут историй рассказать о ее жизни, о ее детстве и о том, что она делала до того, как легло на нее бремя пророчества.

— Но вы, наверное, хотели бы остаться один, — сказала Джемма. — Прошу прощения, что оторвала вас, я ухожу, ваше величество.

И она попыталась уйти.

— Нет-нет, я рад вашему приходу. — Он поколебался, потом протянул руку. — И я приду к вашим родным. Вы правильно сказали: мы хотя бы можем облегчить друг другу ожидание.

Аурон и его всадники ворвались в небо Омбара из эфирного разрыва, невидимо повисшего в воздухе. Под ними простиралась охряно-красная пустыня. Дракон снизился, скользя над обрывами, утесами, столовыми горами, высушенными руслами, сопровождаемый собственной черной тенью. Йомар подумал, что местность похожа на Муандаби в период засухи, только еще хуже, потому что весь этот мир — одна большая пустыня, и засуха не кончается никогда. Мохарцы много рассказывали историй о месте последнего пребывания проклятых, но он никогда не думал, что такое место есть на самом деле. Сейчас он поверил. Говорили, что на Омбаре — только один оазис: узкая полоска, опоясывающая его жуткими трясинами в вечных сумерках. И это было не убежище, а гнездо чудовищ.

Вскоре они увидели впереди каменные башни, краснеющие на фоне полосы сумерек востока, торчащие прямо из пустынной равнины. Это не были естественные образования, подобные тем, что они видели раньше в пустыне, но выветренные пирамиды и стены, воздвигнутые руками людей или чьими-то еще, а ущелья между ними — это были улицы, заполненные сейчас темнотой.

Эйлия! Эйлия! — кричала Лорелин, посылая мысли в Эфир во время полета над безмолвным городом.

Аурон и Талира тоже звали ее — ответа не было.

Ее здесь нет, — заявила наконец Талира, *— я в этом уверена. Наверняка Мандрагор взял ее с собой в Ночные Земли, ибо там — трон Валдура. Он прилетел не просто, чтобы получить от валеев защиту — это слишком сильно отдает его им во власть. Вот почему он боялся раньше лететь на Омбар. Сейчас его единственный шанс — объявить свои права на царство и стать их правителем.*

Тогда и нам придется идти в ночь, — ответил Аурон, отбрасывая собственный страх в заботе об Эйлии.

Погибла ли она? Произошла ли наконец решающая схватка?

Он сильнее ударил крыльями, прибавив скорости. Лигу за лигой пустыни оставляли они за собой, стремясь к стране ночи.

Эйлия и Мандрагор медленно пробирались в густеющих сумерках. Они долетели, куда смогли, в облике драконов, следуя нити разрушенной дороги, но даже дракону нужен отдых, и наконец они спустились в Землях Сумерек.

Какое-то время они шли в образе людей, стараясь пройти как можно больше до ночлега. Но сила тяжести на Омбаре высокая, и потому каждый шаг изматывал, и остатки дороги они потеряли. Солнце отсюда не было видно, и его огромный шар скрывал теперь горизонт, и красный свет не озарял небо, ставшее синевато-черным над туманами болот, через которые шли Эйлия и Мандрагор.

Двигаться приходилось осторожно, вокруг расстилались зловонные топи и дымящиеся трясины, добавляющие испарения во влажный воздух. Извитые бледные фигуры, которые Эйлия сперва приняла за деревья, были зарослями грибов, слизистыми на ощупь и более эластичными, чем древесина. Эйлия передернулась, потому что они касались ее, как мягкие цепкие руки. Этих грибов были целые рощи, огромных размеров и кошмарных форм: колоссальные поганки, круглые белые шары, как полузакопанные в землю черепа, выпуклые шишки, светящиеся больным зеленым светом. И много, как предупредил Мандрагор, здесь опасностей: по болотам рыщут баргесты с пылающими углями глаз, огромные мохнатые багбиры и омерзительные нукелавы с их прозрачными шкурами. Кошмарные создания меранских сказок, что рассказывают у зимнего очага, здесь стали живыми, дышащими созданиями. Птицы бубри, превосходящие по размеру моа, расхаживают по мелям на ходульных ногах, добывая себе пищу крючковатыми злыми клювами, чешуйчатые афанки затаились в глубоких лужах, разинув ждущие пасти. Эти твари охотились друг за другом, а иногда на моругеев, которые как-то старались выжить на этой болотистой почве. Эйлия и Мандрагор шли вперед по краю болот. Крупные звери им не попадались, но они видели каких-то больших и уродливых созданий в виде жаб с кожистыми крыльями и змеиным хвостом и зубами — эти твари выпрыгивали из слизистых луж, и их приходилось отбивать стальным оружием, потому что ни у одного из чародеев не осталось сил на колдовство. В сумерках светились жуткие бледные огни, которые могли быть горящим болотным газом, а возможно — и чем-нибудь другим. Показывались время от времени и другие путники, но в неверном свете трудно было сказать, гоблин это или какое-нибудь иное создание. В этой сумеречной земле всякий был лишь идущей тенью и избегал всех из страха. Не только животные здесь охотились на людей.

В тех же сумерках они дошли до островка, сырого и холодного, развели огонь и стали по очереди спать и сторожить. Первую вахту взяла себе Эйлия. При виде заснувшего принца ее окатила новая волна сочувствия. Когда эти драконьи глаза

закрывались веками с темными ресницами, лицо Мандрагора становилось совсем человеческим. И еще он казался уязвимым — с этими морщинами, которых она не замечала, пока смотрели эти свирепые глаза: следы тяжелых трудов и страданий. И даже во сне лицо его не было спокойно — мышцы подергивались и дрожали, как поверхность пруда, тревожимая его скрытыми обитателями. Иногда он вздрагивал, чуть не просыпался, но потом снова погружался в глубокий сон. Иногда он поднимал руки, отбиваясь от неизвестного ей ужаса.

Она дала ему поспать подольше, потом только разбудила. Сама она спала неглубоко, ее тревожили сновидения, и проснулась она от шума, который заставил ее резко сесть с сильно бьющимся сердцем. Мандрагора нигде не было видно, костер почти погас, оставив только красноватые угли, На краю этого тусклого света подобралась для прыжка какая-то тварь с перепончатыми крыльями, как у дракона, дергающимися будто в агонии, с чешуей и хвостом дракона, но форма тела была человеческая, и одет он был ниже пояса в какую-то темную материю. Эйлия с ужасом смотрела на этого выходца из ада, гадая, как он подобрался так близко и что случилось с ее спутником. Но тварь подняла рогатую голову, и глянули два горящих глаза, полные слез, будто оставляющих огненные следы. Чудовище застонало и забилось от боли, но горящие глаза не видели Эйлию. И тут она догадалась, что это за тварь.

Мандрагор, подумала она, и ей стало дурно. В середине превращения!

Зрелище было невыносимое. Он превращается из человека в дракона? Сейчас он был ни тем, ни другим, а ужасающей смесью этих двоих, чем-то совершенно противоестественным.

— Мандрагор? — шепнула она.

— Помоги, — сказал он, и тут же: — Не подходи!

Он отпрянул в тень, на четвереньках, и лицо его стало более драконьим. Потом он пополз вперед на конечностях все еще человеческих, хотя и покрытых чешуей. Самое страшное было — что от Мандрагора осталось еще достаточно для узнавания. Чешуя покрывала лицо и шею как кожная болезнь, рот стал безгубым, как у ящерицы, и пытался слиться воедино с носом, образуя звериную морду. Но голос остался его, и грива красно-золотых волос, и тело в наполовину сброшенной мантии было еще человеческим.

— Мандрагор, это Валдур! — крикнула Эйлия. — Он пытается тебя заколдовать!

Полудракон застонал и дернулся:

— Я слышу его мысли! Он во мне! — голос стал

неразборчивым из-за удлиняющихся зубов. — Сила… он обещает мне силу…

— Сила тебя порабощает! Освободись от нее!

Она заставила себя сидеть тихо, даже когда чешуйчатое лицо было от нее на расстоянии пальца, расширенные зрачки глядели ей в глаза — может быть, видя уродство своего отражения, а не только тревогу на ее лице.

— Освободись, — просипел Мандрагор, хватаясь за это слово, как утопающий за бревно. — Освободись.

И чудовище снова ушло, лицо и тело стали опять человеческими. Он свалился к ее ногам, тяжело дыша, и потерял сознание. Она подбросила дров в огонь, взяла голову Мандрагора к себе на колени и смотрела на него, пока он приходил в себя.

Они снова двинулись в безутреннем мраке, летя над трясинами, сколько могли выдержать их одолженные крылья. Полеты на этой планете требовали серьезного колдовства, и оно изнуряло путников. И хуже усталости для Эйлии было постоянное осознание неумолимой злобности Эломбара. Архон этого мира не мог ее уничтожить, но его враждебность стучала в разум, как встречный ураганный ветер, и потому она делала единственное, что могла — держалась в облике дракона. Чем дальше они летели, тем холоднее становился воздух и темнее небо, скрытое теперь тучами. Но будь оно даже чистым, все равно трудно было бы видеть, потому что не было здесь луны, освещающей местность. Лес грибных деревьев редел, и появлялись новые грибы, светящиеся в темноте. Кое-где призрачный бледный свет вроде бы двигался. Мандрагор сказал Эйлии, что определенные животные в этих местах светятся сами, как рыбы, живущие в темных океанских глубинах.

После многих часов полета они снова нашли дорогу — здесь, в Ночных Землях, она была отмечена регулярно расставленными дорожными столбами из белого венудора. Столбы отмечали лишь края мощеной дороги, потому что венудор освещал только себя — он не отбрасывал света на местность, как фонарь. Пролетев много лиг по этим безрадостным огням, Эйлия и Мандрагор снова остановились на отдых.

Тучи разошлись, пока они вдвоем лежали у дороги, и появились звезды. Теперь Эйлия видела Лотару низко над горизонтом, но все равно слишком далеко, чтобы разглядеть темноту, бледное свечение. Впервые она видела эту звезду не видением, не иллюзией или в хрустальном шаре, а собственным невооруженным глазом. С одной стороны выдавался широкий протуберанец, сформированный на конце невидимыми, но мощными силами в огненный круг с черной пустотой воронки

внутри. Но что-то внутри этой воронки было еще чернее, что-то менее вещественное, чем тень — Ничто. Там была Пасть Червя, черная звезда, поглощающая свет вместо того, чтобы его излучать. В эту яму, казалось, падала и сама Эйлия, и эта планета со своим солнцем, и все окружающие звезды. Эйлия повернулась, выставила руки, будто защищаясь от страшного падения. Но нет, страх этот был беспочвенным. Аурон ей сказал, что Вартара не в силах поглотить космос. Черная звезда хватала лишь то, до чего могла дотянуться, и чтобы она тебя поглотила, нужно подойти к самой ее сфере.

Наконец отдохнув, они собрались двигаться дальше. Но Эйлия уже не могла призвать силу, чтобы принять облик дракона — вместо этого она замаскировалась гломерией, которая придала ей сходство с гоблинской старухой, а Мандрагор превратился в огромного черного огнедракона — лучший способ подойти к твердыне Валдура незамеченным. Потом он взял Эйлию на спину и поднялся в воздух.

Они летели над землей, освещенной холодной синевой Лотары, хотя она всего лишь окрашивала края самых выдающихся контуров. Внизу громоздились горы, покрытые шапками снега и льда, леса и болота кончились. Стаи черных тварей медленно летели по небу, хлопая перепончатыми крыльями. У каждой был во лбу пылающий красный карбункул, служивший для заманивая добычи. Твари издавали пронзительный визг, будивший пустынное эхо в темных горах и долинах.

Мандрагор молчал почти весь путь, только отвечал на ее вопросы.

Это воивры, — сказал он, когда она спросила. — *Они живут в дальних пределах Ночных Земель. Они летают в темноте, как нетопыри, испускают крики и ловят эхо.*

Подлетев к группе этих существ, Эйлия увидела, что они напоминают вивернов с длинными шеями и двумя когтистыми ногами, но глаз у них, как она с ужасом заметила, не было. На чешуйчатой шкуре голов только две зазубрины обозначали место, где когда-то были глаза.

Конечно, так же бывает и с рыбами, которые живут в пещерах, — сказала она. — *Там, где нет света, глаза не нужны и отмирают.*

Но все равно изможденные безглазые морды этих тварей вызывали у нее дрожь. Они достигли того, к чему стремились когда-то приверженцы Модриана-Валдура: не созерцать более вселенной, где они обитают.

И не успела она это подумать, как Мандрагор полетел над высокими горами, и внизу открылась долина под крепостью

Модриана-Валдура.

Огромную круглую стену, высотой с гору и отвесную, вытесанную из черного вулканического камня, украшали десять ровно расставленных башен с остроконечными шпилями. В одном месте стены зияли ворота, в которые могла бы пройти крепость поменьше. Они были вырезаны в виде головы дракона, поднявшего верхнюю челюсть в готовности проглотить всякого, кто войдет. «Пасть Ада», — подумала Эйлия, вспомнив рисунки из древних меранских писаний. Внутренний бастион представлял собой одинокую башню из гладкого, как стекло, адаманта, который нельзя было ни разбить, ни поцарапать. Серая, как призрак, она воздымалась из круглого цоколя на головокружительную высоту более тысячи футов над долиной, как вызов Небесам. Наверху башня принимала форму короны, круга из десяти острых шипов, а под короной находилось отверстие, большое и увенчанное аркой, как огромное окно. Внутри оно было абсолютно темным, черным, как окружающее небо. Перед полусферическим основанием цитадели в земле открывалась рваная пасть бездонной ямы. Как башня цитадели стремилась в своей надменности достичь неба, так и яма будто хотела ворваться в самые недра земли. Пролетая над ямой, Эйлия не увидела в ней дна. В глубине ее жили огнедраконы, гроздьями цепляясь к скалистым выступам, как летучие мыши, взлетая время от времени парить над башнями крепости, согреваясь изнутри собственным огнем: они были из немногих тварей, что не могли вытерпеть местный холод. Из горячего сердца планеты глубоко внизу поднимался дым.

Здесь, окруженный собственным поместьем из льда и огня, царил повелитель черной звезды тысячи и тысячи лет, ход которых отмечала не смена времен года, не смена даже дней, но лишь перемены рисунка звезд, когда Омбар кружил по своей орбите. То время года, когда видна была Лотара в черном небе, было когда-то праздником, хотя не таким, какой смертные отмечали бы с радостью: многих приносили в жертву незримой звезде, сопровождающей Лотару. Рабов пригоняли сюда миллионами для работы в шахтах, и потому алтарям всегда хватало народу. Глубоко внизу, в яме, лежало царство, где правил когда-то Эломбар в материальном воплощении: подземное царство, холодное и голое, где ничего не росло под беззвездным небом каменных сводов. Освещали его только огни расплавленной лавы земли, вечно кипящей у каменных берегов, и здесь множество смертных каторжно трудились в удушающей жаре, пока мир наверху, где светили звезды и росли деревья, не

превращался для них в легенду или сон.

Над драконьей пастью ворот во внешней стене шла надпись архонскими рунами: *Кто войдет — не выйдет.* Мандрагор перевел, и Эйлия вспомнила свой сон на острове. Эта зловещая цитадель и была причиной ее самых древних страхов. И поэтому она и боялась темноты всю свою жизнь: из-за этого святилища черной звезды Модриана-Валдура.

Мандрагор направился вниз, к круглому внутреннему бастиону.

— Пролететь в тронный зал сверху башни невозможно, — объяснил он, приземляясь. — Там железо, Железная Диадема, и потому придется идти долгим обходом в человеческом виде. Можно пройти по лестнице в центральной цитадели, но заходить в нее надо из ямы.

— Из ямы?!

Эйлия в отчаянии глядела в зияющую бездну в нескольких шагах от того места, где они стояли.

— В давние дни в ее стене была вырезана тропа, по которой ходили рабы. Так он защищал свою крепость: ничто не могло приблизиться к нему по воздуху, а подъем по лестнице долог и изнурителен. Он займет много часов.

Они нашли грунтовую тропу и пошли вниз, все время чувствуя слева бездонную пропасть. Эйлия жалась к стене и не глядела, хотя на таком расстоянии от цитадели ее сила могла еще ее защитить. Ее пугала сама эта бездна. Она видела дыры в стенах, устья шахт, ведущие в глубь земли, где работали и умирали бесчисленные рабы. Глубоко внизу на каменных выступах висели огне драконы. Время от времени один из них подлетал к отверстию ямы высоко вверху, глядел зловещими глазами на двух незваных пришельцев, но сила Мандрагора и Эйлии пока что отпугивала их. Наконец они дошли до широкого входа, сужающегося в туннель, который выводил на каменную лестницу, уходящую вверх бесконечным извивом.

Для Эйлии это был пока что самый невыносимый этап путешествия. На нижних уровнях еще можно было использовать чародейство, и они приняли форму драконов, чтобы лететь вверх. Но наконец камень стен сменился адамантом, похожим на густое серое стекло: они вошли в подножие башни, и перед ними легли ступени, будто вырезанные из льда. И с каждым поворотом винтовой лестницы росла ощущаемая над ними сила, тяжелая и гнетущая, зловещее злобное заклинание. Вскоре уже нельзя стало использовать магию, и пришлось подниматься по ступеням в образе людей. Шаги стали неверными и опасными, а центральный ствол уходил в темную глубину. Сперва Эйлия утешала себя

мыслью, что успеет превратиться ниже, но раньше, чем упадет на дно, однако усталость наваливалась на нее все сильнее, потому что силу отнимала ненависть Эломбара, сгибая спину и плечи, и Эйлия поняла, что у нее не хватит сил спастись, если она упадет. Время от времени они останавливались на отдых, присев на узкой ступеньке, но спать не решались, и снова шагали вверх и вверх, ступень за ступенью, поворот за поворотом. Раз или два Мандрагору пришлось нести Эйлию, но она не могла ответить ему тем же, и когда он уставал, приходилось останавливаться. В такие минуты, как она заметила, у него снова появлялась чешуя на лице: когда он ослабевал, Валдур усиливался. Путь освещало только голубое сияние Лотары, просачивающееся через холодные полупрозрачные стены. И наконец, когда прошли, казалось, дни, снова адамантиновые ступени сменились каменными — черными, как обсидиан или темный мрамор. Это уже были верхние этажи башни, и все равно лестница шла так же вверх, круто извиваясь.

Наконец появилась площадка, широкая и ровная, и Эйлия рухнула на нее, слишком измотанная, чтобы сделать еще хоть шаг. Принц тоже остановился, прислонившись ноющей спиной к стене. Они отдыхали в молчании, слишком усталые, чтобы даже говорить, и так прошел целый час. Потом Мандрагор снова поднял ее на руки и, бережно неся, поднялся на последний изогнутый пролет, ведущий в круглый каменный зал. Там было пусто, и только еще один короткий лестничный пролет в дальнем конце уходил в квадратное отверстие на потолке.

— Отдохни здесь, — сказал Мандрагор, опуская Эйлию на пол и давая ей свой плащ, чтобы подстелить его. — Здесь ничто тебе не повредит, а я поднимусь и посмотрю, что там.

Эйлия вытянулась на темном плаще, а он поднялся по последней лестнице с мрачным предчувствием, к которому примешивался заметной силы холодный ужас. Прямая лестница вывела его во второй зал, куда выше первого: в тусклом свете свода вообще не было видно. В восточной стене зияла амбразура в форме окна, которую они видели снаружи, снизу. От огромной высоты она казалась маленькой, но в нее могли пройти человек десять в ряд, и в высоту она была не меньше двадцати футов. Виднелись сквозь нее бледные пики гор и темное небо, а все в комнате было черным, и сперва глаз не мог различить деталей. Потом в тусклом синем свете Лотары выступил на западной стене круг, окруженный многими лучами: изображение звезды, вырезанное в каменной стене, черное на черном. Под этой резьбой стоял черный трон, такой огромный, что не мог быть сделан ни для кого из смертных, и лежала на нем высокая корона из черного железа, тоже слишком большая для человеческой

головы, и десять зубов венца повторяли зубья башни. Это была корона повелителя Вартары, все еще лежащая там, где бросили ее тысячи лет тому назад. В диадеме имелось небольшое углубление — пустое гнездо, где когда-то лежал Камень Звезд.

И на ступенях, ведущих к трону, одетый в соболино-черный плащ с клобуком, будто сам составляющий часть интерьера, сидел уродец, похожий на гоблина. Наугра поднял глаза, услышав шаги принца-дракона, и лицо его белело в клобуке.

— Аватар! — сказал он. — Ты вернулся к нам на Омбар, как я и говорил. И ты доставил нам Трину Лиа и Камень Господства.

— Нет, — ответил Мандрагор. — Я вернулся ради иного дела. И не ожидал встретить тебя в битве, регент. Наверное, какой-то зверь в лесу сдох.

Он двинулся к Наугре, но регент не уступил дороги — он показал на корону, лежащую на сиденье трона:

— Железная Диадема. Она тысячи лет ждала твоего прихода. И теперь ты можешь назвать ее своей.

— Я этого не хочу. И вообще ты мог бы заметить, что она мне велика, — сухо ответил Мандрагор.

— Верно. Модриан-Валдур любил людской облик, но был выше любого человека, что был, есть и может быть. Однако твоя смертная оболочка может быть отлита во множество форм, людских и иных. И после тебя будут другие, твои потомки, что будут наследовать диадему в свою очередь. И подобно короне, бессмертный дух Валдура будет переходить из тела в тело, владея ими по очереди, потом отбрасывая прочь.

— Это если я твою диадему не брошу в яму, — сказал принц.

Наугра улыбнулся:

— Бросишь ли? Увидим. Возьми ее сейчас — и увидишь, какая судьба тебя постигнет.

Земля внизу была абсолютно черной, обиталище безглазых тварей. Аурон и его спутники всматривались изо всех сил, стараясь следовать исчезающей линии дороги, ее извивам, отмеченным венудором. Пролетая наконец над горами, как недавно Эйлия и Мандрагор, они увидели тайную долину и то, что было в ней.

— Цитадель Гибели, — шепнула Лорелин, отводя глаза.

— Ты ее знаешь? — удивился Йомар.

— Я видела картинки в старых книгах. Крепость Погибели. Я только не знала, что она существует на самом деле.

— Внутри башни — холодное железо, — сказал Аурон. — Мне к ней не подлететь.

Талира, улетевшая вперед в своих сияющих перьях, ответила:

— Тебе не придется. Видишь, вон на дне долины Фалаар, и с ним Дамион.

Они спустились вниз и сели рядом с херувимом и архоном.

— Я знал, что вы прилетите, — сказал Дамион обреченным голосом, когда Йомар и Лорелин спрыгнули на землю и пошли к нему. — Эйлия и Мандрагор — в цитадели.

— Что нам теперь делать? — спросила Лорелин.

— Ждать, — спокойно ответил он.

— И неужто мы ничего не можем сделать? — нетерпеливо сказал Йомар. — Ради всех Небес, ты же архон — один из них, и ты ничего не можешь ради нее сделать?

— Теперь это не в наших руках, Йо, — ответил Дамион. — Мы не можем вмешаться.

— Но ведь судьба всех нас сейчас решается? — спросила Талира. — И конец всему, если Эйлия погибнет!

— Нет, не всему, — возразил Дамион. — И даже ей самой не конец. Ее дух останется жить, даже если тело погибнет. Но это будет конец Небесной Империи, конец всех вещей, какими мы их знаем. А у смертных не останется другого выхода, кроме гибели.

Они смотрели на крепость и пытались представить себе, какие силы борются там сейчас. Смертные чувствовали, что они ждут битвы двух богов, и исход этой битвы решит их судьбу.

— Мы не вмешаемся, — тяжело произнес Аурон. — Если, как ты говоришь, все теперь легло на Эйлию, мы должны в нее верить.

— Но как же можно оставить ее в битве одну? — вскричала Талира.

— Она не будет одна, — ответил тихо Дамион. — Те, кто служат свету, с нею, в Камне и в духе. Нас все еще больше в Эфире, чем тех, кто предался Тьме.

— Все равно, — сказал Аурон. — Я остаюсь в этом мире.

— Аурон, — сказал Дамион сочувственно, — сделать ты ничего не можешь.

— Ты сам говорил, что архоны не видят будущее, — заговорила Талира. — Мы с Ауроном — защитники Эйлии, и даже если ей наша защита больше не нужна, мы останемся здесь, пусть даже поддержать ее мы можем только своей любовью.

— И мы ее друзья, — добавила Лорелин, глянув на Йомара.

Он кивнул.

— Мы тоже остаемся.

— Я могу отвезти вас на вершину башни, — предложил херувим. — Всех, кроме Аурона, конечно. Он должен держаться поодаль, чтобы не потерять способности к полету. А мне железо не мешает.

— Тогда полетели, — сказал Дамион.

Он с двумя людьми сел на херувима, а огненная птица полетела вперед. Аурону пришлось довольствоваться возможностью лететь с ними рядом, сколько он мог, а потом резко отвернуть и описывать вокруг башни круги там, куда не доставало железо. Дальше этого места Дамион, Лорелин и Талира свое волшебство использовать не могли. И при отсутствии мысленной речи они не могли понимать язык друг друга. Талира понимала по-элейски, поскольку пользовалась этим языком в человеческом облике, но Лорелин и Дамион сейчас слышали из ее клюва лишь птичий щебет, который всегда только и слышал от нее Йомар. Фалаар тоже ее не понимал, а для остальных четырех его орлиный клекот тоже был непонятен. Приближаясь к башне, они могли только тревожно переглядываться и объясняться знаками. Аурон, летящий по своей далекой орбите, ощутил момент, когда перестал слышать их мысли, и встревожился еще сильнее.

Херувим круто взмыл вверх, почти прижимая крылья к бокам, и устремился прямо в высокий черный переплет окна. Какую-то секунду все пятеро видели перед собой только черноту, потом там что-то шевельнулось: две тени оказались фигурами людей. Это был Мандрагор, а перед ним стоял, согнувшись, изможденный человек, в котором Дамион, Талира и Фалаар узнали регента Омбара. Мандрагор обернулся к ним.

— Где Эйлия? — воскликнула Лорелин, выхватывая адамантиновый клинок.

— Она в безопасности, — ответил принц. — Отдыхает в комнате внизу. Не для того я принес ее сюда, чтобы причинить ей вред, а чтобы дать последнюю возможность встать на мою сторону. Вдвоем у нас хватит мощи закончить эту войну. Ей нужно лишь согласиться править рядом со мной, и битва империй будет окончена.

— Эйлия никогда на это не согласится! Она знает, что валеи — зло, и служат они только Валдуру. Она твоя пленница! — налетела на него Лорелин и потрясла мечом, оглянувшись на Йомара.

Но Йомар молчал. Он глядел в лицо Мандрагора, которое в холодном свете казалось еще белее, и видел вытравленные на этом лице долгие годы страданий. Гнев и ненависть его покинули. Он, Йомар, знал жизнь, полную страданий и лишений, и знал, как это ранит душу, но это существо страдало на много сот лет больше, чем Йомар на свете жил. Как ни рвался он убить Мандрагора, вдруг в нем шевельнулся стыд. Он впервые спросил себя, как так вышло, что весь свой гнев, всю вину за свои и чужие страдания он вдруг возложил на одного человека. И странно,

подумал он, что жалости его научил именно Мандрагор.

— Мы с Эйлией *будем* править вместе, — не уступал принц. — С Неморы сюда принес ее я, но в эту цитадель она пришла по доброй воле.

— Тебе не уйти от судьбы, — произнес Дамион. — Когда ты хочешь избежать ее, оказывается, что она все равно тебя постигнет. Ты можешь только отвергнуть корону и ту силу, которой она служит.

Мандрагор посмотрел на него взглядом, полным гордости и гнева.

— Я говорю, что избегну ее, и это — единственный способ. Править теми, кто правил бы мною.

— Ты станешь тираном, — сказал Дамион. — Мандрагор, кем бы ты ни был сейчас, когда-то ты был достойным рыцарем на Мере. Вспомни, за что ты сражался!

Мандрагор заколебался. Если он сейчас зачерпнет темной Силы, он победит их всех. Но этого он делать не хотел — слишком сам этого боялся.

— Уходите, — сказал принц-дракон. — Я не стану убивать друзей Эйлии. Но я буду сражаться с вами, если вы меня вынудите. Вы знаете, что вам не выстоять против меня, если я обращусь к присутствующей здесь Силе. Даже херувиму не выстоять.

Но когда он шагнул вперед, то повернулся спиной к регенту, и тот бросился на него сзади. У него в руке что-то блеснуло быстрее атакующей змеи, и в следующий миг из груди Мандрагора высунулось железное лезвие.

Все застыли неподвижно: союзники Эйлии, раненый принц. Глаза Мандрагора расширились, и потом он упал — молча рухнул вперед.

— Отличная работа, — сказал регент незваным пришельцам, выдергивая нож из спины Мандрагора. — Я хотел подождать, пока у него ослабнет бдительность, и тогда ударить. Но вы мне помогли, когда отвлекли его внимание.

— Ты сумасшедший! — воскликнула пораженная Лорелин. — Он же твой повелитель!

— Не он. Я всего лишь убрал препятствие с дороги моего господина. — Регент наклонился над Мандрагором. — Ну, принц, теперь тебе *придется* обратиться к Силе — или умереть. Твое волшебство тебя не излечит. Зови Силу — и спаси себя. Всего один раз, последний.

Мандрагор лежал, тяжело дыша, глаза его остекленели, руки хваталась за рану в груди. Слов Наугры он будто не слышал. Регент наклонился к раненому, почти держа на руках его голову и

приговаривая злорадно и тихо:

— Сила — великая магия, которой не помешает никакое железо! Она спасет тебя, призови ее и исцелись. Ибо ты знаешь, что тебе нельзя умирать: ты — последняя надежда.

Он действительно сошел с ума, недоверчиво подумал Йомар. Если Мандрагор воспользуется темной магией, чтобы спастись, разве не отомстит он сразу после этого регенту?

Глаза принца-дракона были закрыты, дыхание стало частым и поверхностным.

Потом он медленно сел. Глаза его открылись, блеснув в неверном свете. И лицо уже не было искажено болью. А Науграбудто утратил силу, что видна была на его изборожденном морщинами лице, он сжался, увял на глазах, рухнул на пол, скорчился и побледнел. Вдруг в глазах его появился ужас, и он таращился, моргая, на нависшую над ним фигуру.

Пронзительно вскрикнула огненная птица:

— Одержим! Регент был одержим Темным, и теперь дух врага перешел от него к Мандрагору — видите?

Талира, охваченная ужасом и отчаянием от невозможности заставить себя понять, кричала на спутников, потом взлетела в туче перьев и стала бросаться им в лицо, бить крыльями, подгоняя к херувиму. Они вскочили, будто пробудившись от транса. Фалаар, осознав, что она хочет выразить, хотя не понимая причины, отступил к выходу и тоже расправил крылья, а огненная птица летала от него к ним и обратно, снова и снова, пока Дамион, Лорелин и Йомар не вскочили на спину херувима. Он подождал лишь, чтобы они уселись, и тут же развернулся и взлетел.

Принц стоял, глядя вслед бегущим друзьям Эйлии, и если бы они видели этот взгляд, то поняли бы, что никогда он не смотрел так холодно и враждебно. Неуверенность и нерешительность исчезли. Но заговорил он с регентом:

— Твоя задача выполнена. Ты был всего лишь сосудом, хотя и не знал этого, сосудом слишком слабым и непрочным, чтобы сдержать мою силу полностью. Я беру себе другой сосуд, более подходящий для хранения моей силы.

Не проявляя более признаков раны или слабости, он взял кинжал и ударил скорчившегося регента в основание шеи. Науградернулся и застыл.

Принц отбросил оружие в сторону, шагнул к трону, протянул руки и взял Железную Диадему.

20
Принц Теней

Эйлия была в темноте. Заполненная растущими страхами, она бесцельно блуждала по пустым безмолвным просторам, где ничего не было видно, нащупывая путь, разыскивая Мандрагора, который не отвечал на ее призывы. Она чувствовала, что кто-то или что-то следует за ней по пятам, но, оборачиваясь, никого не видела.

— Эйлия, проснись, — велел чей-то голос.

Она вынырнула из черных снов, открыла глаза и увидела, что явь подобна сну: окружающая беспросветная темнота. Мандрагор, стоящий над ней, казался лишь тенью во мраке, и со спазмом отвращения и ужаса она вспомнила, где находится.

— Ты отдохнула? — спросил он. — Там над нами зал, где стоит трон самого Валдура. Пойдем, я тебе его покажу.

Она не была уверена, что хочет увидеть этот трон, но приняла его протянутую руку и позволила поднять себя на ноги. Они миновали короткую лестницу и вышли в черный грот зала. И здесь, когда глаза привыкли, она разглядела обсидиановый трон и железную корону, выступившие из тени, и отдернулась, увидев их. Потом увидела мертвое тело Наугры на полу, завернутое в темный плащ.

— Ты его убил!

— Разумеется, — ответил Мандрагор. — Злобная тварь, которой нельзя было доверять.

Он подошел к высокому арочному окну и повел рукой, указывая на раскинувшийся внизу вид. Она подошла и встала рядом.

— Здесь был трон власти Валдура в прежние дни. Отсюда он глядел, как добывают руды и куют оружие для его смертных армий, и все подчинялось ему. Тогда создавали автоматы в виде людей, бронзовых гигантов, умеющих пускать стрелы и орудовать исполинскими мечами, — армии, против которой не мог выстоять никакой солдат, никакая доблесть. Можешь ли ты представить себе такое зрелище? И архонов в их переходных формах, не люди и не звери. Ты можешь это сама увидеть, если попытаешься: тебе больше не нужна амброзия, чтобы переноситься в будущее или в прошлое.

Она вспомнила рассказ Орендила и старые таблички в Кантиканте.

— Я не хочу этого видеть, — сказала она. — Те времена

миновали, и остается лишь радоваться этому.

— Нет, их можно оживить, здесь и на других мирах. Слава моей новой империи будет даже еще ярче!

Страх, который рос в ней исподволь, вдруг вырвался и завладел разумом. В ужасе она отпрянула прочь от высокого окна, прочь от Мандрагора.

— Нет! Это говоришь не ты — не тот Мандрагор, которого я знаю. Ты хотел положить войне конец, это Валдур искушает тебя, пытается тебя захватить — сопротивляйся!

Она вздрогнула, посмотрела на огромную синюю звезду, висящую над горами и над черной пустотой.

— Это все еще его обитель, хотя он заключен в Вартаре. Здесь он может тебя достать.

Мандрагор посмотрел на нее с презрительной усмешкой.

— Глупая женщина, — бросил он. — Ты говоришь о вещах, которых тебе не понять.

Эйлия уставилась на него, а он смотрел на нее, и зрачки его расширились, и улыбка не была его улыбкой.

— Да, теперь ты знаешь. Пришло время нам встретиться лицом к лицу, Трина Лиа.

Она коснулась его разума — и ощутила ту же господствующую темноту, что и на Неморе, которую она приняла тогда за волшебство духа местного мира. Но и сама Элнемора была всего лишь рабыней и каналом для его влияния. Единый проявлял себя в Камне, а все живое или неживое было лишь частичным его выражением, но эта Сила не позволяла предметам быть самими собой: она брала их и поглощала, делала образами лишь самой себя. Синдра, Наугра, Халазар и вот теперь Мандрагор были полностью ею одержимы. Она вскрикнула, высоко и жалобно:

— Где Мандрагор? Что ты с ним сделал?

— Это создание выполнило свое назначение. Мне нужно было, чтобы он привез тебя сюда, где ты и он слабы, а я силен. Наконец-то у меня снова будет материальная форма. Когда меня ввергли в черное солнце, оно завладело лишь моей телесной оболочкой, дух мой остался здесь, в телах моих смертных регентов — слишком утлых сосудах, чтобы выдержать всю мою силу. В отличие от этого тела, сделанного мною.

Она посмотрела на черноглазого принца будто прощальным взглядом — нет, скорее горестным. Потому что перед ней была своего рода смерть.

— Нет, Мандрагор, — шепнула она.

— Дай мне Камень, — произнес он, двигаясь к ней.

— Нет.

Снова она отступила, быстро оглянувшись. Он теснил ее к открытому окну.

— Дай. Он вернется в мою диадему, где ни один смертный уже никогда не наложит на него руки. Станет эмблемой моей победы.

— Нет!

Эйлия повернулась и бросилась в окно.

Ледяной ветер завизжал в ушах. Она падала камнем — присутствие диадемы не позволяло принять иную форму. Но вскоре ее действие истощится, к ней вернется способность летать прежде, чем…

С громом исполинских крыльев над ней возник дракон.

* * *

Друзья Трины Лиа в ожидании остановились внизу, глядя на мрачную башню.

— Что будет дальше, Дамион? — спросила Лорелин. — Это поистине он? И что он теперь станет делать?

— Не знаю, — тихо ответил Дамион. — Знаю одно: ничто в Талмиреннии сейчас не может этого остановить.

Лорелин замолчала. Йомар глядел в черное небо, на звезды, лежащие за Лотарой и Вартарой. Да, эти далекие, мерцающие огни содержат в себе разумы, старше самого времени… «Я никогда в вас раньше не верил, — подумал он, — но теперь я знаю, что вы существуете. Эйлии вы нужны, нужна ваша помощь. Не оставьте ее теперь. Пусть ничего не случится с нею!»

Звезды не ответили. Для его ушей они не создавали небесной музыки, и никогда не будут создавать. Он попытался снова:

«Я думал, что мог бы убить его для нее, но ошибся: я знаю, что не могу. И видите, сейчас все от вас зависит. Если вы так сильны, сделайте что-нибудь, спасите ее!»

— Что это? — спросила Лорелин, чуть погодя. — Я все время что-то такое около нас вижу — вспышки света, движущиеся тени, но стоит посмотреть прямо — как ничего не видно.

— Это начало, — тихо ответил Дамион. — Здесь сейчас освобождаются такие силы, которых ты даже представить себе не можешь.

— Это так, — отозвался голос. Все обернулись и увидели призрачную фигуру старухи с печальным лицом, изборожденным морщинами. Это была Ана, и с ней — Серая Метелка, устроившаяся у ее ног. — Вы были очень храбры, что явились сюда, — сказала прозрачная женщина, — но вы сделали все, что

могли сделать. В том, что будет дальше, ваше участие невозможно.

— Она говорит правду.

Еще одна фигура появилась рядом с ней, высокий и величественный человек с золотисто-седыми волосами и бородой. Ему не нужна была корона, чтобы показать, что он король.

— Браннар Андарион! — сказал Дамион и низко поклонился.

Остальные посмотрела на пришельца, потом снова на цитадель. И им стало понятно, что, хотя они показали свою силу в иных битвах, здесь они значат меньше, чем последний пехотинец: над ними сошлись в бою великие военачальники и принц, архоны Стихий, Планет и Звезд.

Вдруг в черной дыре наверху башни показалась новая фигура — крошечная на такой высоте, призрачная, белое платье бьется на ветру.

— Эйлия! — бросилась вперед Лорелин. Йомар успел поймать ее за руку. — Эйлия, Эйлия! Что это? Нет, она же нас не слышит, там железо!

Эйлия выпрыгнула из амбразуры. Платье затрепетало на ветру, а она падала вниз головой. Распущенные волосы развевались. Такая она была маленькая, такая совершенно беспомощная, что Йомар застонал от бессильной муки.

— Эйлия! Да что мы стоим, надо ей помочь! Кто-нибудь, летите, подхватите ее!

— Она уже не просто Эйлия, — сказал Дамион с едва слышным оттенком гордости. — Она — Сила, Йомар, и теперь она повелевает другими силами.

— Она такая одинокая! — всхлипнула Лорелин.

У них на глазах что-то зашевелилось в окне башни, и появился дракон, черный, как ночь. Он тоже прыгнул вперед, прижав крылья к бокам, камнем падая на Эйлию.

Она раскинула руки, падая, — широкие рукава задрались до плеч, шевельнулись изящные пальцы, из них вылетел сноп света. Он устремился к чудовищу, но лучи отклонились, будто от невидимого щита.

Лорелин в отчаянии повернулась к Дамиону, и увидела на лицах у него, у Аны и Андариона выражение сосредоточенности. «Они помогают ей, — подумала она, успокаиваясь. — Отдают ей свою силу».

Дракон схватил Эйлию когтями, но снова полыхнул ослепительный белый свет, и показалось, что в когтях дракона — звезда или молния. Они вместе летели вниз, но наконец дракон взревел и отпустил ее, и она рухнула — всего в десятке футов над землей. Эйлия приземлилась на ноги, пошатнулась и упала на

колени, но тут же встала. Дракон вышел из пике и взмыл вверх.

— Сейчас они будут биться, — сказала Ана.

Скорбно прозвучал голос Андариона:

— Моя вина. Все это моя вина: Морлин — плоть моя и кровь. Без меня его бы вообще на свете не было.

— Тебе не в чем упрекать себя, король, — возразила Ана. — Ты не первый, кого использовал и обманул Валдур. Но смотри — они сходятся в бою.

— Только они двое? Без армий, без ничего? — спросил Йомар.

— Каждый из них — армия, Ио, — ответил ему Дамион.

Эйлия закружилась, ища способ оторваться от противника. Дракон, который был когда-то Мандрагором, уселся на стене замка, черный под синей звездой, проревел какой-то приказ, и огнедраконы массой плещущих крыльев взмыли из серных глубин огромной ямы, и миллионы теней зашевелились в крепости, теней, призванных им, демонов его мира и других миров, материализующихся по его прихоти. Возглавлял их Эломбар, закованный в броню, и вел их в битву, как военачальник. К ней шагала целая армия гротескных созданий, не людей и не животных, вызванная из Эфира на войну с нею.

Она призвала собственные силы, и ощутила, как идут они через нее, как через канал. И лучистые фигуры с сияющими лицами и распахнутыми крыльями окружили ее защитной стеной. Но тем же ровным шагом продолжало надвигаться темное воинство.

Дамион и его друзья не сводили глаз с поля битвы.

— Я вижу, — сказала Лорелин, — там какие-то… предметы. Тени и что-то вроде вспышек — будто армии бьются…

— И я вижу, — сказал Йомар.

— Войска Неба и Ада, — ответил Дамион.

Равнина осветилась ярким сиянием — от Камня в руке Эйлии.

— Все как старые книги предсказывали, — прошептала Лорелин. — Принцесса и принц, Камень, дракон. Но ведь у наших врагов — свои пророчества?

Дамион кивнул, но ничего не сказал.

Видно было, как сияние Камня мечется в разные стороны в гуще битвы. Над крепостью парили в ночном ветре огнедраконы, и черный дракон кружил в их гуще.

— Они должны сойтись в единоборстве, — сказал Дамион будто про себя. — Все это — только предвестие.

От реющего дракона валил пар.

Свет и тьма рябили и метались по всему замку. Встревоженным зрителям казалось, что тьмы больше, чем света.

— Это место его силы, — сказала Ана. — Темный сделал так, чтобы дуэль произошла возле трона, где он мощнее всего, чтобы сдвинуть чашу весов.

— Бей его, Эйлия! — крикнула Лорелин со слезами на глазах. — Я всегда верила, что мы победим, что это предрешено…

Голос ее затих — до нее во всем ужасе дошла неопределенность ситуации. Йомар положил ладонь ей на руку.

— Битва еще не кончена, — сказал он хрипло.

Эйлия стояла неподвижно в окружении клубящихся духов; над нею кипела огромная туча с синими краями, там полыхали молнии и ревел гром, туча захватывала небо, будто живая. Длинные языки молний текли между нею и башнями цитадели, и между лихорадочными вспышками из глубин тучи возник черный силуэт. Лоанан с когда-то красной чешуей и струящейся гривой был теперь угольно-черным, и глаза его горели инфернальным светом. Дракон спикировал вниз, оставляя след из срывающегося с крыльев пара, устроился на башне внешней стены, и Эйлия приготовилась.

Небесные армии отступили, широким кольцом окружив этих двоих перед битвой. Дамион и его спутники глядели с края поля боя.

Эйлия приготовилась встретить дракона, грудь ее вздымалась, руки сжались в кулаки. Судьба — Мандрагор боялся, что ничто не сможет победить судьбу, и он был прав. Отчаяние навалилось свинцовым грузом, затягивая ее в черные глубины. Она медленно двинулась вперед.

Он спрыгнул и стал пешком приближаться к ней. Глаза дракона — глаза Мандрагора — смотрели на нее, чернота окружена кольцом горящего золота, как дыра в жутком небе в раме огня. Глаза Мандрагора, но дух не его — что-то иное смотрело на нее из этих черных расширенных зрачков. Она видела себя, белую и ничтожную, в этих глазах, теряющуюся в темноте, которая в глазах только начиналась. Эйлия пятилась, он наступал, и наконец она оказалась на самом краю ямы.

Но ее не оставили. Она ощутила защитное присутствие матери, и знала, что мать всегда была здесь, на краю сознания. Другие духовные сущности держались рядом и окутывали ее. Она снова подняла глаза, ненавидя ту суть, что изгнала из этих глаз Мандрагора. В ней была сила — совсем не такая мощная, как та, что противостояла ей, но сила иного рода. Принять сейчас облик

дракона, сражаться — это только отсрочит то, что она должна сделать. Эйлия потянулась мыслью, коснулась черной злобы того ума, что был внутри дракона, ища Мандрагора в последнем отчаянном призыве.

И дракон набросился на нее, вытягивая когти и клыки. Камень Звезд был выбит из ее рук и упал на землю.

Бледные светящиеся формы архонского света исчезли, как будто задули свечу, и остались только теневые силуэты. Аны и короля Андариона больше не было. Погасло сияние Камня Звезд, лежащего на краю бездны. Дамион и его спутники бросились туда, где упала принцесса, не думая более об опасности — они видели только недвижное тело, лежащее перед драконом. Она мертва? Лицо ее было таким же белым, как платье.

И тут она пошевелилась, мотнула головой из стороны в сторону, но не ожила. В ужасе они видели, как дракон заносит когти для удара. Его окружала стена теней, и невозможно было войти в темный круг и помочь Эйлии. Аурон и херувим кружили сверху, но и они не могли пробить барьер. Дракон бросился вперед, когти его сомкнулись вокруг Эйлии.

— Нет! — крикнула Лорелин, но сделать ничего не могла: ее меч и ее храбрость были здесь бесполезны.

Эйлия очнулась в темноте. Казалось, она видит над собой небо, заполненное тусклым светом. Оно было бесформенное, без солнца, луны, звезд или туч. И цвет его был непонятный: слишком бледный, чтобы назвать его красным, слишком горячий, чтобы быть серым, но что-то было в нем от обоих этих цветов. Как цвет, который виден, если смотреть на солнце через закрытые веки. Эйлия села и огляделась. Она находилась в пустыне, тоскливой и голой, и, куда ни посмотри, ничего в ней не было. И все же она чувствовала, что не одна здесь. Какая-то сущность присутствовала здесь, смотрела…

— Кто ты? — шепнула Эйлия и встала. — Кто здесь?

И эта сущность ответила:

— Разве ты не ведаешь? Я всегда здесь был, не бойся, ничто теперь не причинит тебе вреда. Зри же: я — Атариэль, Повелитель Небес.

Сияющая форма соткалась из сумеречного воздуха в нескольких шагах от нее: лучистая фигура с золотыми волосами под короной, в белоснежных одеждах и с белоснежными крыльями. Никогда Эйлия не видала красоты столь чистой, столь нетронутой страданием или скорбью. Она поклонилась до земли, ошеломленная. Перед ней был высочайший из высоких элиров.

— Господин мой…

— Дочь моя, — произнес архон, — явилась ты быть с нами в Высоком Небе. Здесь должен я покинуть тебя, ибо даже я не смею оставаться.

Эйлия выпрямилась и вгляделась:

— Высокое Небо? Что же сделала я, господин мой, чтобы заслужить такую великую честь?

— Дочь моя, — ответил серафим, — ты умерла.

— Умерла, — прошептала она.

— Это и есть смерть, Эйлия Элмирия. Сие есть небесная страна, где обитают души умерших. И ты одна из них. Чтобы твой дух мог снова вернуться к архонской природе, была разрушена смертная оболочка твоя. Ты проиграла битву, но не отчаивайся, ибо все равно получаешь ты награду свою.

Он показал рукой, и Эйлия увидела мерцающие фигуры, тени людей и других существ. Они стояли, как статуи, либо бродили бесцельно вокруг.

Она опустила взгляд, не в силах глядеть на толкотню душ. Она представляла себе Высокое Небо как средоточие красоты, а не эту бесцветную пустыню. Это ли и ждет умерших — не сверкающая послежизнь, а лишь страна теней и фантомов? И она провалила свою миссию — какую же награду могла она заслужить? Архон будто услышал ее мысли.

— Тебе надлежит отречься от всего, что ты знала, — произнес он, — и смириться с этой судьбой.

Эйлия заставила себя пройти через толпу фантомов. Здесь были тени давным-давно умерших, слуги врага, гибель которых в битве она видела. Она увидела Наугру, и Синдру, и Эррона Комору, но они смотрели на нее, не узнавая, пустыми глазами. И это было ужасно: внутри этих призрачных теней еще жил Свет, и вместе с ними был пленником Темноты — как пузыри воздуха, плененные трясиной. Она не могла смириться с этим — душа восставала.

Эйлия обернулась и поглядела в пустое прекрасное лицо архона, лицо, никогда не знавшее страдания.

— Тебя очень точно назвали Обманщиком, — сказала она, — Валдур Элватара.

Ангельская фигура изменилась, расширилась, превратилась в нависшую башню чешуи и клыков, кривых когтей, огромных крыльев, черных как ночь, пасти, впивавшей свет. Черный дракон высился над ней, становясь еще больше и темнее, отращивая из шеи новые головы, как гидра, чудовищные головы с клыками или бивнями, с чешуей и щетиной, и не было среди них двух одинаковых. Из всех пастей вдруг послышалась команда, и в

ответ фигура, валявшаяся на земле, вскочила, как вздернутая за ниточки марионетка. Эйлия ахнула — это был Халазар.

— Я — бог-царь! — крикнуло видение. — Поклонитесь мне, и вам оставят жизнь! — Глаза у него вылезали из орбит, безумные и невидящие, и говорил он не с ней, а с какой-то воображаемой аудиторией. — Я — Халазар! Поклонитесь же мне!

Эйлия вздрогнула — это было омерзительно, жестоко до невыносимости. Валдур издевался над собственным обманутым рабом. И прочие фантомы были такими же, каждый заключен в собственном аду, они стонали и лепетали. Она не могла этого больше вынести.

— Прекрати! — крикнула она. — Это не явь, это место существует только в сознании Валдура! Вы можете уйти, если захотите!

Но они продолжали лепетать, выплывая друг из друга, и слышны были только обрывки фраз:

— Я не виноват! Почему никто меня не слышит? Я же всегда хотел как лучше…

— Освободитесь! — крикнула она. — У него нет силы удержать вас здесь против воли!

Но обезумевшие духи не слышали ее.

Снова взревел многоголовый зверь, и они все обернулись к ней — сразу. Ее окружал ужас, призраки и демоны с оскаленными пастями надвигались на нее. Куда бы она ни глянула, их было все больше и больше, легионы без числа. Призрачные руки нашаривали ее, она звала Дамиона, Ану, свою мать, всех друзей по очереди, но никто не отзывался, они были далеко от нее и от этого бесконечного кошмара, пропасти отчаяния. И вдруг она заметила на краю поля зрения одну фигуру во всей пустыне, которая не двинулась по команде Валдура, но стояла одинокая и неподвижная.

Остальные сомкнулись вокруг нее, и она позвала его по имени.

— Нет! — вскричала Лорелин.

И даже мига не прошло для спутников Трины Лиа. Лорелин еще не закончила крик, остальные стояли, беспомощные и пораженные горем, не в силах оторвать глаз от этого зрелища.

Дракон встал на дыбы, отпустил тело Эйлии, заколотил крыльями по воздуху. Отражение звезды полыхнуло в черноте его глаз, пена закапала из пасти. Из глубин его глотки донесся прерывистый крик. Длинная черная голова замоталась из стороны в сторону, хвост сворачивался кольцами и разворачивался снова, будто жил своей жизнью. Снова поднял он лапу, будто собирался

растерзать безжизненное тело, и снова лапа остановилась в воздухе, судорожно сжимаясь и разжимаясь. Потом голова перестала дергаться, упала вперед и сомкнула челюсти на собственной лапе, терзая и разрывая собственную чешуйчатую плоть.

— Что он делает?! — воскликнула Лорелин.

Черная голова дракона моталась и опускалась вниз, бешено рвя зубами собственную чешуйчатую грудь. Из ран хлестала кровь. Челюсти, которым ничего на свете не могло противостоять, встретили непробиваемую чешую — и оказались сильнее, ибо никогда не гадал Валдур, что сможет сам себе причинить боль.

— Он сошел с ума, — в медленном удивлении произнес Йомар и показал мечом на теневые силуэты. — Смотрите! Они тают!

Силуэты распадались и уплывали прочь. Никто больше не стоял между ними и Эйлией с драконом.

— Вперед! — крикнул Йомар, и они с Лорелин бросились на дракона, занося мечи для удара.

— Стойте! — крикнул чей-то голос.

Дамион обернулся на крик, бросился к Эйлии и склонился к ней. Она была жива, пыталась приподняться на локте, протягивая другую руку.

— Не надо, — выдохнула она, — уже не надо, его больше нет…

Дракон начал съеживаться, меняться. Цвет его перешел из черного в огненно-красный, и вместо него вдруг образовалось странное создание — человек с чешуйчатым лицом, с рогатой головой и когтями. Кровь текла из ран на шее, на горле и груди, заливая обрывки черной мантии. Лицо с невидящими глазами обернулось к Эйлии, губы с трудом шевелились, будто он хотел сказать что-то. Эйлия встала и подошла к этому чудовищу, положила омерзительную голову к себе на колени, стала гладить спутанную гриву и стирать кровь с лица, тихонько плача.

— Эйлия! — позвал Йомар.

— Оставь ее, — сказал Дамион.

— Но эта тварь…

— Это Мандрагор, Валдур его покинул, — ответил Дамион. — Он сбежал от боли. Никогда не мог переносить страдание, как умеют смертные.

Какое-то время среди развалин не было слышно иных звуков, кроме тихих всхлипываний Эйлии. Нагнувшись вперед, она говорила в остроконечные чешуйчатые уши слова, которых никто не мог расслышать. Мандрагор открыл мутные глаза, посмотрел ей в лицо. И на глазах у всех еще раз превратился. Исчезли

крылья, хвост и рога, поглощенные тенью, и чешуя отслоилась прочь — из облика чудовища медленно возникало лицо человека. Он протянул лапу, Эйлия вытянула руку ему навстречу, положила на эту лапу ладонь, и лапа стала человеческой рукой. Другой рукой Эйлия коснулась его лица, потом поцеловала его, страстно, сперва в лоб, потом в губы, и на земле уже лежал Мандрагор, не чудовище, но человек, такой же красивый, каким был до одержимости.

— Я позвала его, — сказала Эйлия. — И он пришел ко мне. — Она знала точный момент, когда Темный бежал, потерпев поражение. — Он снова обрел власть над своим телом и стал ранить себя, чтобы изгнать Валдура.

Мандрагор заговорил хриплым шепотом:

— Я знал тебя. Я видел звезды, видел миры с их чудесами. Теперь я не жалею, что жил.

Потом глаза его закрылись, и он затих. Эйлия низко склонилась к нему, так что не стало видно их лиц за ее упавшими волосами.

И вдруг опять вокруг нее появились эфирные формы: Элиана и Андарион, и золотоволосая фигура ее матери. Эларайния обратилась к дочери:

— Эйлия, милая, не плачь. Все кончилось. Он спас тебя, а ты его. Он теперь в мире, враг покинул его и Талмиреннию. Теперь Валдур воистину пленник, ибо его дух не имеет жилища на этой плоскости и вынужден навеки соединиться с его материальным носителем в черной звезде.

Лицо Бранна Андариона осунулось от горя.

— Мы возьмем тело моего сына с собой в Эфир. Так покидают этот мир величайшие из немереев, и так мы почтим его.

И Ана обратилась к спутникам Трины Лиа:

— Мощь Эйлии всегда была ее слабостью и никогда — силой. Соблазны этой мощи не раз чуть не оказались для нее роковыми. В решающий миг храбрость и сострадание ее спасли всех вас, а не волшебство, которое было для нее с самого начала кандалами.

И снова эти фигуры начали таять. С ними исчезло тело Мандрагора. Принцесса стояла на коленях на земле, и руки ее опустели.

— Эйлия, — тихо сказал Дамион, — пойдем домой.

Она подняла к нему залитое слезами лицо, беззвучно шевеля губами.

— Я возьму тебя туда, где нет страдания, — сказал Дамион, опускаясь на землю рядом с ней.

Она уронила голову к нему на плечо, потом они медленно встали. И Йомару с его спутниками показалось, что в следующий

миг уже не привычные фигуры людей стояли на этом месте, а две лучистых сущности, окрыленные белым огнем, и глаза у них горели, как звезды. Только секунду видели это смертные, закрывая глаза ладонями от ослепительного света — и потом видение исчезло.

Оставшиеся стояли безмолвно, и даже Талира не могла найти слов. Холодный ветер, прилетевший от ледяных гор, прошелестел по затихшему замку.

— Уйдем отсюда, — сказала Лорелин. — Ненавижу это ужасное место!

Хоть было темно, Йомар знал, что она плачет. Он нагнулся, поднял с земли Камень Звезд, и они с Лорелин залезли на спину Аурона. И вскоре снова воцарилось молчание над двором ночи.

21
Небесная империя

Великое ликование охватило Арайнию, когда друзья Трины Лиа привезли Камень Звезд в Халмирион. В Мирамаре будто все праздники года наступили одновременно: улицы пестрели флагами и серебряными звездами, колокола гремели с каждой башни, свечи и лампы сияли на всех карнизах и на ветвях деревьев, улицы взрывались фейерверками. Люди обнимались с незнакомыми, танцевали у костров, плескались в фонтанах, кричали и пели на крышах и балконах. Звездная война окончилась! Трина Лиа победила своего противника! Как именно это случилось, никто не знал точно — много ходило противоречивых рассказов. Эйлия дралась с Мандрагором на дуэли и убила его, Эйлия дралась одна против целой армии и победила, нет, ей целое небесное воинство пришло на помощь. Только когда прошли дни и стало ясно, что принцесса не собирается возвращаться, настроение стало несколько менее восторженное. Новость о ее уходе в Эфир прошла по мирам Империи быстрее света. Хрустальный дворец Мирамара был пуст, Трон Дракона не занят. Но все же Эйлия оставалась правительницей Талмиреннии: раз она не умерла, других претендентов быть не может. Поговаривали о том, чтобы поместить на трон ее изображение, как статую ее матери в капелле Халмириона, но от этой идеи скоро отказались. Казалось, что у Талмиреннии не будет смертного правителя.

Сивиллы посовещались с отцом Трины Лиа, и наконец приняли решение: Лунный трон был оставлен пустым, а корону и серебряный скипетр поместили на Трон Дракона. Туда мог прийти любой, поглядеть на Камень, снова вставленный в корону — предмет, через которых древние могут наблюдать за Империей издалека, но никогда не будут уже править Талмиреннией или ее обитателями. Потому что отныне эти обитатели будут сами собой править.

Как-то вечером примерно через два года после последней битвы в садах Халмириона собрались друзья и родные Трины Лиа. Король Тирон покинул дворец ради жизни в лесах Хиелантии, где мог быть вблизи ощущаемого присутствия Эларайнии, а дворец стал странноприимным домом для посетителей Мирамара и его святынь. Среди остановившихся там сейчас гостей были Йомар и Лорелин, приемная семья Эйлии с

Меры, Маг с Неморы и амфисбена Твиджик, а еще Аурон и Талира, принявшие людской облик, чтобы иметь возможность общаться с теми из гостей, кто не был немереем. Они тихо говорили о том, что случилось в Великую Войну, о том, что сами делали и видели, а Дани и Лем играли на лужайке с амфисбеной.

— Без Мандрагора империя валеев рассыпалась, — рассказывал Аурон. — Гоблины передрались друг с другом, потому что своего правителя более не боялись. Царь Роглаг был объявлен новым Аватаром против своей воли и к большому его испугу. Последнее, что я о нем слышал — он сбежал на какую-то очень дальнюю планету. Херувимы его не преследовали, сказав, что он того не стоит. Порождения тьмы не хотят сейчас с нами воевать, когда у них нет настоящего вождя.

— И у нас тоже, — грустно ответила Лорелин. — Я знаю, Эйлия сказала бы, что он нам больше и не нужен. Но жизнь совсем не та без Эйлии и Дамиона. Мне очень их не хватает.

— И нам, — согласился Джеймон, и его родственники согласно закивали. Джемма положила руку на плечо брата.

— И нам ее тоже не хватает, — пропищала амфисбена, поднимая переднюю голову. — С ней нам всегда было безопасно, всегда.

Лорелин наклонилась и почесала Твиджику уши.

— Как у вас там на Неморе? — спросила она.

Ответила Маг, что было удобно Йомару и другим меранцам:

— Смотрящий растерял авторитет в глазах народа. Он не убил бога-дракона, как хвастался, навлек на город разрушение, и многие его в этом винят. Люди поняли, что Эйлия предлагала действовать мудрее. Нами сейчас правит совет, избранный горожанами, и мы строим новый город на берегу. Там Май и Терен будут растить своих детей.

Пока Маг рассказывала, Лорелин заметила еще две фигуры, идущие к ним через лужайку: светловолосая элейка и человек. У него была царственная осанка, и на руках он нес мальчика лет двух с виду. Йомар и остальные увидели, куда смотрит Лорелин, и обернулись туда же, к вновь прибывшим. И пока меранцы, Маг и Твиджик смотрели в остолбенении, остальные четверо склонились в поклоне.

— Андарион, — произнес Аурон, — ты оказываешь нам честь.

Король опустил ребенка на землю и улыбнулся.

— Я теперь всего лишь человек, такой же, как другие. Я решил остаться смертным и не застревать в Эфире, когда покину эту плоскость. Начинаю новую жизнь, в которой намерен исправить прошлые ошибки.

— Ваше величество, — сказала Талира, — Ана говорила

правду. Вам не в чем себя упрекнуть.

— Разве? — спросил он. — Это мое обращение с сыном довело его до такого и чуть не погубило Талмиреннию. Только Трина Лиа помешала этому сбыться. Я вернулся не для того, чтобы предъявить права на свое королевство, но чтобы прожить мирную жизнь, к чему следовало мне стремиться с самого начала. Я теперь живу в мире элеев, и я женился. — Он с улыбкой обернулся к стоящей рядом даме. — И я снова стал отцом. Вот мой сын. Его я буду любить и о нем заботиться, и тем искуплю пренебрежение Морлином, что навлекло столь много несчастий на столь многих. — Он снял с шеи амулет с драконом. — Вот это было найдено в подводном замке Морлина на Неморе. И это все, что у меня от него осталось.

— Мое! — сказал мальчик, протягивая ручку к блестящей игрушке.

Отец отдал ему ее.

— Да, твое. Видите? — обратился Браннар Андарион к окружающим. — Не может ли душа снова явиться в мир? Странные вещи иногда случаются с теми, в ком течет кровь архонов. Но я верю, что это случилось — он получил новую жизнь, новое тело, которое своим существованием уже не обязано интригам Валдура и лоанеев.

— Мандрагор? — спросила Лорелин.

Мальчик повернулся и уставился на нее большими синими глазами.

— Не то имя, что дали мы ему при рождении, — сказала его мать. — Но он не желает откликаться на иное. Я с первого взгляда в эти глаза поняла, что это старая душа.

— Невероятно! — воскликнул Аурон. — Я никогда ни о чем подобном не слышал.

— Если бы только Эйлия знала! — вздохнула Лорелин. — Она была бы очень рада.

Мальчик подошел к играющим детям.

— Была бы, конечно, если она еще этого не знает, — утешила ее Талира. — Не надо говорить о ней, как об умершей.

Но после ее слов наступило краткое молчание, и об Эйлии больше не говорили.

Через некоторое время, когда все остальные ушли во дворец на ночной отдых, Лорелин и Йомар остались одни, глядя на звезды, появляющиеся в темнеющем небе.

— Что ты будешь делать, когда кончится твоя жизнь? — спросил Йомар. — Ты тоже наполовину архон. Ты просто умрешь, как Андарион, или останешься в Эфире, как Дамион и Эйлия?

— Остаться в Эфире? — сказала Лорелин. — Нет. Я хочу

знать, что там, за его пределами. Эмпиреи, или как их там немереи называют. И чего мне болтаться в Эфире, когда ты умрешь, и твой дух перейдет? Никуда ты, дорогой мой Йомар, от меня не денешься, куда бы я за тобой не могла пойти.

Йомар смотрел на Лорелин, на светлые волосы, сияющие серебром в свете звезд и арки небес. Они отросли, спадали теперь до плеч. И ему она сейчас показалась еще красивее, чем раньше, эта женщина, которая могла бы быть ангелом, если бы пожелала, жить в вечном раю Эфира, но вместо этого решила остаться со смертными. Он обнял ее за плечи, потом неуверенно, почти застенчиво намотал локон ее волос себе на палец, где ярко блестело кольцо.

— Я тут подумал, Лори, — сказал он. — Насчет вернуться на Меру, к своему народу. Они все еще хотят, чтобы я правил Зимбурой, а Киран говорит, что ему надоело быть царем. Вот я и думал, не хочешь ли ты со мной? — Он поцеловал ее. — Чтобы править со мной рядом.

И взглядом и прикосновением он добавил: *И быть со мной всегда.*

Она прижалась к нему, и ответ уже был у нее в глазах.

— Всегда ты возвращаешься в плоскость смертных, — сказал Дамион.

Они с Эйлией стояли на высоком холме в том мире, где Дамион впервые встретил Андариона. Пустынный ландшафт окружал их: выветренные камни и неровные дюны под небом, густо наполненном звездами и усеянном лунами в различных фазах. В основном земля была пустынна, и даже колючий куст не нарушал однообразие камней и песков. Вода, вырезавшая в них сухие русла, исчезла много эпох тому назад. Вдали, поднимаясь в небо и сияя в лунном свете, торчали башни и пирамиды, такие огромные, что Эйлия сперва приняла их за естественные каменные столбы и столовые горы. И они были непостижимо древними, как те, что она видела на Омбаре, изрытые, выветренные, рассыпающиеся. К ним жалась еще оставшаяся здесь растительность и видно было сверкание воды: последний оазис, прибежище жизни. Эйлии показалось, что на стене развалин она видит вырезанное изображение крылатых колоссов.

Они с Дамионом теперь никогда не расставались. Иногда они надевали эфирное подобие оболочек из плоти, которые носили, посещая миры, но в основном они были лишены формы и свободны, чистые сущности в бурных морях квинтэссенции, составляющей Эфир. Никакой язык смертных не мог бы описать это существование, хотя Эйлия часто думала, как она могла бы

его объяснить. Прежние телесные органы чувств исчезли — зрение, слух и прочие. И все равно что-то было от них от всех в том постижении, которое она теперь знала, будто слушаешь уносящие вверх звуки музыки, глядишь на чистый свет, ощущаешь на вкус блаженство и касаешься другого эла — и это не привязывает их друг к другу, как прикосновение рук или общая мысль, но объединяет их в одно и объединяется с ними.

Дамион был теперь ее наставником, потому что за время, проведенное в низшей плоскости, она стала забывать свою истинную натуру, и ее снова надо было учить, как быть элом. И ей было хорошо вернуться в свет и гармонию Эфира, оставив позади низшее, темное царство, где правили страдание и скорбь. Но она начала задумываться, не слишком ли сильно она изменилась за то время, что пробыла в Меньшем Небе. Почему-то ее все тянуло к низшей плоскости, вопреки всем страданиям, что она там перенесла. Она не могла объяснить Дамиону, что чувствует, потому что сама не до конца это понимала. Но правдой было то, что он сказал: она то и дело покидала Эфир, чтобы навещать материальные миры, принимая облик сильфа, херувима или дракона. Часто он ее сопровождал. Однажды они с Дамионом стали лебедями, летали над собственными белыми отражениями в мире чистых бирюзовых вод, никогда до тех пор не знавшего собственной жизни. Они в своем истинном виде ходили по планете, у которой не было солнца — она свободно странствовала в небесах. На ее лишенных света равнинах жили живые кристаллы — *переболем* называли их древние, — которые светились собственным светом, подобно венудору, и освобождали эманацию яркой квинтэссенции, подобной языкам пламени. Талмиренния была полна чудес.

Сейчас Эйлия вздохнула, глядя на небо Мелдриана.

— Что такое? — спросил Дамион.

— Все думаю о тех бедных душах, что видела в Погибели.

— Души находятся в рабстве у Валдура только по их согласию. Он убедил их, что они не могут уйти, но это неправда, и теперь они это увидели сами. Мандрагор смог вырваться, когда помогал тебе, и другим ничто не мешает последовать его примеру. Идея бегства уже заронилась в их умы. И если они станут искать свободы, то Погибель опустеет, и враг лишится своих трофеев.

Эта мысль ее утешила.

— Свет здесь в небе… это рассвет? — спросила она.

— Да, но такой, какого ты еще никогда не видела. Здесь ты видишь не одно солнце, или два, или три, а все солнца Талмиреннии во всей славе их.

Они видели, как лучистая спираль бесчисленных звезд поднимается на небо, уводя взгляд к сверкающему центру, будто светила втянуты в хоровод танца. Эйлия снова смотрела в удивлении. И тихо процитировала «Видение» Велессана:

— *«И был я вознесен в сферу внешних звезд, и созерцал Низшее Небо под собою, и вертелось оно, как колесо».* Дамион, как здесь красиво!

— Очень красиво. Ты смотришь на Небесную Империю, как смотрел когда-то Атариэль с Трона Херувимов. А сейчас, — сказал Дамион, — оглянись!

Эйлия обернулась.

— Что это? Я вижу лишь несколько звезд, рассеянных в пустоте.

— Это не звезды, Эйлия. Это Талмиреннии. Они так далеки, что кажутся просто блестками света, но каждая из них сама не меньше Великого Танца.

Она смотрела, восхищенная, понимая, что видит галактику за галактикой, вселенную, превосходящую любое воображение.

Долго они молчали. Потом Эйлия заговорила снова:

— Сколько уже прошло после битвы на Омбаре? — спросила она. — Я в Эфире потеряла счет времени.

— Двадцать лет прошло с тех пор, как война окончилась.

— Двадцать лет! — воскликнула Эйлия. — Столько изменилось в мирах смертных! Они же будут сейчас совсем другими — мой отец, мои родные с Меры, и Йомар с Лори… Я так хочу снова их видеть!

— Ты можешь их навестить, как только захочешь.

— Я хочу знать, поженились ли Лори и Йо, и есть ли у них дети. Наверное, уже большие. — И легкая тоска вкралась в ее голос. — Мне так их не хватает. Они решили остаться во времени, в потоке событий. Когда-нибудь я их вспомню, пойду их навестить — а их не будет.

Вдруг она вскочила и вернулась через портал туда, откуда они пришли, он за ней. И они через Эфир, через искрящиеся царства света приблизились к порталу, ведущему на Арайнию.

— Я должна вернуться, — сказала она. — Не навестить, но остаться. Там сейчас мое место.

— Я не могу пойти с тобой, — ответил Дамион. — Эфир мне куда больше дом, чем любая страна смертных. Но ты действительно наполовину еще человек, и смертная твоя жизнь не окончилась. — Он посмотрел на нее с печалью. — Ты должна уйти?

— Я слишком переменилась, меня тянет в миры смертных. Я не могу стать такой, какой была раньше.

— Эйлия, — сказал Дамион, — тебе нет нужды возвращаться в материальную плоскость. Твоя задача выполнена. Ты сама сказала, что для смертных лучше не иметь правителя и править самими собой.

— Я уходила не просто выполнить задачу. И сейчас я ухожу не править или выполнять какой-либо другой долг. Я тогда, давно, просила выбрать меня для этого задания, потому что уже хотела быть такой, каковы смертные, и знать то, что они знают. А очень многого еще в их жизни я не видела, не чувствовала, не пробовала. Я не знаю возраста смерти. А если я останусь архоном, я никогда не войду в Эмпиреи.

— Если ты войдешь туда, мы разлучимся навеки. Место архонов — Эфир, мы не уходим туда, куда уходят смертные.

Она не могла вынести скорби в его голосе: ей это напомнило ту муку, что испытала она, веря, что он мертв и навсегда для нее потерян.

— Дамион, любовь моя, все, что сотворено, имеет свой конец, — сказала она, кладя ему руки на плечи и заглядывая в глаза. Они сверкали сиянием квинтэссенции. — Эфир не всегда был, и, быть может, когда и он, и материальная плоскость перестанут существовать, исчезнут все различия. Я не могу поверить, что мы будем разлучены вечно.

Она повернулась к пропасти Эфира.

— Да, я уверена, что мы увидимся снова.

— Тогда я смогу смириться с этим, — ответил Дамион, — раз у меня будет надежда.

— Надежда есть всегда, — сказала она.

На миг ее рука крепко сжала его руку, потом Эйлия осторожно высвободилась.

И сквозь портал шагнула на Арайнию.

Она стояла во вратах Земли и Неба, и перед ней был каменный мост через пропасть между одинокой башенкой портала и вершиной горы, где высились башни Мелнемерона. Ниже раскинулись широкие долины, а на востоке блестел едва видный край моря. Эйлия ощутила прохладу ветра, тепло солнца и ласковый зов земли, притягивающей ее к себе.

Свет потускнел, и Эйлия поняла, что портал за ней закрылся. Она не стала здесь задерживаться, а быстрым шагом пошла через мост, ни разу не оглянувшись.

Приложение

Примечание переводчика

Любому читателю «Катна Мелдралоанан ад Тринамириа» («Книга о Троне Драконов и лунной принцессе») будет очевидно, что этот манускрипт в такой же мере литературное произведение, в какой и историческая летопись, и я боюсь, что вот этот неповторимый вкус такого сочетания, вложенного в труд неизвестным автором, был при переводе утерян. Также невозможно точно определить, где и когда происходили события «Тринамирии» (насколько я понимаю, под этим названием ее знают там, где она была написана), хотя намеки в тексте позволяют предположить, что это было не менее тысячи лет тому назад. Однако ясно одно: гуманоидные существа, описанные в тексте, слишком на нас похожи, чтобы не быть с нами в тесном родстве. Мало также сомнений в том, что наша Земля и есть их «исходный мир», и хотя некоторые из этих существ причудливо изменились внешне, есть и другие, которые вряд ли привлекли бы к себе внимание, пройдись они по нашим улицам. Интересно подумать, какие изменения произошли с тех пор в мирах, ими обитаемых, если принять во внимание, насколько продвинулась за то же время наша цивилизация.

Что до происхождения данного экземпляра «Тринамирии» и сопровождающих ее текстов, многие из которых фрагментарны, то это загадка, и скорее всего разгадана она не будет. То же самое относится и к рукописи, послужившей своего рода Розеттским камнем и сделавшей возможным перевод, хотя она, по крайней мере, по всей видимости возникла здесь, на нашей Земле (что, однако, только усугубляет тайну). Три выдержки, приведенных ниже, взяты из разных пергаментов, очевидно, датируемых разными эпохами. Я бы предположила, что первый происходит с Меры или Арайнии и написан после того, как истинная природа архонов стала ясна наконец тамошнему населению. Что до двух других, то это определенно писания с Меры, и принадлежат куда более ранним эпохам. Первый из этих отрывков — отчет официального эмиссара маурийского двора, описывающего своему монарху, что он узнал в Тринисии о других народах и мирах. По композиции его следует отнести к первым дням существования Содружества. Второй, краткий обзор меранской истории, предположительно взят из учебного текста (несомненно, использовавшегося в Королевской Академии Раймара) и должен быть отнесен к периоду после Темных Веков, когда большинство ученых считало, что остров элеев является легендой.

Документ 1

О начале дней и учреждении Небесной Империи

(Из имперских архивов Элдимии)

Элы, которых мы зовем архонами, были раньше, нежели созданы были все прочие вещи. Их местопребыванием было Среднее Небо, или Эфир, который лежит над нашей плоскостью Низших Небес, но ниже сияния Высших Небес, и было оно отдано им, дабы быть их домом. Хотя его истинным веществом является божественная стихия квинтэссенции, но иногда являются в нем образы тех вещей, которым еще предстоит быть: живые сны Создателя о мирах, кои еще только будут созданы.

Когда Низшее Небо сложилось из вспышки света, архонам оно понравилось, и они спустились в него играть. Еще сильнее стала их радость, когда из первобытных огней появились солнца и планеты. Многих привлекали к себе эти сферы, и они брали миры себе в обиталище, но высшие среди них остерегали их, что это небо звезд, в отличие от Среднего Неба, не для них одних создано. Им еще придется уступить эти миры когда-нибудь тем существам, что возникнут там, ибо эта плоскость предназначена была для смертных созданий, кои оживлены будут искрой божественного духа свыше, но созданы из того же вещества, что сами звезды и планеты. И будет Низшее Небо принадлежать им, а они ему.

Но сперва архоны были свободны им владеть. Некоторые стали жить на планетах и создали дом себе в воздухе и в воде, в земле и в огне. Многие научились принимать материальные формы в подобие смертным созданиям, еще не существовавшим тогда иначе, как образы в лишенной времени Эфирной плоскости, иные же принимали смешанный облик различных созданий. Другие из элов с презрением отвергали форму и жили только в звездах бестелесными духами. Так произошло первое разделение архонов на элиров, или Высших, и

элайев, или Низших. Последние научились менять вещество материи, и переустраивали планеты, как им нравилось, меняя ветра, течения и климат, поднимая долины и опуская горы. Они вкапывались глубоко в землю и играли с рудами и самоцветами, найденными там, и они создали для себя новые металлы и кристаллы, подобные орихалку и адаманту, из которых сооружали себе предметы красоты. Первым из этих сокровищ был кристалл без порока, единственный своего рода самоцвет, который они поднесли обитателям звезд как доказательство совершенства, кое может существовать среди земных вещей. Многие из высших духов поколебались от этого аргумента, и иные перешли обитать в чудесный Камень и наполнили его своим лучистым присутствием. После некоторые из элиров снизошли до посещения планет и даже ступили на их поверхность в материальной форме. Но никогда они там не жили.

Когда же в мирах появились первые живые существа, некоторые архоны были недовольны этим, не желая уступать плоскость, где столько получали наслаждения. Но большинство приветствовало пришествие смертных зверей и разумных существ, опекали их и вели их к владению их царством смертных. Эти архоны, которые выбрали себе обителью планеты, а не звезды, были ближе всего к живым, и многим из них помогли дорасти до мудрости, и научили их входить на Среднее Небо и свободно перемещаться от мира к миру. Первые же существа, что поднялись к мудрости под водительством архонов, были *лоананы*. Архоны являлись им в облике драконов, учили их, убеждали покинуть варварские обычаи. Лоананы научились брать силу от золота, серебра и самоцветов и летать через Эфир к другим мирам. Потом появились единороги, или же *тарнавины*, а после них — огненные птицы. Эти три народа создали союз под эгидой архонов. Потом появились многие молодые расы, и создалась старая Империя Талмиреннии: огромное царство, соединенное эфирными порталами, и наблюдали за порталами драконы, потому что были они древнее и мудрее прочих.

Архоны также изучали семена жизни и научились менять живых существ, как меняли они облик миров: они создавали странных и неестественных зверей и людей, сфинксов, химер и херувимов. Последние, как говорят,

вступали в связь с высшими архонами, принимавшими тот же облик, и потому объявили себя истинными наследниками Империи. Элиры хотели, чтобы они охраняли Талмиреннию и присматривали за теми созданиями Силы, которых нельзя было разрушить и которые могли бы впасть в овладение смертными, что причинило бы последним вред.

Была одна планета, породившая бесчисленное разнообразие созданий, и некоторых из них архоны взяли и перенесли с собой в другие миры. Среди них были и предки человека. Как все смертные, они сперва были грубы и неотесанны, и архон Эларайния, питавшая тогда живых существ, возникших в мире, который она назвала своим, тревожилась, когда многие чуждые создания появились на соседнем мире. Но сестра ее и архон Элмера, которой принадлежал тот мир, полюбила своих приемных детей. Мера была пустынна, если не считать редких лесов и нескольких свирепых животных, и Элмера пожелала, чтобы новые существа жили у нее. Она посоветовала Эларайнии воздержаться пока от суждения и посмотреть, что из этого выйдет. И человечество в сфере Элмеры взрастало в мудрости и научилось применять орудия и создавать предметы красоты. И тогда волею архона один северный остров стал теплым и плодородным, и она поселила там людей из разных стран, которых считала мудрее и добрее прочих. Ибо, сказала она, отделив их от прочих людей их рода, она сделает из них воистину просвещенные существа, что потом послужат примером для других и научат их своей мудрости. Людей на этом острове (впоследствии названным Тринисией) она назвала элеями, детьми богов: ибо она позволила младшим духам одно время жить с ними в образе людей и учить их, и даже брать себе их в супруги и порождать потомство наполовину божественной крови. И элеи вырастали в изяществе и знании, пока сама архон Арайнии не была очарована ими. Она покинула свою сферу и поселилась на время среди них, приняв облик, им подобный. Ее собственный мир уже породил разумных существ, подобных этим, и хотя богиня все еще не терпела мереев (ибо люди в других странах Меры сохранили грубые и варварские обычаи), она создала путь через Среднее Небо между землей элеев и Арайнией, чтобы элеи могли по своему желанию

посещать ее мир. И элеи, прошедшие через Эфирную плоскость и оказавшиеся в Арайнии, были восхищены ею и пожелали там остаться. Ибо, как ни прекрасен был их остров, он и близко не мог сравниться красотой и щедростью с этим миром, лежащим ближе к солнцу, и духи отбыли тогда с Тринисии, как и хотела Элмера, но сфера Арайнии еще полна была архонов.

Эларайния снизошла к этим мольбам и сказала, что она вынесет, если небольшая популяция смертных останется в ее сфере, если они не будут причинять вреда. Но никто из мереев даже ногой сюда ступить не должен, ни даже взглянуть на эту землю иначе как в видении, ибо она не хочет видеть в своем мире представителей этой расы, столь жестокой к птицам, зверям и лесам, как показали они это в своем мире. И вскоре многие элеи радостно поселились в этой благословенной сфере с теми, кого называли своими богами. А с течением времени мереи делались мудрее и мягче под влиянием волшебного народа, и Эларайния, снова смягчившись, разрешила им посещение Арайнии, но жить там им не разрешалось по-прежнему.

Архоны также перевезли предков человечества во много других миров, и там они тоже обрели мудрость, хотя тела их приняли иные формы — они стали малийами или амазонками, вудвосами или хобами. Некоторые архоны нарочно меняли облик людей, превращая их в сильфов и ундин, кентавров и сатиров. Из зверей же, увезенных из родных миров, некоторые доросли до мудрости, стали нагами, пьюками, кицуне и другими.

В то время императором архонов был Модриан, повелитель черной звезды: он царил в виде крылатого человека над планетой Омбар, и Камень Звезд сиял у него в короне. Люди, привезенные в этот мир, изменились и превратились в причудливых уродливых созданий — из-за тяжелого климата и архонов, называемых инкубами и суккубами, которые соединялись с людьми насильно. Но Модриан, несмотря на протесты других архонов, не давал им свободы, предпочитая ради развлечения наблюдать за разворачивающейся жестокой историей. Так архоны разделились второй раз — на последователей Модриана и тех, кто отвергал его пути, и началась война.

Смертные были втянуты в битву против господства

Модриана над их мирами и над их жизнью. Драконы узнали, что Модриан разводил тварей, названных огнедраконами, на основе их собственной расы. Они были не столь мудры, как исходные драконы, и умели плеваться огнем и дымом. Лоананы разделились по вопросу о том, презирать ли этих тварей как мерзость или же принять как родичей по крови. И среди драконов тоже началась война.

Тогда Модриан призвал к себе духа звезды Азарах, одного из тех, кто служил ему, и велел ему заставить его небесную сферу пройти через кометное облако, окружающее звезду Аурию — эта звезда была солнцем Меры и Арайнии. И стало так, и другие архоны бились против него и его присных и преследовали его до верхних слоев атмосферы Меры, где их предводитель Атариэль выбил мечом Камень Звезд из диадемы Модриана. Камень упал на землю, на остров Тринисия, который Модриан планировал уничтожить.

Кода Модриан был изгнан в свою звезду и заточен там, другие архоны, глядя на развалины миров, поняли, что пришло для них время уходить из этой низшей плоскости. И только по зову смертных могли они снова войти в это царство. Они ушли обитать на Среднее Небо, оставив Низшее Небо смертным. Но они остались бдительны, ибо Модриан дал клятву вернуться и отомстить им и всем смертным, которых любили архоны.

А элеи жили на острове Тринисия и на Арайнии под защитой драконов и херувимов. Они научились строить летающие корабли и кареты, чтобы надежно переноситься через Эфир, и могли теперь искать родичей, обитающих в других мирах. Сперва они нашли детей элементалов, чьи планеты вращались вокруг их собственного солнца. Потом, научившись прокладывать дальние пути, она нашли людей, живущих среди звезд, и мудрых животных с ними. Последние умели принимать облик людей, хотя в собственных мирах сохраняли исходную форму. И наконец элеи встретили огненных птиц, тарнавинов и другие старшие расы и вступили в Небесную Империю.

Архоны же наблюдали за всем этим со Среднего Неба, но повиновались Договору, который заключили они, и вмешивались в дела смертных только, когда их звали.

Однако пролет Азараха сбил с орбиты множество

комет, которые все еще неслись к планетам Аурии, и отклонить их можно было лишь мощным волшебством. Странствующие элеи могли это выполнить с помощью лоананов и херувимов, но огнедраконы и гоблины Азара дрались с ними в пустоте, и многие кометы миновали их сети. Гоблины также ловили летающие корабли элеев и научились управлять ими. В последовавших битвах и великом опустошении многие планеты остались лежать выжженными, великие волшебники элеев резко убыли в числе и Арайния потеряла почти все свои знания, на Мере люди стали бояться и ненавидеть любое волшебство, видя в нем вину Великой Катастрофы. Эфирные порталы закрылись, и никто не знал, как их теперь открыть. Мереи, навещавшие мир Эларайнии, не могли вернуться, а немногие элеи, оставшиеся на Мере, навеки оказались отрезанными от своего рода на Арайнии, их раса сократилась численно и затем вымерла.

Среди старших рас было договорено, что сейчас они не будут вмешиваться, а подождут исполнения одного древнего пророчества: взаимодействия с людьми не будет, пока не возникнет вождь, который будет и человеком, и архоном. Этот предсказанный наследник древней Империи будет оберегать ее от возвращения Модриана, ради защиты ее владея Камнем, который был величайшим сокровищем архонов и домом для их высших родичей.

Документ 2

О наших родичах в других мирах

…я счастлив сообщить Вашему Величеству, что наше посольство было хорошо принято в Тринисии и, помимо оказанного гостеприимства, элеи выразили желание информировать нас о своей расе и о своих собратьях, обитающих среди звезд. В данный момент проверены все отчеты, привлекшие наше внимание, относительно надлунного царства, известного как Небесная Империя, и о путях, ведущих через него. Волшебный народ овладел искусством путешествия в небесах по этим эфирным дорогам и создал колонии на небесных телах — подобно тому, как наше королевство создает колонии на дальних островах. Действительно, в этой сфере Арайнии живут элеи, как Вашему Величеству докладывали, ибо звезда эта не из огня состоит, как неподвижные звезды на небесной сфере, но является миром, подобным нашему, где есть и земля, и воздух, и вода. Яркий же свет его, как и у луны, вызван всего лишь отражением солнечных лучей. Поскольку я заговорил о луне, то должен добавить, что таковая тоже является миром, и тоже заселена элеями. Там все намного легче, и железный прут весит как соломина, население луны шьет себе плащи из перьев, на которых летают по воздуху. При сем прилагаю сильную подзорную трубу, через которую ваше величество благоволит наблюсти леса и озера Нумии.

Элей также ведут оживленную торговлю с расами людей и человекоподобных созданий, обитающих в далеких мирах. В отношении последнего вашему величеству будет интересно узнать, что не все они неизвестны у нас на земле: некоторые фигурируют в нашей мифологии и в волшебных сказках иных народов Меры, очевидно, из-за памяти о встречах с таковыми существами; либо же поэты, создавшие их, имели божественные видения. Ниже прилагается краткое описание всех этих рас из иных миров.

Хобгоблины

Хобгоблинов, или **хобов**, существует несколько разновидностей, и их не следует путать с более

опасными гоблинами, с которыми у них нет близкого родства. **Боггарты** имеют небольшой размер, темные и мохнатые, с рудиментарным хвостом, они игривы и склонны к озорству. Меньшие по размеру и более хрупкого сложения **пикси** также игривы и от природы капризны. **Фенодайры** крупнее (хотя меньше человека), коренасты и обладают огромными носами. Вопреки гротескной внешности, они создания работящие и добродушные. Все хобгоблины живут в подземных обиталищах, называемых ими «хоб-норами».

Ундины, или же **Морские Девы**, либо **Русалки**

Эти существа являются потомками людей и архонов, также называемых ундинами, на водной планете Таландрия, видимой из нашего мира как звезда. Подобно божественным своим предкам, этот народ обладает рыбьими хвостами вместо ног и обитает в глубинах океана.

Гномы, или же **Кобольды**

Дети планеты Валдис (а также архонов Земли, также известных под именем кобольдов) обладают необычайно низким ростом, что объясняется повышенной силой тяжести в их родном мире. Однако они сильны, выносливы и проживают долгую жизнь. Благодаря негостеприимным условиям на поверхности планеты они много времени проводят под землей, в естественных пещерах и подземных обиталищах, выдолбленных ими для себя в цельном камне. Они любят драгоценные камни, золото и серебро, а также все богатства земли, из которых делают изящные украшения для своих повелителей.

Сильфы

Это изящная воздушная раса с лунных миров Йанты, происходящая от союзов между архонами с тем же названием и людьми. Они похожи внешне на своих предков-архонов хрупким телосложением, малым весом и наличием прозрачных крыльев. Они талантливые чародеи и могут перелетать между небесными телами через Среднее Небо, а также подниматься в верхние слои атмосферы Йанты и кататься на тамошних ветрах.

Дриады

Древесная раса из дальнего лесистого мира, происходят от архонов, известных под названием **гамадриады**, которые, как считается, имеют сродство с деревьями. У них наблюдается любопытная эмпатия со

всеми зелеными растениями и вообще всем, что растет. Живут они в домах, сформированных из живых деревьев, поскольку они не обрабатывают древесину и берут ее только из деревьев, рухнувших от ветра или в силу преклонного возраста.

Сатиры и **Лесные Нимфы**

Эта странная раса также утверждает, что происходит от архонов. Женщины очень красивы, но мужчины все рождаются с козлиными ногами и с рогами на голове. Они зовут своих предков «богами», а себя — «полубогами». Вероятнее всего, происходят от архонов, известных как **ореады**, обитающих в горах и лесах. Как мужчины, так и женщины славятся своей любовью к танцам и музыке.

Кентавры

Еще одна любопытная раса, выведенная вмешательством архонов в самое вещество жизни. Тела кентавров соединяют в себе черты лошади и человека. Они не говорят о своем божественном происхождении, но все же гордятся тем, что имеют отношение к архонам. С нашим народом они общаются мало, но не потому, что презирают наше общество, а потому что их своеобразная форма затрудняет им вход в жилище человека или другие здания.

Гарпии

Единственное, что в теле гарпии есть от человека — это голова. Оперенные тела этих созданий куда более близки к птицам. Потомство вылупляется из яиц, срок жизни особи около ста лет. Кроме этого о них мало что известно, ибо их пугающая природа не располагает к дальнейшему изучению.

Сфинксы

Наиболее странная раса из всех перечисленных, сфинксы представляют собой сочетание не двух, но трех животных. Как и у гарпий, человеческой является только голова. Тело львиное, но украшенное оперенными крыльями птицы. Сфинксы — раса крайне древняя — была создана, как считается, архонами более ста тысяч лет тому назад. Они предпочитают теплый климат и обладают высокой культурой, в которой много места уделяется играм в загадки.

Циклопы, или **Аримаспы**

Неизвестно, выведена эта раса намеренно или же развивалась сама по себе. В любом случае трудно

увидеть преимущество в наличии одного глаза вместо двух, хотя единственный глаз у циклопа весьма острый и дальнозоркий. Они живут простым пасторальным обществом, но крайне охочи до золота и серебра — пристрастие, которое доставило им множество неприятностей с расой херувимов, поскольку множество заколдованных сокровищ архонов создано из этих материалов.

Андрогины

Наиболее одинокая раса, представители которой не являются ни самцами, ни самками, но обладают свойствами тех и других. Каким образом у них два пола слились, а не остались разделенными, как у нас, неизвестно: их история об этом не говорит, а они отвечают, что так всегда было.

Пигмеи

Я уже писал о расе гномов, представители которой ростом лишь нам до пояса, но пигмеи еще меньше. Они едва ли выше двух футов ростом, и нас считают великанами. Живут они в пещерах или же в глинобитных хижинах, которые украшают раковинами и перьями, и ездят на козах, как на лошадях. Им трудно защищать посевы от диких журавлей, живущих с ними на одной планете, и эти журавли кажутся им крылатыми чудовищами.

Амазонки

Раса амазонок — одна из немногих, не испытавших вмешательства архонов, но развившаяся сама по себе. Помещенные в незапамятные времена в мир теплых джунглей, они сперва проявляли воинственный темперамент и тысячелетиями вели кровопролитные войны. Наконец одно племя восстало против остальных, и женщины этого племени объединились, чтобы защитить своих детей от ужасов войны, для чего овладели боевыми искусствами. Армия женщин разбила все остальные и стала господствовать на планете. С тех пор женщины у этого народа стали выше и сильнее мужчин и проявляют глубокое недоверие ко всем встреченным ими расам.

Вудвосы

Вудвосы, или **дикие люди**, происходят от дальних предков, помещенных архонами на холодную и густо поросшую лесом планету. Чтобы остаться в живых, людям пришлось отрастить себе мохнатые шкуры, во

всем остальном оставшись людьми. Они ведут себя как дикари, пищу предпочитают сырой и спят вне помещений, но вполне готовы приспособить свое поведение к той компании, в которой находятся, даже могут согласиться носить предметы одежды, которых требует скромность.

Демонское семя

Создания, которых называют **«демонским семенем»** или **моругеями**, состоит из четырех отдельных групп — все жестокие по натуре и неотесанные в поведении. **Антропофаги**, названные так из-за своих каннибальских наклонностей, также состоят из нескольких рас: *многоглазые, одноногие, бородатоногие* (*струтоподы*).

Киноцефалы обладают собачьими головами и весьма тупы — их выводили для повиновения и верности.

Далее имеются **гоблины**, каждый представитель которых безобразен по-своему, и лишь с трудом можно в нем признать человека с сильно изуродованными чертами; огромные, грубые и медленно соображающие **тролли**, тех же размеров, но более хитрые и сообразительные **огры**. Рассказывают, что в мире, откуда пришли демонские потомки и где всегда царит ночь, живут еще более страшные твари: **гули** и **вампиры**, питающиеся соответственно мертвечиной и живой кровью. Но не известно, существуют ли они на самом деле или же это просто миф, в который верят потомки демонов.

Документ 3

О семи царствах Меры

Тринисия

Народы Маурайнии издавна знали о существовании расы, обитающей на дальнем севере, называемой по-разному: **элеи**, **волшебный народ** или же **гипербореи**. Впервые они появились в мифах и легендах северных племен, где говорилось, что они ведут идиллическую жизнь в островном раю, недоступном для окружающего холода, и живут они больше ста пятидесяти лет. Говорили, что их пасторальная жизнь легка, что у них всего один город, построенный на вершине горы Элендор. Мифы сообщали, что языку, как и многим искусствам, они научились от своих богов, которые были также и их предками. Они верили в зачарованное царство в Небесах, отличающееся от Небес других религий в том, что, по их верованиям, они могут взойти туда еще живыми, и у них даже есть родичи, живущие среди звезд.

Первыми из **мереев** (то есть не-элеев) установили с ними контакт племена Риалана. Осколки элейской керамики и элейские украшения находили при раскопках в мерзлоте севера этой страны. Но сперва они были прогнаны туземцами и постоянных селений не основывали. Некоторые были захвачены воинами и сделаны рабами или наложницами: многие риаланцы ведут свою родословную от элеев и приписывают этому наследию свое хорошо известное умение предсказывать и ясновидение. В более поздние времена элеи вернулись, продвинулись до побережья Маурайнии и основали селения на необитаемой тогда прибрежной гряде. Со временем они установили с туземцами дружеские отношения и завели с ними торговлю. Точно так же они поступили в самой северной стране Шуркане в Антиподах.

В последние дни третьего тысячелетия они вели войну с зимбурийцами, как предполагается, из-за похищения священного самоцвета из своего главного храма. Это была первая война, которую они вели: до того

они участвовали лишь в мелких стычках с неизвестной и, возможно, мифической расой, называемой **моругеями** (их описывают как отвратительных и уродливых отпрысков демонов). Они потребовали помощи от короля-воина Маурайнии, которого они также описывают как отродье демонов. Война тянулась более трех лет, но наконец враг сдался и попросил мира. Но цивилизация элеев пережила Зимбуру ненадолго; прошло меньше ста лет после победы до Великой Катастрофы 2497 г. н. э., который положил быстрый конец их господству в Содружестве. Эта раса с тех пор растворилась среди других и вымерла, оставив после себя только развалины, реликвии и мертвый язык **эленси**. Родина элеев Тринисия так и не была найдена, отчего многие ученые задаются вопросом, существовала ли она вообще.

Западный континент

Наш великий континент составляет триада стран, родина трех различных народов: **Риалан** на севере, наше собственное королевство **Маурайния** и **Маракор** на юге. Все эти страны были когда-то лоскутным одеялом мелких воюющих царств до своего объединения около трех тысяч лет тому назад. Мениат Великий, первый король Маурайнии, в тридцатилетней кампании завоевал и объединил племена равнин и гор, привел под свою руку и правил ими из своего королевства на востоке. Южное королевство Маракор было создано как союз перед лицом угрозы объединенной Маурайнии. Риаланцы также не были завоеваны, утверждая, что их баснословная ярость сохранила им независимость, хотя говорилось, что Мениат просто не захотел покорять эти холодные негостеприимные земли. Не стал он также завоевывать элейский поселок на западном побережье за грядой, который сохранил независимость. Считается, что горы оказались слишком серьезным препятствием для его армий и что его люди относились с суеверным страхом к «детям богов», обитавшим меж этими высокими вершинами над восточной равниной. Вместо войны произошел обмен посольствами, и на все следующее столетие установился мир. Примерно в это время маурийский пророк Орендил основал свою Единую Веру, и Мениат принял новую религию, заставив обратиться в нее и своих подданных. Его мотивы здесь

вполне могли быть более политическими, чем духовными: он не мог не видеть, что единая господствующая вера с единым божеством — еще одно средство объединить разрозненные племена. Элеи сохранили свою старую традицию, но продолжали жить в гармонии с маурийцами — просто боги элеев стали считаться «ангелами», а бога Единой Веры Аана элеи добавили в свой пантеон.

Через шесть веков возникла новая угроза — Валивар Девятый Зимбурийский послал свой флот в набеги против континента. Три королевства заключили союз, и элейские поселки на западном берегу и на гряде вошли в состав Маурайнии. Говорят, что были посланы также эмиссары элеям Тринисии и предложили основать новое Содружество наций. **Кааанцы** архипелагов, также опасающиеся зимбурийцев, попросили о приеме в Содружество; с той же просьбой обратились государства-антиподы **Шуркана** и **Мохар**. Валивару наследовал еще более воинственный царь Гуруша, и только что коронованный король Маурайнии Браннар Андарион решил встретить врага на его территории. Уже тогда ходили легенды, что Андарион — сын смертной женщины и мужчины волшебного народа, и это ставило его наравне с «полубожественными» элеями. Несомненно, что Андарион поощрял распускание этого слуха. Он повел свою и элейскую армии через море прямо в Зимбуру, где в единоборстве сразил Гурушу, устранив зимбурийскую угрозу. Решение взять в королевы женщину из антиподов было, возможно, продиктовано желанием установить отношения с народами Восточного континента, хотя союз этот привел к катастрофе, и один из сыновей его восстал против отца и был убит при осаде замка самого Андариона. О кончине самого Браннара Андариона известно мало: его гробницы в Маурайнии нет, и потому следует предположить, что он умер на чужбине. (Создатели мифов объявили, что могилы его нет просто потому, что он вообще не умер, но был допущен в Волшебное Царство живым, где обретается и по сей день. Некоторые еще добавляют, что когда-нибудь он вернется, но день этот пока скрыт.)

Говорится, что после Катастрофы Маурайния впала в хаос, потому что осталась без своего духовного центра — Тринисии. Как бы там ни было, но король не оставил

наследников, и патриархам Веры пришлось в начале Темных Веков установить теократию до тех пор, пока не будет найден истинный наследник. Маракор и Риалан, забыв все договоры, воспользовались хаосом у соседей и стали совершать набеги на территорию Маурайнии, которую некому было защищать. Казалось, что неизбежен откат к варварству прежних веков, но теократы возвели на трон короля Харрона Первого, положив конец междуцарствию. Новый король, следуя примеру своего кумира Мениата Первого, вновь объединил Маурайнию и прогнал маракитов за прежние границы. Его наследник, Харрон Второй, заключил новые договоры с Риаланом и Маракором и объявил создание второго Содружества, охватывающего весь Западный континент и несколько колоний на островах, основанных Маурайнией. Темные Века закончились.

Архипелаги и **Антиподы**

История Восточного континента омрачена почти постоянной враждой, которая восходит к доисторическим эпохам. Несколько раз на континенте бывало не менее четырех империй, каждая из которых боролась за господство с другими.

Старейшая из них — это **Мохара** на юге, где возникли первые города в речных дельтах западного побережья. Дальнейшая история пестрит племенными войнами, из-за которых люди в конце концов покинули города-государства и вернулись к натуральному хозяйству своих праотцов.

Далее возникла империя **Каан**. Она просуществовала тысячу лет, доминируя на континенте не только военной силой, но и искусством, музыкой, поэзией, философией. Кааанцы первыми стали плавать по морю и объявили множество архипелагов своей территорией. Но и Каан тоже испытал упадок — может быть, из-за слишком сильной экспансии, а тем временем на севере росло и крепло царство **Шуркана** (название восходит к кааанскому «шур Каана», что означает *«за Кааном».* Шурканийцы тоже были мудрым и древним народом, и их растущая империя могла когда-нибудь править Антиподами, но новый соперник бросил вызов их могуществу.

Зимбурийцы явились из суровых степей южного полуострова — земель, куда мохарцы забредали редко.

Закаленные и воинственные, бледнокожие, обладающие силой духа, которая позволяет выдерживать жгучие морозы и жизнь впроголодь, южные племена прогнали народ **догода**, с которым делили равнины, на самый край полуострова и едва не уничтожили. Потом они направили натиск на север, ища плодородные земли с более мягким климатом, но были плохо встречены мохарцами — тем не понравилась религия зимбурийцев, требующая человеческих жертвоприношений. Этот обычай был омерзителен всем прочим антиподам, и все они шарахались от зимбурийцев и не приняли их в Содружество. В отмщение за это (по крайней мере, так утверждается) царь Гуруша организовал похищение священного самоцвета из Высокого храма Тринисии. Но даже не будь этого повода, войны между Зимбурой и Содружеством вряд ли удалось бы избежать. Поражение от Андариона и разразившийся после Катастрофы хаос оставил царство в руинах. Но зимбурийцы с их свирепой стойкостью первыми оправились от катаклизма и бросились завоевывать и разорять мохарские земли, чтобы потом обрушиться на прогнившую Каанскую империю. Уцелевшие кааанцы спаслись морским путем и вновь основали колонии на архипелагах, ставшие островной империей и процветавшей под эгидой старого Содружества.

Глоссарий внеземных терминов

Азар, эленсийское *азар*, «смятение». Название планеты карликовой звезды Азарах *(см. ниже)*.

Азарах, эленсийское *азар* + *рах*, «несущий(ая) смятение». Название небольшой тусклой звезды, захваченной гравитационным полем системы Аурии. *См. «Глоссарий земных терминов»:* **Катастрофа**.

Аккар: (мохарское). Бог земли, супруг Найи, богини Неба.

Ана (эленсийское). Ведунья и наставница Трины Лиа. *См.* **Элиана**.

Андарион, эленсийское *аан* + *дарион*, «предводитель рыцарей». Титул, данный королю Маурайнии эпохи Золотого Века Браннару.

Арайния, эленсийское *ар* + *айн-ия*, «родина/сфера света». Вторая планета системы Аурии.

Ардана, эленсийское *ард* + *аана*, «Госпожа-лес». Лес в южной Элдимии, у элеев посвященный богине Эларайнии.

Аркурион, эленсийское *ар-кури* + *он*, «светлый факелоносец». Первая планета системы Аурии.

Аурия, эленсийское *аур* + *иа*, «место/сфера света». Элейское название солнца.

Аурон, эленсийское *аур* + *он*, «сосуд жизни». Имперский лоанан, друг и защитник Трины Лиа.

Вакунга, мохарское. Шаман последних свободных племен мохарцев.

Валдис, эленсийское *вал* + *дис*, «обитель тьмы». Пятая планета в системе Аурии.

Валдур, эленсийское *вал* + *дур*, «темный» или «носитель тьмы». Имя, данное богу Модриану после его падения. Впоследствии зимбурийские жрецы присвоили это имя своему верховному божеству.

Валеи, эленсийское *вал* + *еи*, «дети тьмы». Почитатели Модриана-Валдура.

Вартара, элейское *вар* + *тар-а*, «пасть червя». Черная звезда в Энтаре, созвездии Модриана-Валдура. Называется также «Пасть Ада». *См.* **Энтар**.

Дамион: от эленсийского *дай* + *мион*, «желанный гонец». Священнослужитель Веры, спутник Трины Лиа.

Заим, мохарское. Согласно мохарской легенде, назначенный высшими силами спаситель, который в свое время освободит мохарцев из рабства.

Зимбура, зимбурийское. Страна на Антиподах на Мере.

Ингард, эленсийское. Знаменитый рыцарь и друг короля Андариона.

Йегоси, зимбурийское. Главный евнух во дворце Халазара.

Йомар, мохарское. Один из спутников Трины Лиа, воин со смешанной мохарской и зимбурийской кровью.

Кааны, обитатели Каанских архипелагов на Мере.

Киран Йарисс, зимбурийское. Зимбуриец, союзник Займа.

Лиамар, эленсийское *лиа + мар*, «звездный город». Священный город на вершине Элендора в Тринисии.

Лоанан, эленсийское *ло + ан + аан*, «повелитель ветра (и) воды». **См. Дракон в «Глоссарии земных терминов».**

Лоананмар, эленсийское *лоанан + мар*, «город драконов». Самый большой город на планете Немора.

Лоанеи, эленсийское *ло + ан + ей*, «дети ветра и воды». Раса существ, произошедших от союзов между людьми и принявшими людской облик лоананами.

Лорелин, эленсийское *лора + эл-лин*, «дочь священного неба». Одаренная немерейка и подруга Трины Лиа.

Лотара, эленсийское *лот + тар + а*, «хвост червя». Звезда в Энтаре, созвездии Модриана-Валдура. Звезда-спутник Вартары, «черной звезды». *См.* **Энтар**.

Маракор, маракитское. Страна к югу от Маурайнии на Мере.

Маурайния, эленсийское *маур + айн + иа*, «родина (племени) маур». Главная страна на западном континенте.

Мелдрамирия, эленсийское *мелдра + мирия*, «трон луны». Трон Трины Лиа в Элдимии.

Мелдриан, эленсийское *мелдри + аан*, «властелин тронов». Древняя планета, столица Небесной Империи со времен архонов.

Мелнемерон, эленсийское *мел + не + Мера + он*, «хранилище преданий Не-мира (Эфира)». Место на Арайнии, где собираются немереи обмениваться знанием.

Мера — эленсийское слово, означающее «земля» или «почва». Обитатели третьей планеты системы Аурии называют так свой мир.

Мераалия, эленсийское *мера-ал + лиа*, «камень звезд».

Мирамар, эленсийское *мир + мар*, «лучезарный город». Столица Элдимии.

Мирия, эленсийское *мири + а*, буквально «лучистая». Элейское название луны планеты Арайния.

Модриан. Эленсийское имя для божества, предводителя небесных богов (подчиненного, однако, верховному божеству Высших Небес). По легенде, он восстал и был повергнут другими богами Земли и Неба, заключившими его в Пропасть Погибели. *См.* **Валдур**.

Модриане, эленсийское. Название небольшой секты в Маурайнии, где почитали Модриана-Валдура и ждали его возвращения. Адепты этого культа верили, что мир — злобное наваждение, созданное другими богами, и Валдур его разрушит, освободив человечество.

Мориана, эленсийское *мори* + *аана*, «госпожа/хозяйка ночи». Титул, данный божеству луны Меры, также имя королевы Браннара Андариона.

Морлин, эленсийское *мор* + *лин*, «ночное небо». Сын короля Андариона и королевы Морианы.

Моругеи, эленсийское *моруга* + *еи*, «дети ночных призраков», они же отродье демонов. Мутантные гуманоиды, почитающие Валдура. Считается, что эти создания — неудачные порождения истинных людей и злых инкубов. Это название охватывает множество рас, из которых я называю здесь антропофагов, троллей, огров и гоблинов. Первые три подвида размножаются «правильно», передавая свои свойства последующим поколениям, но среди гоблинов не найти двух одинаковых индивидов, и даже отпрыски не похожи на родителей. Однако интеллект у гоблинов выше, чем у других подвидов, и они намного искуснее в чародействе.

Мохар, мохарское. Страна к югу от Зимбуры, в настоящее время — оккупированная территория.

Мохарцы, мохарское. Народ на юге Антиподов.

Найа, мохарское. Богиня неба в мохарской мифологии.

Немереи, эленсийское не-*Мера* + *еи*, «дети Не-мира». («Не-мир» — буквальный перевод названия нематериального измерения, здесь упоминаемого как Эфир.) Существа, способные общаться с помощью лишь своих разумов, а также обладающие иными экстрасенсорными способностями.

Немора, лоанейско-элейское. Мир, когда-то населенный лоанеями, теперь там живут люди.

Нумия, эленсийское. Элейское название луны Меры.

Омбар, эленсийское. Главный мир звездного государства, известного как Созвездие Червя (Энтар), которым в древние времена правил Модриан-Валдур. Орбита Омбара проходит так близко к его солнцу, Утаре, что он подвержен «приливной фиксации»: планета все время обращена к солнцу одной стороной, а другая вечно в темноте. В результате на Омбаре создались две зоны: вечно жаркие и пустынные Дневные Земли и царство вечного холода и темноты — Ночные Земли. Между этими двумя зонами лежит узкая полоска сумерек, и там обитают почти все живые существа планеты.

Орбион, эленсийское. Имя небесного императора.

Риалан, эленсийское *риала + айн*, «родина (племени) риала». Страна к северу от Маурайнии.

Синдра, эленсийское. Немерейка смешанной элейско-мерейской крови, предавшая Трину Лиа.

Талира, т'кирийское. Друг и страж Трины Лиа (буква «р» в имени произносится как среднее между «р» и «л»).

Талмиренния, эленсийское *тал + мир + ен + иа*, дословно — «место средоточия высокой власти». Элейское название Небесной Империи.

Танатон, от элейского *тана + тон*, «поедатель деревьев». Крупный ящер, обитающий на Неморе. Есть основания считать, что эти гигантские рептилии не зародились на планете, а произошли от завроподов нашего юрского периода, завезенных на планету архонами.

Тарнавин, эленсийское *тар-на + вин*, «белый враг змей». Единорог.

Твиджик: амфисбена с Неморы.

Темендри Альфаран: мир, колонизированный лоананами, где обитают и встречаются многие расы.

Тирон, эленсийское *тир + он*, «носитель благословения» или просто «благословенный». Имя отца Трины Лиа.

Т'кири. Раса птиц, называемых среди людей «жар-птицами» за яркое светящееся оперение.

Трина Лиа: эленсийское *трина + лиа-а*, «принцесса звезд». Предсказанная пророчеством владычица, ожидаемая элеями, дочь планетарного божества Эларайнии.

Тринель, эленсийское *трин + эль*, «царственная и божественная». Титул Трины Лиа.

Тринисия, эленсийское *трине + ис + иа*, «царственная возлюбленная земля». Страна элеев на Мере, покинутая после Великой Катастрофы.

Тринолоанан, эленсийское *трино + лоанан*, «царь/правитель драконов». Самец, предводитель лоананов.

Утара, эленсийское *ут + тар-а*, «глаз червя». Красная звезда в Энтаре, созвездии Модриана-Валдура. *См.* **Энтар**.

Фалаар: херувим, страж Трины Лиа. Имя передано фонетически приблизительно и означает «Солнечный охотник».

Халазар, зимбурийское *хал* + эленсийское *азар*, «рожденный под Азаром». Имя царя Зимбуры в дни Эйлии. (В тех западных языках, где нет звука «х», это имя произносится «Калазар»).

Халмирион, эленсийское *хал + Мирия + он*, «замок-луноносец». Дворец Трины Лиа в Элдимии.

Хиелантия, эленсийское *хиел + ланта + иа*, «облачная страна, принадлежащая богам». Страна в Арайнии, где якобы

обитали низшие боги.

Эйлия (эленсийское *эй + лиа*, «путеводная звезда»). Девушка-островитянка, на Мере примкнувшая к экспедиции, ищущей Камень Звезд. Впоследствии оказалась Триной Лиа.

Элайи, эленсийское *эл + лайи*, «низшие боги».

Эларайния, эленсийское *эл + Арайния*. Имя богини планеты Арайния, она же мать Трины Лиа.

Элдимия, от эленсийского *эл + дими + иа*, «прекрасная страна богов». Страна в Арайнии, куда бежали элеи после Великой Катастрофы.

Элеи, эленсийское *эл + еи*, «дети богов». Древняя раса, на Мере более не существующая. Элеи обладали особыми способностями разума, которые среди них считались результатом божественного происхождения.

Элендор, эленсийское *эл + эндор*, «святая гора». Почитающаяся священной гора в Тринисии, на вершине которой был построен святой город Лиамар.

Эленси: язык элеев. От эленсийского *эл + энси*, «святой язык» или «язык богов».

Элиана, эленсийское *эл-и + аана*, «повелительница воинства духов» или «королева фей». Королева Тринисии в Золотом Веке.

Элиры, эленсийское *эл + лира*, «высшие боги».

Элмир: эленсийское *эл + мир*, «мощь духа». Концепция Духа, в элейском изобразительном искусстве представляемая в виде птицы.

Элмирия, эленсийское *эл + мириа*. Имя, данное Трине Лиа при рождении.

Энтар, эленсийское *эн + тар*, «великий червь». Древняя звездная империя Модрина-Валдура, известная человечеству как Созвездие Червя, в астрономических иллюстрациях представленное в виде дракона, пожирающего свой хвост. Красная звезда Утара соответствует глазу дракона, синя звезда Лотара — его хвосту, а Вартара, черная дыра, вторая звезда в двойной системе с Лотарой, определяет пасть. *См.* **Вартара**, **Лотара**, **Утара**.

Глоссарий земных терминов

Приводимые ниже слова взяты из наших земных мифов, языков и культур. Я использовала их для обозначения параллельных понятий, найденных в мирах и культурах, которые здесь описаны.

Аватар: термин, взятый из индуистской традиции, здесь означает либо физическое проявление бога, либо его явление в виде смертного существа таким образом, что можно говорить о представлении божественной сущности в буквальном смысле.

Алерион: пернатое летающее существо с Темендри Альфарана, похоже на орла, но без ног и с широкой пастью вместо клюва.

Аликорн: рог единорога. Считается, что он содержит в основании драгоценный камень и обладает чудотворными лечебными свойствами.

Амфисбена: название двухголовой змеи средневековых мифов, здесь использовано для обозначения животного с Неморы.

Амброзия: у элеев был эликсир, данный им, как гласит предание, богами, который добывался из плода, именуемого «пищей богов». Говорилось, что он усиливает латентные способности немереев.

Антропофаги: деформированные люди, одна из рас **моругеев**. Это имя (дословно «пожиратели людей») присвоено расе, очень похожей на описанную в средневековой европейской мифологии.

Аспидохелон: китоподобное создание из нашей мифологии. Иногда моряки по ошибке принимают его за остров. Если они у него на спине разводят костер, животное погружается в воду и топит их. Похоже, что в основе этого мифа лежат сведения о существующем животном с планеты Немора, хотя как об этом узнали наши сказители, остается загадкой.

Василиск: небольшая многоногая рептилия с Неморы, обладающая ядовитым дыханием. Иногда василиска путают с другим созданием из того же мира, **кокатриксом**, потому что у обоих пасть в виде клюва и чешуйчатый гребень, напоминающий петушиный.

Венудор: драгоценный камень, светящийся собственным внутренним светом.

Виверн: двуногая летающая рептилия с Неморы. Хотя виверны несколько похожи на драконов, они меньше и не обладают разумом. Виверны достаточно крупны, чтобы нести на себе человека, но приручаются с трудом.

Гломерия: иллюзия, которую феи умеют наводить на

смертных. Наводить иллюзии умеют и некоторые волшебники из людей.

Демон: элайя, дух, тесно привязанный к материальной плоскости. Здесь это слово иногда используется в классическом смысле: «деймон» греческой мифологии — сверхъестественное, но не обязательно злобно настроенное создание, что в корне отличается от современного понимания демона.

Дракон: наиболее древняя разумная раса в известной вселенной. Драконы, или лоананы, являются гигантскими ящерами, ни в малейшей степени не похожими на чудовищ западного мифа; они скорее ближе к китайским драконам «лунь» — это в высшей степени мудрые, почти богоподобные создания, благие по природе (за некоторыми исключениями). Они способны менять облик, умеют использовать силу стихий и могут жить тысячу лет и более. Пришли они из той области галактики, которую меранцы знают как созвездие Дракона, и они путешествуют между звездами, используя гиперпространственное измерение, известное как Эфирная плоскость.

Драконтий: согласно народным поверьям, магический камень или самоцвет, находящийся в голове у дракона. Действительно, в черепе лоананов есть некая кристаллическая субстанция, которая, как утверждается, усиливает экстрасенсорные способности животного.

Древо жизни: древо пищи богов, символическое представление вселенной в виде дерева.

Ипотрилл: в геральдике — зверь с телом верблюда, головой кабана и хвостом змеи. Может быть, прототипом его является арайнийский зверь, название которого здесь использовано.

Квинтэссенция: «пятая стихия» древней меранской космологии; субстанция, высшая по отношению к четырем материальным стихиям — земле, огню, воде и воздуху. Небесные тела и божественные существа считались состоящими из квинтэссенции. Наиболее вероятно происхождение этого понятия от элейской концепции **элотана**, лучше всего передаваемой термином «чистая энергия».

Кобольды: *см.* **Элементалы**.

Катастрофа: название великого катаклизма 2497 года. Примерно за десять тысяч лет до того небольшая блуждающая звезда Азарах, вероятно, коричневый карлик, вошла в солнечную систему Меры и была захвачена гравитационным полем солнца. Проходя через кометное облако, она обрушила на внутренние планеты дождь комет. Эта бомбардировка продолжалась спорадически лет тысячу. По описаниям Катастрофы на Мере — «падающие с неба звезды», землетрясения, извержения вулканов,

пылевые облака (отсюда название «Темные Века»), — можно заключить, что с планетой столкнулось одно или несколько разлетевшихся на осколки кометных ядер. Следы на луне и других планетах тоже согласуются с предположением о кометной бомбардировке. Это отражено и в мифах, в которых бог Модриан-Валдур послал своего подручного Азараха разрушить мир: все такие высшие духи ассоциировались со звездами. Азарах привел с собой и одну планету — зловещий Азар элейских преданий.

Мандрагор: приблизительный перевод маурийского имени Яргат, «человек-дракон».

Небесная Империя: царство архонов. Созвездия в ночном небе Меры считались странами этих дивных существ, звездными государствами, где они обитали. Более поздняя мифология Темных Веков описывала эту Звездную Империю как мистическую страну в небесах.

Орк: морское пресмыкающееся с Неморы, с обтекаемым, почти китообразным телом, с ластами и с длинной пастью, полной острых зубов.

Орнитоптер: дословно «птичье крыло», термин для любого аппарата, который летает с помощью машущих крыльев, подобно птице. В нашем мире такие аппараты больших размеров на практике невозможны, но летающие корабли элеев держатся в воздухе отчасти с помощью магии.

Саламандры: создания, живущие на Аркурионе, мире огня (не путать с нашими мелкими амфибиями того же названия). Их чешуя, а также шелк и шерсть, ими продуцируемые, выдерживают самое свирепое пламя.

Сивиллы: пророчицы, святые старой элейской религии, которые, как считалось, общались с богами и получали от них видения будущего.

Сильфы: *см.* **Элементалы**.

Ундины: *см.* **Элементалы**.

Херувимы: грифоны, крылатые создания, служащие силам небесным верховыми животными и стражами. Слово «херувим» восходит к древнееврейской мифологии и использовалось для обозначения божественных созданий, имеющих вид грифонов (не путать с более поздней версией эпохи Возрождения — крылатыми купидонами).

Эйдолон: в Эфирной плоскости — иллюзорное «тело» духовного существа, которое позволяет последнему взаимодействовать с другими такими же телами; кроме того, любая сущность в Эфирной плоскости, напоминающая что-либо материальное.

Элементал: дух-элайя, которого влечет материальная стихия:

вода, огонь, воздух или земля, а также миры, изобилующие этой стихией. В системе Аурии элайи приняли человекоподобные формы и передали их своим отпрыскам-полулюдям, которые получили имена своих божественных предков: **ундины** (морской народ) на Таландрии, **кобольды** (гномы) на Валдисе, **сильфы** на Йанте. На Аркурионе люди жить не могут, и потому элементалы там скрестились с местными созданиями, известными под названием саламандр.

Эфир: измерение чистой энергии, находящееся вне материальной плоскости или «над» ней.

notes

Примечания

1

Перевод М. Вайнштейна.

2

Перевод А. Розентретер.